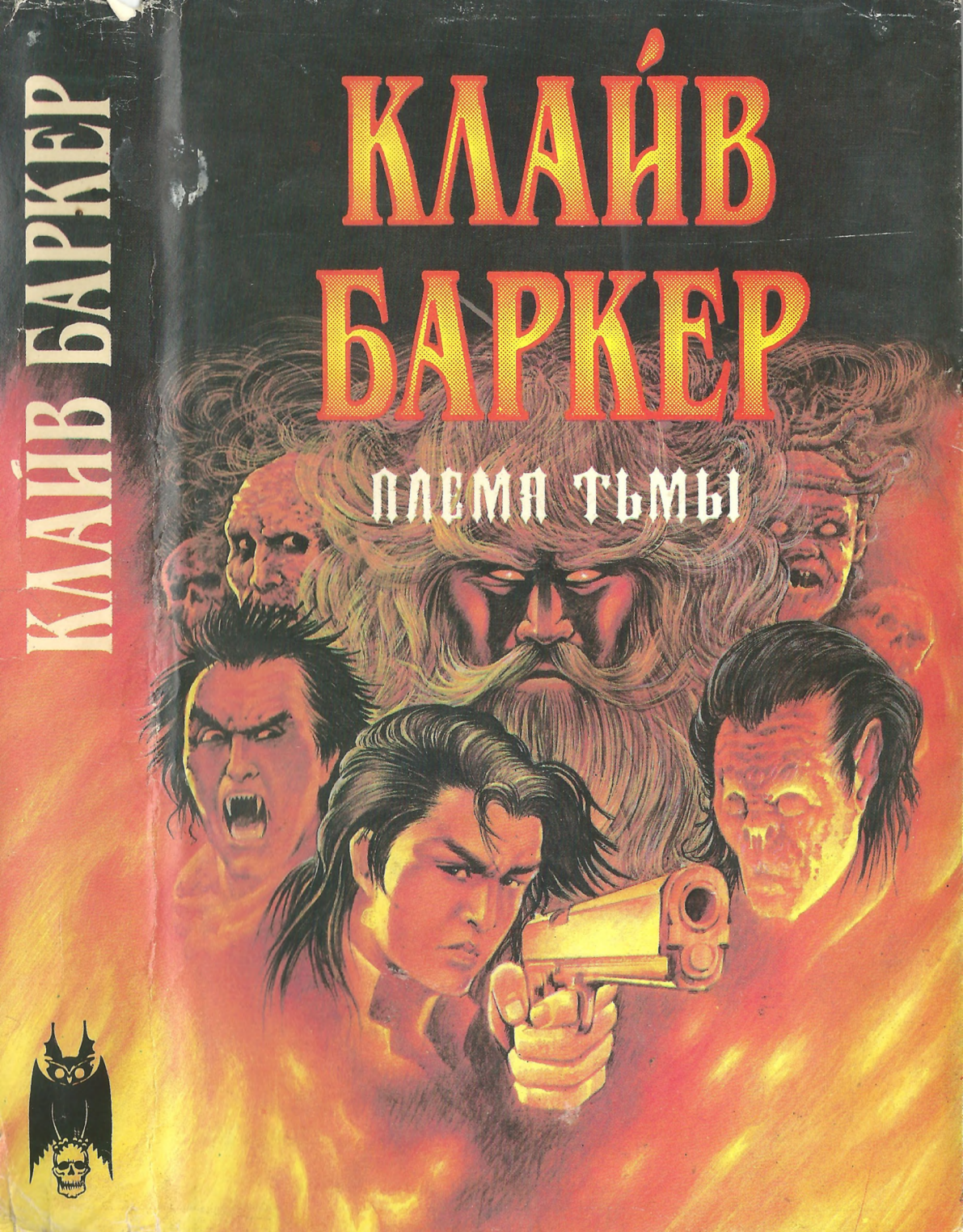
КЛАЙВ БАРКЕР

КЛАЙВ БАРКЕР

ПЛЕМЯ ТЬМЫ



КЛАЙВ БАРКЕР

КЛАЙВ БАРКЕР

КЛАЙВ БАРКЕР

Чирков 93

КЛАЙВ БАРКЕР

ПЛЕМЯ ТЬМЫ

КЭДМЭН
ЖУКОВСКИЙ
1993 г.

Clive Barker

"THE HELLBOUND HEART"

"CABAL"

Художник А.Н.Миронов
Главный редактор Б.И.Самарханов

Клайв Баркер
Племя тьмы: Повести, рассказы.

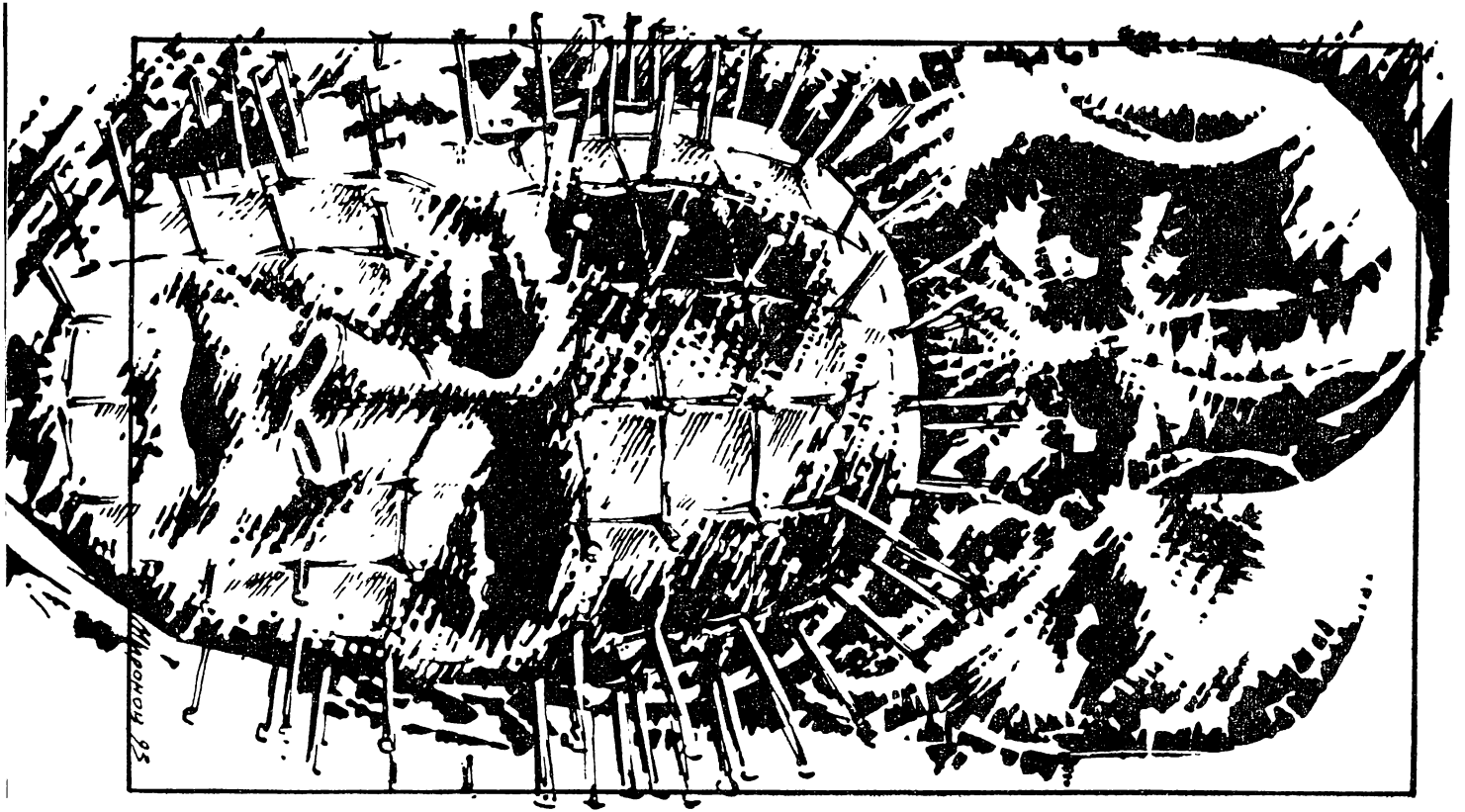
ISBN 5-85743-018-6

Copyright © by Clive Barker 1984
Copyright © by Clive Barker 1985
Copyright © by Clive Barker 1986

© А.Н.Миронов, 1993, оформление суперобложки, иллюстрации

© Издательство «КЭДМЭН», 1993, перевод

ВОССТАВШИЙ ИЗ АДА



«Мечтаю я поговорить
с влюбленными тенями,
Тех, кто погибли до того, как Бог любви
Родился...»

Джон Донн
«Обожествление любви»

•

Глава первая

Фрэнк был так поглощен разгадыванием секрета шкатулки Лемаршана, что даже не заметил, когда зазвонил колокол. Шкатулка была сконструирована настоящим мастером, знатоком своего дела, а главный секрет состоял в том, что она якобы содержала в себе чудеса, подобраться к которым было невозможно, ни один ключ не подходил к шести ее черным лакированным сторонам, в то время как даже легкое нажатие на них намекало, что они вполне свободно разбираются. Вот только знай как.

Фрэнк уже сталкивался с такими головоломками в Гонконге. Типично китайское изобретение, создание метафизического чуда из куска твердой древесины; правда, в данном случае китайская изобретательность и технический гений соединились с упрямой французской логикой. Если в разгадке головоломки и существовала система, то Фрэнк оказался бессилен ее понять. После нескольких часов попыток методом проб и ошибок легкое перемещение подушечек пальцев, среднего и мизинца, вдруг принесло желанный результат — раздался еле слышный щелчок и — о, победа! — один из сегментов шкатулки выскочил.

Фрэнк тут же сделал два открытия.

Во-первых, внутренняя поверхность была отполирована до блеска. По лаку переливалось отражение его лица — искаженное, разбитое на фрагменты. Во-вторых, этот Лемар-

шан, прославившийся в свое время изготовлением заводных поющих птичек, сконструировал шкатулку таким образом, что при открывании ее включался некий музыкальный механизм — вот и сейчас протикало короткое и довольно банальное рондо.

Воодушевленный успехом, Фрэнк продолжил возню со шкатулкой, быстро обнаружив новые варианты дальнейшего в нее проникновения — паз с желобком и смазанную маслом втулку, надавливание на которую позволило проникнуть дальше. И с каждым новым движением, поворотом или толчком в действие приводился очередной музыкальный элемент — мелодия звучала контрапунктом, пока первоначальные ее ноты не таяли, словно заглушаемые резьбой.

В один из таких моментов и начал звонить колокол — мерный и мрачный звук. Он не слышал его, во всяком случае, не осознавал, что слышит. Но когда головоломка была уже почти разгадана и шкатулка стояла перед ним, вывернув свои зеркальные внутренности, вдруг почувствовал, что желудок его буквально выворачивает наизнанку, так что колокол, должно быть, звонит уже целую вечность.

Он поднял голову. На несколько секунд показалось, что звук доносится с улицы, но он быстро отверг эту мысль. За работу над шкатулкой он принялся почти в полночь, с тех пор прошло несколько часов. Он не заметил, как они прошли и ни за что бы не поверил, если бы не стрелки на циферблате. Церкви в городе — как ни прискорбно для прихожан — не было вовсе, и звонить вроде бы было некому.

Нет. Этот звук доносился откуда-то издалека, словно через ту самую все еще невидимую дверцу, которая находилась в чудесной шкатулке Лемаршана. Выходит, Керчер, продавший ему эту вещицу, не обманул. Фрэнк находился на пороге нового мира, страны, бесконечно далекой от той комнаты, где он сейчас сидел.

Бесконечно далекой и, тем не менее, столь близкой теперь.

Эта мысль заставила сердце биться быстрее. Он так предвкушал, так ждал этого мига, всеми силами воображения стараясь представить, как это будет, когда завеса поднимется... Еще несколько секунд — и они будут здесь, те,

кого Керчер называл сенобитами, теологами Ордена Гэша. Отозванные от своих экспериментов по достижению наивысшего наслаждения, они, бессмертные разумом, войдут сюда, в мир дождя и разочарований.

Всю предшествующую неделю он, не покладая рук, готовил эту комнату к их визиту. Мыл и скоблил голые половицы, потом усыпал их лепестками цветов. На западной стене соорудил нечто вроде алтаря, украшенного плакатными лозунгами. Керчер подсказал ему, что должно входить в обрядовую тематику: кости, конфеты, иголки. Слева от алтаря стоял кувшин с его мочой, собранной за семь дней, на случай, если от него потребуется жест самоосквернения. Справа — тарелка с отрезанными голубиными головами, тоже приготовленная по совету Керчера, намекнувшего, что неплохо будет иметь ее под рукой.

Вроде бы ничего не было упущено для проведения ритуала. Сам кардинал, увлекавшийся коллекционированием рыбацких башмаков, не мог быть более скрупулезен и предусмотрителен.

Но теперь, когда звук колокола, доносившийся из шкатулки, становился все громче, он испугался.

— Слишком поздно, — пробормотал он про себя, надеясь подавить нарастающий страх. Загадка Лемаршана разгадана, последний ключ повернулся в замке. Не осталось времени для страхов и сожалений. И потом, разве он не рисковал собственной жизнью и рассудком, чтобы эта встреча оказалась возможной? Перед ним открывались врата к наслаждениям, доступным воображению лишь горстки человеческих существ, еще меньшими *испытанным* — наслаждениям, углубляющим и обостряющим чувства, которые вырвут его из скучного замкнутого круга: желание, совращение и разочарование — круга, из которого он не в силах был вырваться с юношеских лет. Новое знание совершенно трансформирует его, ведь верно? Никто не сможет испытать такую глубину чувств и ощущений и не перемениться под их воздействием.

Голая лампочка, висевшая под потолком, то тускнела, то становилась ярче. Казалось, она следует ритму колокольного звона, и чем громче он становился, тем ярче она разгоралась.

В паузах между ударами колокола все отчетливее был заметен окутывавший комнату мрак, словно мир, который он населял вот уже двадцать девять лет, переставал существовать. Затем снова раздавался удар колокола, и лампочка разгоралась так сильно, что трудно было поверить в предшествующую свету тьму, и тогда на несколько секунд он вновь оказывался в знакомом мире — в комнате с дверью, выходящей на улицу, окном, через которое, имей он волю или силы сорвать шторы, можно было различить проблески утра.

С каждым ударом свет становился беспощадней. Под его сокрушающей силой восточная стена дрогнула, он увидел, как кирпичи теряют плотность, растворяются, увидел вдалеке место, откуда звонил колокол. Мир птиц, не так ли? Огромные черные дрозды, подхваченные ураганом... Это все, что он мог различить там, откуда сейчас шли иерофанты, из сплошного смятения, полного острых осколков, которые поднимались и падали, наполняя темный воздух ужасом.

Потом вдруг стена снова затвердела, и колокол умолк. Лампочка погасла. На сей раз безнадежно, навсегда.

Он стоял в темноте, не произнося ни слова. И если бы даже вспомнил слова приветствий, заготовленные заранее, язык все равно был не в силах их выговорить. Он словно омертвел во рту.

А потом вдруг — свет!

Он исходил от *них*, от четверых сенобитов, которые теперь, когда стена позади них замкнулась, заполнили, казалось, всю комнату. От них исходило довольно сильное сияние, напоминающее свечение глубоководных рыб, — голубое, холодное, безразличное. Внезапно Фрэнк осознал: он ведь никогда не задумывался, как они выглядят. Его воображение, столь плодотворное и изобретательное, когда речь заходила о воровстве и мелком мошенничестве, было во всех других отношениях неразвито. Ему не хватало полета фантазии. Представить себе эти создания он даже не пытался.

Почему же так жалко и страшно глядеть на них? Может, из-за шрамов, которые покрывали каждый дюйм тела: плоть, косметически истыканная иглами, изрезанная, исцарапанная и присыпанная пеплом?.. А может, запах ванили, кото-

рый они привнесли с собой, сладковатый запах, почти не заглушавший вони? Или, может, потому что, по мере того, как становилось все светлее и он видел их четче, он не заметил ни радости, ни вообще ничего человеческого на их изуродованных лицах: лишь отчаяние и еще голод, от которого буквально кишки выворачивало наизнанку.

— Что это за город? — спросил один из четверки.

По голосу нельзя было определить, кому он принадлежит — мужчине или женщине. Одежды существа, пришитые прямо к телу, скрывали половые органы, ни интонации, ни искусно изуродованные черты лица не давали подсказки. Когда оно говорило, крючки, придерживающие нависавшие над глазами клапаны и соединенные сложной системой цепей, пропущенных сквозь мышцы и кости, с другими крючками, прокалывающими нижнюю губу, дергались и обнажали голое сверкающее мясо.

— Вам задали вопрос, — сказало оно.

Фрэнк не ответил. Меньше всего в этот момент он думал о том, как называется этот город.

— Вы что, не понимаете? — вопросила фигура, находящаяся рядом с первой. Ее голос, в отличие от первого, был звонче и воздушней — голос возбужденной девушки. Каждый дюйм головы был татуирован сложнейшим узором, на каждом пересечении горизонтальных и вертикальных линий сверкала булавка с драгоценным камнем, насквозь прокалывавшая кость.

Язык был тоже татуирован, аналогичным образом.

— Вы хоть знаете, кто мы? — спросило оно.

— Да, — ответил наконец Фрэнк. — Знаю.

Еще бы ему не знать, ведь они с Керчером проводили долгие ночи напролет за обсуждением различных деталей и нюансов, а также намеков, почерпнутых из дневников Болинброка и Жиля де Ре. Все человечество знало об Ордене Гэша, и он тоже знал.

И все же... он ожидал чего-то другого. Ожидал увидеть хоть малейший признак, намек на бесконечное великолепие и блеск, к которым имели доступ эти существа. Он-то рассчитывал, что они хотя бы придут с женщинами, женщинами, умащенными благовонными маслами, омытыми в ван-

нах с молоком, женщинами, специально подбритыми и тренированными для любовного акта: губы их благоухают, бедра дрожат в нетерпении раскрыться, раздвинуться, зады круглые и увесистые, как раз такие, как он любит. Он ожидал вздохов, вида соблазнительных тел, раскинувшихся на полу среди лепестков, словно живой ковер; ожидал шлюх-девственниц, чья щелочка должна была распахнуться при первой же его просьбе и только перед ним, чье искусство в любовных играх должно было ошеломить и потрясти его, с каждым толчком поднимая все *выше и выше* — к невиданному, неиспытанному доселе даже в мечтах экстазу. Весь мир был бы забыт им в их объятиях, над его похотью не будут смеяться, не будут презирать, напротив, будут только превозносить его.

Но нет. Нет ни женщин, ни вздохов. Только эти бесполые создания с изуродованной плотью.

Теперь говорил третий, самый изуродованный из всех. Черт лица было практически не различить — бороздившие его глубокие шрамы гноились пузырями и почти закрывали глаза, бесформенный искаженный рот с трудом выталкивал слова.

— Что вы хотите? — спросило оно его.

На этот раз он слушал говорящего более внимательно, чем предыдущих двух. Страх его таял с каждой секундой. Воспоминание об ужасном месте, открывшемся за стеной, постепенно стиралось из памяти. Он остался один на один с этими обветшавшими декадентами, с вонью, исходившей от них, их странным уродством, их саморазоблачающей беззащитностью. Единственное, чего он опасался сейчас, это как бы его не стошнило.

— Керчер говорил мне, что вас будет пятеро, — сказал Фрэнк.

— Инженер прибудет с минуты на минуту, — прозвучал ответ. — Еще раз повторяю свой вопрос: *чего вы хотите?*

Почему бы не ответить прямо?

— Наслаждений, — сказал он. — Керчер говорил, вы в них толк знаете.

— О, да, — ответил первый. — Все, что только может представить ваше воображение.

— Правда?

— Конечно. Конечно, — оно уставилось на Фрэнка голыми глазами. — О чем вы мечтаете?

Вопрос, поставленный так конкретно, смутил его. Сможет ли он передать словами природу фантасмагорических картин, создаваемых его либидо?

Он судорожно пытался подыскать нужные слова, но в это время один из них сказал:

— Этот мир... Он что, разочаровывает вас?

— Очень сильно, — ответил он.

— Вы не первый, кто устает от его банальностей, — прозвучал ответ. — Были и другие.

— Не так много, — вмешалось лицо в шрамах.

— Верно. Их мало, лишь жалкая горсточка. Но только единицы осмеливались воспользоваться головоломкой Лемаршана. Люди, подобные вам, изголодавшиеся по новым возможностям, люди, которые слышали, что мы обладаем невиданным в данном мире искусством...

— Я ожидал... — начал Фрэнк.

— Мы знаем, чего вы ожидали, — перебил его сенобит. — И во всей глубине представляем себе проблему и природу вашего безумия. Это нам хорошо знакомо.

Фрэнк скрипнул зубами.

— Выходит, — сказал он, — вы знаете, о чем я мечтаю? И вы можете предоставить мне... эти удовольствия?

Лицо существа исказилось, верхняя губа завернулась к носу, улыбка напоминала оскал бабуина.

— Но не так, не в такой форме, как это вы себе представляете, — прозвучал ответ.

Фрэнк пытался возразить, но существо подняло руку, делая ему знак молчать.

— Существуют пределы нервного восприятия, — сказало оно. — Пороги, за которые ваше воображение, каким бы обостренным оно ни было, не в состоянии проникнуть.

— Да?..

— Да, да. О, это совершенно очевидно. Ваша развращенность, с которой вы так носитесь, всего лишь детский лепет в сравнении с тем, что можем предоставить мы.

— Вы готовы попробовать? — спросил второй сенобит.

Фрэнк покосился на шрамы и крючки. И снова лишился на миг дара речи.

— *Так готовы или нет?*

Там, за стенами, на улице вскоре должен был пробудиться мир. Он следил за признаками этого пробуждения из окна своей комнаты день за днем, готовясь к очередному туру бесплодных попыток, к погоне за наслаждениями, и знал, *знал*, что там не осталось ничего такого, что могло бы по-настоящему возбудить его. Не жар, только пот. Не страсть, только внезапный приступ вожделения, а затем, почти тотчас же, разочарование. Он повернулся спиной к этим разочарованиям. Если бы он только мог разгадать многообещающие символы, которые сопровождали этих существ! Если бы... Он был готов заплатить за это любую цену.

— Покажите мне, — сказал он.

— Назад пути нет. Вы это понимаете?

— *Покажите мне.*

Им не понадобилось повторной просьбы, чтобы приподнять завесу.

Он слышал, как скрипнула отворяемая дверь, и, обернувшись, увидел исчезающий за порогом мир, вместо которого наступила вдруг жуткая тьма. Та самая тьма, из которой вышли члены Ордена. Перевел взгляд на сенобитов, пытаясь угадать, что происходит. Но они исчезли. Впрочем, не совсем, остались кое-какие признаки их недавнего присутствия. Они забрали с собой все цветы, оставив дощатый пол голым, а символы и знаки, развешанные на стенах, почернели, словно под воздействием какого-то сильного, но невидимого пламени. И еще остался их запах. Такой едкий и горький, что, казалось, ноздри вот-вот начнут кровоточить.

Но запах гари был только началом. Вскоре он заметил, что его обволакивают еще десятки других запахов. Духов или цветов, сперва он едва ощущал их, но внезапно они усилились, чудовищно усилились. Томительный цветочный аромат, запах краски на потолке и древесного сока с пола под его ногами — все они моментально заполнили комнату.

Казалось, он даже улавливает запах тьмы, царившей за дверью, и вонь сотен тысяч птиц.

Он прижал ладонь ко рту и носу, чтобы как-то умерить эту атаку запахов, но от вони пота на кончиках пальцев закружилась голова. Возможно, его даже стошнило бы, если б вся нервная система, от вкусовых сосочков на языке до нервных окончаний на каждом клочке плоти, не напряглась в предвкушении чего-то нового, необычного.

Похоже, что теперь он способен ощущать и чувствовать все — вплоть до касания пылинок, оседающих на кожу. Каждый вдох и выдох раздражал и горячил губы, каждое морганье век — глаза. Глотку обжигал привкус желчи, волоконце мяса, застрявшее между зубами, вызывало легкие спазмы и подрагивание языка, выделяя на него капельки соуса.

И слух тоже необычайно обострился. Голова его полнилась тысячью звуков, некоторые из них производил он сам. Движение воздуха, ударявшего в барабанные перепонки, казалось ураганом, урчание в кишечнике — громом. Но были и другие бесчисленные звуки, атаковавшие его откуда-то извне. Громкие сердитые голоса, любовный шепот, рев, бренчание, треск, обрывки песен и плача.

Выходит, он слушает теперь весь мир? Слушает утро, входящее в тысячи домов? Правда, он мало что мог разобрать в этом обвале звуков, какофония лишала его возможности как-то разделять и анализировать их значение.

Но хуже всего было другое. Глаза! О, Господи милосердный, он сроду не предполагал, что они способны доставлять такие муки, он, который думал, что ничто в мире уже не способно удивить их. Теперь же перед глазами все завертелось, казалось, они сами завертелись в бешеном круговороте. Везде и всюду — *зрелище!*

Гладкая побелка потолка на деле отражала чудовищную географию мазков кисти. Ткань его простой, непритязательной рубашки — невыразимо хитроумное сплетение нитей. Он заметил, как в углу шевельнулся клещ на отрубленной голубиной голове, как он подмигнул ему, перехватив его взгляд. Слишком уж много всего! *Слишком!*

Потрясенный, он зажмурил глаза. Но это не помогло. Оказывается, «внутри» тоже существовали зрелища — воспоминания, чья явственная выпуклость и реальность ударя-

ли его по нервам, едва не лишив способности чувствовать вообще. Он сосал материнскую грудь и захлебнулся; ощутил, как руки брата сжимаются вокруг него (была ли то борьба или просто дружеское объятие, он не понял, главное — было больно, и он почувствовал, что задыхается). И еще, еще волна других ощущений захлестнула его, целая жизнь была прожита в одно мгновение, воздействуя на кору головного мозга, вламываясь в него с настойчивостью, не дававшей надежды забыть.

Ему показалось, что он сейчас взорвется. Безусловно, что мир, расположенный за пределами его головы, — комната и птицы, там, за дверью, несмотря на все свои крикливые поползновения, не могли сравниться по силе воздействия с воспоминаниями. Уж лучше это, подумал он и попытался открыть глаза. Но веки слиплись и не поддавались. Слезы, а может, гной, а может, иголка с ниткой прошили, запечатали их, казалось, навсегда.

Он подумал о сказаниях сенобитов, о крючках и цепях. Наверное они сыграли с ним злую шутку, заперли его, отрезав от внешнего мира, приговорив его глаза созерцать лишь парад воспоминаний.

Опасаясь, что сходит с ума, он начал взывать к ним, хотя вовсе не был теперь уверен, что они рядом и услышат.

— *Почему?* — воскликнул он. — Почему вы это со мной сделали?

Отголосок слов прогремел в ушах, но он почти не осознавал уже и этого. Из прошлого всплывали все новые волны воспоминаний, терзали и мучили его. На кончике языка сосредоточился вкус детства (привкус молока и разочарования), но теперь к нему примешивались и другие, взрослые ощущения. Он вырос!.. У него уже усы и эрекция, руки тяжелые, кишки большие.

В юношеских наслаждениях таился оттенок новизны, но по мере того, как летели годы и чувствительность утрачивала силу, возникали более сильные, бьющие по нервам ощущения. Вот они возникли снова, еще более острые, едкие, перекрывающие все, что находилось у него за спиной, в темноте.

Язык буквально купался в новых привкусах: горькое, сладкое, кислое, соленое; пахло пряностями, дерьмом, воло-

сами матери; он видел города и небо; видел скорость, морские глубины; преломлял хлеб с давно умершими людьми, и щеки его обжигал жар их слюны.

И конечно, там были женщины.

Постоянно среди хаоса и замешательства возникали воспоминания о женщинах, оглушая его своими запахами, прикосновениями, привкусами.

Близость этого гарема возбуждала, несмотря на обстоятельства. Он расстегнул брюки и начал гладить и ласкать свой член, скорее стремясь пролить семя и избавиться от этих созданий, нежели получить удовольствие.

Бешено работая над каждым дюймом плоти, он смутно осознавал, какое, должно быть, жалкое зрелище являет собой: ослепший человек в пустой комнате, распаленный плодами своего воображения. Но даже мучительный безрадостный оргазм не смог замедлить бесконечно прокручивающуюся перед ним череду воспоминаний. Колени у него подогнулись, и он рухнул на голые доски пола, куда только что расплескал свою страсть. Падение принесло боль, но реакция на нее была тут же смыта новой волной воспоминаний.

Он перекатился на спину и вскрикнул. Он кричал и умолял их перестать, но ощущения только обострялись, словно подстегиваемые каждой новой мольбой, с каждым разом вознося его на новую ступеньку и не принося облегчения.

Вскоре единственным слышным звуком стали эти мольбы, слова и смысл которых словно стирались страхом. Казалось, этому никогда не будет конца, а если и будет, то результат один — безумие. Нет надежды, даже мысль о ней затерялась.

И как только он, почти неосознанно, сформулировал эту последнюю отчаянную мысль, мучения прекратились.

Совершенно внезапно и разом, все. Исчезли. Ушли. Ушли цвет, звук, прикосновение, вкус, запах. Неожиданно резко он был вырван из их волны. В течение нескольких первых секунд он даже начал сомневаться, было ли с ним это или нет. Два удара, три, четыре...

На пятом он открыл глаза. Комната была пуста, голубиные головки и кувшин с мочой исчезли. Дверь закрыта.

Приободрившись, он сел. Руки и ноги дрожали, голова, запястья и мочевой пузырь болезненно ныли.

И вдруг... Какое-то движение в дальнем углу комнаты привлекло его внимание.

Там, где всего лишь две секунды назад была пустота, теперь появилась фигура. Это был четвертый сенобит, тот, который тогда так и не заговорил и не показал своего лица. Теперь он видел — это не он, а она. Капюшон, прежде надвинутый на лоб, словно истаял, исчез, как и остальная одежда. Женщина, оказавшаяся перед ним, была серого цвета и слегка светилась. Губы кроваво-красные, ноги раздвинуты так, что отчетливо были видны все насечки и надрезы на причинном месте. Она сидела на куче гниющих человеческих голов и зазывно улыбалась.

Это сочетание чувственности и тлена совершенно сразило его. Разве может быть хоть малейшее сомнение в том, что именно она расправилась с этими несчастными? Их разлагающееся мясо застряло у нее под ногтями, а их языки — их было штук двадцать, если не больше — были разложены аккуратными рядами на ее смазанных ароматическими маслами ляжках, словно в ожидании входа... Не сомневался он и в том, что мозги, сочившиеся сейчас из их ушей и ноздрей, прежде были лишены рассудка — под воздействием удара или поцелуя, остановившего их сердца.

Керчер солгал ему. Или солгал, или сам был чудовищно обманут. Ни малейшего намека на наслаждения в воздухе, во всяком случае, в человеческом понимании.

Он совершил ошибку, открыв шкатулку Лемаршана. Ужасную ошибку.

— О, я вижу, с мечтами покончено, — произнес сенобит, разглядывая его, распростертого на голом полу. — Прекрасно.

Она встала. Языки свалились на пол, посыпались дождем, точно слизни.

— Ну что ж, тогда начнем, — сказала она.

Глава вторая

1

— Это не совсем то, что я ожидала, — говорила Джулия, стоя в прихожей. За окном смеркалось, холодный августовский день подходил к концу. Не самое подходящее время осматривать дом, который так долго пустовал.

— Да, работы тут хватает, — согласился Рори. — Да и неудивительно. Здесь ничего не трогали со дня смерти бабушки. Года, наверное, три. И потом, я уверен, последние годы жизни она не очень-то следила за порядком.

— А дом твой?

— Мой и Фрэнка. Он был завещан нам обоим. Но кто последний раз видел моего старшего брата, вот что хотелось бы знать?

Она пожала плечами, притворившись, что не помнит, хотя на самом деле помнила очень хорошо. За неделю до свадьбы...

— Кто-то говорил, что он провел тут несколько дней прошлым летом. Не сомневаюсь, что в любовных играх. А потом опять куда-то исчез. Собственность его не интересует.

— Ну а что, если мы въедем, а он вернется? Он ведь имеет такие же права...

— Откуплюсь. Возьму ссуду в банке и откуплюсь от него. Ему всегда не хватало денег.

Она кивнула, но, похоже, все еще сомневалась.

— Не беспокойся, — сказал он, подходя к ней и обнимая. — Дом наш, малышка. Маленько подкрасим, подновим, и здесь будет, как в раю.

Он испытующе вгляделся в ее лицо. Порой, особенно в минуты, когда ее, как сейчас, терзали сомнения, красота этого лица становилась почти пугающей.

— Верь мне, — сказал он.

— Верю.

— Тогда все в порядке. Переезжаем в воскресенье, ладно?

2

Воскресенье.

В этой части города оно до сих пор еще являлось «днем господним». Даже если владельцы этих нарядных домиков и чистеньких наглаженных детишек больше и не верили в Бога, воскресенья они чтили свято. Несколько занавесок на окнах отдернулось, когда к дому подкатил фургон Льютона и из него начали выгружать вещи; наиболее любопытные соседи даже прошлись пару раз мимо под предлогом выгуливания собак, однако никто не заговорил с новыми жильцами и тем более не предложил помочь выгружать вещи. Воскресенье не тот день, чтоб потеть в трудах праведных.

Джулия приглядывала за распаковыванием в доме, а Рори организовал разгрузку фургона, ему помогали Льютон и Мэд Боб. Пришлось сделать четыре ездки, чтоб перевезти все с Александра Роуд, и все равно к концу дня там еще оставалось полно разных мелочей, которые было решено забрать позже.

Часа в два дня на пороге появилась Керсти.

— Вот, пришла спросить, может, понадобится моя помощь? — спросила она немного извиняющимся тоном.

— Да ты входи, чего стоишь, — ответила Джулия.

И она вошла в гостиную, которая напоминала поле битвы, где победа пока оставалась за хаосом, и тихо выругала Рори. Позвать эту заблудшую овцу на помощь — нет, это только он мог такое придумать! Да она скорее мешать будет, чем помогать. Этот постоянно сонный, унылый вид, от одного него Джулия готова была скрежетать зубами.

— Что я должна делать? — спросила Керсти. — Рори сказал, что...

— Да, — ответила Джулия. — То, что сказал, это уж точно.

— А где он? Рори, я имею в виду?

— Поехал еще за вещами, добавить мне головной боли.

— О...

Джулия немного смягчилась.

— Знаешь, это вообще-то очень мило с твоей стороны, — сказала она, — что ты пришла помочь и все такое, но не думаю, что в данный момент для тебя найдется работа.

Керсти слегка покраснела. Пусть вялая и сонная, но глупой ее никак нельзя было назвать.

— Понимаю, — сказала она. — Ты в этом уверена? А я не могла бы... Я хочу сказать, может, я сварю тебе чашечку кофе?

— Кофе? — переспросила Джулия. Напоминание о кофе заставило вдруг почувствовать, как страшно пересохло в горле. — Да, — заключила она, — недурная идея.

Приготовление кофе не обошлось без травм, впрочем, незначительных. Любое дело, за которое бралась Керсти, тут же обрастало сложностями. Она стояла на кухне у плиты, кипятила воду в кастрюльке, которую до этого искала минут пятнадцать, и думала, что, возможно, ей не следовало сюда приходить. Джулия всегда так странно на нее смотрит, словно огорошенная тем фактом, что она не погибла в утробе матери. Впрочем, неважно. Ведь это Рори просил ее зайти, разве нет? И этого было достаточно. Она бы не променяла шанса хоть раз увидеть его улыбку на тысячу Джулий.

Минут через двадцать пять подъехал фургон — время, за которое женщины дважды делали попытку завести разговор, и оба раза не получалось. Слишком уж мало у них было общего: Джулия мила, красива, ей перепадали все взгляды и поцелуи, Керсти же была девушкой с вялым рукопожатием, и если глаза ее когда-нибудь и блестели, как у Джулии, то только от слез — до плача или после него. Она уже давно решила для себя, что жизнь несправедливо устроена. Но отчего, когда она уже смирилась с этой горькой правдой, жизнь непременно тычет ее носом еще и еще раз?

Она исподтишка наблюдала, как работает Джулия. Казалось, эта женщина не бывает некрасивой ни при каких обстоятельствах. Каждый жест — откинутая тыльной стороной ладони прядь волос со лба, сдувание пыли с любимой чашки — был отмечен легкостью и изяществом. Наблюдая за ней, она поняла причину собачьей привязанности Рори к этой женщине, а поняв, ощутила новый приступ отчаяния.

Наконец появился и он, щурясь и весь в поту. Полуденное солнце пекло немилосердно. Он улыбнулся ей, обнажив немного неровный ряд зубов, — улыбка, перед которой, как ей казалось еще недавно, в день первой их встречи, было невозможно устоять.

— Рад, что ты пришла, — сказал он.

— Счастлива помочь, чем могу, — ответила она, но он уже отвернулся — к Джулии.

— Ну, как дела?

— Я прямо голову теряю, — ответила она.

— Ладно, хватит тебе возиться, можно и передохнуть, — заметил он. — В этот заезд мы захватили кровать, — он заговорщицки подмигнул ей, но она, похоже, не обратила внимания.

— Может, помочь с разгрузкой? — спросила Керсти.

— Льютон и Боб уже занимаются этим, — ответил Рори.

— О...

— Но готов полжизни отдать за чашечку чая.

— Мы никак не найдем этот чай, — сказала Джулия.

— Ага... Ну тогда, может, кофе?

— Конечно! — торопливо воскликнула Керсти. — А те двое, что будут?

— Они тоже умирают от жажды.

Керсти снова отправилась на кухню, наполнила кастрюльку почти до краев и поставила на огонь. Из двери было видно, как Рори в прихожей распоряжается разгрузкой.

Они внесли кровать — настоящее брачное ложе. Она изо всех сил старалась отогнать возникшую перед глазами картину — он, лежа на этой кровати, обнимает Джулию, — но не могла. Стояла, глядя на воду в кастрюльке, следя за тем, как она закипает и над плитой поднимается пар, и все то же видение их утех, от которого болезненно ныло сердце, возвращалось к ней снова и снова.

3

Когда мужчины удалились сделать последний в этот день заход за мебелью, терпение Джулии лопнуло окончательно. Это просто какое-то несчастье, твердила она, в этих чемоданах, сундуках и коробках все уложено кое-как. Приходится раскапывать кучу ненужных вещей, прежде чем доберешься до самого необходимого.

Керсти молчала, занимаясь на кухне перемыванием запыленной посуды.

Громко чертыхаясь, Джулия решила прерваться и вышла на крыльцо выкурить сигарету. Прислонилась к дверному косяку и глубоко вдохнула горьковатый воздух. Хотя было только 21 августа, весь день в воздухе висела легкая дымка гари, напоминающая, что осень близко.

Во всех этих хлопотах день пролетел совершенно незаметно, и внезапно теперь, стоя на верхней ступеньке, она услыхала колокольный звон, сзывающий прихожан на вечернюю службу; звук накатывал ленивыми волнами. Он успокаивал и умиротворял. И она вдруг вспомнила детство. Воспоминание не было конкретно, не то, чтобы перед ней предстал какой-то определенный день или место, нет. Просто возникло ощущение, что она вновь молода, она ребенок... Ощущение имело привкус тайны.

Года четыре прошло с тех пор, как она последний раз заходила в церковь. Да, то был день свадьбы ее и Рори. Воспоминание об этом дне, вернее, о надеждах, связанных с ним, которым так и не суждено было сбыться, наполнило ее сердце горечью. Она повернулась и вошла в дом под все усиливающийся звон колоколов. После улицы, озаренной лучами заходящего солнца, ей показалось, что в доме особенно темно и мрачно. Она так страшно устала, что хотелось плакать.

Придется еще собирать эту кровать, чтоб было куда приложить голову ночью, а ведь они еще даже не решили, в какую из комнат ее ставить. Вот этим и надо заняться прямо сейчас, и немедленно, чтоб не входить в заваленную вещами гостиную и не видеть эту Керсти с вечно кислым, похоронным выражением лица.

Колокол все еще звонил, когда она распахнула дверь, ведущую на второй этаж. Первая из трех находившихся там комнат была самой просторной, казалось бы, чем не спальня? Но солнце еще не проникало в нее (а возможно, и вообще никогда не проникает), на окнах висели тяжелые шторы. Здесь было прохладней, чем в любом другом уголке дома, но воздух спертый. Она пересекла комнату по диагонали и подошла к окну поднять шторы.

И тут, стоя у подоконника, она вдруг обнаружила очень странную вещь. Оказывается, штора была прибита гвоздями

к оконной раме, надежно охраняя помещение от проникновения малейших признаков жизни с улицы. Она попыталась отодрать ткань, но безуспешно. Человек, прибивший штору, потрудился на совесть.

Ладно, ничего, когда Рори вернется, она заставит его взять гвоздодер и заняться этим. Она отвернулась от окна и вдруг неожиданно отчетливо осознала, что колокол все еще сзывает прихожан. Что это, неужели они еще не пришли на службу? Неужели этого крючка с приманкой, сулящего райское блаженство, оказалось недостаточно? Мысль промелькнула в голове, не успев толком оформиться. А колокол все звонил, казалось, от звука вибрирует сама комната. Ноги ее, и без того ноющие от усталости, слабели и подгибались с каждым новым его ударом. Голова раскалывалась от боли.

Отвратительная комната, решила она, душная, а мрачные стены холодные и влажные даже на вид. Хоть места тут и много, но Рори ни за что не убедить ее использовать это помещение в качестве главной спальни. Пропади она пропадом.

Она направилась к двери, до нее оставалось всего около метра, как вдруг в углах что-то скрипнуло, а дверь со стуком захлопнулась. Нервы Джулии были на пределе. Она с трудом сдержалась, чтоб не разрыдаться.

И вместо этого просто сказала:

— Да поди ты к дьяволу! — и ухватилась за дверную ручку. Повернулась она легко (а почему бы, собственно, и нет?), но Джулия почувствовала страшное облегчение. Дверь распахнулась. Снизу из холла струились тепло и розовато-золотистый свет.

Она затворила за собой дверь и с чувством странного удовлетворения, которому, казалось, не было причин, повернула ключ в замке.

И едва успела это сделать, как колокольный звон тотчас же прекратился.

4

— Но это же самая большая из комнат...

— Она мне не нравится, Рори. Там сыро. Можно использовать крайнюю комнату.

— Если только удастся протолкнуть эту чертову кровать в дверь.

— Почему бы нет? Ты ведь знаешь, это можно.

— Зря только площадь будет пропадать, — возразил он, в глубине души прекрасно понимая, что сдаться все равно придется.

— Мамочке лучше знать, — сказала она и улыбнулась ему глазами, в похотливом выражении которых было мало материнского.

Глава третья

1

Времена года тянутся друг к другу, как мужчины и женщины, в стремлении избавиться, излечиться от своих крайностей и излишеств.

Весна, если она длится хотя бы на неделю дольше положенного срока, начинает тосковать по лету, чтоб покончить с днями, преисполненными томительного ожидания. Лето, в свою очередь, задыхаясь в поту, стремится отыскать кого-то, кто умерил бы его пыл, а спелая и сочная осень устает в конце концов от собственного великодушия и рада острой перемене, переходу к холодам, которые убивают ее плодовитость.

Даже зима, самое неприветливое и суровое время года, с наступлением февраля мечтает о пламени, в жаре которого истаяли бы ее наряды. Все устает от себя со временем и начинает искать противоположность, чтобы спастись от самого себя.

Итак, август уступил дорогу сентябрю, и сетовать на это было бы смешно.

2

По мере обустройства дом на Лодовико-стрит принимал все более уютный и гостеприимный вид. Последовали даже визиты от соседей, которые, присмотревшись к парочке, уже

начали поговаривать о том, как хорошо, что №55 снова занят жильцами. Лишь один из них как-то раз упомянул вскользь Фрэнка, вспомнив, что вроде бы один странный парень приезжал и прожил тут несколько недель прошлым летом. Последовало секундное замешательство, когда Рори заметил, что приезжавший — его брат, но Джулия тут же сгладила ситуацию с присущим только ей безграничным шармом.

За годы женитьбы Рори чрезвычайно редко упоминал о Фрэнке, хотя разница в возрасте между братьями составляла всего полтора года, что предполагало, что в детстве они были неразлучны. Да и то Джулия узнала об этом лишь тогда, когда он в припадке пьяного откровения вдруг заговорил с ней о брате. Случилось это примерно за месяц до свадьбы. Разговор получился грустный. Оказывается, пути двух братьев окончательно разошлись, когда они повзрослели, и Рори о том очень сожалел. И еще больше сожалел о той боли, которую причинял родителям разнузданный образ жизни Фрэнка. Всякий раз, когда Фрэнк сваливался откуда-то, словно с луны, он приносил с собой одни несчастья и огорчения. Рассказы о его приключениях всегда балансировали на грани криминала, рассказы о шлюхах и мелких кражах ужасали семью. Но были истории и похуже, так, во всяком случае, утверждал Рори. В приступах откровенности Фрэнк иногда рассказывал о днях, которые проводил, словно в бреду, в поисках наслаждений, выходящих за все границы нравственности.

Возможно, в интонациях Рори, повествующего об этих художествах брата, Джулия угадывала не только отвращение, но и изрядную примесь зависти, что еще больше возбуждало ее любопытство. Как бы там ни было, но с тех пор она постоянно испытывала жгучий интерес к жизни этого безумца.

Затем, примерно за две недели до свадьбы, паршивая овца появилась во плоти. Похоже, последнее время дела Фрэнка шли неплохо. Во всяком случае об этом говорили золотые перстни на пальцах, свежая загорелая кожа лица. Внешне он мало походил на монстра, описанного Рори. Брат Фрэнк был обходителен и гладок, точно отполированный камень. За считанные часы он совершенно очаровал ее.

Странное то было время. По мере того как приближался день свадьбы, она все меньше и меньше думала о будущем муже и все больше — о его брате. Нельзя сказать, чтоб они были так уж непохожи. Одинаковая веселая нотка в голосе, живость характера сразу указывали на то, что в жилах их течет одна и та же кровь. Но вдобавок ко всем качествам Рори Фрэнка отличало еще и то, чего в его брате никогда не было: какое-то очаровательное безрассудство.

Вероятно то, что случилось затем, неизбежно должно было случиться, несмотря на все усилия побороть инстинктивное влечение к Фрэнку, она старалась найти себе оправдание. Впрочем, пройдя через все муки угрызений совести, она сохранила в памяти их первую — и последнюю — интимную встречу.

Кажется, в доме тогда как раз была Керсти, пришла по какому-то делу, связанному с подготовкой к свадьбе. Но обостренное чутье, которое приходит только с желанием и вместе с ним исчезает, подсказывало Джулии, что это должно было случиться именно сегодня. Она оставила Керсти за составлением какого-то списка и позвала Фрэнка наверх под предлогом показать ему свадебное платье. Да, теперь она точно вспомнила, это именно он попросил ее показать платье, и вот она надела фату и стояла, смеясь, вся в белом, и вдруг он оказался рядом, совсем близко. И приподнял фату, а она все смеялась, смеялась и смеялась, дразняще, словно испытывая его. Впрочем, ее веселье нисколько его не охладило, и он не стал тратить времени на прелюдию. Вся внешняя благопристойность мгновенно улетучилась, и из-под гладкой оболочки вырвался зверь. Их совокупление во всех отношениях, если не считать ее уступчивости, по агрессивности и безрадостности своей напоминало изнасилование.

Конечно, время приукрасило и сгладило подробности этого события, даже спустя четыре года и пять месяцев она часто перебирала в памяти детали этой сцены, и теперь, в воспоминаниях, синяки представлялись ей символами их страсти, а пролитые ею слезы — подтверждением искренности ее чувств к Фрэнку.

На следующий день он исчез. Улетел в Бангкок или на остров Пасхи, словом, куда-то в дальние края, скрываться

от кредиторов. Она тосковала по нему, ничего не могла с собой поделать. И нельзя сказать, чтобы ее тоска осталась незамеченной. Хотя вслух это никогда не обсуждалось, но она часто задавала себе вопрос: не началось ли последующее ухудшение ее отношений с Рори именно с этого момента, с ее мыслей о Фрэнке в то время, когда она занималась любовью с его братом.

А что теперь? Теперь, несмотря на переезд и шанс начать вместе новую жизнь, ей казалось, что каждая мелочь здесь напоминает ей о Фрэнке.

Дело не только в соседских сплетнях, которые напоминали ей о случившемся. Однажды, оставшись дома одна, она занялась распаковыванием разных коробок с личными вещами и наткнулась на несколько альбомов с фотографиями. Большую часть составляли их снимки с Рори в Афинах и на Мальте. Но среди призрачных улыбок она вдруг обнаружила и другие затерявшиеся фото, хотя не припоминала, чтобы Рори когда-нибудь показывал их ей (может, специально прятал?). Семейные фотографии, сделанные на протяжении десятилетий. Снимок его родителей в день свадьбы — черно-белое изображение, потерявшее яркость за долгие годы. Фотографии крестин, на которых гордые крестные держали на руках младенцев, утопающих в фамильных кружевах.

А затем пошли снимки братьев вместе: сперва смешные карапузы с широко расставленными глазами, затем угрюмые школьники, застывшие на гимнастических снарядах и во время школьных костюмированных балов. Затем застенчивость, обусловленная юношескими прыщами, взяла верх над желанием запечатлеться на снимке, и число их уменьшилось, пока созревание делало свое дело и за лягушачьим фасадом начали проступать черты прекрасного принца.

Увидев цветной снимок Фрэнка, валяющего дурака перед объективом, она неожиданно покраснела. Он был так вызывающе молод и красив, всегда одевался по последней моде. По сравнению с ним Рори выглядел неряшливым увальнем. Ей показалось, что вся будущая жизнь братьев уже предугадана в этих ранних портретах. Фрэнк — улыбчивый хамелеон-соблазнитель, Рори — добропорядочный гражданин.

Она убрала фотографии и, встав, вдруг осознала, что глаза ее полны слез. Но не сожаления. Она была не из той породы. Это были слезы *ярости*. В какой-то миг, буквально один миг между вздохом и выдохом, она потеряла себя.

И она со всей беспощадной отчетливостью поняла, когда именно это произошло. Когда она лежала в их свадебной, украшенной кружевом постели, а Фрэнк покрывал ее шею поцелуями.

3

Изредка она заходила в комнату с прибитыми гвоздями шторами.

До сих пор они уделяли не слишком много внимания отделке второго этажа, решив сперва навести порядок внизу, чтоб можно было принимать гостей. Эта комната осталась нетронутой. В нее никто никогда не входил, если не считать ее редких визитов.

Она и сама толком не понимала, зачем поднималась туда, не отдавала себе отчета в странном смятении чувств, которое охватывало ее всякий раз, когда она оказывалась там. Однако было все же в этой мрачной комнате нечто, что действовало на нее успокаивающе: комната напоминала утробу, утробу мертвой женщины. Иногда, когда Рори был занят работой, она поднималась по ступенькам, входила и просто сидела там, не думая ни о чем. По крайней мере ни о чем таком, что можно было бы выразить словами.

Эти путешествия оставляли легкий привкус вины, и, когда Рори был поблизости, она старалась держаться от комнаты подальше. Но так получалось не всегда. Иногда ноги, казалось, сами несли ее наверх, вопреки собственной воле.

Она смотрела, как Рори возится с кухонной дверью, отдирая стамеской несколько слоев краски вокруг петель, как вдруг услышала, что комната снова зовет ее. Видя, что муж целиком поглощен своим занятием, она пошла наверх.

В комнате было прохладней, чем обычно, и ей это понравилось. Она прислонила ладонь к стене, а потом прижала ее, холодную, ко лбу.

— Бесполезно, — прошептала она, представив себе мужа за работой. Она не любит его, как, впрочем, и он тоже не любит ее по-настоящему, если не считать ослепления ее красивым лицом. Он целиком погружен в свой собственный мир, а она вынуждена страдать здесь, одинокая, отринутая от него раз и навсегда.

Сквозняк захлопнул дверь внизу. Джулия слышала, как она со стуком закрылась.

Очевидно этот звук отвлек Рори. Стамеска дернулась и глубоко вонзилась в палец на левой руке. Он вскрикнул, увидев, как тут же выступила кровь. Стамеска упала на пол.

— *Проклятье ада!*

Она прекрасно слышала все это, но не двинулась с места. И слишком поздно, пребывая в странном меланхолическом ступоре, поняла, что он поднимается к ней наверх. Нашаривая в кармане ключ и судорожно пытаясь придумать оправдание своему пребыванию в комнате, она поднялась, но он был уже у двери. Переступил порог и бросился к ней, зажимая правой рукой кровоточащую левую. Кровь лила ручьем. Она сочилась между пальцами, стекала по руке и локтю, капля за каплей падала на половицы.

— Что случилось? — спросила она.

— Ты что, не видишь? — пробормотал он сквозь стиснутые зубы. — Порезался.

Лицо и шея у него приобрели оттенок оконной замазки. Ей и прежде приходилось замечать у него такую реакцию, он не выносил вида собственной крови.

— Сделай же что-нибудь! — простонал он.

— Глубокий порез?

— Откуда я знаю?! — рявкнул он. — Не могу смотреть!

Смешной все же человек, с легким оттенком презрения подумала она, но давать волю чувствам времени не было. И она взяла его окровавленную руку в свою, и, пока он отвернулся и глядел в сторону, взглянула на порез. Довольно большой и сильно кровоточит. Глубокий порез — кровь темная.

— Давай-ка лучше отвезем тебя в больницу, — предложила она.

— Ты что, не можешь сама перевязать? — спросил он, голос звучал уже не так злобно.

— Конечно, могу. У меня и чистый бинт есть. Идем...

— Нет, — ответил он и покачал головой, лицо сохраняло все тот же пепельно-серый оттенок. — Мне кажется, стоит только сделать шаг — и я грохнусь в обморок.

— Тогда оставайся здесь, — успокоила она его. — Все будет хорошо!

Не найдя бинта в шкафчике ванной комнаты, она выхватила несколько чистых носовых платков из его комода и бросилась наверх. Он стоял, прислонившись к стене, лицо его блестело от пота. Наверное, он наступил в кровавый след на полу, она почувствовала, как сильно в комнате пахнет кровью.

Уговаривая и утешая его тем, что от двухдюймового пореза еще никто на свете не умирал, она перевязала ему руку платком, стянула потуже и держала какое-то время, затем свела его, дрожащего, как осиновый лист, вниз по ступенькам, потихоньку, шаг за шагом, словно ребенка, а затем вывела на улицу, к машине.

В больнице им пришлось прождать целый час в очереди таких же, как он, легкораненых, прежде чем его наконец принял хирург и рану зашили. Вспоминая позднее об этом инциденте, она никак не могла решить, что насмешило ее больше: его испуг и слабость или же поток благодарностей, которые он излил на нее, когда все закончилось. Уловив в его голосе неискренность, она сказала, что благодарности его ей не нужны, и не солгала.

Она ничего не хотела от него, абсолютно ничего, разве только чтоб он исчез из ее жизни раз и навсегда.

4

— Это ты вымыл пол в сырой комнате? — спросила она на следующий день.

Они стали называть комнату «сырой» с того самого первого воскресенья, хотя при более внимательном рассмотрении никаких признаков сырости или гниения не удалось отыскать нигде — ни на потолке, ни на стенах, ни на досках пола.

Рори поднял глаза от журнала. Под глазами были серые мешки. Плохо спал, объяснил он ей. Порезал палец, и ему всю ночь снились разные кошмары. Она же, напротив, спала как младенец.

— Что ты сказала? — спросил он.

— Пол, — повторила она. — Там была кровь. Это ты вымыл?

— Нет, — ответил он коротко и снова уткнулся в журнал.

— Но и я тоже не мыла, — сказала она.

Он одарил ее снисходительной улыбкой.

— Ты идеальная *домохозяйка*, — заметил он. — Уже сама не помнишь, когда это сделала.

На этом вопрос был закрыт. Он, по всей вероятности, был удовлетворен, видя, что она постепенно теряет память.

У нее же, напротив, появилось странное ощущение, что она вот-вот обретет ее снова.

Глава четвертая

1

Керсти терпеть не могла вечеринки. Улыбки, за которыми таились неуверенность и страх, взгляды, значение которых надо было разгадывать, и, что хуже всего — беседы. Ей нечего было поведать миру, во всяком случае, ничего особенного, в этом она давно убедилась. Она в своей жизни наблюдала уже достаточно глаз, говоривших ей именно об этом; изучила все уловки мужчин, применяемые ими, чтобы избавиться от нее, такой бесцветной и скучной, под удобным предлогом от: «Извините, я, кажется, видел, там пришел мой бухгалтер», до передачи на ее попечение какого-нибудь бедолаги, упившегося вусмерть.

Но Рори настоял, чтобы она пришла на новоселье. Несколько только самых близких друзей, обещал он. Она ответила «да», прекрасно понимая, какая в случае отказа ее ждет альтернатива: хандрить в одиночестве дома, проклиная себя за трусость и нерешительность и вспоминая милое, такое бесконечно милое лицо Рори.

Но вечеринка, вопреки ее ожиданиям, оказалась вовсе не столь мучительной. Было всего девять гостей, которых она едва знала, что облегчало положение. Они вовсе не ожидали, что она станет центром внимания и будет блистать остроумием. Нет, от нее требовалось лишь кивнуть и рассмеяться в нужный момент. А Рори со своей все еще перевязанной рукой был в ударе и лучился простодушием и весельем. Ей даже показалось, что Невил — один из коллег Рори по работе — строит ей через очки глазки; подозрение подтвердилось в самый разгар вечеринки, когда он, подсев к ней, начал расспрашивать, не интересуется ли она разведением кошек.

Она ответила, что нет, но всегда интересовалась последними достижениями науки. Он, похоже, пришел в восторг и, пользуясь этим хрупким предлогом, весь остаток вечера усердно угощал ее ликерами. К половине двенадцатого голова у нее немного кружилась, но она была совершенно счастлива и на любую самую заурядную фразу отвечала громким хихиканьем.

Вскоре после двенадцати Джулия заявила присутствующим, что устала и хочет лечь спать. Заявление было воспринято гостями как намек, что всем пора по домам, но Рори окончательно разошелся. Поднялся и снова начал наполнять бокалы, прежде чем кто-либо успел запротестовать. Керсти была уверена, что заметила на лице Джулии недовольное выражение, но оно мелькнуло и тут же исчезло, уступив место обычной приветливой улыбке. Она пожелала всем спокойной ночи, с достоинством приняла поток комплиментов по поводу необыкновенно удавшейся ей телячьей печенки и отправилась в спальню.

Безупречно красивые должны быть и безупречно счастливыми, разве не так? Керсти это всегда казалось очевидным. Однако сегодня, наблюдая за Джулией и находясь под влиянием винных паров, она вдруг подумала — а не ослепляла ли ее прежде зависть? Возможно, в безупречности заключена и обратная сторона медали — грусть.

Но голова у нее кружилась, задержаться на этой мысли и как следует обдумать ее не было сил, и в следующий миг, когда Рори поднялся и начал рассказывать забавную исто-

рию о горилле и иезуите, она так громко расхохоталась, что подавилась напитком прежде, чем он успел перейти к самой сути.

Находящаяся наверху Джулия услышала новый взрыв смеха. Она действительно устала, тут не пришлось кривить душой, но утомили ее вовсе не приготовления к вечеринке. Причиной было презрение ко всем этим идиотам, собравшимся внизу, которое с трудом удавалось сдерживать. А ведь некогда она называла их друзьями, этих недоумков, с их жалкими шутками и еще более жалкими претензиями. Она играла перед ними роль гостеприимной хозяйки в течение нескольких часов, хватит. Теперь ей остро необходима была прохлада, темнота...

Не успев отворить дверь в «сырую» комнату, она сразу же почувствовала, что здесь что-то не так. Свет голой лампочки под потолком освещал пол, на который пролилась кровь Рори, доски были безупречно чистыми, словно кто-то долго скоблил их и драил. Она шагнула в нее и притворила дверь. Замок за ее спиной негромко защелкнулся.

Тьма была густой и глубокой, и это радовало ее. Тьма успокаивала глаза, приятно холодила их.

И вдруг из дальнего угла комнаты донесся звук.

Он был не громче шороха, производимого лапками таракана, бегающего где-то под плинтусом. И через секунду затих. Она затаила дыхание. Вот оно, послышалось снова. На этот раз она уловила в звуке какую-то ритмичность. Некий примитивный код.

Эти, внизу, ржали, как лошади. Шум вновь пробудил в ней отчаяние. Неужели никогда, никогда не избавится она от этой компании?

Она сглотнула нарастающий в горле ком и заговорила с темнотой.

— Я слышу тебя, — сказала она, не уверенная, откуда вообще взялись эти слова и к кому они обращены.

Тараканье шуршание на миг прекратилось, затем послышалось снова, настойчивее и громче. Она отошла от двери и двинулась на звук. Он не умолкал, словно подбадривая ее.

В темноте легко ошибиться, и она дошла до стены раньше, чем рассчитывала. Подняв руки, принялась шарить ладонями

по крашеной штукатурке. Поверхность была неравномерно прохладной. Было одно место, примерно на полпути от двери к окну, где холод чувствовался настолько интенсивно, что она испуганно отдернула руки. Тараканий шорох прекратился.

Был момент, когда, совершенно потеряв ориентацию, она словно плыла, наугад, во тьме и молчании. И затем вдруг заметила впереди какое-то движение. Показалось, решила она. Всего лишь игра воображения, там совершенно нечему двигаться... Но представшее в следующую секунду перед ней зрелище доказало, что она заблуждалась.

Стена светилась или была освещена чем-то, находившимся за ней. Светилась холодным голубоватым светом, отчего твердый кирпич вдруг стал, казалось, проницаемым для зрения. *Мало того* — стена еще и расступилась, разлетаясь на куски и фрагменты, сыпавшиеся, словно карты из рук фокусника. Крашеные панели открывали спрятанные за ними коробки, а те в свою очередь исчезали, уступая место пустотам и нишам. Она не сводила с этого чуда глаз, боясь даже моргнуть, чтоб не упустить деталей и подробностей этого необыкновенного жонглирования, во время которого, казалось, весь мир распадается у нее на глазах.

Затем вдруг в этом хаосе, нет, не хаосе, напротив, вполне определенной и очень искусно организованной системе фрагментов, она уловила (или ей так *показалось*) новое движение. Только теперь она осознала, что наблюдала за этим необыкновенным явлением затаив дыхание, и голова у нее начала кружиться.

Она попыталась вытолкнуть из легких отработанный воздух и набрать глоток свежего, но тело не подчинялось, было не в силах.

Где-то в самой глубине подсознания она ощутила нарастающую панику. Игры «фокусника» прекратились, а сама она словно раздвоилась: одна ее половина наслаждалась тихим звоном музыки, исходившим от стены, другая пыталась побороть страх, шаг за шагом подступающий к сердцу.

Она снова попыталась сделать вдох, но все тело, казалось, окаменело. Словно умерло, и теперь она просто выглядывала из него, не в состоянии вздохнуть, моргнуть, сделать хотя бы малейшее движение.

Но вот распад стены прекратился, и она заметила среди ее кирпичей мерцание, слишком сильное, чтобы быть просто игрой тени и света, и в то же время какое-то неопределенное и бесформенное.

Это человек, наконец поняла она, или то, что некогда было человеком. Тело его было разорвано на куски, а затем снова соединено или сшито, да так, что некоторых фрагментов не хватало вовсе, другие были перекручены и соединены Бог знает как, а третьи потемнели, словно от огня. Там был глаз, горящий глаз, он смотрел прямо на нее, и кусок позвоночника, лишенный мышц; какие-то плохо узнаваемые части плоти. Вот оно... То, что такое существо могло жить, крайне сомнительно, даже та малая часть плоти, которой оно владело, была безнадежно изуродована. И тем не менее оно жило... Глаз, несмотря на то, что коренился в гнили и тлении, глядел на нее пристально, обшаривая всю фигуру дюйм за дюймом.

Странно, но она совершенно не испугалась. Очевидно, это существо куда слабее ее. Оно слегка ерзало в своей нише, словно пытаясь устроиться поудобнее. Но это было невозможно, во всяком случае для такого создания, с обнаженными нервами и кровоточащими обрубками вместо конечностей. Любое перемещение приносило ему боль, это она знала наверняка. И пожалела его. А с чувством жалости пришло и облегчение. Ее тело выдохнуло наконец отработанный воздух и задышало, стремясь жить. Голова тут же перестала болеть.

И не успела она это сделать, как в гниющем шаре, представлявшем собой, видимо, голову монстра, открылось отверстие, и оно произнесло единственное еле слышное слово.

Слово было:

— Джулия...

2

Керсти поставила бокал на стол и попыталась встать.

— Ты куда? — спросил ее Невил.

— А ты как думаешь? — игриво ответила она вопросом на вопрос, стараясь выговаривать слова как можно отчетливее.

— Помощь нужна? — осведомился Рори. От спиртного веки у него набрякли, губы раздвинулись в ленивой усмешке.

— Я тут... тренированная...

Ответ вызвал со стороны гостей взрыв смеха. Она была довольна собой, ведь остроумием она прежде не славилась. И, пошатываясь, побрела к двери.

— Последняя дверь справа, у лестницы! — крикнул ей вслед Рори.

— Знаю, — ответила она и выкатилась в холл.

Ей никогда не нравилось быть навеселе, но сегодня алкоголь придавал бодрости и уверенности. Она ощущала себя свободной и легкомысленной и упивалась этим ощущением. Возможно, завтра она будет сожалеть об этом, но завтра — это завтра. А сегодня она испытывала ощущение полета.

Она нашла ванную и облегчила там свой ноющий от выпитого желудок, потом стала плескать холодную воду в лицо. Покончив с этим, решила, что теперь можно и возвращаться.

Пройдя шага три мимо лестницы, она вдруг обнаружила, что кто-то зажег на площадке свет, пока она находилась в ванной. И теперь этот кто-то стоял в нескольких метрах от нее. Она тоже остановилась.

— Эй?.. — вопросительно произнесла она.

Может, это любитель разведения котов отправился следом за ней доказать серьезность своих намерений?

— Это ты, что ли? — спросила она, смутно осознавая бессмысленность своего вопроса.

Ответа не последовало, и тут ей стало немного не по себе.

— Ладно, я серьезно, — она попыталась придать голосу игривость, чтоб скрыть тревогу. — Кто это?

— Я, — ответила Джулия. Голос ее звучал как-то странно. Хрипло. Может, она плакала?

— С тобой все в порядке? — спросила Керсти. Ей захотелось увидеть лицо Джулии.

— Да, — последовал ответ. — А почему бы нет? — Похоже, что, произнеся эти пять слов, Джулия снова обрела уверенность. Голос прояснился, стал четче и звонче. — Я просто устала, — продолжила она. — Похоже, вы там здорово веселитесь?

— Мы что, мешаем тебе уснуть?

— О, Бог ты мой, конечно, нет! — ответил голос. — Я просто шла в ванную.

Пауза, а затем:

— Иди к ним. Развлекайся.

Услышав это, Керсти двинулась к ней через лестничную площадку. В последний момент Джулия отшатнулась, избегая даже малейшего прикосновения.

— Приятных сновидений, — пожелала ей Керсти со ступенек.

Но никакого ответа от тени на площадке не последовало.

3

Джулия спала плохо. И в ту ночь, и в последующую.

Того, что она видела, слышала и наконец *чувствовала* в «сырой» комнате, было достаточно, чтоб раз и навсегда лишить ее счастливых сновидений, так ей во всяком случае казалось.

Это он был там. Он, Фрэнк, брат Рори, был все это время в доме, запертый от мира, в котором она жила и дышала, страшно далеко от нее и в то же время достаточно близко, чтобы осуществить этот призрачный, вызывающий лишь сострадание контакт. К причинам и истокам его появления там ключа у нее не было. Этот обломок человека, замурованный в стене, не имел достаточно сил и времени объяснить ей это.

Все, что он успел сказать перед тем, как стена начала твердеть снова и фигуру калеки начали затемнять кирпич и штукатурка, было: «*Джулия*»... А потом просто: «*Это я, Фрэнк*», а в конце еще одно последнее слово: «*Кровь...*»

Затем он исчез окончательно. Ноги у нее подкосились. Она, почти падая, стояла прислонившись к противоположной стене. К тому времени, как она немного пришла в себя, таинственное свечение исчезло, не было больше видно жалкой изнуренной фигуры, втиснутой в нишу. Она снова целиком и полностью вернулась в реальность.

Возможно, все же не полностью.

Фрэнк все еще находился здесь, в «сырой» комнате. В этом она нисколько не сомневалась. Его не видели глаза, но чувствовало ее сердце. Он заточен где-то в промежутке между той сферой, которую занимала она, и неким другим миром, миром, где звенели колокола и царила тревожная тьма... Умер ли он, вот что самое главное? Погиб в одиночестве в этой пустой комнате прошлым летом, а душа его осталась здесь и мается в ожидании изгнания нечистой силы? Если так, то что тогда произошло с его земной оболочкой? Только дальнейшее общение с самим Фрэнком, вернее тем, что от него осталось, может прояснить ситуацию.

В том, какими средствами она может помочь потерянной душе вновь обрести силу, сомнений больше не было. Он подсказал ей очень простое решение.

«*Кровь*», сказал он. Этот один-единственный слог прозвучал не как обвинение, но как приказ.

Рори пролил кровь на пол «сырой» комнаты, пятно почти тут же исчезло. Каким-то образом дух Фрэнка — если только действительно это был он — смог воспользоваться кровью брата, получив при этом приток энергии или питания, достаточный для того, чтобы высунуться из клетки и осуществить этот контакт с ней. Насколько же можно преуспеть, если источник этот увеличится?..

Она вспомнила объятия Фрэнка, их грубость, их звериную жестокость, настойчивость, с которой он овладевал ею. Что только не сделает она, чтобы снова испытать это. Ведь это вполне возможно. А если возможно, если она окажет ему необходимую поддержку, разве не ответит он благодарностью? Разве не станет ее рабом, ее игрушкой, жестокой или покорной ее воле? От этих размышлений спать окончательно расхотелось. Они унесли с собой рассудок и печаль. Она поняла, что была влюблена в него все это время и все это время оплакивала его. Если нужна кровь, чтоб вернуть его к жизни, она достанет эту кровь. И не будет слишком задумываться о последствиях.

В последующие за этим событием дни улыбка снова не сходила с ее губ. Рори воспринимал эту перемену в ее настроении как знак того, что она окончательно освоилась

и счастлива в своем новом доме. Видя это, и он воспрянул духом. И с новым рвением принялся за отделку комнат.

Скоро, сказал он, можно будет перейти к работам на втором этаже. Они найдут источник сырости в большой комнате, и он превратит ее в спальню, достойную принцессы.

Услышав эти слова, она поцеловала его в щеку и посоветовала не спешить: комната, где они спят сейчас, ее вполне устраивает. Разговор о спальне привел к тому, что он начал поглаживать ее по шее, затем притянул к себе и принялся нашептывать на ухо разные инфантильные непристойности. Она не отказала ему, напротив, покорно пошла наверх и позволила раздеть себя (он очень любил этим заниматься), расстегивая ее блузку запачканными краской пальцами. Она притворилась, что эта игра возбуждает ее, хотя это было далеко от истины. Единственное, что пробуждало в ней искру желания, когда она лежала на скрипевшей постели с Рори, сопящим между ее ног, был образ Фрэнка. Она закрывала глаза и отчетливо видела его таким, каким он некогда был...

Снова его имя было готово сорваться с ее губ, в который раз она подавляла, заталкивала обратно этот заветный слог. Наконец пришлось опять открыть глаза, и реальность предстала перед ней во всей своей разочаровывающей неприглядности. Рори покрывал ее лицо поцелуями. Щека ее нервно задергалась при этом прикосновении.

Она не в силах выносить этого, по крайней мере часто, осознала Джулия. Слишком уж большие требуются усилия — играть роль уступчивой жены. Сердце разорвется.

И вот именно тогда, впервые, лежа с Рори и чувствуя на лице прохладное дуновение сентябрьского ветра, струящегося из окна, она начала придумывать, как раздобыть кровь.

Глава пятая

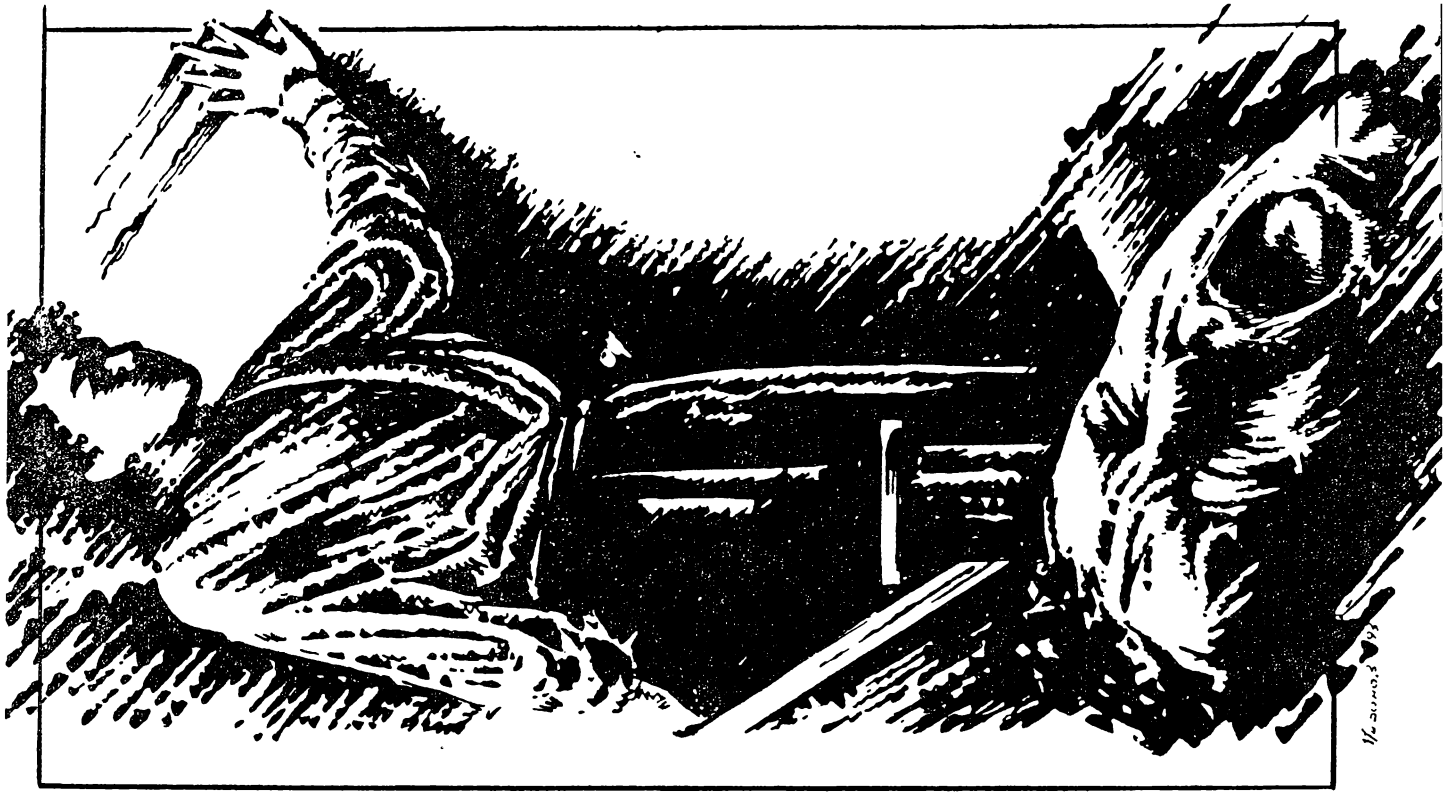
Иногда казалось, что прошла целая вечность, одна эра сменялась другой, а он все сидел, замурованный в стене, и в то же время подспудно чувствовал, что промежуток, отмеряемый этими эрами, позднее может оказаться часами, даже минутами.

Но теперь все изменилось, у него появился шанс *вырваться на волю*. Дух его стремительно взлетал и парил где-то в вышине при одной только мысли об этом. Впрочем, шанс невелик, обманываться нельзя. Как ни старайся, но все усилия могут пойти прахом, и тому есть несколько причин.

Во-первых, Джулия. Он помнил ее как вполне заурядную, любящую прихорашиваться женщину, чье воспитание напрочь лишило ее способности испытывать истинную страсть. Он, правда, попытался приручить ее однажды. Он вспомнил этот день наряду с тысячами ему подобных с некоторым чувством удовлетворения. Она сопротивлялась ровно в той мере, насколько требовали приличия или уязвленное самолюбие, а затем отдалась с такой непритворной обнаженной пылкостью, что он едва не потерял самообладания.

При других обстоятельствах он непременно увел бы ее из-под носа будущего мужа, но все же это было бы как-то не очень по-братски. И потом, через неделю или две она неизбежно наскучила бы ему, и пришлось бы не только возиться с бабой, чье тело уже мозолило бы глаза, но и опасаться преследований и мести со стороны брата. Нет уж, увольте, дело того не стоило.

Кроме того, ему еще предстояло покорять новые миры. На следующий день он отправился на восток, в Гонконг и Шри-Ланку, где его ожидали богатство и приключения. Что ж, они его дождались. И он попользовался ими какое-то время. Но все рано или поздно просачивалось у него меж пальцев, со временем он даже начал задаваться вопросом: терял ли он нажитое в силу неудачно сложившихся обстоятельств или же просто не слишком утруждался, чтобы удержать то, что имел. Мысль, однажды промелькнувшая в голове, развилась, оформилась и пошла дальше. В постоянно



сопровождавшем его развале и распаде он начал угадывать доказательства в поддержку все той же горькой истины: не было в мире существа или состояния собственного тела или духа, ради которого он согласился бы испытать хотя бы малейшее временное неудобство.

Звезда его начала стремительно падать. Месяца три он провел в глубокой депрессии, преисполненный такой острой жалости к себе, что несколько раз был на грани самоубийства. Но даже в этом выходе отказывал ему новообретенный нигилизм. Если не для чего жить, тогда и умирать вроде бы тоже не для чего, ведь так? И он продолжал метаться от одной тупиковой мысли к другой, пока все их не уносило потоком наркотически действующих на него безумств и разврата.

Как и при каких обстоятельствах услышал он впервые о шкатулке Лемаршана, он уже не помнил. Возможно, в баре или же в канаве, из уст какого-нибудь пьяного бродяжки. В ту пору был широко распространен слух, будто бы эта шкатулка содержала в себе невиданные наслаждения, в которых утомленные приевшимися радостями жизни люди могли обрести усладу и забвение. Но каков же путь к этому раю?

Путей было несколько, так говорили ему карты троп, проложенных между реальностью и запредельным, проторенных путешественниками, чьи кости уже давно обратились в прах. Одна такая карта хранилась в подвалах Ватикана, зашифрованная в теологическом манускрипте, который никто не читал со времен Реформации. Другой в форме загадки-оригами обладал, как говорили, маркиз де Сад, который, будучи заточен в Бастилию, выменял ее у охранника на бумагу, на которой впоследствии написал свои знаменитые «120 дней Содома». Еще одну изготовил французский мастер, создатель заводных поющих птичек по имени Лемаршан, изготовил в виде музыкальной шкатулки с такими секретами и фокусами, что человек мог потратить полжизни, но так и не добраться до сокрытых в ней чудес.

Легенды, легенды...

И все же он начал верить в то, что овладеть секретом не так уж и трудно. Секретом, позволяющим раз и навсегда

избавиться от тирании обыденности. Кроме того, это позволяло скоротать время, проводя его в полупьяных-полубредовых мечтах.

И вот в Дюссельдорфе, куда он отправился однажды с контрабандной партией героина, ему вновь довелось услышать историю о шкатулке Лемаршана. Любопытство его пробудилось снова, но только на этот раз он твердо вознамерился расследовать историю до конца, до самого, как говорится, ее истока. Имя человека, с которым он столкнулся на этом пути, было Керчер, хотя наверняка у такого типа имелось в запасе еще несколько имен. Да, немец подтвердил существование шкатулки, и, О! Да! он представлял себе, каким образом Фрэнк может ее заполучить. Цена? Ну что вы, какие деньги, так, мелкие услуги, самые что ни на есть пустяшные. Ничего особенного. И Фрэнк оказывал услуги, затем отмывал руки и требовал оплаты. И в конце концов получил ее.

Последовали подробнейшие инструкции от Керчера относительно того, как подобраться к секрету шкатулки Лемаршана, инструкции отчасти вполне практические, отчасти — метафизические. Чтобы разгадать головоломку, надо отправиться в путешествие, так сказал он. Похоже, что шкатулка представляла собой не то, чтобы карту дороги, но саму дорогу.

Новое занятие и цель быстро излечили его от наркотиков и пьянства. Возможно, существовали и другие пути изменить мир по образу и подобию своей мечты.

Он вернулся в дом на Лодовико-стрит, в пустой дом, в стенах которого был теперь заточен, и начал готовиться, строго следуя всем предписаниям Керчера, к разгадке головоломки Лемаршана. Никогда в жизни не был он столь воздержан и столь целеустремлен. В дни, предшествующие атаке на шкатулку, он вел образ жизни, созерцая который устыдился бы и святой, сконцентрировав всю свою энергию и волю на подготовке к церемонии.

Да, он был слишком самонадеян в стремлении хоть как-то приблизиться к Ордену Гэша, теперь он это отчетливо понимал, однако повсюду — *и в этом* мире, *и за его* пределами — существовали силы, подпитывающие эту само-

надеянность и спекулировавшие на ней. Но не только это подвело. Нет, настоящая и главная ошибка крылась в наивной вере, что *его* понимание наслаждений совпадает с представлением сенобитов об этом предмете.

Как бы там ни было, но они принесли ему бесчисленные страдания. Они оглушили его чувствительность, едва не довели до безумия, затем подготовили такую серию пыток, что каждый нерв, казалось, до сих пор содрогается при одном только воспоминании об этом. И они называли это наслаждением и, возможно, даже не кривили при этом душой!

Возможно. Впрочем, как знать, что творится в их душах и умах, они были столь безнадежно недосягаемы для понимания! Они не признавали никаких принципов поощрения и наказания, с помощью которых он надеялся вымолить у них хотя бы минутную отсрочку, перерыв в этих страданиях, не трогали их и мольбы о милосердии. А сколько раз он униженно умолял их об этом в течение недель и даже месяцев, отделявших момент разгадки секрета шкатулки от сегодняшнего дня.

Нет, по эту сторону пропасти не было места состраданию, здесь господствовали лишь рыдания и смех. Порой слезы радости — он, казалось, рыдал часами, но на деле это занимало не больше времени, чем короткий выдох и вдох. Порой хохот, исходящий, как ни парадоксально, при виде нового кошмара или новой пытки, которую предстояло испытать, какой-нибудь новой изощренной муки, специально изобретенной для него Инженером.

А пытки все усложнялись и утончались, изобретенные мозгом, утонченно и всеобъемлюще представляющим себе саму природу и суть страдания. Пленникам разрешалось заглядывать в мир, который они покинули. В перерывах между «наслаждениями» им давали передохнуть, причем именно в тех местах, где они некогда разгадали секрет головоломки, заведшей их в ад. В случае с Фрэнком это была комната на втором этаже дома №55 по Лодовико-стрит.

Почти целый год помещение представляло собой крайне печальное зрелище — ни одна нога не ступала в этот дом.

А потом, потом вдруг появились *они*. Рори и красавица Джулия. И надежда ожила в нем снова...

Пути к бегству существовали, он слышал порой еле внятный шепот, убеждавший его в этом; в системе существовали лазейки, позволяющие достаточно зрелому или изворотливому разуму найти выход в комнату, откуда он пришел. И если пленнику удастся ускользнуть, то иерофантам его уже не достать. Их придется специально призывать, чтоб они могли *переступить* через порог. Без такого «приглашения» они обречены торчать у порога, скребясь и царапаясь в дверь, но не имея возможности войти. Поэтому побег, если только он удастся, совершенно очевидно будет означать полный разрыв отношений с существами, с которыми он так опрометчиво связался. Это риск, но дело того стоит. А вообще-то никакого риска. Что может быть худшей пыткой, чем постоянная мысль о боли, без надежды избавиться, избежать ее.

Ему еще повезло. Многие пленники покинули реальный мир, не оставив в нем следа или знака, пользуясь которыми при удачном стечении обстоятельств можно было бы восстановить их тела. А он такой след оставил. Почти последнее его деяние в этом мире, не считая безумного вопля. Он пролил свое семя на пол. Мертвая сперма хранила в себе, пусть скудное, но все же отражение его собственного я; скудное, но вполне достаточное. Когда его драгоценный братец Рори, милый растяпа Рори, выронил из рук стамеску, у Фрэнка появилась надежда. Он нашел себе опору, ощутил прилив силы, которая вскоре поможет выбраться на свободу. Теперь все зависит от Джулии.

Иногда, страдая замурованный в стене, он думал, что она бросит его, просто от страха. Или это, или же сочтет представшее перед ней видение дурным сном и не примет его всерьез. И тогда... он пропал. Ему остро необходима была энергия, чтоб повторить эту вылазку.

И все же были какие-то признаки, вселявшие надежду. Тот факт, например, что она возвратилась после этого в комнату еще раза два или три и просто стояла в темноте, не сводя глаз со стены. Во второй раз она даже прошептала несколько слов, он уловил лишь их обрывки. Слово «*здесь*»

точно было среди них. И потом еще: «*жди*» и «*скоро*». Достаточно, чтобы обнадежить.

Было у него и еще одно основание для оптимизма. Она ведь, подобно ему, была потерянной душой, не так ли? Он прочитал это на ее лице, когда накануне того дня, как Рори поранился, они вместе заходили сюда, в комнату. Он угадывал это как бы между строк, в моменты, когда самообладание покидало ее и на лицо на секунду ложилась печать грусти и отчаяния.

Да, она была потерянной душой. Замужем за человеком, которого не любила, не в состоянии найти выхода из этой ситуации.

Что ж, прекрасно, этого ему и надо. Они могут спасти друг друга, как, по уверениям поэтов, всегда спасали друг друга влюбленные. Он был сама тайна, сама тьма, он был тем, о ком она мечтала. И если только ей удастся освободить его, он отблагодарит — о, да! — будет благодарить до тех пор, пока ее наслаждение не достигнет порога, за которым, как и за любым порогом, находится сфера, где сильный становится только сильней, а слабый погибает.

Там наслаждение было болью и наоборот. И он познал и то, и другое достаточно хорошо, чтоб называть это место домом.

Глава шестая

На третьей неделе сентября сильно похолодало, дыхание Арктики принесло с собой хищный ветер, горстями срывавший листья с деревьев.

Похолодание влекло за собой смену гардероба и изменение образа жизни. Джулия стала меньше ходить пешком, чаще пользовалась машиной.

В середине дня она ехала в центр города и заходила в бар, где торговля в обеденное время шла достаточно бойко, но и особого столпотворения тоже не было.

Посетители входили и выходили; заглядывали сюда молодые турки из какой-то адвокатской конторы, видимо находившейся поблизости, и обсуждали свои дела и планы;

собирались компании заядлых выпивох, отличавшихся от окончательно падших алкоголиков разве что относительно аккуратными костюмами; сидели за отдельными столиками люди, предпочитающие одиночество, и просто пили. Входя, она ловила на себе многие восхищенные взгляды, но исходили они в основном от турок.

Просидев однажды в баре целый час (народ немного рассосался, служащие разошлись после перерыва по своим конторам), она вдруг заметила, как кто-то ловит ее отражение в зеркале над баром. Минут десять он не сводил с нее глаз. Она продолжала потихоньку тянуть свой коктейль, пытаясь не показывать охватившего ее волнения. И потом вдруг без всякого предупреждения или знака с ее стороны он встал и направился к ее столику.

— Не скучно пить в одиночестве? — спросил он.

Ей захотелось бежать. Сердце заколотилось так сильно, что, казалось, сейчас он услышит его стук. Но нет. Он просто спросил, не желает ли она выпить еще; она согласилась. Явно довольный тем, что его не отвергали с ходу, он направился к бару, заказал два двойных виски и вернулся к ней. Лицо круглое, румяное, цветущее, темно-синий костюм на размер меньше, чем полагалось бы. Только глаза выдавали какое-то внутреннее беспокойство, задерживались на ее лице лишь на миг и тут же стреляли в сторону, как испуганные рыбки.

Беседа не должна быть слишком серьезной, это она для себя уже решила. Ей ни к чему знать про него слишком много. Ну разве что имя, если необходимо. Его профессия, материальное положение — только в случае, если он сам об этом заговорит. Все это неважно, главное — его тело...

Впрочем, до особых откровений не дошло, зря она опасалась. Встречались в ее жизни и куда более болтливые типы. Изредка он улыбался суетливой нервной улыбкой, обнажая слишком ровные, чтобы быть настоящими, зубы, и предлагал выпить еще. Наконец она ответила «нет», желая покончить с делом как можно быстрей, и спросила, не хочет ли он заглянуть к ней на чашечку кофе. Он тут же согласился.

— Дом всего в нескольких минутах езды, — сказала она, и они направились к машине. Крутя баранку, она про себя

удивлялась, до чего легко оказалось подцепить этот пыхтящий рядом с ней на сиденье кусок мяса. Возможно, этот человек с невыразительным взглядом и вставными зубами по самой натуре своей предназначен быть жертвой, обречен самой судьбой совершить это путешествие. Да, наверное, так оно и есть. И еще: она ни капельки не боялась, все было так просто и предсказуемо...

Не успела она повернуть ключ в двери и переступить через порог, как ей показалось, что с кухни донесся какой-то шум. Неужели это Рори вернулся домой раньше времени? Может, заболел? Она окликнула его. Ответа не последовало. В доме никого не было. Почти никого.

Едва переступив порог, она начала тщательно обдумывать план действий. Прежде всего надо затворить за собой дверь. Мужчина в синем костюме пристально разглядывал свои наманикюренные ногти, явно ожидая подсказки.

— Иногда бывает так одиноко, — заметила она и прошла мимо него, слегка задев бедром. Этот маневр был придуман в постели, прошлой ночью.

Вместо ответа он лишь кивнул, на лице сохранялось смешанное выражение недоверия и настороженности. Очевидно он просто не верил привалившему ему счастью.

— Хотите еще выпить? — спросила она. — Или сразу отправимся наверх?

Он снова кивнул.

— Похоже, я уже достаточно выпил.

— Тогда наверх.

Он нерешительно подался в ее сторону, возможно, намереваясь поцеловать. Но ей не хотелось никаких ласк или ухаживаний. Увернувшись от прикосновения, она направилась к лестнице.

— Сюда, за мной, — пригласила она.

Он послушно последовал за ней.

На верхней ступеньке она обернулась и заметила, как он стирает пот с подбородка платком. Подождав, пока он поравняется с ней, повела его по коридору к двери в «сырую» комнату.

Дверь была распахнута настежь.

— Входите, — сказала она.

Он повиновался. Ему понадобилось несколько секунд, прежде чем глаза привыкли к царившей в комнате темноте, и еще несколько секунд, прежде чем заметить:

— Но здесь нет кровати...

Она затворила за собой дверь и включила свет. У притолоки на гвозде висел старый пиджак Рори. В его кармане она спрятала нож.

Он повторил:

— Нет кровати...

— А чем плохо на полу? — спросила она.

— На полу?

— Снимай пиджак. Здесь тепло.

— Да, не холодно, — согласился он, но и не подумал ничего снимать. Тогда она подошла к нему и стала развязывать галстук. Он весь так и дрожал, бедняжка. Бедная бессловесная овечка... Она уже снимала галстук, когда он сбросил пиджак.

Интересно, видит ли это Фрэнк, подумала она. И исподтишка взглянула на стену. Да, наверное, он там... Он *видит*. Он *знает*. Он уже облизывается, весь в нетерпении...

«Овечка» снова открыла рот:

— Почему бы тебе... — начал он. — Почему бы... э-э, может, ты сделаешь то же самое?

— Что, хочешь увидеть меня голенькой? — дразняще улыбнулась она. При этих словах глаза его масляно заблестели.

— Да, — торопливо ответил он. — Да, хочу.

— Очень хочешь?

— Очень.

Он уже расстегивал рубашку.

— Ну тогда, может, и увидишь.

Он снова одарил ее улыбкой.

— Это что, игра такая? — спросил он.

— Может, и игра. Все от тебя зависит, — ответила она и помогла ему снять рубашку.

Тело у него оказалось восковой белизны и почему-то напомнило ей грибы. Грудь жирная, живот тоже. Она приложила ладони к его лицу. Он поцеловал кончики ее пальцев.

— Да ты красавица... — пробормотал он, с трудом выталкивая слова.

— Разве?

— Сама знаешь. Настоящая красавица. Самая красивая женщина, которую я когда-либо видел.

— Очень любезно с твоей стороны, — ответила она и повернулась к двери. Сзади послышалось звяканье пряжки пояса и шорох ткани по коже — это он стягивал брюки.

Сейчас или никогда, подумала она. Она не хотела видеть его в чем мать родила. И без того достаточно насмотрелась.

Она запустила руку в карман пиджака.

— Эй, дорогая, — раздался голос «овечки».

Она выпустила из пальцев нож.

— Ну что еще? — и обернулась. Если кольцо на пальце могло еще ничего не значить, то теперь его семейное положение было для нее уже совершенно очевидным. О том, что он женат, говорили чудовищные трусы: громадные, мешковатые, стираные-перестираные, интимный предмет туалета, несомненно купленный женой, давным-давно переставшей думать о своем муже как об объекте сексуальных удовольствий.

— Я... э-э... Кажется, мне придется пойти отлить, — сказал он. — Слишком уж много виски выпил.

Слегка пожав плечами, она снова отвернулась к двери.

— Я мигом, — сказал он ей в спину.

Но рука ее оказалась в кармане пиджака прежде, чем эти слова достигли ушей, и не успел он шагнуть к двери, как она уже обернулась к нему, сжимая в пальцах нож.

Он надвигался на нее слишком быстро и не замечал ножа до последней секунды, и даже когда заметил, на лице его отразилось скорее удивление, нежели страх. Впрочем, сохранялось это выражение не дольше мига. Нож уже вонзился в него, вошел легко и мягко, точно в зрелый сыр. Она нанесла один удар, затем еще один.

И как только выступила кровь, ей показалось, что комната замерцала, а кирпичи и штукатурка словно затрепетали при виде красных фонтанчиков, хлещущих из него.

Какую-то долю секунды она наслаждалась этим зрелищем, но тут «овечка» испустила визгливое проклятие, и

вместо того, чтобы отшатнуться от ножа, как она ожидала, он шагнул к ней и выбил оружие из ее рук. Нож со звоном полетел по полу и остановился у плинтуса. А он набросился на нее.

Он запустил ей руку в волосы, крепко зажал одну прядь. Но целью было вовсе не насилие или месть, нет, он хотел бежать, и, оттолкнув ее от двери, тут же выпустил прядь. Она отлетела к стене и секунду лежала, наблюдая, как он возится с дверной ручкой, зажимая другой рукой раны на животе.

Быстрее, сказала она себе. И, казалось, одним движением подлетела сперва к ножу, валявшемуся на полу, затем к нему. Он уже успел отворить дверь на несколько дюймов. Но тут она ударила его сзади, вонзила нож прямо в спину. Он взвыл и выпустил дверную ручку. Она уже выхватила нож из раны и вонзила в него еще раз, потом третий и четвертый. Она уже потеряла счет этим ранам, ослепленная злобой за его отказ спокойно лечь и умереть.

Он, шатаясь, прошел несколько шагов, завывая и всхлипывая, кровь обильно стекала по ягодицам и ляжкам. И наконец, казалось, через целую вечность этих комичных метаний и воя, споткнулся и рухнул на пол.

На этот раз она была уверена: слух не подвел ее. Комната или дух, находящийся в ней, ответили на ее действия еле слышным возгласом одобрения.

Где-то вдалеке зазвонил колокол...

Почти автоматически она отметила про себя, что «овечка» перестала дышать. Она пересекла залитые кровью доски пола, подошла к неподвижно застывшему телу и спросила:

— Ну что, довольно?

А потом пошла в ванную.

Уже выйдя на площадку, она услыхала, как комната позади нее стонет — иного слова подобрать было невозможно. Она приостановилась, уже готовая вернуться туда. Но кровь на руках сохла быстро — противное, липкое ощущение.

Оказавшись в ванной, она сорвала с себя блузку в цветочек и вымыла сперва руки, потом плечи, усыпанные веснушками, и, наконец, шею и грудь. Купанье холодило и

одновременно бодрило. Она чувствовала себя прекрасно. Ну вот, дело сделано. Она отмыла нож, сполоснула раковину и вернулась к лестнице, даже не удосужившись вытереться или одеться.

Впрочем, как оказалось, в том вовсе не было нужды. Воздух в комнате с каждой секундой нагревался, становилось жарко, словно в печке, по мере того, как энергия, заключенная в мертвом теле, выкачивалась из него. Все происходило страшно быстро. Кровь на полу уже ползла к стене, где находился Фрэнк, ее капельки вскипали и испарялись, едва успев достигнуть плинтуса. Словно зачарованная, наблюдала она какое-то время за этим процессом. Но мало того. С телом тоже что-то происходило. Похоже, из него высасывались все до единого питательные элементы, так как оно содрогалось, корчилось, газы бурлили в кишках и горле, кожа расползалась прямо перед ее изумленными глазами. В какой-то момент в глотку провалилась вставная челюсть и голые десны сомкнулись.

В течение нескольких секунд все было кончено. Казалось, из тела были забраны все сколько-нибудь пригодные элементы, в оставшейся от него оболочке могло разместиться разве что гнездо блох. Да, это производило впечатление.

Внезапно лампочка под потолком замерцала. Она с надеждой взглянула на стену, ожидая, что она вот-вот дрогнет и выпустит на волю ее возлюбленного.

Но нет. Лампочка погасла. Лишь слабый свет струился с улицы сквозь истертые временем шторы.

— Где ты? — спросила она.

Стены молчали.

— *Где же ты?*

Снова молчание. В комнате становилось прохладнее. Груди ее покрылись мурашками. Она наклонилась и, сощурившись, всмотрелась в светящийся циферблат часов, свисавших с иссохшей руки «овечки». Часы все еще шли, безразличные к катастрофе, постигшей их владельца. Стрелки показывали время: 16.41. Рори возвращается примерно в пять пятнадцать, в зависимости от движения на улицах. До его прихода надо успеть переделать еще кучу дел.

Свернув синий костюм и остальные вещи, она рассовала их по пластиковым пакетам, а затем отправилась на поиски более вместительной сумки для останков. Она ожидала, что Фрэнк как-то поможет ей с этим, но он так и не показался, и потому выбора не было — придется все делать самой.

Вернувшись в комнату, она заметила, что распад останков «овечки» все еще продолжается, хотя и сильно замедлился. Вероятно Фрэнк все еще находит вещества, которые можно выжать из трупа, хотя лично она в этом сильно сомневалась. Вероятнее другое — оставшаяся от тела оболочка, лишенная костного мозга и всей жизненно необходимой жидкости, не в состоянии была сохранить прежнюю свою форму. Затолкав все в сумку, она с удивлением отметила, что весит он теперь не больше ребенка. Задернув на сумке молнию, она уже приготовилась снести ее к машине, как вдруг услышала, что хлопнула входная дверь.

Этот звук дал выход панике, которую до сих пор она так усердно старалась подавить. Она вся задрожала, к глазам подступили слезы.

— Не сейчас, *только не сейчас*, — твердила она себе, но не было больше сил подавлять обуревавшие ее чувства.

Из холла снизу донесся голос Рори:

— Лапуся!

Лапуся! Она бы расхохоталась, если б не охвативший ее страх. Да, она здесь, его лапуся, его ласточка, если ему так уж не терпится ее видеть. Здесь, с только что отмытыми от крови руками и грудками. И с сумкой, где лежит тело мертвеца.

— Где ты?

Она чуть поколебалась, прежде чем ответить, опасаясь, что голосовые связки подведут, выдадут ее.

Он окликнул ее в третий раз, но уже более приглушенно — видимо, зашел в кухню. Ровно через секунду он обнаружит, что и там ее нет, что она вовсе не торчит у кастрюли за приготовлением соуса. И тогда он выйдет в холл и поднимется сюда. У нее было десять секунд, максимум пятнадцать.

Стараясь ступать как можно тише из опасения, что он может услышать ее шаги наверху, она понесла узел в

пустующую комнату, находившуюся по другую сторону от лестничной площадки. Слишком маленькую, чтоб ее можно было использовать под спальню, разве что детскую. И поэтому они устроили там нечто вроде склада ненужных вещей. Там громоздились пустые коробки из-под чая, мебель, которой не нашлось места в других комнатах, прочий разнообразный хлам. Вот здесь на время можно спрятать тело, за спинкой сломанного кресла. Потом она заперла за собой дверь. Рори в это время уже подошел к лестнице. Сейчас он поднимется...

— Джулия? Джулия, дорогая! Ты здесь?

Она проскользнула в ванную и подошла к зеркалу — взглянуть на свое лицо. Растрепанная, щеки покраснели, словно она смущена. Она схватила блузку, брошенную на край ванны, и надела ее. Блузка слегка пахла потом, между цветочками виднелись капли крови, но больше надеть было просто нечего.

Он поднимался по лестнице, шаги отдавались слоновьим грохотом.

— Джулия?

На этот раз она ответила, сделав над собой огромное усилие, чтоб не дрожал голос. Зеркало подтверждало худшие опасения: скрыть от него тревогу и растерянность не удастся. Придется сослаться на нездоровье.

— Ты в порядке? — он уже стоял у двери.

— Нет, — ответила она. — Что-то мне нехорошо...

— О, милая...

— Ничего, через минуту все будет нормально.

Он повернул ручку, но она предусмотрительно заперлась изнутри на задвижку.

— Можешь ты оставить меня хоть на минуту в покое?!

— Может, врача вызвать?

— Нет, — ответила она. — Не надо врача. Правда, не надо. Но я бы с удовольствием выпила глоток бренди.

— Бренди?

— Через две секунды выхожу.

— Как желаете, мадам, — сострил он.

Она считала ступеньки, пока он спускался по ним. Вроде бы внизу... Рассчитав, что теперь он ничего не услышит,

она тихонько отодвинула задвижку и выскользнула на площадку.

На улице быстро смеркалось, на площадке стояла почти полная тьма.

Она услышала доносившийся снизу звон бокалов. И торопливо метнулась в комнату Фрэнка.

Там тоже было темно и стояла мертвая тишина. Стены больше не дрожали, колокольного звона слышно не было. Она затворила за собой дверь. Дверь еле слышно скрипнула.

Да, не слишком-то тщательно она здесь убирала. На полу валялись следы праха, человеческого праха, валялись какие-то трудно различимые в темноте куски иссохшей плоти. Опустившись на колени, она принялась аккуратно подбирать их. Рори был прав. Она — идеальная *домохозяйка.*

Поднявшись, она заметила какое-то легкое движение в сгустившихся в комнате сумерках. Начала напряженно всматриваться во тьму, но прежде чем удалось разглядеть нечто, застывшее в дальнем углу, раздался голос:

— Не смотри на меня...

Усталый голос, голос человека, бесконечно измученного и утомленного жизнью. Усталый, но вполне *конкретный* и узнаваемый. В нем угадывались такие знакомые ей нотки...

— Фрэнк... — прошептала она.

— Да... — ответил разбитый голос. — Это я...

Рори окликнул ее снизу:

— Ну как, тебе лучше?

Она подошла к двери.

— Гораздо лучше, — ответила она.

Невидимое за ее спиной существо вдруг быстро и яростно прошелестело:

— Не впускай его! *Не подпускай ко мне близко!*

— Ладно, — ответила она ему шепотом. Потом крикнула Рори: — Через минуту выхожу. Поставь-ка музыку. Что-нибудь успокаивающее.

Рори ответил, что поставит, и вернулся в гостиную.

— Я все еще только получеловек, — заговорил голос Фрэнка. — Не хочу, чтоб ты меня видела... И другие

тоже... Не хочу, чтоб видели меня... таким. — Он помолчал, потом заговорил снова, тише: — Мне нужна еще кровь, Джулия.

— Еще?

— И быстро.

— Но сколько это, еще? — спросила она тень. На этот раз ей удалось лучше рассмотреть то, что находилось там, в углу. Неудивительно, что он не хочет, чтоб его видели.

— Еще, просто еще, — сказал он. И хотя голос был так слаб, что даже шепотом назвать его было трудно, она уловила в нем пугающую настойчивость. И содрогнулась.

— Мне надо идти, — сказала она, услышав, как заиграла внизу музыка.

На этот раз тень не ответила. Уже у двери Джулия обернулась.

— Я рада, что ты приходил, — сказала она. И уже затворяя за собой дверь услышала позади звук, одновременно напоминавший и смех, и рыданье.

Глава седьмая

1

— Керсти? Это ты?

— Да. Кто это?

— Рори...

Линия работала плохо, из трубки доносились шорох и всхлипы, словно ливень, хлеставший за окном, проник в телефон. И все же она была так счастлива слышать его голос. Он звонил ей крайне редко, а если и звонил, то говорил не только от своего имени, но и от Джулии тоже. Правда, на этот раз было по-другому. На этот раз Джулия служила предметом разговора.

— С ней творится что-то неладное, Керсти, — сказал он. — А в чем дело, не пойму.

— Ты хочешь сказать, она заболела?

— Возможно... Она ведет себя со мной так странно... И еще она ужасно выглядит.

— Ну а ты ее спрашивал?

— Она твердит, что все прекрасно. Но я чувствую, на самом деле это не так. Может, она тебе что говорила?

— Нет. Мы же не виделись с того самого дня, с новоселья.

— Да, и вот еще что. Она совершенно не хочет выходить из дома. Это так на нее не похоже!

— Может, ты хочешь, чтоб я... ну, поговорила с ней, что ли?

— А ты сможешь?

— Не знаю, будет ли от этого толк. Но почему не попробовать?

— Только не говори, что я тебя просил...

— Конечно не скажу, не беспокойся. Загляну к ней ну, скажем, завтра, как бы между прочим...

(*«Завтра, это должно быть завтра».*

«Да, знаю...»

«Я боюсь. Мне кажется, я теряю силы... Начал снова ускользать туда... назад».)

— Тогда я позвоню тебе в четверг, с работы, ладно? И ты расскажешь, что удалось выяснить.

(*«Ускользаешь?»*

«Они уже знают, что я собрался бежать».

«Кто знает?»

«Те, из Ордена Гэша. Мерзавцы, которые взяли меня и теперь...»

«Они тебя ждут?»

«Да. За стеной».)

Рори рассыпался перед ней в благодарностях, она в свою очередь отвечала, что это ее долг как друга. Затем он повесил трубку, предоставив ей слушать шум дождя на линии.

Теперь Джулия принадлежала им обоим. Они стали союзниками, объединенными тревогой о ее благополучии, озабоченными, как бы, не дай Бог, ей не привиделись дурные сны.

Пусть так, но это давало ощущение близости.

2

Мужчина в белом галстуке не стал терять времени даром. Едва успев положить глаз на Джулию, он тут же подошел к ней. За те секунды, пока он направлялся к ней через зал, она решила, что это — неподходящий объект. Слишком крупный, слишком самоуверенный. Столкнувшись с сопротивлением той, первой жертвы, она отныне намеревалась действовать более осмотрительно.

И поэтому, когда Белый Галстук спросил, что она будет пить, она в ответ попросила оставить ее в покое.

Очевидно, он не впервые получал отпор, так как, не медля ни секунды, развернулся и двинул к бару. Она принялась за свой коктейль.

Сегодня опять льет как из ведра, дождь продолжается вот уже почти трое суток, и в баре было гораздо меньше посетителей, чем на прошлой неделе. Вот с улицы заскочили какие-то вымокшие до нитки крысята, но ни один не удостоился ее сколько-нибудь пристального взгляда

Пора уходить. Шел уже третий час. Все равно уже поздно и нельзя рисковать — а вдруг Рори придет с работы чуть раньше и застигнет ее, как тогда?

Она залпом допила коктейль, поставила бокал на стол и решила, что сегодня день для Фрэнка невезучий. Однако, когда она вышла из бара под дождь и, раскрыв зонтик, направилась к машине, сзади послышались шаги. И вот Белый Галстук уже поравнялся с ней и, слегка склонив голову к ее уху, шепчет:

— Моя гостиница тут, неподалеку.

— О... — неопределенно ответила она и ускорила шаг. Но от него оказалось не так-то просто отвязаться.

— Я здесь всего два дня, — сказал он.

Не смей поддаваться искушению, приказала она себе.

— Просто умираю от скуки, ищу, с кем бы поболтать... — продолжал он. — Два дня, наверное, ни с одной живой душой не говорил.

— Правда?

Он придержал ее за руку. Сжал так сильно, что она едва не вскрикнула. И в тот же миг поняла — решено. Сегодня

она убьет его. Похоже, он заметил промелькнувшую в ее глазах искорку, но истолковал ее превратно.

— Так что, в гостиницу? — спросил он.

— Терпеть не могу гостиниц. Они такие... безликие.

— Есть вариант получше? — спросил он.

Ну разумеется, у нее был вариант.

В холле он повесил промокший плащ на вешалку. Она предложила выпить, и он не отказался. Звали его Патрик, родом он был из Ньюкасла.

— Я здесь по делам. Впрочем, идут они из рук вон плохо.

— Отчего же?

Он пожал плечами.

— Наверное, оттого, что я просто плохой коммерсант. Вот и вся причина.

— А чем вы торгуете? — спросила она.

— А что вам надо? — молниеносно парировал он.

Она усмехнулась. Да, следует как можно быстрее вести его наверх, он начинает ей нравиться, этот коммерсант.

— Почему бы не продолжить столь занимательную беседу наверху? — спросила она. Вопрос звучал слишком прямолинейно, но ничего другого в голову не пришло. Он одним глотком осушил стакан и последовал за ней.

На этот раз она не оставила дверь открытой. Она была заперта, и это явно заинтриговало его.

— После вас, — сказал он, когда она распахнула дверь в «сырую» комнату.

Она вошла первой. Он — следом за ней. На этот раз никаких раздеваний, решила она. Нельзя давать ему даже малейшего шанса заподозрить, что они в комнате не одни.

— Ну что, будем трахаться прямо на полу? — осведомился он.

— А что, есть возражения?

— Да нет, если это тебя устраивает, — ответил он и впился в ее рот долгим поцелуем, она чувствовала, как горячий и острый язык щекочет ей десны. Да, в нем была страсть, это несомненно, его рука уже скользнула к молнии на брюках.

Но ей прежде всего надо думать о деле. Пролить кровь и накормить голодного.

Она с трудом оторвалась от его губ и попыталась выскользнуть из объятий. Нож находился там же, в кармане пиджака у двери. Пока он вне досягаемости, ей вряд ли хватит сил сопротивляться ему.

— В чем дело? — спросил он.

— Ни в чем... — пробормотала она. — Куда торопиться... У нас полно времени, — и она прикоснулась к молнии на брюках и погладила его. Он закрыл глаза, словно статуя, которую ласкают.

— Странная ты какая-то... — заметил он.

— Не смотри! — приказала она.

— Почему?

— Не открывай глаз.

Он слегка нахмурился, но повиновался. Она тихонько отошла к двери и начала шарить в кармане пиджака, осторожно косясь в его сторону — а вдруг подглядывает?

Но он не подглядывал, а начал раздеваться. Не успели ее пальцы сомкнуться на рукоятке, как тени в комнате издали, казалось, тихое рычание.

Он услыхал этот звук и тут же открыл глаза.

— Что это? — спросил он и начал озираться, всматриваясь во тьму.

— Да ничего, — пробормотала она, вытягивая нож из кармана. А он уже отходил от нее в другой конец комнаты.

— Там кто-то есть...

— *Никого там нет!*

— Вон...

Последний слог буквально замер у него на губах, когда он различил легкое движение в углу, у окна.

— Что, черт побери... — начал он, но не успел закончить фразу.

Она уже была рядом и полоснула его по шее, точно заправский мясник. Кровь так и хлынула из раны, толстой густой струей ударив в стену.

Она слышала, как Фрэнк застонал от удовольствия, слышала, как жалобно застонал мужчина — низким глухим голосом. Рука его поднялась к горлу, видимо, он намеревался зажать рану, но она снова занесла нож и полоснула его по руке, потом — по лицу. Он зашатался, испустил не то

стон, не то рыдание и, наконец, рухнул на пол и забился в агонии.

Она отошла, ей не хотелось, чтобы он задел ее ногами. В углу комнаты возникла раскачивающаяся, точно маятник, фигура Фрэнка.

— Умница... Молодец, — сказал он.

Было ли это игрой воображения, или она действительно слышала его голос, сильно окрепший? Куда более похожий на голос, звучавший в ее памяти все эти напрасно прошедшие для нее годы.

В дверь позвонили. Она замерла.

— О, Господи, — пробормотали ее губы, казалось, против собственной ее воли.

— Все в порядке, — произнесла тень. — Он умер...

Она перевела взгляд на человека в белом галстуке и убедилась, что Фрэнк прав. Агония прекратилась.

— Он такой большой... — заметил Фрэнк. — И здоровый...

Он выдвинулся из темного угла, настолько сильной была, видимо, жажда насытиться, что даже ее взгляд уже не смущал его. Впервые за все время она разглядела его довольно отчетливо. Это была пародия на человека. Даже не на человека, на жизнь вообще. Она отвернулась.

В дверь позвонили снова, на этот раз еще настойчивей.

— Иди открой, — коротко бросил Фрэнк.

Она не ответила.

— *Иди*, — повторил он, повернув к ней свою ужасную голову: среди сплошной гнойной раны ярко горели глаза.

Звонок прозвенел в третий раз.

— Твой посетитель очень настойчив, — заметил он, пытаясь действовать методом убеждения. — Я считаю, ты все же должна открыть.

Она отшатнулась от него, и он снова сосредоточил все свое внимание на теле, распростертом на полу.

Снова звонок.

Пожалуй, лучше действительно открыть. Она уже торопливо выходила из комнаты, стараясь, не слушать звуки, которые издавал Фрэнк. Да, открыть эту проклятую дверь. Наверное, какой-нибудь страховой агент или проповедник

из иеговистов, пекущийся о спасении ее души. Самое время его послушать. В дверь позвонили опять.

— Иду! — крикнула она и заторопилась, вдруг испугавшись, что он уйдет. Затем изобразила на лице приветливую улыбку, готовясь встретить посетителя. Но улыбка тут же исчезла.

— Керсти?

— А я уж собралась уходить...

— Я... я просто заснула и...

— А-а...

Керсти смотрела на нее через щель в приоткрытой двери. По уверениям Рори она ожидала увидеть измученное больное создание. Но увиденное никак не соответствовало этому описанию. Лицо Джулии раскраснелось, растрепанная прядь волос прилипла к вспотевшему лбу. Она вовсе не походила на женщину, только что поднявшуюся с постели. Вернее, поднявшуюся, но только не после сна.

— Я просто шла мимо, — сказала Керсти. — И решила заглянуть, проведать тебя, поболтать.

Джулия пожала плечами.

— Э-э... видишь ли, мне сейчас не совсем удобно, — сказала она.

— Понимаю...

— Может, как-нибудь потом, на неделе?

Взгляд Керсти устремился за спину Джулии, к вешалке в холле. Там висел все еще сырой мужской габардиновый плащ.

— А что, разве Рори дома? — спросила она.

— Нет, — ответила Джулия. — Конечно, нет. Он на работе.

Лицо ее потемнело.

— Так ты за этим пришла? — спросила она. — Повидаться с Рори?

— Нет, я...

— Ты же знаешь, в этом случае вовсе не стоит спрашивать моего разрешения! Он взрослый человек, ты тоже. Вы вольны делать все, что вам, черт бы вас побрал, заблагорассудится!

Керсти не стала оправдываться и спорить. От такого поворота событий у нее просто голова пошла кругом.

— Отправляйся домой, — жестко сказала Джулия. — Не желаю с тобой разговаривать.

И она захлопнула дверь.

С полминуты Керсти стояла на пороге, вся дрожа. Да, теперь ей все стало ясно. Этот промокший плащ в прихожей, замешательство Джулии, раскрасневшееся ее лицо, внезапный приступ гнева. Да у нее в доме любовник! Бедный Рори, как же он заблуждался!

Она сошла с крыльца и двинулась по тропинке к калитке. Ее обуревали самые противоречивые мысли и чувства. Теперь, когда предательство Джулии стало очевидным, что она скажет Рори? Да новость просто разобьет его сердце, это несомненно. И именно на нее, сплетницу, носительницу дурных вестей, обрушится в первую очередь его гнев и ляжет пятно позора. Она чувствовала, как на глаза наворачиваются слезы.

Но слезам так и не суждено было пролиться. Они были подавлены другим, более сильным ощущением, охватившим ее, как только она вышла на улицу.

За ней наблюдают. Она физически ощущала чей-то взгляд на затылке. Может, Джулия? Но ей почему-то казалось, что это не она. Тогда, ее любовник... Да, любовник!

Выйдя из тени, отбрасываемой домом, она собралась с духом и обернулась.

Фрэнк, стоя у окна в «сырой» комнате, следил за ней через дырочку, проделанную в шторе. Посетительница, чье лицо показалось ему отдаленно знакомым, смотрела на дом. Да, прямо на его окно. Уверенный, что она ничего не заметит, он продолжал разглядывать ее. Что ж, ему доводилось встречать в жизни куда более соблазнительных женщин, но именно это отсутствие внешнего блеска казалось сейчас привлекательным. Богатый опыт подсказывал, что такие женщины куда более занятны, нежели красотки типа Джулии. Их довольно просто лестью или силой склонить к действиям, на которые красавицы не пойдут никогда, они еще и благодарны будут за то, что на них обратили внимание.

Может, она появится здесь еще раз, эта девица? Во всяком случае, он на это надеялся.

Керсти внимательно оглядела фасад дома, но ничего подозрительного не заметила. Окна были пусты или зашторены. И все же ощущение, что за ней наблюдают, на оставляло ее, напротив, даже усилилось, и еще вдруг она почему-то смутилась.

Пока она шла по Лодовико-стрит, дождь припустил с новой силой. Она была рада ему. Капли охлаждали разгоряченное лицо и помогали скрыть слезы, которые теперь она уже не сдерживала.

3

Джулия, вся дрожа, поднялась наверх и у самой двери обнаружила... Белый Галстук. Вернее, его голову. На сей раз то ли от жадности, то ли по злобе Фрэнк разорвал труп на части. По всей комнате были разбросаны осколки костей и куски высохшего мяса.

Однако самого гурмана видно не было.

Она повернулась к двери — он стоял там, преграждая ей путь. Считанные минуты прошли с тех пор, как она оставила его, склонившегося над трупом, высасывать энергию. И он неузнаваемо изменился за этот короткий промежуток времени. Там, где прежде виднелись иссохшие хрящи, появились набирающие силу мышцы, начали прорисовываться вены и артерии, они пульсировали, наполнялись украденной у мертвеца жизнью. На голом шаре головы даже начали пробиваться волосы, что казалось несколько преждевременным, так как кожа еще не наросла.

Впрочем, все эти изменения нисколько не улучшили его внешности. Даже напротив, только во многих отношениях ухудшили. Если прежде он был практически неузнаваем, то теперь на фоне возникших проблесков человекообразия лишь отчетливее выявилось его уродство.

Но дальше стало еще страшней. Он заговорил, и голос его был уже несомненно голосом Фрэнка. Ни хрипоты, ни заикания...

— Мне больно... — сказал он.

Бровей на лице не было, полуприкрытые веками глаза следили за каждым ее движением. Она попыталась подавить отвращение, но чувствовала, что усилия ее напрасны.

— Мои нервы... они снова ожили, — сказало чудовище. — И это страшно *больно*.

— Чем я могу помочь? — спросила она.

— Может... может, какая-нибудь повязка?

— Повязка?

— Ну да. Может, ты меня перевяжешь, и станет лучше.

— Хорошо. Как скажешь.

— Но этого мало, Джулия. Мне нужно еще одно тело.

— Еще? — воскликнула она. Господи, когда же настанет конец этому кошмару!

— А что нам терять? — ответил он и пододвинулся поближе. Нервы ее напряглись до предела. Прочитав на ее лице страх, он снова замер.

— Скоро я буду в порядке, — прошептал он. — Целым, как раньше. И тогда...

— Давай я лучше приберу здесь, — предложила она, отвернув от него взор.

— Когда это произойдет, милая Джулия?

— Рори скоро придет.

— *Рори!* — он яростно выплюнул это имя. — Мой милейший братец! Как только тебя угораздило выйти замуж за такого тупицу?

Она вдруг разозлилась на Фрэнка.

— Я люблю его, — сказала она, но через секунду поправилась: — Думала, что люблю.

Хохот, раздавшийся в ответ, казалось, только усугубил безобразие.

— Просто не верится! — воскликнул он. — Ведь он же слизняк, больше никто! Всегда им был. И всегда будет. Никогда не испытывал тяги и вкуса к приключениям.

— В отличие от тебя.

— В отличие от меня.

Она взглянула на пол. Между ними лежала рука мертвеца. На секунду показалось, что ее сейчас вырвет от отвращения к себе. Все, что она совершила за последние дни и еще планировала совершить, предстало перед ее глазами во

всей своей чудовищной беспощадной неприглядности: этот парад совращений, который всякий раз заканчивался убийством, убийством, за которым, как она лихорадочно надеялась, последует новое совращение. Да, она проклята, как и он, это несомненно; нет такой подлой и грязной мысли, угнездившейся в его голове, которая бы рано или поздно не стала бы ее навязчивой идеей.

Но... сделанного не поправить.

— Вылечи меня, — прошептал он. Настойчивость и грубость больше не звучали в его голосе. Он говорил просительно и нежно, как любовник. — Вылечи... Пожалуйста.

— Да, — ответила она. — Вылечу. Обещаю тебе.

— И тогда мы снова будем вместе.

Она нахмурилась.

— А как же Рори?

— Все мы в душе своей братья, — ответил Фрэнк. — Я уговорю его. Заставлю понять, что это единственный выход. Что это разумно и неизбежно. Ты больше не принадлежишь ему, Джулия. Больше нет.

— Нет, — ответила она. И это было правдой.

— Мы принадлежим друг другу. Ты же этого хотела, ведь верно?

— Да, хотела.

— И знаешь, будь я на твоем месте, я бы не отчаивался, — сказал он. — И не стал бы продавать свою душу и тело так дешево.

— Дешево?

— Ну, ради удовольствия. Ради каких-то новых ощущений. В тебе... — он снова приблизился к ней. На этот раз она, завороженная его словами, не отстранилась. — В тебе я б обрел... ну, новый смысл жизни, что ли...

— Я с тобой, — ответила она без каких-либо колебаний. Потом протянула руку и дотронулась до него. Тело было горячим и влажным на ощупь. Пульсировал, казалось, каждый его миллиметр. Каждый, даже самый маленький, нервный узелок, каждая нарастающая мышца.

Этот контакт возбудил ее. Словно до сих пор, до этого момента она до конца не верила в его реальность. Теперь же его присутствие в ее жизни неоспоримо. Она создала этого

человека, *сделала*, вернее, переделала его, употребив всю свою волю, разум и изворотливость, чтобы добывать ему питание. И возбуждение, которое испытывала она, дотрагиваясь до этого беззащитного тела, было сродни чувству собственности.

— Сейчас самое опасное время, — сказал он ей. — До сих пор я мог как-то скрываться. Ведь я был практически ничто. Теперь же совсем другое дело.

— Да, я уже думала об этом.

— И мы должны поторопиться. Мне надо стать сильным и целым любой ценой. Ты согласна?

— Конечно.

— И после этого конец всем ожиданиям, Джулия.

Казалось, даже пульс у него участился от этой мысли.

И вот он уже опускается перед ней на колени. Вот его изуродованные пальцы коснулись ее бедер, затем он прижался к ним ртом.

Борясь с приступом отвращения, она положила руку ему на голову и дотронулась до волос. Тонкие, шелковистые, как у младенца, под ними отчетливо прощупывался череп. За время, прошедшее со дня их первой, столь памятной для нее, встречи, он так и не научился деликатности. Но отчаяние научило ее выжимать кровь из камня. Со временем она добьется любви от этого чудовища, она была в этом твердо уверена, сама не понимая почему.

Глава восьмая

1

Ночью гремел гром. Разразилась гроза без дождя, отчего в воздухе остро пахло сталью.

Керсти всегда спала плохо. Даже ребенком, несмотря на то, что мать ее знала колыбельные, способные успокоить и усыпить целую нацию, девочка засыпала с трудом. И не то, чтобы ей до рассвета снились какие-то особенно дурные сны, нет. Дело было в самом процессе закрывания глаз, ослабле-

нии контроля над сознанием. Она постоянно сопротивлялась именно этому.

Сегодня, когда гром грохотал так раскатисто и громко, а молнии блистали так ярко, она была счастлива. У нее появился предлог не спать, покинуть смятую постель, сесть пить чай и наблюдать за грандиозным спектаклем природы, разворачивающимся за окном.

Появилось и время подумать, поразмыслить над загадкой, мучившей ее с момента посещения дома на Лодовико-стрит. Впрочем, эти размышления нисколько не приблизили ее к разгадке.

Мучило одно сомнение. А что, если она просто ошиблась, что, если ей показалось? Что, если она неверно истолковала виденное, и у Джулии имеются вполне убедительные объяснения. Тогда она может разом потерять Рори, рассориться с ним раз и навсегда.

И все же, можно ли в данной ситуации молчать?

Ей была невыносима сама мысль о том, что эта женщина станет смеяться у нее за спиной, издеваться над ее благородством и наивностью. От одной мысли об этом кровь вскипала в жилах.

Наверное, оставался один-единственный выход: набраться терпения, ждать и следить. Возможно, тогда удастся получить более веские доказательства. И если худшие ее предположения подтвердятся, у нее не будет другого выхода, как сообщить Рори обо всем, что она видела.

Да, это единственно верное решение — ждать и следить.

Гром грохотал вот уже несколько часов, не давая ей уснуть до четырех утра. Когда же наконец она все-таки задремала, сны были наполнены тревогой и дурными предчувствиями. Она то и дело просыпалась и тяжко и беспокойно вздыхала.

2

Казалось, гроза превратила дом в обиталище злых духов — он весь стонал и вздрагивал. Джулия сидела внизу и считала секунды между вспышками молний и накатываю-

щими за ними грозовыми раскатами. Она боялась грозы. Она, убийца, связавшаяся с живым мертвецом и предавшая мужа. Еще один парадокс в целой коллекции парадоксов, который она только что обнаружила, занимаясь самокопанием. В какой-то миг ей даже захотелось подняться наверх и попытаться найти утешение у своего возлюбленного, но она тут же отвергла эту идею. Каждую минуту Рори может вернуться с вечеринки, которую они устраивали на работе. Наверняка придет пьяный, как в прошлый раз, и будет назойливо приставать к ней.

Гроза надвигалась все ближе. Она включила телевизор, чтоб хоть немного заглушить разбушевавшуюся на дворе стихию, но помогало мало.

В одиннадцать, лучась пьяной улыбкой, вернулся Рори. У него были хорошие новости. В самый разгар вечеринки начальник отвел его в сторону и начал рассказывать о том, какие блестящие перспективы ожидают его в ближайшем будущем. Джулия терпеливо слушала эти излияния, надеясь, что в состоянии опьянения и упоения своим успехом он не заметит ее равнодушия. Наконец, выложив эти новости, он сбросил пиджак и плюхнулся на диван рядом с ней.

— Бедняжка, — сказал он. — Боишься грозы?

— Я в порядке, — сказала она.

— Ты уверена?

— Да. Все прекрасно.

Он придвинулся поближе и уткнулся носом в ее ухо.

— Ты весь потный, — заметила она.

Однако, уже начав заигрывать, он не только не оставил своих поползновений, напротив, стал даже настойчивее.

— Ну, *пожалуйста*, Рори, — взмолилась она. — Я не хочу. Не надо.

— Почему нет? Что я такого сделал?

— Ничего, — ответила она, притворяясь, что ее вдруг страшно заинтересовало происходящее на экране телевизора. — Ты у меня прелесть.

— Ах, вот как? — воскликнул он. — *Ты* прелесть, *я* прелесть. Все, черт бы их подрал, прелесть!

Она уставилась в мерцающий экран. Начался выпуск вечерних новостей, обычный перечень тревог и неурядиц.

Рори продолжал болтать, заглушая голос диктора. Впрочем, она не возражала. Что хорошего может сообщить ей этот мир? Почти ничего. В то время, как у нее, о, *у нее* есть о чем поведать миру, рассказать ему такое, от чего голова пойдет кругом. О том, что случается с проклятыми, о потерянной и вновь обретенной любви, о том, что роднит отчаяние и желание и переплавляет их в страсть.

— Ну, пожалуйста, Джулия, — канючил Рори. — Ну хоть поговори со мной!

Эти мольбы на миг отвлекли ее от размышлений. Он выглядит, подумала она, точь-в-точь как мальчик на фотографиях, мальчик с волосами и обрюзгшим телом, во взрослой одежде, но все равно по сути своей ребенок с растерянным взглядом и мокрыми губами. Она вспомнила слова Фрэнка: «*Как только тебя угораздило выйти замуж за этого тупицу!*» Вспомнила, и горькая усмешка искривила ее губы. Он смотрел на нее, и все большее недоумение отражалось на его лице.

— Что смешного, черт бы тебя побрал?!

— Ничего.

Она покачала головой, неудовольствие сменилось раздражением. Сверкнула молния, следом за ней через секунду ударил гром. И одновременно на втором этаже послышался какой-то шум. Она снова повернулась к телевизору, пытаясь отвлечь внимание Рори. Но напрасно, он тоже слышал этот звук.

— Что это было, дьявольщина?

— Гром.

Он встал.

— Нет, — сказал он. — Что-то другое. — Он уже был у двери

Мысль ее судорожно работала в поисках выхода, за какую-то долю секунды был принят и тут же отвергнут целый десяток решений. Он уже пьяно нашаривал ручку двери.

— Может, это я забыла там закрыть окно? — сказала она и встала. — Пойду взгляну.

— Я и сам могу это сделать, — рявкнул он. — Не такой уж я ни на что непригодный, как тебе кажется.

— Никто не говорил... — начала она, но он не слушал. И не успел выйти в коридор, как снова сверкнула молния и грянул гром, на этот раз еще раскатистей. Она бросилась ему вдогонку, и в этот миг небо за окном пронзила новая ослепительная вспышка и последовал такой раскат грома, что, казалось, пол заходил под ногами. А Рори уже был на лестнице.

— Тебе показалось! — крикнула она ему вслед. Но он не ответил, продолжая пыхтя взбираться по ступенькам. Она устремилась за ним.

— Не надо... — начала она в перерыве между раскатами. И, взобравшись на второй этаж, обнаружила, что он стоит там и ждет.

— Что-то не так? — спросил он.

Она пожала плечами, стараясь не выдавать волнения.

— Ты ведешь себя просто глупо, — заметила она мягко.

— Разве?

— Это всего лишь гром...

Лицо его, освещенное светом, струившимся снизу из холла, неожиданно смягчилось.

— Почему ты обращаешься со мной как с каким-нибудь дерьмом? — спросил он.

— Ты просто устал, — ответила она.

— Нет, все-таки, почему? — настойчиво, словно ребенок, повторил он. — Что я тебе плохого сделал?

— Ничего, все в порядке, — ответила она. — Правда, Рори, все в порядке, все хорошо. — Вновь все те же, гипнотизирующие слух и мысль, банальности.

Снова гром. А следом за ним — еще один звук. В душе она проклинала Фрэнка за неосторожность.

Рори повернулся и стал всматриваться в царившую на площадке тьму.

— Слыхала? — спросил он.

— Нет.

На заплетающихся от выпитого ногах он нетвердой походкой отошел от нее и двинулся по коридору. Молния, сверкнувшая в раскрытой двери спальни, на миг озарила его, затем все вокруг снова погрузилось во мрак. Он шел к «сырой» комнате, к Фрэнку...

— Погоди! — крикнула она и бросилась за ним.

Но он не остановился, напротив, одним прыжком преодолел несколько ярдов, оставшихся до двери. И когда она оказалась рядом, он уже открывал эту дверь.

В смятении и страхе она протянула руку и коснулась его щеки.

— Я боюсь, — прошептала она.

Он недоуменно покосился на нее.

— Чего?

Она приложила пальцы к его губам, словно предлагая на вкус ощутить ее страх.

— Грозы...

В темноте она смутно различала, как влажно блестят его глаза. Интересно, заглотнет ли он эту наживку или выплюнет?

Вот оно, сработало!..

— Бедная малышка, — пробормотал он.

Она нервно сглотнула и испустила вздох облегчения, затем, обняв его за плечи, начала отводить его от двери. Если Фрэнк сейчас снова даст о себе знать, все пропало...

— Бедняжка, — повторил он и обнял ее. Он нетвердо держался на ногах, и пошатываясь, давил на нее всей своей тяжестью.

— Идем, — сказала она, оттаскивая его все дальше от двери.

Он, спотыкаясь, прошел с ней несколько шагов, а затем вдруг потерял равновесие. Она отпустила его и прислонилась к стене, чтоб не упасть. Снова блеснула молния, и она отчетливо разглядела обращенный на нее взор мужа, глаза его влажно блестели.

— Я люблю тебя, — пробормотал он и шагнул через коридор к тому месту, где она стояла.

В следующую же секунду он навалился на нее всей своей тяжестью, не оставляя возможности к сопротивлению. Голова уткнулась в изгиб шеи и он забормотал какие-то дурацкие нежности; вот он уже целует ее... Ей безумно захотелось отшвырнуть его от себя. Более того, хотелось взять за потную руку, втащить в комнату и немедленно, сейчас же, показать отрицающего смерть монстра, рядом с которым он только что находился.

Нет, Фрэнк еще не готов к этой встрече, пока еще не готов. Все, что оставалось делать, это терпеливо сносить постылые ласки Рори с одной-единственной надеждой: что он скоро устанет и отпустит ее.

— Почему бы нам не сойти вниз? — предложила она.

Он пробормотал что-то невнятное ей в шею и не сдвинулся с места. Левая ладонь уже лежала на ее груди, правой он обнимал ее за талию. Она позволила потным пальцам проникнуть за вырез блузки. Любое сопротивление только еще больше распалит его.

— Я хочу тебя... — сказал он, прижавшись губами к ее уху.

Некогда, целую вечность назад, сердце ее непременно бы радостно подпрыгнуло от такого признания. Теперь же она знала: сердце ее не акробат. Она не ощутила ни легкого замирания, ни радостного подъема. Ничего, кроме ощущения нормально функционировавшего организма. Вдох и выдох, кровь бежит по жилам, пища продвигается по кишечнику. Лишенные какой бы то ни было романтики, эти банальные размышления о собственном организме, как о сосредоточении естественных потребностей, помогали переносить атаку Рори, особенно когда он сорвал с нее блузку и прижался лицом к груди. Ее нервные окончания добросовестно реагировали на движения его языка, но опять-таки беспристрастно, словно на уроке анатомии. Сама она заперлась в себе, отгородилась собственными мыслями и воспоминаниями и была недосягаема за стенами этой крепости.

Он уже скидывал одежду, торопливо расстегивая пуговицы и молнии; вот она увидела хвастливо раздувшийся член, которым он погладил ее по бедру. Вот он уже раздвигает ей ноги, стягивает с нее белье, чтобы дать ему доступ. Она не возражала и не сопротивлялась, не издала ни звука, когда он, наконец, вошел в нее.

Даже занимаясь любовью, он зачастую впадал в болтливость, вот и сейчас забормотал какие-то глупости, в которых причудливо сочетались признания в любви и похотливые непристойные шуточки. Она слушала вполуха и не мешала ему заниматься своим делом.

Закрыв глаза, она пыталась представить себе более радостные картины, лучшие времена, но гроза не давала сосредоточиться. Внезапно за очередной вспышкой последовал какой-то новый звук, и она открыла глаза. Дверь в «сырую» комнату была приотворена дюйма на два-три. В образовавшейся узкой щели можно было отчетливо различить отливающую влажным блеском фигуру Фрэнка, наблюдавшего за ними.

Она не видела глаз Фрэнка, но физически ощущала на себе их колючий от зависти и злобы взгляд. Но и отвернуться была почему-то не в силах и все продолжала смотреть на Фрэнка, не замечая участившихся стонов Рори. А в самом конце возникло еще одно видение: она лежит на кровати в измятом и задранном свадебном платье, а черно-красный зверь скользит между ее раздвинутыми ногами, доказывая ей свою любовь.

— Бедная моя малышка... — это было последнее, что пробормотал Рори, прежде чем его окончательно одолел сон. Он лежал на постели все еще одетый, впрочем, она и не пыталась раздеть его. Когда храп зазвучал мерно, с характерным для мужа присвистом, она встала и вернулась в комнату.

Фрэнк стоял у окна, наблюдая за тем, как грозовой фронт смещается к юго-востоку. Оказывается, он сорвал шторы. Стены заливал свет голой лампочки.

— Он тебя слышал, — сказала она.

— Я хотел видеть грозу, — просто ответил он. — Мне обязательно надо было ее видеть.

— Он едва не обнаружил тебя, черт возьми!

Фрэнк покачал головой.

— Нет на свете такой вещи, «едва», — ответил он, продолжая смотреть в окно. Затем после паузы добавил: — Мне надо выйти отсюда на волю! Я хочу *иметь* это все снова, мне надо!

— Знаю.

— Нет, не знаешь, — сказал он. — Ты не имеешь ни малейшего понятия о том, что значит голод. Как можно изголодаться по всему.

— Тогда завтра, — сказала она. — Завтра я достану еще одно тело.

— Да. Ты это сделаешь. И мне нужно кое-что еще. Во-первых, радио. Я должен знать, что происходит в мире. И еда, нормальная еда. Свежий хлеб...

— Все что угодно!

— И еще имбирь. В консервированном виде, знаешь? В виде сиропа.

Глава девятая

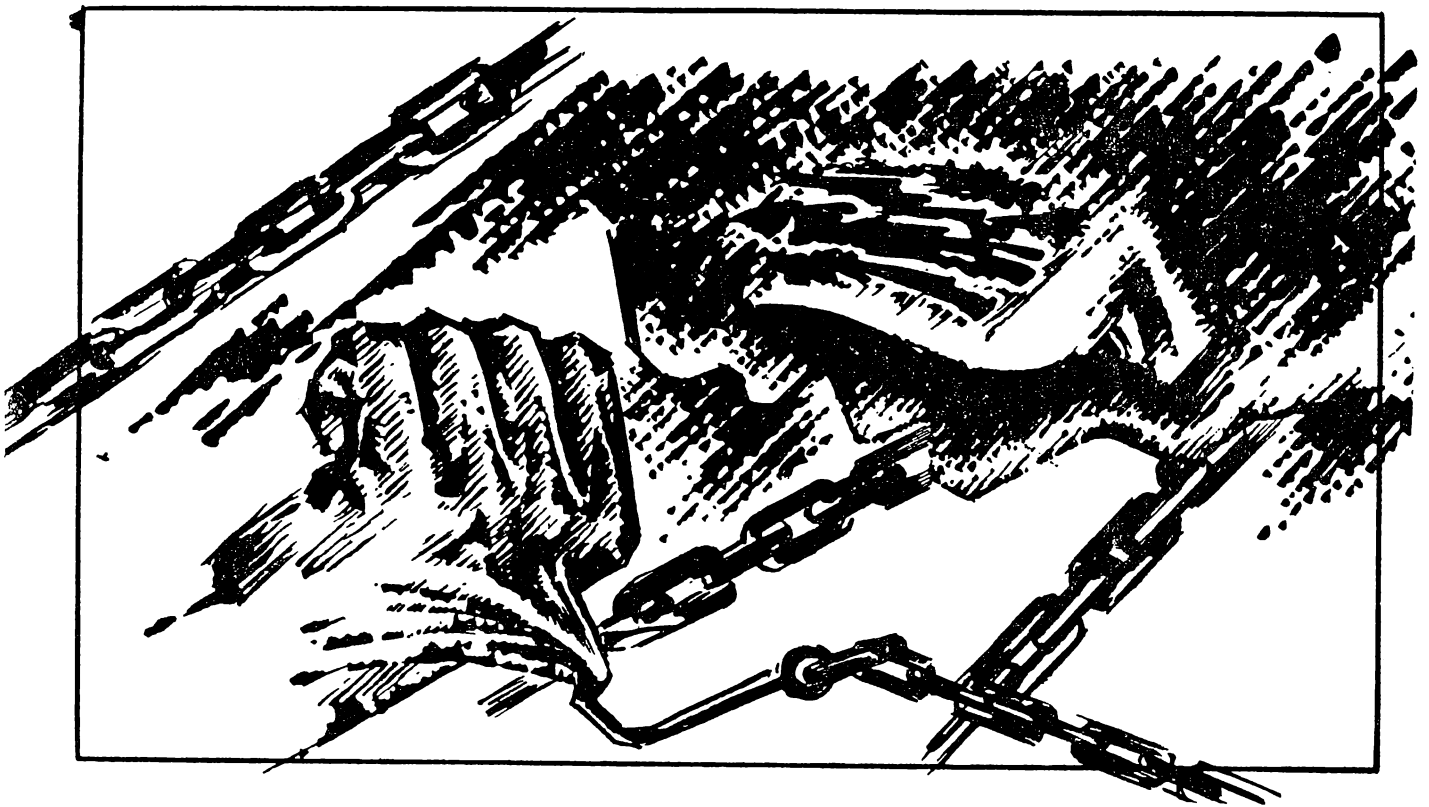
Первое, что заметила Керсти, придя на следующий день на угол Лодовико-стрит, было окно на втором этаже дома. Штора, затеняющая его, исчезла. Вместо нее стекла были залеплены изнутри газетными листами.

Она устроила себе наблюдательный пункт в тени живой изгороди из падуба, откуда надеялась наблюдать за домом, оставаясь невидимкой для глаз его обитателей. И заступила на пост.

Терпение ее было вознаграждено не сразу. Часа два с лишним прошло, прежде чем она увидела, как Джулия выходит из дома, еще час с четвертью — прежде чем она вернулась. К этому времени ноги у Керсти онемели от холода.

Джулия вернулась не одна. Мужчину, который с ней был, Керсти не знала; мало того, он вообще не походил с виду на человека их круга. Насколько удалось издали разглядеть, это был пожилой человек, полный, лысеющий. Входя за Джулией в дом, он нервно огляделся, словно опасаясь, не следят ли за ним.

Керсти просидела в своем укрытии еще минут пятнадцать, не в силах сообразить, как же поступить дальше. Ждать здесь, пока мужчина не выйдет, и окликнуть его? Или подойти к дому и уговорить Джулию впустить ее под каким-нибудь предлогом? Ни один из вариантов не казался ей приемлемым. И она решила остановиться на некоем среднем. Надо подобраться поближе к дому, а там уже и действовать в зависимости от обстоятельств и от того, насколько повезет.



Но повезло не слишком. Она медленно кралась по тропинке к дому, а ноги сами, казалось, так и заворачивали обратно. Она уже была готова отступить, как вдруг услышала раздавшийся в доме крик.

Мужчину звали Сайкс, Стэнли Сайкс. И это далеко не все, что он поведал Джулии по пути к дому. Она узнала также имя его жены (Мод), род его занятий (помощник мозольного оператора), ей были продемонстрированы фотографии детишек (Ребекки и Этан), чтобы она могла вдоволь над ними поумиляться. Этот человек явно не желал поддаваться ее чарам. Возвращая фотографии, она вежливо улыбнулась и заметила, что он — счастливчик.

Однако в доме события приняли совсем неожиданный оборот.

Посреди лестницы Сайкс вдруг остановился и заявил, что то, что они сейчас делают, абсолютно безнравственно, что Бог видит все, он читает в их сердцах и осуждает их. Она изо всех сил старалась успокоить его, но оторвать Сайкса от Бога оказалось непросто.

Он не только не унялся, напротив, разошелся еще больше и накинулся на нее с кулаками. В своем праведном гневе он натворил бы еще немало глупостей, если бы не голос, окликнувший его с площадки. Он тут же перестал размахивать руками и так побледнел, словно действительно сам Господь Бог позвал его с небес. Вслед за этим на площадке во всем своем великолепии появился Фрэнк.

Сайкс испустил вопль и хотел бежать. Но Джулия оказалась проворнее. Не успел Сайкс сбежать на несколько ступенек вниз, как она поймала и задержала его.

Только услышав страшный хруст сломанной кости, она осознала, что Фрэнк завладел своей добычей. И еще поняла, насколько сильным он стал за последнее время — куда сильнее обычного человека. Сайкс завопил, не успел Фрэнк до него дотронуться. И чтоб заставить жертву замолчать, он тут же сломал ему челюсть.

Второй крик, услышанный Керсти, резко оборвался, однако в тоне его она успела различить смертельный ужас и тоску. Это подтолкнуло ее к более решительным действиям — в какую-то долю секунды она оказалась у двери, готовая замолотить в нее кулаками.

Только тут она немного опомнилась. И вместо того, чтобы застучать, слетела с крыльца и скользнула за угол дома, преисполненная сомнения в правильности такого решения, однако уверенная в том, что лобовая атака ни к чему хорошему не приведет. В калитке, ведущей из сада на задний двор, засова не было. И она прошмыгнула туда, вся обратившись в слух и больше всего опасаясь, как бы кто-нибудь не услышал ее шагов. Однако из дома не доносилось ни звука. Ничего. Потом вдруг — слабый стон...

Оставив калитку открытой на случай внезапного отступления, она поспешила к черному ходу. Дверь оказалась не запертой. Но тут сомнение снова заставило ее замедлить шаги. Может, надо пойти за Рори, привести его домой? Впрочем, что бы ни происходило там, в доме, к этому времени все уже закончилось, и она прекрасно понимала, что если Джулию не застигнуть, как говорится, с поличным, она легко отвертится от любого обвинения. Нет, выход только один. И она вошла в дом.

В доме стояла мертвая тишина. Ни шороха, ни дыхания, ни звука шагов, которые помогли бы ей обнаружить участников только что разыгравшейся драмы. Она двинулась к двери на кухню, затем уже оттуда заглянула в столовую. В животе у нее ныло от страха, в горле внезапно так пересохло, что, казалось, она и глотка сделать не в силах.

Из столовой — в гостиную, уже оттуда — в холл. Снова ничего — ни шороха, ни вздоха. Джулия и ее любовник могут быть только наверху, а это значит, ей наверняка померещилось, что она слышала крики ужаса. Наверное, это был вовсе не ужас, а страсть, стон оргазма, который она превратно истолковала. Впрочем, такая ошибка не удивительна.

Главный вход в дом находился справа, всего в нескольких ярдах от нее. Она вполне могла тихонько открыть дверь и выскользнуть наружу, трус, сидевший у нее внутри, подсказывал поступить именно так, да и разум твердил, что это будет самое правильное. Но ее почему-то обуяло вдруг мучительное, страстное любопытство, желание проникнуть в тайны, которые хранили стены этого дома, и

покончить со всеми сомнениями раз и навсегда. Карабкаясь вверх по ступенькам, она испытала странное возбуждение и подъем.

Она поднялась на второй этаж и пересекла площадку. Тут вдруг в голову пришла мысль, что птички наверняка улетели — пока она моталась по саду и нижнему этажу, любовники несомненно успели улизнуть через главный вход.

За первой дверью слева находилась спальня; если они где-нибудь и спариваются, Джулия и этот ее лысый хахаль, то только здесь. Но нет. Дверь была распахнута настежь, и она заглянула в комнату. Покрывало на постели оставалось несмятым.

Затем вдруг... приглушенный крик. Совсем рядом и такой ужасный, что сердце у нее остановилось.

Она выскочила из спальни и успела заметить, как какая-то фигура метнулась к одной из дверей в дальнем конце коридора. Она не сразу узнала в ней скандального человечка, который приехал с Джулией, узнала только по одежде. Все остальное было другим, изменилось чудовищным, непостижимым образом. Наверное, за минуты, прошедшие с того момента, как она видела его на крыльце, на несчастного напала какая-то ужасная болезнь, от которой все тело на костях словно усохло.

Заметив Керсти, он метнулся к ней в призрачной надежде отыскать защиту. Но не успел отбежать от двери и на два шага, как следом за ним в поле зрения возникла другая фигура.

По-видимому, тоже больной — все тело с головы до ног было обмотано бинтами, на бинтах пятна крови и гноя. Однако быстрота движений и ярость, с которой это существо атаковало преследуемого, свидетельствовали об обратном и на действия больного нисколько не походили. Напротив, фигура настигла убегающего мужчину и ухватила его за горло. Керсти испустила крик, когда охотник схватил свою добычу.

Жертва издала еле слышный жалобный стон, насколько позволял изуродованный рот. Но противник лишь еще крепче сжал горло несчастного. Тело содрогнулось, начало корчиться, ноги задрыгались. Из глаз, носа и рта хлынула кровь.

Горячие ее капли брызнули Керсти в лицо. Это пробудило ее от оцепенения, сковавшего ужасом все тело. Время ждать и наблюдать кончилось. Керсти бросилась бежать.

Монстр не погнался за ней. Она достигла лестницы и уже начала сбегать вниз, стуча каблучками, когда ее настиг голос.

Голос оказался странно знакомым...

— А... Так ты здесь, — сказал он.

В нем звучали тающие интимные нотки, словно он обращался к знакомой. Она остановилась.

— Керсти, — сказал он. — Подожди немножко.

Разум подсказывал ей — беги! Но тело отказывалось повиноваться этому мудрому приказу. Оно все силилось вспомнить, кому же принадлежал этот голос, глуховато звучавший из-под бинтов. У меня еще есть время бежать, твердила она себе, я опередила его ярдов на восемь. Керсти обернулась взглянуть на преследователя. Тело в его руках свернулось калачиком, как лежат младенцы в утробе матери, ноги прижаты к груди. Зверь бросил его на пол.

— Ты... его убил... — прошептала она.

Существо кивнуло. Оно не оправдывалось и не раскаивалось — ни перед жертвой, ни перед свидетелем.

— Мы его попозже будем оплакивать, — сказал он и сделал шаг к ней.

— Где Джулия? — спросила Керсти.

— Не паникуй. Все в порядке, — ответил голос. Она уже почти вспомнила, кому он принадлежал.

И, немного растерявшись, сошла еще на одну ступеньку вниз, опираясь рукой о стену, словно боялась потерять равновесие.

— Я видел тебя... — продолжало существо. — Думаю, ты меня тоже видела. В окне...

Любопытство разгорелось против самой ее воли. Выходит, эта тварь находится в доме уже давно? Если так, то Рори наверняка должен...

И тут она вспомнила, чей это голос.

— Да. Ты помнишь. Теперь я вижу, ты все помнишь...

Это был голос *Рори*, вернее, очень похожий на его голос. Более гортанный, более самоуверенный, но сходство было

настолько очевидным, что ноги ее, казалось, приросли к месту от удивления, в то время, как монстр продолжал приближаться к ней. Вот он уже на расстоянии вытянутой руки...

Наконец ей удалось побороть оцепенение, и она повернулась и бросилась бежать. Но было уже поздно. Она почувствовала его в шаге за спиной, затем ощутила, как скользкие пальцы чудовища впились ей в шею. Из горла поднимался отчаянный крик, но не успел вырваться наружу — изуродованная ладонь опустилась на ее лицо, не только заглушив его, но и не давая возможности дышать.

Он легко приподнял ее и потащил обратно — в том направлении, откуда она пришла. Все попытки вырваться из стальных объятий оказались напрасными, все раны, которые наносили ее пальцы, впиваясь в его тело, срывая повязки и погружаясь в сырое мясо под ними, не производили на него, по крайней мере внешне, никакого впечатления. В какой-то момент она с ужасом осознала, что каблуки ее колотят труп, лежащий на полу. И почти тотчас же ее втащили в комнату, откуда появлялись все эти живые и мертвые существа. Там пахло прокисшим молоком и парным мясом. Касаясь пола, она чувствовала, что доски его мокрые и скользкие.

Желудок ее, казалось, вот-вот вывернет наизнанку. И она не стала сдерживаться, но, содрогаясь и кашляя, выблевывала все его содержимое, пребывая в смятении и страхе от того, что может последовать дальше.

Она не в состоянии была уследить, что происходило в комнате в следующую минуту. На миг показалось, что она видит стоящую на пороге женщину (Джулию?), затем дверь захлопнулась. Или то была только ее тень? Как бы там ни было, но взывать о помощи поздно да и не к кому. Она осталась одна, наедине с этим кошмаром.

Обтерев ладонью губы, она поднялась на ноги. Свет с улицы проникал через щели в кусках газеты, затеняющей окно, испещряя комнату бликами, словно лучи солнца сквозь ветви деревьев. И сквозь это кружевное сияние к ней, принюхиваясь, двигалось чудовище.

— Ну же, иди к папочке, — сказало оно...

Ни разу за все свои двадцать шесть лет жизни ей не было легче ответить отказом на зов.

— Не смей меня трогать! — взвизгнула она.

Создание слегка склонило голову набок, словно упиваясь наслаждением при виде полной беспомощности своей жертвы.

Затем надвинулось на нее, излучая гной, смех и — о, Господи, спаси ее и помилуй — *желание!*

В полном отчаянии она отодвинулась еще на несколько дюймов и забилась в угол, дальше отступать было просто некуда.

— Ты меня не помнишь? — спросил он.

Она покачала головой.

— Фрэнк, — последовал ответ. — Я брат Фрэнк...

Она виделась с Фрэнком только однажды, на Александра Роуд. Он как-то зашел туда днем, как раз накануне свадьбы, это все, что она помнила. Впрочем, не все, она еще помнила, что тогда возненавидела его с первого взгляда.

— Оставь меня в покое! — крикнула она, когда он протянул к ней руку. В прикосновении его запачканных кровью пальцев к груди была какая-то мерзкая утонченность.

— Нет! — взвизгнула она. — О, Господи, да помогите же хоть кто-нибудь!

— Что толку кричать? — произнес голос Рори. — Что ты сможешь сделать?

Ничего — ответ был совершенно очевиден. Она была абсолютно беспомощна, как бывало с ней только во сне: в сновидениях, наполненных сценами погони и нападений, которые ее воображение всегда рисовало ей, — где-нибудь на пустынной темной улице бесконечной ночью. Но никогда, даже в самых страшных и фантастичных из ее видений не смела она предположить, что ареной подобных действий может стать комната, мимо которой она проходила десятки раз, в доме, где она совсем недавно была счастлива и так веселилась, и, что называется, средь белого, пусть и пасмурного дня.

Безнадежным и полным отчаяния жестом она оттолкнула настырную руку.

— Не будь со мной жестока, — пробормотало существо, и его пальцы, упрямые и бесстрашные, словно осы в октябре, снова коснулись ее тела. — Чего пугаться?

— Там, за дверью... — начала она, думая об ужасном видении изуродованного человека на площадке.

— Но должен же человек чем-то питаться, — ответил Фрэнк. — И ты, разумеется, простишь мне это, а?

Почему она чувствует его прикосновения, удивлялась она про себя. Почему ее нервы не разделяют ее отвращения, почему не онемеют, не умрут под его омерзительной лаской?

— Этого нет. Этого просто не может быть, — прошептала она, но зверь лишь расхохотался.

— Я и сам так иногда себе говорил, — сказал он. — День за днем, ночь за ночью... Старался как-то отогнать страдания, не думать о них. Но у тебя не получится. Тебе придется вкусить все сполна. Ничего не попишешь. Надо терпеть, все придется вытерпеть...

Она понимала, что он прав. Прав той отталкивающей наглой правотой, которую только монстры осмеливаются высказывать вслух. Ему нет нужды льстить или обхаживать ее; ему нечего доказывать и не в чем убеждать. Его обнаженная простота и откровенность — на грани извращения. За гранью лживых уверений, присущих вере, за пределами морали и нравственности.

И еще она понимала, что вынести этого не способна. Что когда все просьбы и мольбы ее иссякнут и Фрэнк будет продолжать стремиться осуществить свои низменные намерения, она будет кричать, так кричать, что весь дом содрогнется.

На карту поставлены сама ее жизнь и рассудок, и, чтобы сохранить их, иного выхода нет — надо бороться, действовать, и быстро.

И вот, прежде чем Фрэнк успел навалиться на нее всей своей тяжестью, ее руки взлетели и пальцы вонзились в его глазницы и рот. Плоть под бинтами оказалась мягкой и вязкой на ощупь, словно желе, она легко поддавалась и испускала влажный жар.

Зверь взвыл, хватка его ослабела. Улучив момент, она вывернулась из-под него, отлетела, ударилась о стену и на секунду почти лишилась сознания.

Фрэнк издал еще один вопль. Она не стала ждать, пока он опомнится окончательно, — скользнула вдоль стены, не слишком доверяя своим ногам и боясь остаться без опоры, к двери. По пути нога ее задела открытую банку с консервированным имбирем, она покатилась по полу, расплескивая сироп.

Фрэнк развернулся к ней лицом — бинты в тех местах, до которых она достала, размотались и свисали алыми космами. Под ними виднелись голые кости. Он бегло ощупывал рукой свои раны, словно измеряя степень нанесенных ему повреждений, и издал звериный вой.

Может, она лишила его зрения? Сомнительно. Даже если и так, ему понадобится не более нескольких секунд, чтобы обнаружить ее в этой относительно небольшой комнате, и тогда его ярость не будет знать пределов. Ей надо успеть добраться до двери прежде, чем он найдет ее.

Напрасные надежды! Не успела она сделать и шага, как он отнял руки от лица и обежал глазами комнату. Конечно же, он ее увидел, сомнений нет. Еще через секунду он уже кинулся к ней с удвоенной яростью.

У ног ее валялся какой-то домашний хлам. Самым тяжелым на вид предметом казалась деревянная шкатулка. Она нагнулась и схватила ее. И едва успела выпрямиться, как он вихрем налетел на нее. Она испустила гневный крик и ударила его шкатулкой по голове. Удар получился сильным, кость треснула. Зверь отпрянул, и она рванулась к двери, но, прежде чем успела ее открыть, тень накинулась на нее сзади и отшвырнула назад, через всю комнату. Он тут же кинулся к ней.

На сей раз им руководило лишь одно стремление — убить, уничтожить ее. Оно читалось в его бросках и выпадах, их ярость и целенаправленность могли сравниться разве что с быстротой, с которой она от них уворачивалась. И все же один из трех ударов достиг цели. На ее лице и верхней части груди появились раны; она изо всех сил старалась не потерять сознания при виде собственной крови.

Уже оседая на пол под его напором, она вдруг вспомнила о найденном ею оружии. Ведь шкатулка до сих пор у нее в руке... Она подняла руку, чтобы нанести удар, но тут взгляд

Фрэнка упал на шкатулку, и атака моментально прекратилась.

Оба они замерли, тяжело дыша; в эти считанные секунды в голове Керсти промелькнула мысль: а не проще ли умереть прямо сейчас, чем бороться дальше? Но тут Фрэнк протянул к ней руку и прошептал:

— Дай сюда...

Наверное, он просто хочет лишить ее единственного оружия. Но она не такая дура, чтоб с ним расстаться.

— Нет, — ответила она.

Он попросил снова, на этот раз в его голосе отчетливо звучала тревога. Похоже, эта шкатулка очень дорога ему и он боится испортить ее, отнимая силой.

— Последний раз прошу, — сказал он. — Отдай по-хорошему. Иначе убью. Отдай шкатулку!

Она взвесила свои шансы: ну что она теряет?

— Скажи «пожалуйста»... — пробормотала она.

Он окинул ее насмешливо-презрительным взглядом, в горле нарастало глухое рычание. Затем вежливо, как послушный ребенок, произнес:

— Пожалуйста...

Слово послужило для нее сигналом. Она размахнулась и резко, изо всех сил, насколько позволяла нетвердая дрожащая рука, швырнула шкатулку в окно. Она пролетела в трех дюймах от головы Фрэнка, разбила стекло и вылетела наружу.

— *Нет!* — взревел он и в долю секунды оказался у окна. — *Нет! Нет! Нет!!!*

Она подбежала к двери, ноги у нее подкашивались. Вот она уже на площадке. Главным препятствием оказалась лестница, но она вцепилась в перила, точно старуха, и добралась до прихожей, не упав.

Сверху доносились какой-то шум и грохот. Он что-то кричал ей вслед. Нет уж, на этот раз он ее не поймает. Она бросилась к входной двери и распахнула ее.

За то время, что она находилась в доме, облака рассеялись и на улице посветлело — солнце посылало на землю прощальные лучи, прежде чем опуститься за горизонт. Моргая и щурясь от этого яркого света, она пошла по дорожке к

калитке. Под ногами хрустели стекла, среди осколков она заметила свое оружие. Автоматическим жестом она подобрала шкатулку, как сувенир, на память и бросилась бежать. Уже оказавшись на улице, забормотала какие-то невнятные слова, словно жаловалась кому-то, вспоминая случившееся. Но Лодовико-стрит оказалась безлюдной, и она прибавила шагу, потом снова побежала и бежала до тех пор, пока не сочла, что ее и забинтованное чудовище в доме разделяет теперь достаточное расстояние.

Она была словно в тумане. На какой-то незнакомой улице ее окликнул прохожий и спросил, не нужна ли помощь. Этот добрый жест совершенно сразил ее, ибо для того, чтобы дать членораздельный ответ, требовалось слишком большое усилие. И тут нервы ее окончательно сдали, и все вокруг погрузилось во мрак.

Глава десятая

1

Она пробудилась и обнаружила, что попала в снежный буран, таковым, во всяком случае, было первое впечатление. Над ней — абсолютная белизна, снег на снегу. Кругом снег: она лежала на нем, голова тоже утопала в белом. От этой пустоты и чистоты затошнило. Казалось, снег лезет в горло и глаза.

Она подняла руки и поднесла их к лицу: они пахли незнакомым мылом, резкий, грубый запах. Наконец удалось немного сфокусировать зрение: стены, белоснежные простыни, лекарства на тумбочке у постели. Больница...

Она позвала на помощь. Часы или минуты спустя — она так и не поняла, сколько прошло времени, — помощь явилась. В лице медсестры, которая сказала просто:

— А-а, вы проснулись.

И тут же ушла, видимо, за врачом.

Когда они пришли, она не сказала им ничего. За то время, пока сестра ходила за врачами, она решила, что это

история не из тех, которую можно им поведать. Возможно, завтра она отыщет слова, которые смогут убедить их в том, что все случившееся с ней — правда. Но сегодня?.. Стоит ей только попробовать, и они тут же начнут гладить ее по головке и убеждать, что все это ерунда, что все это ей просто приснилось или же то были галлюцинации. А если она будет упорствовать и стоять на своем, они, чего доброго, еще усыпят ее, что только осложнит ситуацию. Ей необходимо время подумать.

Все это она взвесила и прокрутила в голове до их прихода, так что когда ее спросили, что же произошло, ответ уже был готов. Я вся, словно в тумане, сказала она им, с трудом удалось вспомнить даже собственное имя. Они успокоили ее, уверив, что все войдет в норму и память вернется, на что она коротко ответила, что так оно, наверное, и будет. А теперь спать, сказали они, и она ответила, что будет просто счастлива уснуть и даже притворно зевнула. С этим они и удалились.

— Ах, да, — сказал один из них, уже стоя у двери, — совсем забыл. — Он достал из кармана шкатулку Фрэнка. — Это вы держали в руках, когда вас подобрали. Вы даже представить себе не можете, с каким трудом удалось вырвать эту вещицу у вас из пальцев. Она что, очень вам дорога?

Она ответила, что нет.

— Полиция уже осмотрела ее. На шкатулке была кровь, понимаете? Возможно, ваша. А может, и нет.

Он подошел к постели.

— Хотите взять? — спросил он ее. А потом добавил: — Не бойтесь, она теперь чистая.

— Да, — ответила она. — Да, пожалуйста.

— Возможно, эта вещь поможет восстановить память, — заметил он и поставил шкатулку на тумбочку рядом с постелью.

2

— Что нам теперь делать? — спрашивала Джулия, наверное, в сотый раз.

Человек, забившийся в угол, молчал, на его изуродованном лице тоже нельзя было прочесть ответа.

— Ну что тебе от нее понадобилось? — спросила она. — Ты только испортил все.

— Испортил? — удивился монстр. — Тебе, видно, неизвестно значение этого слова. *Испортил...*

Ей с трудом удалось подавить гнев. Мрак, в котором он пребывал, действовал на нервы.

— Нам надо уехать, Фрэнк, — сказала она уже более мягким тоном.

Он метнул в ее сторону взгляд — холодный, как лед.

— Сюда придут и будут искать, — объяснила она. — Керсти расскажет им все.

— Возможно...

— Тебе что, все равно, что ли? — спросила она.

Забинтованный обрубок человека пожал плечами.

— Да, — ответил он, — конечно. Но мы можем уехать, дорогая. — «*Дорогая*»... Слово звучало насмешкой, отголоском сентиментальности в комнате, которая видела только кровь и боль. — Я не могу появиться на людях в таком виде, — он указал на свое лицо. — Неужели неясно? Ты только взгляни!

Она взглянула.

— Ну, скажи, *разве могу?*

— Нет.

— Нет, — он снова опустил глаза и начал пристально рассматривать половицы. — Мне нужна кожа, Джулия.

— Кожа?

— Да. Тогда наверняка... мы сможем пойти с тобой потанцевать. Ты ведь этого хочешь, верно?

Он говорил о танцах и смерти с одинаковой небрежной простотой, словно для него оба эти понятия были равны и малозначимы. Однако этот тон успокоил ее.

— Как? — спросила она после паузы, имея в виду, каким именно образом можно раздобыть кожу. Впрочем, не только

это: в «как» крылось еще и сомнение — удастся ли ей сохранить рассудок.

— Ну, способ всегда можно придумать, было бы желание, — ответило существо, а изуродованное лицо послало ей воздушный поцелуй.

3

Если бы не белые стены, она ни за что не взяла бы в руки эту шкатулку. Если бы в палате была картина, на которой мог остановиться взор, скажем, изображение вазы с цветами или пейзаж с египетскими пирамидами, любое пятно, разбивающее монотонность комнаты, она могла бы часами смотреть на него и думать. Но пустота и белизна были просто невыносимы, не за что было зацепиться не только глазу, но и рассудку, и вот она потянулась к тумбочке у постели и взяла шкатулку.

Она оказалась тяжелей, чем предполагала Керсти. Пришлось сесть в постели, чтобы как следует рассмотреть ее. Но рассматривать было особенно нечего. Крышки обнаружить не удалось. Скважины для ключа — тоже. Отсутствовали и петли. Ее можно было с равным успехом перевернуть хоть сотню раз, но так и не найти доступа внутрь. Однако внутри шкатулка была полой, в этом она была твердо уверена. Логика подсказывала, что внутрь имеется доступ. Вот только какой?

Она стучала по ней, встряхивала, вертела и нажимала на стенки, но все напрасно. И только когда перевернувшись в постели, Керсти поднесла ее к свету настольной лампы, удалось обнаружить пусть еле заметную, но все же подсказку к конструкции этой загадочной вещицы. На одной из граней она увидела крошечные трещинки, там, где одна из сторон прилегала к другой. Они бы тоже остались незамеченными, если б внутри не сохранились следы затекшей туда крови. Прослеживая путь жидкости, можно было выявить сложное соединение частей.

И вот, действуя терпеливо и целенаправленно, она начала нащупывать этот путь внутрь, проверяя каждую гипотезу толчками и нажатиями. Трещины подсказали общую геогра-

фию игрушки, без них она могла бы блуждать по всем шести сторонам до бесконечности. Теперь же число вероятных вариантов значительно сократилось, оттого что она угадала главное, осталось только подыскать наиболее подходящий способ проникновения в шкатулку.

Через некоторое время ее терпение было вознаграждено. Послышался легкий щелчок, и внезапно одна из сторон выдвинулась, блестя лакированными боками. Внутри была потрясающая красота. Полированная поверхность мерцала загадочным блеском, словно жемчужина, разноцветные тени пробегали по ней.

И еще там была музыка. Из шкатулки донеслась простенькая мелодия, исполняемая неким механизмом, которого видно не было. Совершенно очарованная, она с удвоенным рвением продолжила свои изыскания. Хотя один сегмент выдвинуть удалось, другие никак не желали поддаваться. Каждый представлял собой новую загадку, бросая вызов ловкости пальцев и разуму, причем каждая очередная победа вознаграждалась новым оттенком, привнесенным в мелодию.

Она трудилась уже над четвертой секцией, используя серию медленных, осторожных поворотов в одну и другую сторону, как вдруг услышала, что зазвонил колокол. Она прервала свое занятие и подняла глаза от шкатулки.

Что-то не так. Или ее утомленное зрение играет с ней какую-то злую шутку, или же действительно снежно-белые стены приобрели нереальный расплывчатый вид. Оставив шкатулку, она выскользнула из постели и подошла к окну. Колокол все звонил — печальный и мрачный звук. Она отодвинула занавеску на несколько дюймов. За окном стояла темная ветреная ночь. Листья неслись по больничной лужайке, словно бабочки, влекомые светом лампы. Как ни странно, но колокольный звон доносился вовсе не снаружи. Он шел откуда-то сзади, из-за ее спины. Она опустила занавеску и отошла от окна.

Не успела она этого сделать, как настольная лампа вдруг вспыхнула неестественно ярким светом. Инстинктивно она потянулась к фрагментам расчлененной шкатулки: они были наверняка как-то связаны со всеми этими странными явле-

ниями, она это чувствовала. Но не успела рука ее коснуться головоломки, как свет погас.

Однако она оказалась вовсе не в темноте, как можно было бы предположить. И не одна. У изножья кровати было заметно какое-то мягкое мерцание, и в его бликах различалась фигура. Состояние, в котором находилось тело этого существа, не поддавалось описанию — крючки, шрамы. Однако голос, которым оно заговорило, не выдавал боли.

— Это называется головоломкой Лемаршана, — сказало оно, указывая на шкатулку. Она проследила за его жестом: фрагменты шкатулки вовсе не покоились на ладони, как можно было бы предположить, но плавали в воздухе в нескольких дюймах над ней. Каким-то таинственным образом шкатулка начала собираться сама без чьей-либо видимой помощи, фрагменты и детали вставали на свои места, в то время как сама она при этом вращалась и вращалась. Она успела разглядеть частицу сверкающего отполированного нутра, а в нем, как показалось, — лица духов, искаженные то ли мукой, то ли просто плохим отражением, все они корчили рожи и страшно выли. Затем все сегменты, кроме одного, стали на свои места, а посетитель снова потребовал ее внимания.

— Шкатулка — это средство разбить преграду, отделяющую от нереального, — сказало существо. — Некое заклинание, с помощью которого можно вызвать сенобитов.

— Кого? — спросила она.

— Вы сделали это случайно, — заметил посетитель. — Ведь правда?

— Да.

— Это случалось и прежде, — сказал он. — Но теперь уже ничего не исправить. Что сделано, то сделано. Не существует способа отогнать то, что пришло, пока мы в полной мере не...

— Но это просто ошибка!

— Не пытайтесь сопротивляться. Все уже вышло за пределы вашего контроля, любого человеческого контроля. Вам придется последовать за мной.

Она отчаянно замотала головой. На ее долю выпало уже достаточно кошмаров, хватит на целую жизнь.

— Никуда я с вами не пойду! — заявила она. — Черт бы вас побрал! Я не собираюсь...

В это время отворилась дверь. На пороге стояла медсестра, лицо ее показалось незнакомым, видимо, из ночной смены.

— Вы звали? — спросила она.

Керсти взглянула на сенобита, затем на сестру. Их разделяло не более ярда.

— Она меня не видит, — заметил он. — И не слышит. Я принадлежу только вам, Керсти. А вы — мне.

— Нет, — сказала она.

— Вы уверены? — спросила медсестра. — Мне показалось, я слышала...

Керсти покачала головой. Все это — безумие, полное безумие!

— Вам следует быть в постели, — укорила ее сестра. — Это опасно для жизни и здоровья.

Сенобит хихикнул.

— Я зайду еще, минут через пять, — сказала сестра. — Извольте лечь спать.

И она ушла.

— Нам тоже пора, — заметило существо. — А она пусть себе продолжает латать дыры в людях. Вообще больница — удручающее место, вы не находите?

— Вы не посмеете! — продолжала сопротивляться она.

Однако существо двинулось к ней. Связка колокольчиков, свисающих с тощей шеи, издавала легкий звон. От вони, исходившей от чудища, ее едва не вырвало.

— Пощадите! — воскликнула она.

— Давайте без слез, прошу вас. Только пустая трата. Они вам скоро ох как пригодятся!

— Шкатулка! — крикнула она в полном отчаянии. — Вы не хотите знать, откуда у меня эта шкатулка?

— Не очень.

— Фрэнк Коттон, — сказала она. — Вам это имя ничего не говорит? Фрэнк Коттон.

Сенобит улыбнулся.

— Ах, да. Мы знаем Фрэнка.

— Он тоже разгадал секрет этой шкатулки, я права?

— Он хотел наслаждений. И мы их ему предоставили. А потом он просто удрал.

— Хотите, я отведу вас к нему?

— Так он жив?

— Очень даже жив. Живее не бывает.

— Так вот что вы мне предлагаете... Чтобы я забрал его обратно к нам вместо вас?

— *Да, да. Почему бы нет. Да!*

Сенобит отошел от нее. Комната испустила легкий вздох.

— Что ж, соблазнительное предложение, — сказало существо. Затем, после паузы, добавило: — А вы меня не обманываете? Может, это ложь с целью выиграть время?

— Боже, я же знаю, где он! — воскликнула она. — Он сделал со мной это. — И она протянула сенобиту изуродованные шрамами руки.

— Но смотрите... Если вы лжете, если вы просто хотите таким образом выкрутиться...

— Да нет, нет!

— Тогда доставьте нам его живым...

Ей захотелось зарыдать от облегчения.

— Пусть признается во всех своих провинностях. И возможно, тогда мы не станем раздирать на куски вашу душу...

Глава одиннадцатая

1

Рори стоял в прихожей и смотрел на Джулию, его Джулию, женщину, которой он однажды поклялся идти по жизни рука об руку, пока смерть не разлучит их. В то время казалось, что сдержать эту клятву совсем просто. Насколько он помнил, он все время идеализировал ее, возводил на пьедестал, грезил о ней ночами, а дни проводил за сочинением любовных стихотворений, совершенно диких и неуме-

153

лых, посвященных ей. Но все изменилось, и он, наблюдая за этими изменениями, пришел к выводу, что худшие мучения доставляют именно малозначимые, почти неуловимые мелочи. Все чаще наступали моменты, когда он предпочел бы смерть под копытами диких лошадей бесконечным терзаниям из-за подозрений, совершенно отравивших его существование в последнее время.

Теперь, когда он глядел на нее, стоявшую у лестницы, ему невообразимо сложно было представить, как счастливо и хорошо все некогда складывалось. Все было похоронено под грудой сомнений и грязи.

Лишь одно немного утешало его сейчас — то, что она выглядит такой встревоженной. Возможно, это означает, что сейчас, сию минуту она признается ему во всех своих прегрешениях, и он, конечно же, простит ее, и, конечно же, эта сцена будет сопровождаться морем слез, бурным раскаянием с ее и пониманием с его стороны.

— Ты что-то кислая сегодня, — осторожно заметил он.

Она собралась было что-то сказать, но не решилась, потом, набравшись духу, произнесла:

— Мне очень трудно, Рори...

— Что трудно?

Она, похоже, вообще передумала говорить.

— Что именно трудно? — настаивал он.

— Мне так много надо тебе объяснить...

Рука ее, заметил он, так крепко вцепилась в перила, что побелели костяшки пальцев.

— Я слушаю, — сказал он. Он все равно будет любить ее, в чем бы она ни призналась. Если, конечно, она будет искренней до конца... — Говори.

— Я думаю, может... может, будет лучше, если я *покажу* тебе кое что... — и с этими словами она начала подниматься по лестнице. Он последовал за ней.

2

Ветер, подметавший улицу, теплым назвать было никак нельзя, судя по тому, как прохожие поднимали воротники и

отворачивали от него лица. Но Керсти не чувствовала холода. Возможно, дело было в невидимом спутнике, защищавшем ее от холода, окутывая ее жаром, на котором издавна поджаривали грешников? Или это, или же причина крылась в том, что она была слишком напугана и возбуждена, чтоб вообще чувствовать что-либо.

Впрочем, первое не совсем точно. Она не боялась. Ее обуревали куда более сложные чувства. Она отворила дверь — ту самую дверь, которую некогда открыл брат Рори — и теперь находилась в обществе демонов. А в конце пути она сможет отомстить. Она найдет то, что мучило и разрывало ее душу на части, и заставит его испытать то же ощущение полного отчаяния и беспомощности, которое совсем недавно испытывала сама. Она будет наблюдать за тем, как он корчится в муках. Мало того — она будет наслаждаться этим зрелищем. Боль и страдания превратили ее в садистку.

Выйдя на Лодовико-стрит, она обернулась — посмотреть, где же сенобит. Но его не было видно. Несмотря на это, она решительно двинулась к дому. Определенного плана у нее не было; слишком уж много различных вариантов, чтобы как-то рассчитать. Взять хотя бы один нюанс: будет ли там Джулия, и если да, то каким образом вовлечена она во все это? Маловероятно, что она лишь невинный наблюдатель. Но возможно и другое: что, если ее поступками руководил страх? Что, если она просто испугалась Фрэнка? Что ж, через несколько минут она получит ответы на все эти вопросы. Она позвонила в дверь и приготовилась ждать.

Дверь открыла Джулия. В руках у нее был кусочек белого кружева.

— Керсти, — сказала она, с виду нисколько не удивленная появлением девушки. — Уже поздно...

Первыми словами Керсти были:

— Где Рори? — не совсем то, что она собиралась сказать, но это вырвалось непроизвольно.

— Дома, — спокойно ответила Джулия, словно утешая капризного ребенка. — А что случилось?

— Я бы хотела его видеть, — ответила Керсти.

— Рори?

— Да.

И она переступила порог, не дожидаясь приглашения. Джулия не возражала, лишь затворила за ней дверь.

Только теперь Керсти ощутила холод. Она стояла в прихожей и вся дрожала.

— Ты выглядишь просто ужасно, — заметила Джулия.

— Я была здесь днем, — выпалила Керсти. — Я видела, что произошло, Джулия. *Видела!*

— А что, собственно, произошло? — последовал вопрос. Джулия и бровью не повела.

— Сама знаешь.

— Честное слово, нет.

— Мне надо поговорить с Рори.

— Ну, конечно, почему нет? — ответила Джулия. — Только смотри, будь с ним поосторожнее. Он что-то неважно себя чувствует.

Она провела Керсти в столовую. Рори сидел за столом, в руке бокал с выпивкой, на столе бутылка. Рядом на стуле лежало перекинутое через спинку свадебное платье Джулии. Только тут она догадалась, что за кружево держала Джулия в руке — свадебную фату.

Рори выглядел куда хуже, чем она ожидала. На лице и у корней волос запеклась кровь. Он приветствовал ее теплой, но несколько усталой улыбкой.

— Что случилось? — спросила она его.

— Сейчас уже все в порядке, Керсти, все нормально, — ответил он шепотом. — Джулия мне все рассказала... И теперь все о'кей.

— Нет, — мотнула она головой, подозревая, что рассказали ему далеко не все.

— Ты ведь приходила сюда сегодня?

— Да.

— Очень неудачное было выбрано время...

— Но ты... ты же сам просил меня... — она покосилась на Джулию, стоявшую у дверей, затем снова перевела взгляд на Рори. — Я сделала так, как ты хотел.

— Да, я знаю, знаю. Мне очень жаль, что ты влипла в такую жуткую историю.

— А ты знаешь, что сделал твой братец? — спросила она. — Знаешь, что он сотворил?

— Я знаю достаточно, — коротко ответил Рори. — Но главное это то, что теперь все кончено.

— Что ты имеешь в виду?

— Я постарался исправить все, что он сделал, и...

— Что значит *кончено?*

— Он умер, Керсти.

(«*...доставьте его нам живым... и, возможно, тогда мы не станем раздирать на куски вашу душу...*»)

— Умер?

— Мы уничтожили его, я и Джулия. Это было несложно. Он считал, что мне можно доверять, полагая, что кровь — не водица. Так вот, на деле оказалось иначе. Я подумал, что наилучший вариант — избавить человека от мучений и...

Внутри у Керсти все похолодело, желудок болезненно заныл. Наверное, сенобиты уже вонзили в нее свои крючки и скоро начнут вытаскивать из нее внутренности.

— Ты была так добра, Керсти. Так рисковала, придя сюда...

Она почувствовала чье-то невидимое присутствие у своего плеча. «*Давай сюда свою душу*», — пробормотало существо.

— Я, конечно, пойду в участок и сделаю соответствующее заявление, как только почувствую себя лучше. Постараюсь найти способ объяснить им...

— Ты убил его? — спросила она.

— Да.

— Не верю... — пробормотала Керсти.

— Отведи ее наверх, — сказал Рори Джулии. — И покажи.

— Ты действительно хочешь видеть? — спросила Джулия.

Кивнув, Керсти последовала за ней.

На площадке оказалось теплее, чем внизу, а воздух был серым и жирным, словно вода от мытья посуды. Дверь в комнату Фрэнка была распахнута настежь. Тело, лежавшее на голых досках пола в обрывках бинтов, казалось, еще дымилось.

Шея была свернута, голова безжизненно свисала на плечо. Кожа была содрана со всего тела — с головы до ног.

Керсти отвернулась, ее затошнило.

— Ну, довольна? — спросила Джулия.

Не ответив, Керсти вышла из комнаты и направилась к лестнице. Воздух вокруг нее обрел подвижность.

(*«Ты проиграла»*, — шепнул ей кто-то на ухо.

«Знаю», — пробормотала она.)

Тут же зазвонил колокол, оплакивая ее, и совсем рядом послышался шорох крыльев, словно промчалась невидимая стая птиц. Она побежала вниз по ступенькам, моля Бога о том, чтоб ее не успели схватить прежде, чем она достигнет двери. Если они собираются вырвать у нее сердце, пусть хотя бы Рори не будет свидетелем этого ужасного зрелища. Пусть запомнит ее такой, какой она была: сильной, с улыбкой на устах, а не мольбами и жалобами.

Позади раздался голос Джулии:

— Куда ты? — Поскольку ответа не последовало, она продолжила:

— Ты ведь никому не расскажешь, да, Керсти? — настойчиво спрашивала она. — Мы сами разберемся с этим делом, Рори и я...

Видимо, ее голос отвлек Рори от выпивки. Он появился в прихожей. Раны, которые нанес ему Фрэнк, оказались куда более серьезными, чем показалось Керсти на первый взгляд. Все лицо было в синяках, кожа на шее оборвана. Подойдя к ней, он придержал ее за руку.

— Джулия права, — сказал он. — Мы сами сообщим обо всем в полицию, договорились?

Ей хотелось сказать ему так много, но времени уже не осталось. В голове все более громким эхом отдавался звон колокола. Казалось, некая ужасная невидимая сила обмотала ей горло ее же внутренностями и все туже затягивает узел.

— Слишком поздно, — пробормотала она и отстранила его руку.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил он. Она уже шла к двери. — Не надо, не ходи, Керсти. Еще не время. Скажи, что ты собираешься делать?

Тут она не удержалась и обернулась — взглянуть на него еще один, последний раз, надеясь, что он сумеет прочитать на ее лице все.

— Все в порядке, — сказал он мягко, все еще пытаясь остановить ее. — Все хорошо, правда. — И он раскрыл объятия. — Ну, *иди же к папочке!*

Сама эта фраза, казалось, никак не могла принадлежать Рори. Некоторые мальчики, повзрослев, так никогда и не становятся «папочками», вне зависимости от того, сколько произвели на свет детей.

Керсти прислонилась к стене, чтоб немного успокоиться. С ней говорил вовсе не Рори. Это был Фрэнк. Каким-то образом это оказался Фрэнк...

Она пыталась сосредоточиться на этой мысли, борясь со все усиливающимся звоном колоколов. Таким громким, что от него, похоже, вот-вот лопнет голова. Рори все еще улыбался, глядя на нее, руки его были распахнуты для объятий. Он продолжал говорить что-то, но она не слышала слов. Расплывчатые движения губ, что формировали эти слова, выталкивали их наружу, но все заглушал звон. И она была благодарна ему — глаза говорили правдивей слов.

— Я знаю, кто ты, — неожиданно заявила она, не уверенная, слышит он ее или нет, но абсолютно уверенная в истинности сказанного. Тело Рори там, наверху, забросанное сорванными с Фрэнка бинтами. Содранная с него кожа переставлена на тело брата, брак скрепила пролитая кровь. Да, именно так оно и было.

Удавка на ее горле стягивалась все туже. Через несколько секунд они выволокут ее отсюда. В отчаянии она обернулась, пытаясь разглядеть в царившем в коридоре полумраке лицо Рори.

— Это ты... — сказала она.

Лицо улыбнулось, сохраняя по-прежнему невозмутимое выражение.

Она развернулась и бросилась на него. Он отступил на шаг, застигнутый врасплох, стараясь увернуться от ее броска, движения его были преисполнены ленивой звериной грации. Звон колоколов стал невыносимым, он разрывал ее душу, вонзался в мозг, превращая его в прах.

Уже находясь на грани безумия, она снова протянула к нему руку, на этот раз он увернуться не успел. Ее ногти царапнули щеку, кожа, лишь недавно пересаженная на лицо, сползла, точно кусок шелка. Кровавое мясо под ней являло собой ужасное зрелище.

Джулия вскрикнула.

И внезапно звон колоколов в голове Керсти прекратился. Теперь они звучали в доме, во всем мире.

Лампочки в прихожей вдруг вспыхнули неестественно ярко, а затем, видимо, от перегрузки, перегорели. На какое-то мгновение воцарилась полная тьма. И тишина. Единственное, что, ей казалось, она слышала — это невнятное бормотание собственных губ. Затем вдруг языки пламени начали лизать стены и пол. Воздух в прихожей затанцевал от их бликов. В одну секунду помещение превратилось в скотобойню (стены окрасились пурпурно-красным); в следующую — в будуар (голубовато-пепельный, канареечно-желтый); затем — в узкий туннель, по которому мчался поезд с духами — сплошная скорость, вихрь и пламя.

Во время одной особенно сильной вспышки она увидела, что Фрэнк движется к ней, искаженное лицо Рори сползало у него с подбородка. Она увернулась от вытянутой руки и, поднырнув под нее, бросилась в комнату. Дышать стало легче, и она поняла, что сенобиты, очевидно, осознали свою ошибку. Скоро они вмешаются, это несомненно, и положат конец этому фарсу и путанице. Но она не станет ждать, пока они схватят Фрэнка, с нее хватит. Вместо этого она убежит из проклятого дома через заднюю дверь и предоставит действовать им.

Впрочем, ее оптимизму суждена была недолгая жизнь. Пламя в прихожей, отбрасывая свет в столовую, разгоралось. В его отблеске можно было различить, что в комнате творится что-то неладное.

По полу что-то двигалось, похожее на пепел, сметаемый ветром, стулья подпрыгивали и зависали в воздухе. Пусть она — невинная и чистая душа, но силам, вселившимся в нее, наплевать на эти подробности: она чувствовала, что стоит сделать хотя бы один шаг — и произойдет нечто ужасное.

Минутная растерянность, в которой она пребывала, позволила Фрэнку настичь ее; он уже протянул руку, но тут пламя в прихожей погасло и под покровом тьмы ей удалось выскользнуть. Впрочем, передышка оказалась недолгой. Новые оранжево-красные язычки начали лизать стены, и он кинулся к ней с удвоенной яростью, преграждая путь к задней двери.

Что же они медлят, не забирают его, о, Господи?! Разве не привела она их к нему, как обещала, и разве не помогла разоблачить его?

Фрэнк распахнул пиджак. За поясом был заткнут окровавленный нож, настоящее орудие убийства. Несомненно, он сдирал им кожу. Он выхватил его и замахнулся на Керсти.

— Отныне и навсегда, — начал он, подходя к ней, — чтоб ты запомнила: я — Рори!

У нее не было другого выхода, как отступить; дверь, а вместе с ней и надежда обрести свободу и сохранить разум, удалялась с каждым шагом.

— Поняла? Теперь я — Рори. И никто не должен ничего знать!

Она задела каблуком о ступеньку и в тот же момент внезапно почувствовала, как чьи-то руки, просунувшись через перила, схватили ее и вцепились в волосы. Она извернулась и посмотрела назад. Конечно же Джулия, измятое, лишенное какого-либо выражения лицо. Сильно дернув за волосы, она заставила Керсти откинуть голову, подставляя ее шею сверкавшему в руке Фрэнка ножу.

В последний момент Керсти удалось схватить Джулию за руку и дернуть изо всех сил. Потеряв равновесие и моментально отпустив свою жертву, Джулия слетела с третьей или четвертой ступеньки и, испустив вопль, упала между Фрэнком и Керсти. Нож был занесен для удара и избежать его не удалось — он вошел Джулии в бок по самую рукоятку. Она застонала и покатилась по полу с застрявшим в ее теле кинжалом.

Фрэнк, похоже, вовсе этого не заметил. Он не спускал с Керсти глаз, они горели омерзительной алчностью. Отступать было некуда, кроме как наверх. Языки пламени про-

должали лизать стены и пол, колокола звенели, она стала подниматься по ступеням.

Затем увидела: ее мучитель не сразу последовал за ней. Крики Джулии о помощи отвлекли его и заставили подойти к распростертому на полу возле двери телу. Он наклонился и выдернул из бока Джулии нож. Несчастная пронзительно вскрикнула от боли, он же, словно намереваясь помочь, опустился рядом с ней на колени. Она протянула к нему руки, надеясь отыскать утешение. Вместо этого он приподнял ее голову и притянул к себе. Когда их разделяло всего несколько дюймов, Джулия, похоже, догадалась, что намерения ее возлюбленного совсем иные. Она приоткрыла рот, собираясь крикнуть, но он впился в ее губы ртом и начал высасывать из нее кровь. Она билась, стараясь вырваться. Напрасно...

Не в силах более выносить этого ужасного зрелища, Керсти отвела глаза и поднялась выше.

На втором этаже спрятаться было негде. Да и бежать некуда, разве что выпрыгнуть в одно из окон. Впрочем, увидев, как обошелся Фрэнк со своей любовницей, даже прыжок с высоты Керсти считала приемлемым выходом. Пусть при падении она переломает все кости, зато лишит монстра возможности пить из нее кровь.

Пожар, по-видимому, разгорался все сильней, лестница окуталась вонючим дымом. Она, спотыкаясь, брела по коридору почти вслепую, цепляясь за стену пальцами. Снизу послышались какие-то звуки. Похоже, Фрэнк, расправился с Джулией.

Да, вот он приблизился к лестнице и, подняв голову, повторил бесстыдный призыв:

— *Иди к папочке!..*

Ей пришло в голову, что сенобиты, вероятно, наслаждаются созерцанием этой погони и не вступят в дело до тех пор, пока на арене не останется лишь один игрок — Фрэнк. Она же всего лишь фант в этой игре.

— Сволочи... — пробормотала она, от всей души надеясь, что они услышат.

Она дошла уже почти до конца коридора. Перед ней была дверь в кладовку. Интересно, есть ли там окно, достаточно большое, чтоб протиснуться в него? Если да, тогда она

выпрыгнет, и будь они все прокляты, все — и Бог, и дьявол, и те, что болтаются между ними! Чтоб им всем пусто было, и даже если она упадет и разобьется, по крайней мере смерть будет легкой и быстрой.

Фрэнк снова окликнул ее, уже с лестницы. Она повернула ключ в замке, открыла дверь и скользнула в кладовку.

Да, там было окно, незавешенное, через него в комнату струился волшебно прекрасный лунный свет, озаряя собранный в комнате хлам: старую мебель, какие-то коробки... Она пробралась через это нагромождение к окну. Оно оказалось приоткрытым дюйма на два.

Керсти вцепилась пальцами в раму и попыталась приподнять ее, но оконный переплет давно прогнил, и руки ее оказались недостаточно сильными, чтобы справиться с этой задачей.

Она стала торопливо озираться в поисках какого-нибудь рычага, в то время как ее мозг хладнокровно отсчитывал число ступеней, по которым поднимался ее преследователь, и время, необходимое ему, чтоб преодолеть разделяющее их расстояние. Секунд двадцать, не больше, решила она и, сорвав крышку с одной из коробок, обнаружила за ней... мертвеца — остановившимися, дико расширенными глазами он смотрел прямо на нее. Все тело у него было изломано, руки буквально расплющены и перекручены, ноги подогнуты к подбородку. Она уже было открыла рот, чтоб завопить от страха, как вдруг услышала за дверью голос Фрэнка.

— Где ты? — окликнул он.

Она зажала ладонью рот, не давая вырваться крику. Ручка двери слегка повернулась. Она метнулась в сторону и спряталась за спинку сломанного кресла, продолжая сдерживать крик.

Дверь отворилась. Она слышала дыхание Фрэнка, слегка учащенное, слышала скрип половиц под его шагами. Затем скрип отворяемой двери. Замок защелкнулся. Тишина.

Она досчитала до тринадцати, затем высунулась из своего укрытия, подозревая, что он все еще может быть в комнате и ждет, пока она не покажется. Но нет, он ушел.

Задержав дыхание, чтоб подавить крик, она добилась нежелательного побочного эффекта — началась сильная

икота. Первые ее звуки заглушить не удалось, Керсти показалось, они прозвучали громко, точно ружейные выстрелы. Но в коридоре и на лестнице было тихо — похоже, Фрэнк отошел достаточно далеко и не слышит. Возвращаясь к окну, она осторожно обошла картонный гроб, где покоилось тело, и тут икнула во второй раз. Она грубо выругалась, проклиная себя, но не помогло. Икота продолжалась, когда она возобновила свои попытки открыть окно. Напрасный труд, рама не собиралась поддаваться.

На секунду она подумала, почему бы не разбить стекло и начать звать на помощь, но тут же отвергла эту идею. Да Фрэнк успеет ей глаза выесть, прежде чем соседи очнутся от сна. Вместо этого она на цыпочках подкралась к двери и тихонько приоткрыла ее. Насколько позволял разглядеть сгустившийся в коридоре мрак, Фрэнка там не было. Она осторожно приотворила дверь пошире и вышла в коридор.

Темнота казалась ожившей, она гладила темным бархатом ее лицо. Шага три удалось пройти без всяких инцидентов, затем четвертый. Она уже занесла ногу для пятого — ее счастливое число, — как вдруг тело ее совершило недопустимую самоубийственную ошибку. Она икнула, рука не успела вовремя подняться ко рту и заглушить звук.

На сей раз он не остался неуслышанным.

— А-а, вот ты где! — сказала тень, и Фрэнк выскользнул из спальни, преграждая ей путь. Он был огромен, казалось, он заполнил собой всю площадку, и от него воняло мясом.

Терять было нечего, и не успел он сделать и шага, она завопила, как резаная. Однако это нисколько его не смутило. Между ней и сверкающим лезвием ножа оставались считанные дюймы, и, метнувшись в сторону, она оказалась у двери в комнату Фрэнка. Она влетела в нее. Он бросился за ней, испуская радостные вопли.

Она знала — в этой комнате есть окно, разбитое ею же всего несколько часов тому назад. Но темнота, царившая там, оказалась столь непроницаемо глубокой, что она на секунду ослепла, не было видно даже мерцания луны, подсказавшего бы ей путь к окну. Похоже, что Фрэнк тоже на какое-то время потерял ориентацию. Он окликнул ее,

свист ножа, которым он рассекал воздух, сопровождал этот зов. Вперед-назад, вперед-назад. Стараясь увернуться от этого звука, она отскочила в сторону, нога ее зацепилась за бинты, разбросанные по полу. В следующий миг она, потеряв равновесие, упала. Однако не ударилась о голые доски, а попала на что-то мягкое. Труп Рори... Керсти издала вопль ужаса.

— Ага, вот ты где! — воскликнул Фрэнк.

Свист ножа стал ближе, вот он уже рассекает воздух в нескольких дюймах от ее головы. Но она была глуха к нему. Обеими руками обхватила она лежавшее на полу тело, угроза смерти была ничто по сравнению с той болью, которую она испытывала, оплакивая Рори.

— Рори... — простонала она и в глубине души порадовалась, что умирает с его именем на устах.

— Да, верно, — произнес Фрэнк. — Рори...

Внезапно присвоение им имени Рори показалось ей не менее чудовищным и непростительным грехом, чем кража его кожи. В конце концов, что такое кожа? Свиньи имеют кожу, змеи тоже. Она состоит из клеток, которые нарастают и умирают, затем нарастают снова. Но имя?.. Оно сродни заклинанию, оно пробуждает воспоминания. Она не позволит Фрэнку использовать это имя!

— Рори мертв, — сказала она. Слова обожгли губы, пробудили от оцепенения. Мысль опять работала четко и напряженно.

— Тс-с, детка... — шепнул он ей.

А что, если сенобиты просто выжидают, когда Фрэнк проговорится, назовет свое собственное имя? Разве тот, посетивший ее в больнице, не говорил, что от Фрэнка требуется *признание*?

— Ты не Рори, — сказала она.

— Мы знаем это, только мы с тобой, — последовал ответ. — Никто больше.

— Кто же ты тогда?

— Бедняжка... Совсем потеряла разум. Что ж, это даже неплохо...

— Так кто же?

— Так даже безопаснее.

— *Кто?!*

— Тихо, малышка, — сказал он. Он склонился над ней в темноте, лицо его находилось всего в нескольких дюймах от ее лица. — Все будет хорошо, все будет просто прекрасно...

— Да?

— Да. Фрэнк с тобой, маленькая.

— Фрэнк?

— Да. *Я Фрэнк.*

С этими словами он занес руку для смертельного удара, но она услышала в темноте свист ножа и увернулась. Секунду спустя вновь послышался звон колоколов и лампочка под потолком ожила и начала разгораться. В ее неверном мерцающем свете она различила фигуру Фрэнка, стоящего на коленях рядом с телом брата, из ягодицы мертвого торчала рукоятка ножа. Он выдернул нож и перевел взгляд на нее.

Еще один звучный удар колокола, и он поднялся и уже был готов наброситься на нее, как вдруг его остановил голос.

Он окликнул его по имени, мягко, но настойчиво, как отзывают ребенка от игры.

— Фрэнк...

Лицо его вытянулось, на нем отразилось замешательство, а во всей позе угадывался страх.

Медленно он повернул голову — взглянуть на того, кто его звал. Это был сенобит, крючки, впившиеся в его тело, сверкали. За ним Керсти различила еще три фигуры с изуродованными до полного абсурда лицами.

Фрэнк обернулся к Керсти.

— Твоя работа! — взвизгнул он.

Она кивнула.

— Уходите отсюда, — произнес один из пришельцев. — Теперь это не ваше дело.

— Сука! — крикнул Фрэнк. — Ведьма! Проклятая, лживая, подлая тварь!

Яростные вопли преследовали ее на всем пути к двери. Вот пальцы уже коснулись ручки — и тут она почувствовала, что он догоняет ее и, обернувшись, увидела, что их разделяет меньше фута, а лезвие ножа находится в каком-то волоске от ее тела. Но он застыл, словно окаменевший, не в силах вонзить в нее этот нож.

Тут в его руки, ноги, лицо впились крючки. Он словно завис в воздухе, удерживаемый этими крючками и цепями. Он рвался, но с мягким чмокающим звуком зазубренные крючки все глубже впивались в плоть. Рот его исказился в беззвучном крике, шея и грудь разрывались.

Нож выпал из пальцев. Он испустил последнее невнятное проклятие в ее адрес, тело его содрогнулось и забилось в конвульсиях, не в силах сопротивляться. Дюйм за дюймом его подтаскивали все ближе к середине комнаты.

— *Иди*, — сказал ей один из сенобитов. Она не видела их больше, они словно растворились в испятнанном кровью воздухе. Последовав совету, она отворила дверь, сзади доносились отчаянные крики Фрэнка.

Не успела она шагнуть к лестнице, как с потолка стала сыпаться штукатурка; казалось, что надо спешить — демоны, захватившие дом, вот-вот разнесут его на куски.

Однако она не удержалась и обернулась, чтоб бросить еще один, последний, взгляд на Фрэнка — убедиться, что он не преследует ее больше.

С ним, похоже, все было кончено: десятки новых крючков впивались в тело, раны расширялись прямо на глазах. Распластанный в беспощадном свете лампы, он дошел до предела, и, не в силах выносить это более, испускал отчаянный, звериный визг, который непременно вызвал бы у нее сострадание, не знай она, кому он принадлежит.

Внезапно крики оборвались. Настала тишина. Из последних сил приподнял он свисавшую на одно плечо голову и взглянул ей прямо в лицо; злоба, сверкавшая в его взоре, не поддавалась описанию. Глаза сверкали, точно драгоценные камни, вплавленные в гниль и прах.

В ответ на это цепи стянулись еще туже, однако сенобитам не удалось выдавить из него крика. Вместо этого он высунул язык и, не сводя глаз с Керсти, начал водить им по зубам в гримасе откровенной и наглой похотливости.

А затем вдруг его разорвало на части.

Ноги отделились от тела, голова — от плеч, кости и жилы трещали, кругом клубился красноватый пар. И едва она успела захлопнуть за собой дверь, как о нее изнутри ударился какой-то предмет. Его голова, догадалась она.

Она летела вниз по ступеням, а из стен исходил волчий вой, наполняя воздух дымом, слетались тени раненых птиц с оторванными крыльями, они трепыхались и бились, не в силах взлететь.

Оказавшись внизу, она побежала к входной двери и уже находилась совсем рядом с ней, в ярде от желанной свободы, как вдруг услышала: кто-то окликнул ее по имени.

Это была Джулия. По полу тянулся широкий кровавый след — от того места, где Фрэнк бросил ее, и дальше, в столовую.

— Керсти... — позвала она снова. Голос звучал так жалобно, что девушка оказалась не в силах не откликнуться на этот зов. И шагнула в столовую.

Мебель почернела и дымилась, ковер превратился в вонючую кучу пепла. И там, в центре всего этого распада, сидела... невеста. Каким-то непостижимым усилием воли Джулии удалось надеть свадебное платье и укрепить на голове фату. И она восседала на кучке праха в испачканном платье. Но, казалось, не замечала этого. Она выглядела как никогда прекрасной, особенно на фоне окружавшего ее распада.

— Помоги мне, — простонала она, и только тут Керсти поняла, что голос исходит вовсе не из-под кружева фаты, но с колен невесты.

Складки пышного платья раздвинулись, и из них показалась голова Джулии. Она покоилась на подушечке из алого шелка, обрамленная волной золотисто-каштановых волос. Но как же она могла говорить, она, лишенная легких? И все же она говорила...

— Керсти... — сказала она умоляюще и стала перекатываться слева направо, по-прежнему лежа на коленях невесты, словно сокрушаясь о чем-то.

Керсти могла бы ей помочь прекратить мучения, могла схватить голову с подушки и вытрясти из нее мозги, но тут фата дрогнула и начала подниматься, словно управляемая невидимыми пальцами. Под ней замерцал свет, он разгорался все ярче и ярче, а затем раздался голос.

— *Я — Инженер...* — выдохнул он. И замолк. Ни слова больше.

Затем складки фаты поднялись еще выше и находившаяся за ними голова превратилась в сплошной сверкающий шар, яркий, как солнце.

Керсти не стала ждать, пока его лучи ослепят ее. Она бросилась обратно в прихожую — тени птиц уже почти обрели реальность, волчий вой сводил с ума — и вылетела из двери в тот момент, когда потолок в прихожей уже начал рушиться.

Ее встретила ночь — ясная, чистая тьма. Она вдыхала ее жадными глотками, и, постояв секунду, бросилась прочь от дома. Второй раз она убегаст от него, не дай Бог, чтобы привелось в третий, тогда ее рассудок наверняка не выдержит.

На углу Лодовико-стрит она обернулась. Дом не сдался под напором сил, раздирающих его изнутри. Он высился неподвижный и тихий, словно могила. Нет, даже тише, чем могила.

Она отвернулась и в тот же момент столкнулась с кем-то. Вскрикнула от неожиданности, но прохожий, испуганно съежившись, уже спешил куда-то в сероватый туман, предвещавший наступление утра. Он уже мелькал вдалеке, дрожащая тень, слитая с туманом, как вдруг обернулся и голова его вспыхнула белым конусом пламени, озаряя царивший кругом мрак. Это был Инженер. Больше оборачиваться она не стала — он в ту же секунду исчез, оставив на сетчатке ее глаза сверкающий отпечаток.

Лишь теперь цель этого столкновения стала для нее ясной. Он передал ей шкатулку Лемаршана, она покоилась у нее в руке.

Поверхность снова выглядела неприступно цельной и гладкой, отполированной до зеркального блеска. И хоть она не стала слишком тщательно ее рассматривать, но почему-то была уверена, что ключа к разгадке там не осталось. Очередному исследователю придется путешествовать по ее граням без карты. А до того, как он появится, она, очевидно, назначена быть хранителем шкатулки. Да, несомненно.

Она повернула ее в руке. В какую-то долю секунду показалось, что в зеркально отполированной поверхности отражаются духи: лицо Джулии, затем Фрэнка. Она пере-

вернула еще раз в надежде увидеть Рори. Но его видно не было. Где бы он ни находился теперь, только не там. Возможно, существуют другие головоломки, готовые при разгадке подсказать место его пребывания. Возможно, это некий кроссворд, чье решение поможет отпереть калитку ведущую в райский сад, или же составная картинка-загадка, решение которой откроет доступ в Страну Чудес.

Что ж, она будет ждать и наблюдать, как всегда, как всю свою жизнь ждала и наблюдала в надежде, что разгадка однажды придет к ней. Но если и не придет, она не станет слишком огорчаться, подозревая, что ни разум, ни время вообще не способны раскрыть секрет исцеления разбитых сердец.

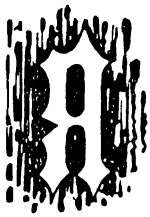
ПЛЕМЯ ТЬМЫ

Часть I
ДУРАЧОК

«Я родилась живой. Разве этого наказания мне мало?»

Мэри Хендриксон
(из речи на процессе, где ее обвиняли в убийстве родителей)

Глава 1



тебя никогда не оставлю...» Теперь Буни знал, что из всех безрассудных слов, которые он прошептал ей в порыве любви, это обещание было заведомо невыполнимым.

Под ударами судьбы рухнуло даже то последнее, что *казалось* неподвластно времени. Бесполезно надеяться на что-то лучшее, бесполезно думать о том, что и тебе когда-нибудь улыбнется счастье. Ты лишился всего, что составляло смысл твоей жизни, и бездна разверзлась перед тобой, и ты падаешь в нее, не успев даже задать себе вопрос: «Почему?»

Состояние Буни не всегда было таким подавленным. Еще совсем недавно он чувствовал себя гораздо лучше. Приступы, когда он готов был вспороть себе вены, не дожидаясь очередного приема лекарства, случались все реже. Периоды облегчения удлинялись. Казалось, что у него наконец появился шанс.

Именно тогда он и решился на признание в любви. И эти слова: «*Я тебя никогда не оставлю*», которые он прошептал на ухо Лори, когда они лежали вдвоем на узенькой кровати, вырвались у него не случайно, не в момент безумной страсти. Их роман не был легким. Но даже в те минуты, когда другие женщины не выдерживали, ее отношение к нему оставалось неизменным. Она без устали повторяла, что жизнь еще не кончилась и у него есть время, чтобы изменить ее к лучшему.

Своим терпением она, казалось, хотела сказать: «Я останусь рядом до тех пор, пока буду нужна тебе». Ему захотелось ответить ей тем же. И тогда он произнес эти слова: «Я тебя никогда не оставлю».

Теперь, думая о том времени, когда они были вместе, ему приходилось испытывать невыносимую душевную боль. Он отчетливо помнил все подробности — ее нежную кожу, такую белую, что она почти светилась в мрачной темноте его комнаты, ее легкое дыхание, когда она наконец засыпала, прильнув к нему, — и сердце его сжималось.

Как хотелось ему освободиться от этих воспоминаний и сбросить тяжесть невыполненного обещания, тем более сейчас, когда уже стало ясно, что судьба отняла у него последнюю надежду. Но у него ничего не получалось. Он терзался этими мыслями, утешая себя только тем, что, может быть, она сама постарается забыть обо всем. Ведь она знает о нем самое главное. Она поймет, что он тогда ошибся и никогда бы не рискнул произнести эти слова, если бы не был уверен — он способен преодолеть свой недуг. Мечтатель!

Неожиданный конец его иллюзиям положил Декер. Был яркий весенний день. Декер вошел в комнату и, опустив шторы, едва слышно проговорил:

— Буни, по-моему, мы оба здорово влипли.

Он дрожал всем своим огромным телом, и не заметить этого было просто невозможно. Декер обладал впечатляющей комплекцией. Даже специально пошитые костюмы, всегда угольно-черного цвета, не могли скрыть его объемов. Первое время это раздражало Буни. Внушительность доктора, создающая впечатление огромной физической и духовной силы, подавляла его. Потом он понял, что заблуждается. Декер олицетворял собой непоколебимую скалу. Он всегда был разумным и невозмутимым. И вот нынешнее плохо скрываемое волнение начисто лишило его всех этих качеств.

— Что случилось? — спросил Буни.

— Сядьте, пожалуйста. И я вам все объясню.

Буни подчинился. В этой комнате Декер всегда был хозяином. Он тяжело опустился в кожаное кресло и шумно вздохнул.

— Объясните мне... — снова заговорил Буни.

— Не знаю, с чего начать.

— Начните с чего хотите.

— Мне казалось, вы пошли на поправку, — сказал Декер. — Я действительно так думал. И вы, по-моему, тоже.

— Я и сейчас неплохо себя чувствую, — ответил Буни.

Декер тряхнул головой. Он был неглупым человеком, и прочитать что-либо на его невозмутимом лице почти всегда представляло значительную трудность. И только глаза иногда выдавали его. Но теперь он старательно отводил их от своего пациента.

— Во время сеансов вы говорили о преступлениях, которые якобы совершили. Можете вспомнить что-нибудь?

— Вы же знаете, что не могу, — ответил Буни. Гипноз, в который вводил его Декер, был слишком глубоким. — Я только помню, когда вы прогоняли пленку...

— Этих пленок больше нет. Я стер их.

— Почему?

— Потому... потому что я боюсь, Буни. Я боюсь за вас. — Он помолчал немного. — И за себя, наверное, тоже.

В непоколебимой скале образовалась трещина, и Декер не в состоянии был скрыть это.

— И *какие* преступления? — спросил Буни.

— Убийства. Вы все время говорили о них. Сначала я подумал, что все это вымысел, ваше неосознанное стремление к жестокости. Я всегда замечал в вас эту черту.

— А теперь?

— Теперь я боюсь, что вы действительно могли совершить их.

Наступила долгая пауза. Буни смотрел на Декера скорее с изумлением, чем с возмущением. Шторы на окнах были опущены не до конца. Яркий луч солнца освещал доктора и стол, за которым они сидели. На его стеклянной поверхности стояли бутылка воды и два бокала, а рядом лежал большой конверт. Декер протянул руку и взял его.

— То, что делал я, тоже можно назвать преступлением, — сказал он. — Тайно лечить больного — это одно, а покрывать убийцу — совсем другое. И все-таки в глубине души я еще надеюсь, что это ошибка. Хочется верить, что

мои усилия были не напрасны... наши *общие* усилия. Хочется верить, что с вами все в порядке.

— *Со мной* все в порядке.

Декер ничего не ответил и вскрыл конверт.

— Посмотрите вот это, — сказал он, вытаскивая пачку фотографий. — Предупреждаю, зрелище не из приятных.

Он положил фотографии на стол и придвинул их к Буни. Предупреждение было не лишним. Взглянув на лежащую сверху карточку, Буни вдруг почувствовал, что она оказывает на него почти физическое воздействие. Пожалуй, за все время лечения у Декера он не испытывал такого ужаса. И теперь та стена, которую он долгие годы возводил в своей душе, чтобы защититься от подобного рода наваждений, пошатнулась, готовая вот-вот рухнуть.

— Но ведь это только фотография.

— Правильно, — ответил Декер, — фотография. Что на ней изображено?

— Мертвый мужчина.

— Убитый...

— Да, убитый.

Он был не просто убит. Он был буквально раскромсан. Кровавое месиво вместо лица, разрубленная шея, забрызганная кровью стена... Он лежал обнаженный до пояса, поэтому хорошо просматривались все раны на его теле. Их можно было даже сосчитать, что Буни немедленно и стал делать, чтобы справиться с нахлынувшим на него ужасом. Даже здесь, в этой комнате, где доктор буквально вытесал из своего пациента другую личность, он никогда не испытывал такого кошмарного чувства, как сейчас. Его затошнило. «*Считай раны!*» — приказал он сам себе, стараясь представить, что перебирает обычные четки. Три, четыре, пять... Пять ран в области живота и груди. Одна из них была настолько огромной и глубокой, что напоминала скорее не удар ножом, а страшный разрыв, из которого вывалились окровавленные внутренности. Еще две раны зияли на плече. Но более всего пострадало лицо. Сколько раз опустился здесь нож убийцы, не смог бы сосчитать даже самый придирчивый специалист. Несчастный был изуродован до неузнаваемости : глаза выколоты, нос отрезан, губы разорваны в клочья.

— Достаточно? — зачем-то спросил Декер.

— Да.

— Но там есть кое-что еще.

Он открыл следующую фотографию. На ней была изображена женщина, распластанная на кровати. Судя по всему, она не имела никакого отношения к предыдущей жертве, однако почерк кровожадного убийцы был тот же. Снова выколотые глаза, разорванные губы. Два совершенно чужих друг другу человека стали братьями по смерти, уничтоженными рукой одного и того же убийцы.

«Неужели это я породнил их таким ужасным образом? — подумал вдруг Буни, но тут же все его существо воспротивилось. — Нет, я не мог этого сделать».

Однако вслух он не сказал ничего, потому что знал: не стал бы Декер рисковать душевным покоем своего пациента, не имея на то веских причин. И кроме того, чего могут стоить оправдания, когда оба они прекрасно знают, как часто в прошлом Буни терял рассудок. И если он действительно совершил эти ужасные убийства, то нет никакой уверенности в том, что он вспомнит об этом.

Буни молчал, не смея поднять глаза на Декера, боясь увидеть, как окончательно рухнула та непоколебимая скала, которую когда-то олицетворял собой доктор.

— Еще хотите посмотреть? — спросил Декер.

— Если это необходимо...

— Да, необходимо.

Он открыл третью, четвертую фотографии, потом еще и еще, раскладывая их на столе, как карты. Только в этом жутком пасьянсе каждая карта означала смерть. Смерть на кухне у открытой дверцы холодильника... Смерть в спальне рядом с ночником и будильником... На верхней ступеньке лестницы... У окна... Здесь были жертвы всех возрастов и цветов кожи — мужчины, женщины, дети. Изверг не делал между ними никаких различий. Он просто методично и бессмысленно уничтожал одну жизнь за другой. В комнатах, где погибли эти люди, сохранились следы его безумной игры со смертью. Несчастные в ужасе бросались прочь, пытаясь увернуться от *смертельного удара*, опрокидывая мебель, оставляя кровавые следы на стенах, картинах. Один, видимо,

схватившись за лезвие ножа, лишился пальцев. У большинства были выколоты глаза. Но никому не удалось спастись, какое бы решительное сопротивление они ни оказывали. Все они в конце концов падали, путаясь в одежде или оборванных шторах, задыхаясь и захлебываясь кровью.

Всего было одиннадцать фотографий. Каждая отличалась от другой — комнаты большие и маленькие, жертвы одетые и обнаженные. И только одно объединяло их — на всех была изображена финальная сцена. Главное действующее лицо уже покинуло место кровавой трагедии.

Боже! Неужели это *был он*? Не в состоянии ответить себе на этот вопрос, Буни обратился к доктору, продолжая неотрывно смотреть на блестевшие глянцевой поверхностью фотографии:

— Это сделал я?

Декер вздохнул, но ничего не ответил. И тогда Буни решился поднять глаза. Когда он рассматривал фотографии, доктор пристально изучал его. Буни ощущал это почти физически, до головной боли. А теперь Декер снова отвел взгляд.

— Пожалуйста, ответьте мне, — проговорил Буни, — это сделал я?

Декер помолчал немного и, стараясь выглядеть спокойным, просто сказал:

— Надеюсь, что не вы.

Он произнес это так, будто речь шла о каких-нибудь незначительных правонарушениях, а не об одиннадцати страшных убийствах. А может, их было еще больше...

— Что я говорил тогда? — спросил Буни. — Повторите мои слова.

— Большей частью это был бессвязный бред.

— Но тогда почему вы вдруг решили, что это моих рук дело? Ведь нужны веские доказательства.

— Не вдруг, — сказал Декер. — Некоторое время я пытался соединить все в единое целое. — Он протянул руку и поправил одну из косо лежавших фотографий. — Вы знаете, что каждые три месяца я составляю отчет о вашем состоянии. Я прогоняю подряд пленки всех предыдущих сеансов, чтобы иметь представление о том, как идут наши

дела. — Он говорил медленно и монотонно. — И вот я заметил одни и те же фразы, все время повторяющиеся в ваших ответах на мои вопросы. Они всплывали и снова тонули в бессвязном бреду. Но они все-таки были. Создавалось впечатление, будто вы хотите в чем-то признаться, но это настолько противоречит всему вашему существу, что даже в состоянии глубокого гипноза у вас не хватает сил рассказать об этом. Я расспрашивал как-то своих знакомых полицейских. Так, между прочим. И они рассказывали мне об этих преступлениях. Правда, я из прессы тоже кое-что узнавал. В общем, убийства совершались одно за другим в течение двух с половиной лет. Здесь — в Калгари и в пригороде. Действовал один и тот же человек.

— Я?

— Не знаю, — сказал Декер, взглянув наконец на Буни. — Если бы я знал точно, то сообщил бы...

— Но вы точно не знаете?

— Я не хочу верить в это, так же, как и вы, потому что, если все окажется правдой... Вы же понимаете, что мне будет. — Он начал сердиться и еле сдерживался. — Поэтому я и выжидал, надеясь, что в момент, когда произойдет очередное убийство, вы будете находиться рядом со мной. И, значит, автоматически окажетесь непричастным.

— Значит, вы знали о том, что происходит?

— Да, — глухо ответил Декер.

— Господи!

Буни вскочил, зацепив ногой стол. Фотографии посыпались на пол.

— Потише! — строго сказал Декер.

— Люди погибали, а вы *выжидали*!

— Да, я рисковал. Ради вас, Буни. Учтите это.

Буни отвернулся. По спине у него пробежал холодок.

— Сядьте, — сказал Декер. — Сядьте, пожалуйста, и ответьте мне. Эти фотографии что-нибудь говорят вам?

Буни невольно прикрыл ладонью рот и подбородок. Когда-то Декер объяснял ему, как много может сказать о внутреннем состоянии человека эта часть лица. И сейчас он вдруг почувствовал необходимость скрыть что-то.

— Я жду ответа, Буни.

— Ничего они мне не говорят, — сказал он не поворачиваясь.

— Совсем ничего?

— Совсем.

— Посмотрите еще раз.

— Нет, — решительно проговорил Буни. — Я не могу.

Он услышал, как Декер вздохнул, и подумал, что тот сейчас потребует снова посмотреть на эти ужасные фотографии. Однако голос доктора зазвучал вполне дружелюбно.

— Ну что ж, Арон, — сказал он. — Тогда все в порядке. А фотографии эти я сейчас уберу.

Буни прижал ладони к глазам, почувствовав на лице горячие слезы.

— Ну вот, их уже нет здесь, — сказал Декер.

— Они здесь.

Да, они все еще стояли у него перед глазами — одиннадцать комнат и одиннадцать трупов, как ни старался он избавиться от этого видения. Стена, которую Декер долгих пять лет возводил в больной душе пациента, рухнула за несколько секунд, и не без помощи самого архитектора. Буни снова был во власти своего безумия. Он снова слышал хриплую песнь своего умирающего рассудка, который тонул в крови изуродованных тел.

Почему же он так легко после стольких лет лечения потерял самообладание? Слезы выдали его мысли. Они объяснили то, чего никак не мог выговорить его язык. Да, он виновен. В чем же еще причина? Эти руки, которые он сейчас нервно вытирал о свои брюки, мучили и убивали. Если он не расскажет обо всем, кто знает, сколько еще кровавых дел они натворят... Лучше признаться, хотя он и не помнит ничего, чем дать волю своему безумию.

Он повернулся и посмотрел на Декера. Фотографии были собраны в стопку и лежали на столе изображением вниз.

— Вы что-то вспомнили? — спросил доктор, заметив перемену в его лице.

— Да, — ответил тот.

— Что?

— Это сделал я, — просто сказал Буни. — Я совершил все эти убийства.

Глава 2

Декер был самым снисходительным прокурором, о котором мог только мечтать любой обвиняемый. Первое время он часами не отходил от Буни, задавая ему множество тщательно продуманных вопросов, стараясь вместе с ним собрать все возможные доказательства его причастности к убийствам. Несмотря на признания своего пациента, доктор предпочитал не торопиться. Признание — это еще не веская улика. Они должны были убедиться, что слова Буни не стали просто результатом саморазрушительных тенденций в его психике.

Буни не сопротивлялся, решив полностью довериться Декеру, который знал его даже лучше, чем он сам себя. Кроме того, он не мог забыть слова Декера о том, что, если подтвердится самое худшее, репутация его, как хорошего специалиста, будет наверняка опорочена. Значит они оба не имеют права на ошибку. Единственный способ выяснить правду заключался в том, чтобы досконально изучить все детали преступлений — даты, имена, места. Может быть, Буни что-нибудь вспомнит, или им удастся обнаружить хотя бы одно убийство, совершенное в тот момент, когда он находился рядом с кем-нибудь, кто безоговорочно мог бы это подтвердить.

Единственное, от чего Буни категорически отказывался — это еще раз внимательно рассмотреть фотографии. Декер уговаривал его двое суток. Наконец терпение доктора лопнуло. Он набросился на Буни с ругательствами, обвинив его в трусости и лживости. Если Буни задумал поупражняться в доведении нормального человека до умопомешательства, кричал Декер, то пусть убирается отсюда к чертям и морочит голову кому-нибудь другому.

Буни пришлось согласиться. Однако вспомнить что-либо он так и не смог. Фотоаппарат не запечатлел никаких особых деталей. Комнаты были самые обычные. Единственное, что могло бы помочь, — это лица убитых. Но все они были изуродованы до неузнаваемости. И даже самый опытный специалист не сумел бы восстановить из этих страшных обрывков внешний облик жертв. Оставалось послед-

нее — выяснить, где находился Буни в те часы, когда были совершены преступления, с кем он был, что делал. Дневник он никогда не вел, поэтому восстановить все детали оказалось делом необычайно сложным. Но даже после всех усилий выяснилось, что за исключением часов, проведенных им в обществе Лори и Декера, которые, судя по всему, не совпадали с временем убийств, он большей частью был один, а значит, не имел никакого алиби. К концу четвертого дня им обоим стало ясно, что трагическая развязка неминуема.

— Ну все, — сказал Буни. — Больше думать нечего.

— Нужно проверить еще раз.

— Зачем? Я уже хочу, чтобы все поскорее закончилось.

За последние дни состояние Буни резко ухудшилось. Возвратились все старые симптомы болезни, которые еще совсем недавно казались ему навсегда исчезнувшими. Он почти не спал, мучимый кошмарными видениями, плохо ел и ни на минуту не мог избавиться от леденящих душу мыслей о собственном выпотрошенном теле. Ему хотелось наконец освободиться от этой муки, открыть свою тайну и понести наказание.

— Дайте мне еще немного времени, — сказал Декер. — Если мы пойдем сейчас в полицию, они заберут вас и, вероятно, не разрешат мне даже видеться с вами. Вы останетесь совсем один.

— Я и так уже остался один, — ответил Буни.

С того дня, как Декер впервые показал ему те фотографии, он прекратил все контакты с кем бы то ни было, даже с Лори, боясь, что это может причинить кому-то вред.

— Я — чудовище. Мы оба знаем это. И все необходимые доказательства уже есть.

— Дело не в доказательствах.

— А в чем?

Декер устало прислонился к оконной раме: в последнее время его полнота все чаще давала о себе знать.

— Я не понимаю вас, Буни, — сказал он.

Буни отвел взгляд от доктора и посмотрел на небо. Легкие облака неслись по нему, подгоняемые юго-восточным ветром. Как привольно, наверное, там, наверху, думал Буни.

Быть легче воздуха и мчаться в этой небесной голубизне. А здесь так тяжело... Так давит страх и сознание своей собственной вины.

— Я потратил четыре года на то, чтобы разобраться в вашей болезни, и надеялся, что смогу вылечить вас. Я думал, что уже близок к успеху. Я думал...

Декер замолчал, не в силах справиться с нахлынувшими на него чувствами. Несмотря на свое состояние, Буни не мог не видеть, как глубоко страдает этот человек, но помочь ему ничем не мог. И он просто смотрел на летящие облака, такие легкие и светлые, и думал о том, что впереди его ждет только мрак и безысходность.

— Когда полиция заберет вас, — пробормотал Декер, — не только вам предстоит ощутить всю тяжесть одиночества. Я ведь тоже остаюсь один. Вас будет лечить кто-то другой, какой-нибудь тюремный психиатр, а меня больше никогда не пустят к вам. Поэтому я прошу... Дайте мне еще время, чтобы я мог разобраться во всем... прежде чем между нами будет все кончено.

«Он говорит так, будто мы любовники, — промелькнуло в голове у Буни, — будто наши отношения для него действительно дороже жизни».

— Я знаю, что вам сейчас нелегко, — продолжал Декер. — Но у меня есть лекарство для вас. Вот... таблетки... Они облегчат ваше состояние хотя бы на то время, пока мы не закончим...

— Я не ручаюсь за себя, — сказал Буни. — Вдруг я снова кого-нибудь убью?

— Не убьете, — ответил доктор с завидной уверенностью. — Вы просто станете крепче спать по ночам, а все остальное время я буду рядом. При мне с вами ничего не случится.

— Сколько времени вам надо?

— Буквально несколько дней. Ведь это не так много, правда? Мне очень нужно выяснить, почему все так получилось, почему мы потерпели крах.

Мысль о том, что придется пережить все заново, ужаснула Буни. Но он был в долгу перед доктором и не мог лишить его последнего шанса. Быть может, ему удастся откопать

хоть что-нибудь из-под руин их внезапно рухнувших надежд.

— Хорошо. Только, пожалуйста, не очень долго, — сказал он.

— Спасибо, — ответил доктор. — Для меня это очень много значит.

— А таблеток мне понадобится много...

В своем лекарстве Декер был уверен не зря. Таблетки оказались настолько сильными, что порой Буни не мог с уверенностью назвать даже своего имени. Он легко засыпал и был счастлив хоть на время избавиться от своего получеловеческого существования.

Декер сдержал свое слово и давал Буни лекарство по первому требованию. А когда тот немного приходил в себя, они снова принимались за поиски доказательств. Однако ясности по-прежнему не было — какие-то двери, какие-то лестницы. Он все чаще и чаще терял контакт с Декером, а тот еще пытался проникнуть в глубины его больного мозга. Однако у Буни не осталось уже никаких мыслей, никаких чувств. Только сон, гнетущая тяжесть вины и неисчезающая надежда, что скоро всему этому наступит конец.

И только Лори, вернее, воспоминания о ней изредка врывались в его затуманенное сознание. Он слышал ее голос, чистый и звонкий. В памяти всплывали слова, сказанные ею когда-то. В общем-то незначительные фразы, но они ассоциировались с чем-то очень дорогим для него. Правда, с чем именно, он вспомнить не мог. Таблетки начисто лишили его способности представлять что-либо. И ему оставалось лишь мучиться, слыша ее голос как будто бы совсем рядом и не имея возможности сопоставить ее слова с воспоминаниями из прошлого. Но хуже всего было то, что он знал: все это связано с женщиной, которую он любил и которую больше никогда не увидит, может быть, только в суде. Ведь это ей он дал обещание и нарушил его буквально через несколько недель. В его нынешнем ужасном состоянии это невольное предательство казалось таким же чудовищным, как и преступления, изображенные на фотографиях. Нет ему прощения!

...А лучше всего смерть. Он не знал точно, сколько времени прошло с тех пор, как Декер уговорил его подождать

ще несколько дней, но он был уверен, что с честью выдержал это испытание. Больше ему вспоминать нечего. Осталось одно — пойти в полицию и во всем признаться. Или самому сделать то, на что уже власти не надеются, — уничтожить чудовище.

Он не стал, конечно, посвящать Декера в свой план, потому что знал — доктор приложит все усилия и не допустит самоубийства своего пациента. Поэтому он терпеливо дождался вечера и, пообещав Декеру прийти утром, отправился домой, чтобы приготовиться к самоубийству.

Дома его ждало еще одно письмо от Лори, четвертое за это время, в котором она настойчиво просила сообщить, что случилось. Он читал его медленно, с трудом улавливая смысл. Даже пытался написать ответ, но не смог. Мысли путались, слова теряли свой смысл. Он встал и, положив письмо Лори в карман, вышел из дома в поисках смерти.

Ему не повезло. Бросившись под грузовик, он остался жив и, истекающий кровью, был доставлен в больницу. Позже он понял, что так оно и должно было случиться, что смерть обошла его стороной преднамеренно. Но тогда, сидя в белой больничной палате, он думал только об одном: как несправедлива к нему судьба. У других людей он с чудовищной легкостью отнимал жизнь, а сам не мог умереть. Даже здесь удача не улыбнулась ему.

Однако именно эта комната станет началом его новой жизни. Именно в ее стенах он услышит слово, которое однажды ночью поманит его за собой туда, где ему предстоит встретиться со сверхъестественным и мистическим.

Мидин. Что-то объединяет его с этим названием. Обещания, данные в ночи... Только его клятвы в вечной любви очень скоро были нарушены, а то, что обещает Мидин, неподвластно даже смерти.

Глава 3

За годы своей болезни в стенах психиатрических клиник, да и не только там, Буни часто встречал людей, страдающих и несчастных, которые хранили у себя какие-то талисманы,

свято веря, что они могут защитить их от новых бед и испытаний. Он быстро понял, что нельзя относиться к этому с пренебрежением. Собственный горький опыт показал ему: нужно иметь хоть что-нибудь, способное удержать тебя от последнего шага. Чаще всего это были простые безделушки — ключи, книги, фотографии, то есть все то, что напоминало несчастным о чем-то очень личном, добром и светлом. Но было и нечто такое, что принадлежало всем. Буни не раз слышал слова, которые считались среди этих людей святыми: какие-то бессмысленные рифмовки, имена богов. Таким же магическим было слово Мидин.

Буни часто слышал название этого места, в основном от людей, которые находились уже у последней черты. Мидин... Там можно было спрятаться, укрыться от всех и от всего, там прощались все грехи, как реальные, так и вымышленные. Буни не знал, откуда появилась эта легенда, да никогда и не интересовался этим. Он не нуждался в прощении. Так ему, во всяком случае, казалось. Теперь все изменилось. Ему было в чем покаяться. Долгое время он был в неведении, и вот Декер помог ему сделать страшное открытие. И никакие силы не смогут освободить его от этой душевной тяжести. Теперь он стал совершенно другим. Мидин манил его.

Погруженный в свои тяжкие мысли, он и не заметил, что находится в палате не один. И вдруг кто-то хрипло произнес:

— Мидин.

Сначала он подумал, что это ему просто слышится, как голос Лори. Но когда звук повторился, он понял, что говорят из другого конца комнаты. Буни с трудом поднял веки, липкие от крови, и повернул голову. В дальнем углу палаты сидел какой-то человек — очевидно, еще одна жертва дорожно-транспортного происшествия. Он не отрываясь смотрел на дверь своими безумными глазами, как будто ждал, что в любой момент там может появиться его спаситель. Сказать что-либо определенное о возрасте или внешности этого человека было практически невозможно — все его лицо было залеплено грязью и запекшейся кровью. «Я, должно быть, выгляжу не лучше», — подумал Буни. Впрочем, его это мало волновало. В нынешней ситуации они

действительно имели много общего — товарищи по несчастью.

Но если Буни в своих джинсах, поношенных ботинках и черной тенниске не представлял собой ничего особенного, то во внешнем облике другого пациента было немало примечательного. Длинное, монашески строгое пальто, седые волосы, стянутые на затылке в хвост, спускающийся до середины спины, блестевшая на шее цепочка, которая едва виднелась из-за высокого воротника, и, наконец, два искусственных ногтя на больших пальцах обеих рук, судя по всему, серебряные, очень длинные, загнутые крючком.

И вот этот человек произнес заветное слово.

— Вы возьмете меня с собой? — спросил он тихо. — В Мидин?

Его взгляд был по-прежнему прикован к двери, а слова, казалось, обращены к кому-то другому. И вдруг совершенно неожиданно, без всякого предупреждения, он повернул свою окровавленную голову и со злостью плюнул в сторону Буни.

— Убирайся отсюда вон! — сказал он. — Это из-за тебя они не приходят. И не придут, пока ты торчишь здесь.

Буни был слишком слаб, чтобы ответить, да и подняться у него не хватило бы сил. Поэтому он решил не обращать внимания.

— Убирайся! — повторил незнакомец. — Таким, как ты, они не показываются. Неужели непонятно?

Буни закрыл глаза.

— Черт! — снова послышался хриплый голос. — Я пропустил их! *Пропустил!*

Он встал и направился к окну, за которым стояла черная ночь.

— Они прошли мимо, — неожиданно грустно пробормотал он. Потом подошел к Буни и, криво улыбаясь, спросил:

— У вас есть что-нибудь успокаивающее?

— Сестра дала мне что-то.

— Я имею в виду *выпивку*. У вас есть что-нибудь выпить?

— Нет.

Лицо его сразу сморщилось, из глаз потекли слезы. Он отвернулся от Буни и, всхлипывая, снова заговорил:

— Почему они не взяли меня? Почему не пришли за мной?

— Может быть, они придут позже, — сказал Буни, — когда меня здесь не будет?

Незнакомец снова взглянул на него.

— Что вы знаете об этом? — спросил он.

«Очень мало», — хотел сказать Буни, но промолчал. Он знал кое-что об этой легенде, но никогда не интересовался подробностями. Действительно ли это то самое место, где находят покой те, кто потерял последнюю надежду? А сам он дошел уже до этого состояния? Ведь у него не осталось ничего, что принесло бы успокоение. И никто не сможет помочь ему — ни Декер, ни Лори. Даже смерть отвернулась от него. И хотя Мидин был всего лишь красивой легендой, свято хранимой обреченными на страдания людьми, Буни хотел теперь побольше узнать о ней.

— Расскажите мне, — промолвил он.

— Это я вас прошу рассказать, — ответил незнакомец, почесав свой небритый подбородок серебряным ногтем.

— Я знаю, что там облегчаются все страдания, — сказал Буни.

— А еще что?

— А еще... туда принимают всех.

— Неправда, — последовал неожиданный ответ.

— Неправда?

— Если это так, то почему же я до сих пор там не оказался? Разве вы не знаете, что это самый большой город на земле? И конечно, не всех туда пускают.

Его глаза, полные слез, уставились на Буни.

«Интересно, он понял, что я ничего не знаю, — подумал Буни. — По-видимому, нет». А его сосед продолжал говорить и, казалось, испытывал удовольствие от обсуждения этой темы. Но скорее всего в этом просто выражался его страх.

— Меня не берут туда, потому что я, наверное, еще не заслужил этого, — сказал он. — Не так-то легко получить у них прощение. Да и вообще, не все грехи отпускаются. А знаете, что они делают с теми, кто не достоин этого прощения?

Однако Буни гораздо больше интересовала сама уверенность этого человека в том, что Мидин действительно существует. Он говорил о нем не как о несбыточной мечте, которую лелеет в своей душе любой сумасшедший, а как о чем-то реальном, куда можно прийти и действительно получить то, что тебе нужно.

— Вы знаете, как попасть туда? — спросил Буни.

Незнакомец отвернулся. И вдруг Буни охватил страх. Что если этот урод не станет больше ничего рассказывать!

— Мне нужно знать, — повторил он.

Незнакомец снова взглянул на него.

— Это заметно, — сказал он изменившимся голосом. Подавленный вид Буни явно заинтересовал его.

— Мидин находится к северу-западу от Атабаски.

— Правда?

— Это то, что я слышал.

— Но там совершенно пустынная земля, — сказал Буни. — И без карты в тех местах можно блуждать до бесконечности.

— Мидин не обозначен ни на одной карте. Но действительно расположен к востоку от города Пис-Ривер, рядом с Шернеком, севернее Двайера.

В его словах не было ни тени сомнения. Он верил в существование этого места, пожалуй, даже больше, чем в то, что сам находится сейчас в четырех стенах больничной палаты.

— Как вас зовут? — спросил Буни.

Вопрос, казалось, привел его в замешательство. Уже долгое время никто не спрашивал его имени.

— Нарцисс, — ответил он наконец. — А вас?

— Арон Буни. Правда, никто не зовет меня Ароном. Просто Буни.

— Арон, — сказал Нарцисс. — А откуда вы знаете про Мидин?

— Оттуда же, откуда и вы, — ответил Буни. — От других людей, от тех, кто мучается и страдает.

— От монстров, — добавил Нарцисс.

Буни не считал этих несчастных монстрами, но, возможно, с точки зрения нормального человека, они действительно ими были.

— Только их принимают в Мидин, — объяснил Нарцисс. — Если вы не зверь, тогда вы — жертва. Ведь правда же? Вы или тот, или другой. Вот почему я не осмеливаюсь идти туда один. Я жду друзей, которые придут за мной.

— Людей, которые уже отправились туда?

— Да, — сказал Нарцисс. — Некоторые из них живые, а некоторые пошли в Мидин уже после своей смерти.

Буни показалось, что он ослышался.

— *После смерти?* — переспросил он.

— Послушайте, может быть, у вас все-таки найдется что-нибудь успокаивающее?

— У меня есть немного таблеток, — сказал Буни, вспомнив о лекарстве Декера. — Если хотите, я вам дам.

— Хоть что-нибудь.

Буни с радостью избавился бы от этих таблеток. Они дурманили ему голову, приводили в такое состояние, когда не знаешь, жив ты еще или уже умер. Сейчас он знал, что жив. Теперь ему было куда пойти. Было такое место, где его хоть кто-нибудь сможет понять. А для этого не нужны таблетки. Для этого нужны силы и страстное желание получить прощение. Желание у него было. А силы... Он должен найти их.

— Где же они? — нетерпеливо спросил Нарцисс.

Старая кожаная куртка Буни, которую с него сняли во время осмотра, висела на спинке стула. Он запустил руку в ее внутренний карман и, к своему ужасу, обнаружил, что пузырька с лекарством там нет.

— Кто-то вытряхнул мою куртку!

Он осмотрел другие карманы. Везде пусто. Письма Лори, бумажник, лекарство — все исчезло. Через секунду он понял, что случилось, и внутри у него все похолодело. Они искали документы, хотели установить его личность. Попытка самоубийства была налицо, поэтому они и обчистили его карманы. А в бумажнике был адрес Декера. Наверное, доктор уже торопится в больницу, чтобы забрать своего непутевого пациента и отвести его в полицию. И тогда, прощай, Мидин...

— Вы сказали, что у вас есть *таблетки*! — завопил Нарцисс.

— Кто-то взял их у меня.

Нарцисс выхватил куртку из рук Буни и стал в ярости терзать ее.

— *Где?* — кричал он. — *Где?*

Его лицо снова сморщилось от отчаяния. Он бросил куртку и отпрянул назад. Из глаз его катились слезы, а рот растянулся в страшной улыбке.

— Я знаю, кто вы, — сквозь рыдания и истерический хохот сказал он, указывая на Буни. — Вас послали сюда оттуда. Чтобы убедиться, достоин ли я попасть в Мидин. Вы пришли специально, посмотреть на меня — подхожу я вам или нет.

Он бился в истерике, не давая Буни возможности вставить даже слово.

— А я сижу здесь и молю всех богов, чтобы за мной кто-нибудь пришел. А вы, оказывается, уже тут как тут. Наблюдаете за мной все это время и видите, какое я *дерьмо*!

Он громко захохотал и вдруг заговорил вполне серьезно:

— Я никогда не сомневался. Я всегда знал, что за мной придут. Но я думал, что это будет кто-нибудь из знакомых. Марвин, например. Мне следовало догадаться, что они пошлют человека, которого я не знаю. Ну как, *посмотрели*? *Услышали*? И мне совсем не стыдно. И им никогда не удавалось добиться от меня этого. Спросите любого. А они пытались! И не один раз. Они хотели разложить меня на кусочки, вытащить из меня все самое безобразное. Но я держался, потому что знал: рано или поздно вы придете, и я хотел быть готовым. Поэтому я носил эти штуки... — Он поднял вверх большие пальцы обеих рук. — Могу показать. Хотите?

Не дожидаясь ответа, Нарцисс поднес ладони к лицу. Острые как бритва ногти коснулись кожи чуть ниже мочек ушей. Буни молча смотрел, понимая, что никакие уговоры не остановят безумца. Да, этот жест Нарцисс репетировал бессчетное количество раз. Он знал, что делает. Ногти беззвучно вонзились в тело. И тут же брызнула алая кровь, заливая шею и руки. Ни один мускул не дрогнул на его лице, застывшем, словно маска. Через мгновение оба пальца одновременно заскользили вниз к подбородку, легко распары-

вая кожу. Он действовал с точностью хирурга, и вскоре его нижнюю челюсть окаймляла ровная, кровоточащая рана.

— Ну как, хотите посмотреть? — снова сказал он, пытаясь подцепить пальцами одной руки край кожного лоскута. С другой его руки стекала на пол кровь.

— Не надо, — еле выдавил из себя Буни.

Но Нарцисс не слышал его. Резким движением он рванул кожу вверх и стал сдирать ее с лица.

Буни услышал позади себя чей-то вскрик. Он слегка повернул голову. На пороге открытой двери стояла санитарка с белым как мел лицом и разинутым от ужаса ртом. Буни заметил и пустой коридор позади нее, коридор, по которому можно убежать отсюда. Но он не в силах был отвести взгляда от Нарцисса, хотя кроме крови больше ничего не видел. А ему нужно было узнать, что скрывается за его маской, увидеть то, что заставило этого человека так страстно стремиться в Мидин. Скоро кровавый дождь прекратился, и Буни увидел лицо. Что это — действительный облик монстра или просто изуродованный, несчастный человек? Сейчас он узнает...

И вдруг Буни почувствовал, что кто-то схватил его сзади за руки и потащил к двери. И он увидел, как Нарцисс угрожающе поднял свои страшные ногти, но тут же сник под натиском санитаров, которые набросились на него и стали связывать. Воспользовавшись моментом, Буни вырвался из рук санитарки, схватил свою куртку и бросился к двери. Он был очень слаб и с трудом передвигал ноги. Почувствовав тошноту и резкую боль во всем теле, он едва не упал на колени, но картина, стоявшая у него перед глазами — Нарцисс, окруженный и связанный, — придала ему силы. Он быстро спустился в холл, не замеченный никем из медицинского персонала.

Выходя в ночную темень, он услышал протестующие крики Нарцисса, а потом полный отчаяния стон — жуткий, но такой человеческий...

Глава 4

Несмотря на то, что расстояние от Калгари до Атабаски составляло немногим более трехсот миль, путешественник, проделав этот путь, попадал в совершенно иной мир. Отсюда начиналась абсолютно ровная, пустынная земля. Обширные прерии постепенно сменялись дикими лесами и непроходимыми болотами. Все это осложняло задачу Буни, который практически не имел опыта путешествий. В молодости он некоторое время работал водителем грузовика, но дальше Атабаски и еще нескольких близлежащих городков никуда не ездил. Местность, которая простиралась к северу, была ему совершенно неизвестна. Только по карте он мог посмотреть названия населенных пунктов. Впрочем, они почти не встречались. Ему предстояло пересечь практически пустынную территорию с кое-где разбросанными фермерскими поселениями. Правда, название одного из них было ему знакомо — Шернек. О нем упоминал Нарцисс.

Карту, а также немного денег, которых ему хватило на покупку бутылки бренди, он раздобыл, взломав несколько машин на одной из подземных автостоянок в пригороде Калгари. Ему удалось благополучно скрыться, прежде чем полиция уловила звук сигнализации.

Дождь уже смыл кровь с его лица. Заскорузлую тенниску он выбросил и надел прямо на голое тело свою любимую куртку, радуясь, что она осталась при нем.

Добравшись до Эдмонтона, он отправился на попутной машине дальше — в Атабаску, а потом в Хай-Прери. Все казалось не так уж сложно.

Только казалось... Ведь предстояло найти место, о котором он узнал из рассказов душевнобольных людей. Да, отыскать его нелегко, но жизненно необходимо. С того самого момента, когда он очнулся после неудавшейся попытки самоубийства, это путешествие стало смыслом его существования. Таинственный город манил и звал его. Может быть, раньше он просто не слышал этого зова? Вера в то, что само понятие Мидин обладает некой магической силой, сделала из него почти фаталиста. Если город действительно существует и примет его таким, каков он есть,

значит, он найдет наконец покой и облегчение своим мукам. А если это только плод фантазии запуганных и потерявших последнюю надежду людей, то он все равно найдет спасение, потому что готов теперь принять все испытания, которые ждут его на этом пути в неизвестность. Все лучше, чем глотать эти таблетки и наблюдать за бессмысленными попытками Декера отыскать для него хоть какое-нибудь алиби.

Ведь было ясно с самого начала, что Буни-человек и Буни-монстр неразделимы. Они сидят в одной оболочке. И теперь для обоих эта дорога — путь либо к смерти, либо к спасению.

К востоку от Пис-Ривера, говорил Нарцисс, недалеко от Шернека, севернее Двайера...

Буни пришлось переночевать прямо на улице в Хай-Прери. Утром следующего дня он нашел машину, водитель которой согласился подвезти его к Пис-Риверу. Это была женщина лет пятидесяти. Она с гордостью говорила о том, что с детства знает этот район как свои пять пальцев, и была рада преподать незнакомому человеку маленький урок географии. Мидин он не упоминал, а Двайер и Шернек она знала. Шернек, небольшой городишко на пять тысяч жителей, располагался к востоку от шестьдесят седьмого шоссе. По ее словам выходило, что Буни зря проделал путь в две сотни миль, забравшись в Хай-Прери. Надо было гораздо раньше повернуть на север. Ну ничего, говорила она, ей известно одно место в Пис-Ривере, где останавливаются местные фермеры на пути домой. Там он обязательно найдет машину и отправится туда, куда ему надо.

— У вас там знакомые? — спросила она.

— Да, — ответил он.

Уже начало смеркаться, когда очередной попутчик высадил его из своей машины в миле от Двайера. Буни посмотрел вслед удаляющемуся грузовику и пошел по направлению к городу. Ночь, проведенная практически без сна, и долгий путь с бесконечными пересадками по старым разбитым дорогам давали о себе знать. Он шел больше часа, а когда впереди показались огни Двайера, было уже совсем темно. Буни мысленно поблагодарил судьбу — днем он мог подойти

к городу слишком близко. А ему следовало думать об осторожности.

В городе была полиция. Три-четыре машины, прикинул Буни. Правда, вполне возможно, что они ищут кого-то другого, но Буни был почти уверен, что разыскивают именно его. Скорее всего Нарцисс, придя в себя, рассказал им обо всем. И теперь они, наверное, уже рыщут по всем домам. А если это так, значит и в Шернеке его тоже ждут.

Он сошел с дороги и улегся в рапсовом поле, чтобы обдумать дальнейший план действий. Конечно, было бы полнейшим безумием идти сейчас в Двайер. Лучше довериться своей интуиции и сразу отправиться в Мидин, несмотря на голод и усталость. А ориентироваться можно по звездам.

Он встал и взглянул на небо, пытаясь определить, где находится север. Конечно, он понимал, что может легко сбиться с пути при таких ориентирах, но другого выхода у него просто не было.

Часов у Буни не было, и он мог лишь приблизительно судить о времени, глядя на расположение созвездий. Становилось холодно. Но он упрямо пошел на север, стараясь как можно дальше держаться от дорог. Конечно, по дороге идти легче, чем по вспаханной земле, но осторожность была превыше всего. Он еще раз убедился в этом, когда увидел, как по шоссе, которое он пересек буквально минуту назад, беззвучно проследовали два полицейских автомобиля и черный лимузин. Он, правда, не успел ничего рассмотреть, но сердце подсказывало ему, что пассажиром лимузина был не кто иной, как сам Декер — замечательный доктор, все еще одержимый желанием *докопаться до истины.*

И вот наконец Мидин. Город возник из темноты как-то сразу, неожиданно. Еще минуту назад впереди не было ничего, и вдруг на горизонте показались дома. Их серо-голубые стены таинственно мерцали при свете звезд. Буни остановился и несколько минут изучал открывшуюся перед ним картину. Во всем городе он не увидел ни одного окна, ни одного крыльца, где горел бы свет. Была уже глубокая ночь, и все люди, видимо, улеглись спать перед новым рабочим днем. Но то, что буквально весь город был погружен

во тьму, показалось Буни довольно странным. Неужели здесь нет ни одного человека, страдающего бессонницей? Неужели ни один ребенок не попросил оставить на ночь зажженную лампу? Скорее всего его просто здесь дожидаются — Декер и полиция. Они, наверное, спрятались в темноте, чтобы схватить беглеца. Проще всего было бы повернуть назад, но сил уже не оставалось. Да и не будет у него больше такой возможности. Ведь его наверняка давно ищут и, конечно, сразу же найдут.

Буни решил походить вокруг и посмотреть, нет ли где полиции. И если ничего подозрительного не обнаружится, он войдет в город, а потом будет действовать по обстоятельствам. Не для того он проделал такой путь, чтобы повернуть сейчас обратно.

Буни осторожно пошел вдоль границы города, но ничего не заметил. Город был абсолютно пуст, и именно это насторожило его. Он не увидел не только ни единой полицейской машины, но и вообще никакого транспорта — ни грузовиков, ни фермерских автомобилей. Он уже было подумал, не расположилась ли здесь какая-нибудь религиозная община, члены которой не признают электричества и двигателей внутреннего сгорания.

Но когда он поднимался по склону невысокого холма, на котором стоял Мидин, его вдруг осенило — в городе вообще никого не было. Это открытие заставило его даже остановиться. Он стал вглядываться в дома, пытаясь найти подтверждение своей догадки — может быть, разрушенные от времени стены или поржавевшие крыши. Однако внешне все выглядело вполне обычно. И только полнейшая тишина, такая, что, казалось, слышно было, как падают с неба звезды, свидетельствовала о том, что людей здесь нет. Это был город-призрак.

Никогда в жизни не испытывал Буни такого разочарования. Он стоял как пес, который вернулся домой и обнаружил, что хозяева его уехали. Беззащитный, никому не нужный зверь!

Несколько минут он не мог сдвинуться с места, но потом все-таки заставил себя идти дальше. Пройдя ярдов двадцать, он снова остановился, пораженный открывшейся перед ним

картиной — еще более таинственной и пугающей, чем сам безлюдный Мидин.

Та высота, на которую он поднялся, позволила ему увидеть весь Мидин как на ладони. И там, в самом дальнем конце, раскинулось огромное кладбище, окруженное со всех сторон высокой стеной. Оно было совершенно несоизмеримо с самим городом и, судя по его величине, обслуживало весь район. Громадные мавзолеи, ряды могил, ровные аллеи, посадки деревьев — кладбище напоминало небольшой городок со своими улицами, кварталами...

Буни медленно двинулся дальше. Первое возбуждение от увиденного прошло, и теперь он чувствовал, что силы оставляют его. Все тело ныло от усталости. Он знал: еще немного — и ноги перестанут слушаться его. Он упадет и не сможет подняться. Надо во что бы то ни стало добраться до кладбища. Может быть, за его высокими стенами найдется для него укромное местечко, где можно спрятаться от преследователей и дать наконец отдых своему измученному организму.

На территорию кладбища было два входа. Один сбоку — небольшая калитка в стене. А другой в центре — огромные ворота. Буни выбрал первый. Калитка была закрыта, но не заперта. Он бесшумно открыл ее и шагнул вперед. Ощущение того, что за высокой кладбищенской стеной расположился целый город, снова охватило его. Огромные мавзолеи были похожи на дома. Их размеры и та тщательность, с которой они были построены, поразили Буни. Кто мог быть похоронен здесь? Что за богачи создали для своих умерших родственников такое великолепие? Небольшие общины, живущие в прериях, практически не имели возможности разбогатеть, за исключением тех редких случаев, когда на принадлежащей им земле обнаруживались нефтяные залежи или золото. Но такой роскоши не наблюдалось нигде. А здесь были грандиозные усыпальницы, представляющие все стили архитектуры — от классического до барокко. А надписи на них свидетельствовали о принадлежности к самым различным религиозным течениям.

Это никак не укладывалось у Буни в голове. Но он очень хотел спать. Этим могилам больше сотни лет. Они были здесь

и никуда не денутся, а ему нужно отдохнуть. Он улегся между двумя надгробными плитами и в изнеможении опустил голову. Весенняя трава пахла сладкой свежестью. Ему приходилось спать в еще худших условиях, а сейчас это вообще не имело никакого значения.

Глава 5

Его разбудил зверь. Сквозь липкий сон послышалось приглушенное рычание. Мгновенно проснувшись, он открыл глаза и сел. Рядом никого не было, но Буни слышал — рычит собака. Может быть, она притаилась сзади? Он стал медленно поворачиваться. Было очень темно, но это не помешало ему увидеть смутные очертания огромного пса. Породу он не смог определить, но злобное рычание зверя не оставляло сомнений — животное настроено агрессивно.

— Ну что ты, дружок... — тихо проговорил Буни. — Все в порядке.

Он стал потихоньку подниматься, понимая, что, сидя на земле, представляет для зверя совсем легкую добычу. Руки и ноги его закоченели, поэтому вставал он как древний старик. И, возможно, именно это удержало пса от атаки. Он только смотрел на Буни, следя за каждым его движением. Зрачки его глаз суживались, и огромные белки почти светились в темноте. Встав на ноги, Буни повернулся к зверю лицом, а тот начал медленно приближаться к нему. Что-то в его движениях показалось Буни странным, но уже через секунду он понял — животное ранено. Было слышно, как пес волочит за собой ногу — голова опущена, лапы широко расставлены.

Буни хотел было пожалеть беднягу, но вдруг кто-то сзади обхватил рукой его шею и придавил горло.

— *Одно движение — и я выпущу из тебя кишки.*

Пальцы другой руки вонзились в его живот с такой силой, что Буни понял — угроза реальна. Буни попытался сделать неглубокий вздох, и тут же давление усилилось. Усилилось настолько, что он почувствовал, как по животу его заструилась горячая кровь, затекая под джинсы.

— Кто ты? Отвечай живо! — послышался чей-то грубый голос.

Врать Буни совсем не умел, да и вряд ли это помогло бы ему, поэтому он просто сказал:

— Меня зовут Буни. Я пришел сюда... чтобы найти Мидин.

Сказал это в надежде, что давление слегка ослабнет, когда он назовет цель своего визита.

— Зачем? — послышался другой голос.

У Буни бешено заколотилось сердце, когда он понял, что говорят с того места, где стоит сейчас раненый зверь. И значит, это произнес он.

— Мой друг задал тебе вопрос, — сказали ему в самое ухо. — Отвечай!

Буни, еще окончательно не придя в себя после нападения, напряженно всматривался в темноту и, разглядев того, кто стоял там, не поверил своим глазам. Голова существа начала менять форму. Глазные впадины, ноздри, рот стали медленно всасывать в себя звериную морду.

Страх мгновенно исчез. Радостное возбуждение охватило Буни. Значит, *Нарцисс не лгал!* Вот оно, подтверждение его слов.

— Я пришел сюда, чтобы быть с вами, — сказал он, — потому что я такой же, как вы.

Сзади раздался негромкий смешок.

— Как он выглядит, Пелоквин?

Существо уже втянуло в себя свой человеческий облик. И теперь Буни увидел перед собой нечто с человеческим лицом и телом животного, напоминающего скорей рептилию, чем млекопитающее. Раненая конечность, которая волочилась по земле, оказалась хвостом.

— Он выглядит вполне реально, — ответил Пелоквин. — Обычный человек.

«Интересно, почему этот второй не может сам посмотреть?» — подумал Буни. Он взглянул на руку, которая по-прежнему упиралась в его живот. На ней было шесть пальцев с длинными когтями.

— Не убивайте меня, — сказал он. — Я проделал долгий путь, чтобы попасть сюда.

— Ты слышал, Джэки? — сказал Пелоквин, поднимаясь с земли. Теперь он стоял перед Буни на четырех лапах, глядя на него в упор своими ярко-голубыми глазами, и жарко дышал ему в лицо.

— Тогда что же ты за зверь? — спросил он, рассматривая Буни.

Превращения оборотня незаметно подошли к концу, и теперь перед Буни стоял ничем не примечательный человек лет сорока, худощавый и бледный.

— Надо взять его с собой вниз, — сказал Джэки. — Лайлесберг захочет посмотреть на него.

— Вероятно, — ответил Пелоквин. — Только мне кажется, это ни к чему. Он обычный человек. Я чую это.

— Мои руки в крови... — пробормотал Буни. — Я убил одиннадцать человек.

Голубые глаза с насмешкой смотрели на него.

— Что-то не похоже...

— Это не наше дело, — сказал Джэки. — Как ты можешь судить о нем?

— У меня есть глаза, — сказал Пелоквин, — и я сразу вижу чистенького человека.

Он указал пальцем на Буни.

— Ты не монстр. Ты не из нашей стаи. Ты мясо. Вот кто ты. Мясо для зверя.

Насмешка исчезла с его лица. В глазах появился голодный блеск.

— Мы не можем этого сделать, — твердо заявил второй.

— А кто узнает? — сказал Пелоквин. — Никто никогда не узнает.

— Мы нарушаем закон.

Но Пелоквин будто не слышал этих слов. Он оскалил зубы. Черный дым заструился из его рта. Буни уже догадывался, что сейчас произойдет. Оборотень стал снова выворачивать свое лицо наизнанку. Голова едва уловимо меняла форму.

— Вы не можете убить меня, — сказал Буни. — Я такой же, как вы.

Дым мешал ему разглядеть оборотня. «Может, он одумается?» — мелькнула надежда и тотчас растаяла. Сомнений не оставалось — чудовище намеревалось съесть его.

И вдруг Буни почувствовал острую боль в животе. Он опустил вниз глаза. Тот, второй, кто до сих пор держал его мертвой хваткой сзади, вытащил когтистую лапу из тела и, освободив шею, выдохнул в самое ухо:

— *Беги!*

Повторять не пришлось. Не успел Пелоквин закончить свое превращение, как Буни вырвался из объятий Джэки и бросился бежать. Он бежал, не разбирая дороги, подгоняемый голодным звериным ревом и еще одним звуком, который тотчас же послышался сзади, — топотом ног чудовища, пустившегося за ним в погоню.

Кладбище было похоже на лабиринт. Он бежал вслепую, с отчаянием бросаясь то вправо, то влево, туда, где виднелся малейший просвет. Он не мог оглянуться на своего преследователя, да в этом и не было необходимости. В ушах его все еще звучали жуткие слова: «*Ты не монстр. Ты мясо. Мясо для зверя*». Эти слова пронзали его насквозь, и боль была не сравнима ни с чем. Даже здесь, среди монстров, ему *нет места*. Но тогда где же? Он бежал изо всех сил, как заяц от голодного волка, но вскоре понял, что спастись ему не удастся.

Он остановился и оглянулся. Пелоквин был ярдах в пяти-шести от него. Тело его все еще имело человеческие формы, а лицо уже окончательно превратилось в звериную морду. Изо рта торчали белые клыки. Он тоже остановился, вероятно, решив, что Буни достанет сейчас оружие. Но убедившись, что опасности нет, протянул руки к жертве. Позади него показалась фигура Джэки, и Буни впервые получил возможность взглянуть на этого человека... если это, конечно, был человек. На его огромной шишковатой голове просматривались два обезображенных лица с расплющенными носами, вытаращенными глазами, которые смотрели в разные стороны, и одним большим зияющим ртом. Он что-то кричал Пелоквину, но тот не обращал внимания. Его протянутые руки быстро превращались в мощные лапы. Еще мгновение, и он бросился на Буни, подмяв его под себя. Сопротивление было бы бессмысленным. Когти рвали куртку, добираясь до голого тела. Пелоквин поднял голову и оскалился, а потом впился Буни в грудь.

Зубы были не очень большими, но их оказалось много. И сначала боль показалась Буни не слишком сильной. Но когда Пелоквин отпрянул назад, вырывая из него кусок мяса, Буни вышел из оцепенения и стал биться под тяжестью звериного тела, пытаясь вырваться. Но Пелоквин, выплюнув обрывки кожи, снова наклонился над ним, и Буни почувствовал на своем лице страшное дыхание с запахом крови. Он понял, для чего эта передышка. Сейчас зверь начнет рвать его сердце и легкие. Не выдержав, Буни дико закричал, и помощь подоспела. Пелоквин не успел перевести дух. Джэки схватил его сзади и оттащил от добычи.

Затуманенными глазами Буни увидел, как его спаситель сцепился с Пелоквином и между ними завязалась драка. Но он не стал дожидаться результатов сражения. Прижимая рану на груди ладонью, он медленно поднялся на ноги.

Оставаться здесь было нельзя. Пелоквин, судя по всему, не единственный обитатель этого места, который так жаждет человеческого мяса. Пробираясь между могилами, Буни чувствовал, как со всех сторон за ним наблюдают другие людоеды и ждут, когда он упадет, чтобы наброситься на легкую добычу.

Но он не падал, несмотря на ужасное ранение. Наоборот, в его теле появилась какая-то сила, которую он не ощущал уже давно, с тех пор, как бросился под грузовик. Сейчас сама мысль о самоубийстве казалась ему кощунственной. Ведь даже рана, пульсирующая под его рукой, была живой и радовалась этой жизни. Боль утихла. На смену ей пришло не онемение, как это обычно бывает, а необыкновенное ощущение, сравнимое лишь с одним земным чувством, которое люди называют любовью. Ему даже захотелось засунуть поглубже руку и потрогать свое сердце. Улыбаясь этим безумным мыслям, он инстинктивно шел к центральным воротам кладбища. Но они оказались заперты. Не раздумывая, он полез вверх, удивляясь легкости своих движений. Спустившись на землю, он побежал вперед. Побежал не из страха, что его могут преследовать, а окрыленный все тем же чувством радости — он жив!

Глава 6

Мидин был пуст, как и прежде. Дома, которые издали выглядели вполне добротно, при ближайшем рассмотрении оказались довольно запущенными. Было видно, что здесь давно никто не живет. Несмотря на то, что Буни по-прежнему пребывал в возбужденно-приподнятом настроении, он все же опасался, что потеря крови может в конце концов свалить его с ног. Нужно было обязательно перевязать рану, хотя бы как-нибудь. Рассчитывая найти более или менее подходящую ткань для перевязки, он открыл дверь одного из домов и проскользнул внутрь. Буни и не подозревал, насколько обострились все его чувства. Он без труда ориентировался в темноте, скользя взглядом по разбросанным вещам, опрокинутой мебели. Все было покрыто толстым слоем пыли, которую нанесло сюда из прерии сквозь щели и выбитые окна. В одном из углов ему удалось найти кусок грязной тряпки. Прижимая рану в груди левой ладонью, он стал зубами рвать ткань на полосы, придерживая ее свободной рукой.

Вдруг за его спиной раздался скрип. Выронив изо рта конец бинта, он оглянулся и увидел в проеме открытой двери силуэт мужской фигуры. Лицо человека скрывала темнота, но Буни сразу его узнал. Это был Декер. Он почувствовал запах его одеколона, услышал биение его сердца... буквально ощутил его присутствие всем своим существом.

— Ах, вот вы где, — сказал доктор.

На улице ждала вооруженная полиция. Обостренный слух Буни уловил возбужденный шепот за дверью, клацанье затворов.

— Как вы нашли меня? — спросил он.

— Насколько я понимаю, Нарцисс, ваш больничный друг, подкинул вам эту идею? — сказал Декер.

— Он умер?

— Боюсь, что это так. Пал в борьбе...

Декер перешагнул через порог.

— Вы ранены? — спросил он. — Что вы с собой сделали?

Что-то удержало Буни от объяснений. Может быть, он подумал, что Декер не поверит ему, настолько немыслимым

казалось все происшедшее с ним. А может быть, он решил, что выяснение природы всех этих таинственных явлений не входит в компетенцию доктора. Но, с другой стороны, кто же лучше него — психиатра — сможет во всем разобраться? С кем, как не с ним, поделиться своим необыкновенным открытием? И все же Буни колебался.

— Объясните мне, — снова сказал Декер, — откуда такая рана?

— Потом, — сказал Буни.

— Потом не получится. Вы, я думаю, понимаете это.

— Да ничего страшного, — сказал Буни. — Рана моя не смертельна. Во всяком случае, чувствую я себя не так уж плохо.

— Я имею в виду не рану, а полицию. Они ждут вас.

— Я знаю.

— И конечно, не собираетесь сдаваться, не так ли?

Буни растерялся. Голос Декера всегда ассоциировался у него с чем-то очень надежным, сильным, готовым защитить его в любую минуту. А сейчас от его слов веяло смертью.

— Вы убийца, Буни. Страшный. Опасный. Я долго уговаривал их, чтобы мне разрешили сюда войти.

— Рад, что вам это удалось.

— Я тоже, — сказал Декер. — Хотелось попрощаться с вами.

— Почему же в такой форме?

— Вы знаете почему.

Но он не знал. Зато был уверен в одном: Пелоквин говорил правду. «Ты не монстр». Да, он не убийца. Он не виновен.

— Я никого не убивал, — тихо проговорил Буни.

— Знаю, — неожиданно ответил Декер.

— Вот почему я не мог ничего вспомнить, не узнавал этих комнат. *Меня там просто не было.*

— Но потом вы вспомнили, — сказал Декер.

— Только после того... — Буни запнулся, глядя на мощную фигуру в иссиня-черном костюме. — После того, как вы показали мне...

— После того, как я *внушил* вам, — поправил его Декер.

Буни не отрываясь смотрел на него. Что это значит? Сам он не мог найти никакого объяснения. Это был не Декер. Ведь доктор всегда олицетворял собой само благоразумие, саму невозмутимость.

— В Уэстлоке сегодня погибли двое детей, — продолжал между тем доктор. — Обвиняют вас.

— Я никогда там не был! — воскликнул Буни.

— Зато я был, — ответил Декер. И продолжил: — Я показал фотографии в полиции. Убийства детей не простят. Так что лучше вам умереть здесь, чем попасть к ним в лапы.

— Так это вы? Вы сделали это?

— Да.

— Вы убили всех этих людей?

— И не только этих.

— Но почему?

Декер подумал немного, а потом четко ответил:

— Потому что мне это нравится.

Он стоял в своем идеально сшитом костюме и казался совсем нормальным человеком. Даже на лице его, которое Буни мог теперь видеть достаточно хорошо, ничего не отразилось. Кому поверят — ему, грязному окровавленному шизофренику, или чистому, ухоженному доктору, известному психиатру? Но внешность обманчива. На Буни смотрел убийца, монстр, дитя Мидина, который принял обычный человеческий облик, чтобы скрыть свое истинное лицо.

Его звериная сущность скрывается под маской спокойствия и рассудительности и жаждет новых человеческих жертв.

Декер вытащил из внутреннего кармана пиджака пистолет.

— Они дали мне оружие, — сказал он. — На случай, если вы потеряете контроль над собой.

Руки Декера дрожали, но с такого расстояния трудно промахнуться. Еще секунда — и все будет кончено. Пуля вопьется в него, и он умрет. И сколько останется нераскрытых тайн... Его рана, Мидин, Декер. Никто никогда не узнает обо всем этом.

Нельзя было терять ни секунды. Швырнув в Декера тряпку, которую он держал в руках, Буни бросился к двери. Прозвучал выстрел. Когда Буни был у самого порога, Декер

выстрелил еще раз. Буни почувствовал резкий удар в спину и, теряя равновесие, вылетел на крыльцо.

Сзади послышался крик Декера:

— *Он вооружен!*

Буни заметил притаившихся за машинами полицейских. Он поднял вверх руки в знак того, что сдается, и хотел уже было крикнуть им, что невиновен. Но они видели только его окровавленные ладони, и этого было достаточно. Раздались выстрелы.

Буни слышал свист летящих пуль — две слева, три справа и одна, направляющаяся прямо в сердце.

«Почему они летят так медленно?» — успел подумать он. И в этот момент пули достигли своей цели: бедро, пах, селезенка, плечо, шея и сердце. Он еще стоял несколько секунд, а потом кто-то выстрелил снова. За ним остальные. На этот раз две пули прошли мимо, а другие были посланы точно: живот, колено, грудь, висок. Буни покачнулся. Падая на землю, он почувствовал, что рана, нанесенная ему Пелоквином, пульсирует и бьется, как второе сердце. Это почему-то успокоило его. Ему даже стало легче.

Где-то рядом послышался голос Декера и его тяжелые шаги.

— Наконец-то этот ублюдок попался, — сказал кто-то.

— Мертв, — подтвердил Декер.

«Нет, я жив», — мелькнуло у Буни в голове, и он потерял сознание.

Часть II
В ЦАРСТВЕ МЕРТВЫХ

«Тайны тоже рождаются, живут свой век и умирают»

Из апокрифов

Глава 7

Когда Лори стало ясно, что Буни бросил ее, она, конечно, расстроилась. Однако в будущем ей предстояло испытать еще худшее. Сначала этот телефонный звонок. С Филиппом Декером она встречалась только один раз и узнала его голос только после того, как он представился.

— Боюсь, у меня для вас плохие новости.

— Вы нашли Буни?

— Да.

— С ним что-то случилось?

Наступила пауза. Она знала, что сейчас скажет Декер.

— Он умер, Лори.

Так и есть. Она почти не сомневалась в этом. Слишком велико было ее счастье. Оно не могло продолжаться слишком долго. Буни изменил ее жизнь до неузнаваемости. Его смерть должна была сделать то же самое.

Лори поблагодарила доктора за то, что он сообщил ей обо всем сам, не дожидаясь пока о случившемся ее известит полиция. Положив трубку, она отключилась от всего, не в силах поверить в это несчастье.

Некоторые ее знакомые говорили, что такой мужчина, как Буни, никогда не стал бы за ней ухаживать, если бы он был здоров. Они, конечно, имели в виду не то, что для Буни из-за его болезни абсолютно все равно, с какой женщиной иметь дело. Просто у него было такое лицо, что многие, особенно те, для кого внешность имела решающее значение,

считали: если бы этот человек был в своем уме, он бы несомненно позаботился о том, чтобы рядом с ним находилась женщина не менее красивая, чем он. Все эти замечания глубоко ранили сердце Лори. В глубине души она понимала, что в чем-то ее друзья правы. Буни не обладал никаким состоянием, и единственным его богатством была внешность. На него всегда смотрели с восхищением, и это раздражало его. Не раз Лори опасалась, что он изуродует свое лицо, чтобы не привлекать к себе внимание. К счастью, этого не произошло, но он полностью утратил интерес к своему внешнему виду. По нескольку дней не принимал душ, неделями не брился, по полгода не заглядывал к парикмахеру. И переубедить его было невозможно.

Лори перестала обращать внимание на колкости друзей. В разговорах практически не упоминала о нем, только когда речь заходила о сексе. Да она всего-то три раза переспала с ним. И каждый раз заканчивался бурной сценой. Она знала, что он относится к ней трепетно и нежно и страстно желает всегда быть с нею рядом. Но он просто не мог осуществить это и страшно злился. А иногда впадал в такую депрессию, что ей приходилось на время исчезать из его жизни, чтобы не допустить самого худшего.

Оставаясь одна, она часто думала о нем, мечтала о встрече. Но все ее мысли сводились исключительно к сексу. Никаких романтических образов. Только она и Буни в пустой комнате занимаются любовью... Иногда ей представлялось, как в дверь кто-то стучится, кто-то хочет зайти и посмотреть на них. Но они никого не пускают. Он принадлежит только ей, весь, целиком, со всеми своими достоинствами и недостатками.

Но это были лишь мечты. А сейчас тем более. Их роман закончился, и вместе с ним исчезло все — и черные дни, когда они ссорились каждую минуту, и те светлые моменты, когда ей наконец удавалось найти для него слова утешения. Она, конечно, была готова к неожиданному концу, но никогда не думала, что он будет именно таким, что Буни окажется убийцей и сам погибнет в каком-то городе, названия которого она и не слышала. Не так это должно было кончиться.

После телефонного звонка Декера ее допросили в полиции — знала ли она о преступной деятельности Буни, не было ли актов насилия по отношению к ней. Она без устали повторяла, что имела с ним только любовную связь и никакого насилия не было. Краснея и запинаясь, рассказывала она об интимных подробностях их встреч, а они молча обменивались понимающими взглядами, будто в чем-то подозревали ее. В конце допроса ей предложили опознать тело. Лори согласилась, хотя ее и предупредили, что зрелище не из приятных. Но она хотела попрощаться с Буни.

Однако произошло нечто невероятное. Тело исчезло.

Сначала ей долго не объясняли, почему опознание откладывается. Извинялись, ссылались на какие-то сложности. Но потом вынуждены были сказать правду. Труп, который был оставлен на ночь в полицейском морге, исчез. Никто не знал, как это произошло — покойницкая была закрыта, следов взлома не обнаружено. И самое главное: оставалось неясным — кому и зачем это могло понадобиться. Начались поиски. Но, судя по поступающим сведениям, надежд отыскать похитителей оставалось все меньше. Следствие по делу Арона Буни пришлось продолжить в отсутствие его трупа.

Лори не могла найти себе места. Мысли о том, что Буни лишился последнего покоя, что над его телом, возможно, надругались или сотворили нечто еще более ужасное, преследовали ее день и ночь. Ее воображение рисовало страшные картины. Она была в таком состоянии, что впервые в жизни испугалась за свой собственный рассудок.

Буни и при жизни олицетворял собой некую таинственность, а его привязанность к ней была вообще каким-то чудом, заставившим ее по-новому взглянуть на себя. Теперь же, когда он умер, таинственность эта не исчезла, а приобрела совсем иное содержание. Получается, она совершенно не знала его, даже в те моменты, когда он, казалось, раскрывал перед ней душу нараспашку. Даже тогда он умело скрывал свою страшную тайну.

Нет, этого не может быть. Она же очень хорошо все помнит. Вот он смотрит на нее своими безумными глазами, вот рыдает, уткнувшись ей в колени. Мысль о том, что она не разгадала его до конца, причиняла ей почти физическую

боль. Нужно было что-то делать, иначе придется нести эту муку вечно. Ей необходимо узнать всю правду. И, пожалуй, лучше всего отправиться туда, где его нашли, — в Мидин. Возможно, там она получит ответ.

Полиция предупредила ее, что до конца следствия она не должна покидать Калгари. Но Лори была импульсивным человеком, как и ее мать. Она проснулась в три часа ночи с твердым намерением отправиться в Мидин. К пяти утра все уже было готово, и с рассветом она двинулась в путь.

Сначала все шло хорошо. К черту работу, думала Лори, и дом, где все напоминало о времени, проведенном вместе с Буни! Она ехала наугад. Ни на одной карте, которая имелась в ее распоряжении, Мидин не был обозначен. Однако в разговорах полицейских она слышала названия других городов. Одним из них был Шернек. Ей удалось найти его на карте. Она решила направиться туда.

Лори практически не знала ту местность, по которой ей пришлось ехать. Ее семья когда-то жила в Торонто. «На цивилизованном востоке», как любила говорить ее мать, злясь на мужа за то, что он завез их в такую глушь. Ничего не изменилось с тех пор. Бескрайние пшеничные поля никогда особо не трогали воображение Лори. И сейчас, глядя на них, она ничего не испытывала. Посевная закончилась, фермеры занялись другими делами. Вокруг было пусто и скучно. Она неожиданно быстро устала от этой монотонности и решила сделать остановку в Мак-Леннане — небольшом местечке в часе езды от Пис-Ривера. Благополучно переночевав в мотеле, рано утром она снова двинулась в путь, рассчитывая к полудню добраться до Шернека.

Но на этот раз ей не повезло. Где-то под Пис-Ривером она сбилась с пути и вынуждена была миль сорок ехать наугад. Наконец показалась бензоколонка. Лори остановилась.

В пыли у дороги двое мальчишек-близнецов играли пластмассовыми солдатиками. Их отец, хмурый мужчина с такими же белыми, как и у сыновей, волосами, затоптав окурок прямо на поле битвы игрушечных армий, направился к Лори.

— Что вы хотели?

— Бензин, пожалуйста. И еще я хотела у вас спросить кое-что.

— Бесплатно справок не даю, — без тени улыбки ответил он.

— Я ищу город Шернек. Вы знаете, где это?

Военные баталии за спиной мужчины достигли своего апогея. Обернувшись к детям, он сердито сказал:

— Заткнетесь вы или нет?

Мальчишки переглянулись и замолчали. Он снова повернулся к Лори. Было видно, что годы работы на открытом воздухе под палящими лучами солнца преждевременно состарили его.

— Что вам нужно в Шернеке?

— Мне нужно... найти кое-кого.

— Вот как? — Его обветренное лицо заметно оживилось. — Может, я знаю? Чужих здесь почти не бывает.

Лори решила рискнуть. Она вернулась к машине и достала из сумочки фотографию.

— Но этого человека вы, наверное, не видели?

Вновь послышались звуки «великого побоища». Не взглянув на фотографию, мужчина в ярости закричал на детей:

— Заткнитесь, я вам сказал!

Потом он посмотрел на изображение Буни и быстро спросил:

— Вы знаете, кто этот человек?

Лори нерешительно молчала. Мужчина нахмурился. Она поняла, что отпираться бессмысленно и, стараясь выглядеть как можно спокойнее, сказала:

— Да, я знаю кто это.

— И вы знаете, что он сделал? — Губы мужчины скривились. — Мне показывали фотографии.

Он снова повернулся к сыновьям.

— *Да замолчите вы, наконец!*

— Это не я, — сказал один из мальчишек.

— А мне плевать кто! — заорал отец и решительно направился к ним.

Детей как ветром сдуло. Задыхаясь от ярости, он вернулся к Лори и с ненавистью бросил:

— Это не человек. Это скотина. Вот кто он! Слышите? Скотина! — Он сунул фотографию назад Лори. — Скорее бы его прищучили. А вы что, едете замаливать его грехи?

Лори молча взяла фотографию из его грязных, замасленных пальцев. Но он все понял по ее лицу и гневно продолжил:

— Таких людей надо стрелять как собак! Как бешеных собак!

Лори повернулась и пошла прочь. Руки ее так дрожали, что она едва смогла открыть дверду машины.

— А бензин вам не нужен? — неожиданно спросил мужчина.

— Пошел к черту! — бросила она.

Он изумленно смотрел на нее.

— Да что с вами?

Лори включила зажигание и, моля всех богов, чтобы машина не подвела, рванула с места. В зеркало заднего вида она успела заметить окутанного клубами пыли мужчину, который что-то кричал ей вслед.

Она не знала, откуда в нем столько злобы, но представляла, на ком он сейчас отыграется — на детях, конечно. В мире полно родителей-тиранов и их забитых, запущенных детей. Не стоит даже думать об этом. Ей все равно не исправить род человеческий.

Минут десять она мчалась по дороге, радуясь только одному обстоятельству — что ей удалось избежать неприятных последствий. Но потом ей вдруг стало не по себе. Дрожь охватила все ее тело, и, увидев впереди небольшое селение, она вынуждена была остановиться, чтобы прийти в себя.

Заказав в небольшом ресторанчике кофе и лимонный сок, она пошла в уборную, чтобы умыться холодной водой. И тут одиночество, смешанное с отчаянием, нахлынуло на нее. Глядя на свои полыхавшие, покрытые красными пятнами щеки в треснутое зеркало, она неожиданно разрыдалась, да так сильно, что, казалось, никто и ничто не в силах заставить ее успокоиться.

В уборную вошла девушка. Лори, будь она на ее месте, не стала бы лезть с расспросами. Но та, поймав ее взгляд в зеркале, сказала:

— Что стряслось? Мужчина или деньги?

Лори вытерла слезы рукой.

— Что вы говорите?

— Когда я плачу, — продолжила девушка, расчесывая свои каштановые волосы, — ...в общем, это случается только из-за мужчин или из-за денег.

— Понятно.

Любопытство девушки было настолько неприкрытым, что Лори даже перестала плакать.

— Мужчина, — тихо сказала она.

— Бросил вас, да?

— Не совсем так.

— Господи! — воскликнула девушка. — Вернулся? Ну это еще хуже!

Лори слабо улыбнулась.

— Наверное, вернулся совсем не тот? Ну так гоните его от себя как собаку.

При упоминании собаки в памяти Лори снова возникла сцена у бензоколонки, и на глаза ее опять навернулись слезы.

— О! Какая же ты дура, Шерил, — одернула сама себя девушка. — Все испортила.

— Нет, нет, — возразила Лори. — Мне как раз нужно выговориться.

Шерил улыбнулась.

— А мне как раз нужно выпить кофе.

Ее звали Шерил Маргарет Кларк. Пожалуй, она у любого человека могла выведать все. После двух часов разговора и пяти чашек кофе Лори поведала ей всю свою историю с того дня, как она впервые встретилась с Буни, и до того момента, когда Шерил увидела ее плачущей в уборной. Шерил тоже было, что рассказать, но ее случай оказался скорее комичным — любовник был без ума от машин, а она от его брата. В общем, все закончилось скандалом и разрывом. И теперь она решила развеяться.

— Я с детства не путешествовала, — сказала она. — Раньше меня заносило черт знает куда. Но я уж и не припомню этого ощущения. Может быть, мы поедем вместе в Шернек? Мне всегда хотелось увидеть это место.

— Правда?

Шерил расхохоталась.

— Нет. Мне просто абсолютно все равно куда ехать.

Глава 8

Итак, они решили, что дальше отправятся вместе. Дорогу им объяснил владелец ресторана, который приблизительно знал, где находится Мидин. Благополучно добравшись до Шернека (город оказался гораздо больше, чем Лори его себе представляла), они поехали дальше по старой, разбитой дороге, ведущей, судя по всему, прямо в Мидин.

— Что вам там надо? — спрашивал их хозяин ресторана. — Теперь туда никто не ездит. В городе никого нет.

— Я пишу статью о «золотой лихорадке», — ответила Шерил. — А она хочет посмотреть достопримечательности.

— Да уж конечно! Там есть на что посмотреть, — с иронией заметил хозяин, и не подозревая, что он не далек от истины.

Когда впереди показался Мидин, день клонился к вечеру, но дорога все еще была залита ярким солнечным светом. Им даже показалось, что они прибыли совсем не туда. По их мнению, город-призрак никак не мог иметь такой приветливый вид. Однако, когда солнце скрылось и они оказались на пустынных улицах, настроение у них изменилось.

«Как Буни попал сюда?» — подумала Лори, как только они въехали в Мидин. И тут же ответила себе: «Нет, он пришел сюда не по своей воле. За ним гнались. И он оказался здесь совершенно случайно».

Они остановили машину прямо посередине главной улицы, которая в сущности была единственной в городе.

— И запирать не надо, — сказала Шерил. — Угонять некому.

Теперь, когда они прибыли сюда, Лори еще раз мысленно поблагодарила судьбу за то, что она свела ее с Шерил. Ее оптимизм и чувство юмора были так необходимы в этом мрачном месте.

О каких призраках тут может идти речь? Все здесь было таким реальным... И впервые с того самого дня, когда Декер сообщил ей по телефону о случившемся, Лори почувствовала настоящую боль утраты. Она представляла себе Буни, одинокого, запутавшегося, который приполз сюда, чтобы спрятаться от своих преследователей. Дом, где они пристрелили его, она нашла сразу. Отверстия от шальных пуль были обведены мелом, на ступеньках крыльца еще сохранились следы крови. Она стояла поодаль еще несколько минут, не в силах ни приблизиться к этому мрачному месту, ни отойти от него. Шерил тактично оставила ее одну. Никто не мог помешать ей проститься с тем последним, что осталось от Буни.

Она потеряла его навсегда, но слез не было. Возможно, она уже выплакала их все там, у зеркала, в маленьком ресторанчике.

Сейчас Лори думала только об одном — как так могло получиться, что человек, которого она любила и которому безгранично верила, погиб здесь, сраженный полицейской пулей, а она никогда и не подозревала о его преступлениях. Может быть, она не плакала, потому что злилась на него за это? Ведь, несмотря на свои заверения в любви, ему удалось так много от нее скрыть. И не у кого теперь потребовать объяснений. Неужели он мог уйти просто так, не оставив после себя ничего? Она поймала себя на том, что пристально вглядывается в кровавые пятна на дощатых ступеньках крыльца. Может быть, в них содержится какой-то ответ? Ведь даже кофейная гуща на стенках чашки может сказать о многом. Значит, и последний след Буни, оставленный им на этой земле, должен иметь какое-то значение. Увы, гадалка из нее была плохая. Кровавые пятна хранили в себе много неразгаданного. И, пожалуй, самое непонятное заключалось в том, что она вдруг, неожиданно даже для самой себя, вслух произнесла:

— Я люблю тебя, Буни.

И почувствовала, что, несмотря на злость и смятение, она отдала бы все в этой жизни только за то, чтобы он вышел сейчас из дома и обнял ее. Однако ничего не произошло. А ей так хотелось хотя бы почувствовать на своей щеке его

дыхание, услышать его шепот. Но, видимо, смерть отняла у него все, не оставив даже призрака.

Кто-то позвал ее. Лори подняла глаза и увидела Шерил.

— ...Как ты думаешь? — послышались ее слова.

— Что? — не поняла Лори.

— Я говорю, не пора ли нам ехать? — повторила Шерил.

— Да...

— Видела бы ты, на кого похожа.

— Ничего...

Шерил взяла ее за руку.

— Ты ведь увидела все, что хотела.

— Да.

— А теперь пойдем.

— Ты знаешь, я до сих пор *не верю*, — сказала Лори, — даже стоя здесь и глядя на это место. Не могу поверить. Неужели это все? Неужели никак нельзя попасть к ним, увидеть их, коснуться...

— Кого?

— Мертвых. Если нельзя, тогда все бессмысленно, ведь правда же? Все так бессмысленно жестоко... — Лори вырвала свою руку и потерла лоб кончиками пальцев. — Извини, — сказала она. — Я, наверное, несу какую-то чушь?

— Честно? Есть немного.

Лори смущенно взглянула на подругу.

— Послушай, — сказала Шерил. — Этот старый город ничем нам не поможет. Думаю, пора уходить отсюда, и пусть он стоит здесь, пока не развалится.

— Я бы не хотела этого.

— Знаешь... — начала Шерил.

— Что?

— Я не желаю больше оставаться в этой компании, — сказала она и быстро добавила: — Я не тебя, конечно, имею в виду.

— Кого тогда?

— Ну этих... мертвецов.

— Каких мертвецов?

— Там внизу... это проклятое кладбище.

— Правда?

— Тебе в твоем состоянии не хватало только этого, — быстро заговорила Шерил, но по лицу Лори поняла, что сделала ужасную ошибку, сказав ей про кладбище. — Ты ведь не пойдешь туда? Не пойдешь?

— Только на одну минутку, — сказала Лори.

— Если мы не покинем это место сейчас же, то нам придется ехать назад в темноте.

— Но ведь я больше никогда не вернусь сюда.

— Ах, да! Ты же должна осмотреть достопримечательности. Ну, конечно. Очень интересно! Как там поживают мертвецы...

Лори слабо улыбнулась.

— Я быстро, — сказала она и пошла по улице в сторону кладбища.

Шерил в нерешительности смотрела ей вслед. Свитер остался в машине, а уже становилось холодно. Но и оставаться одной на улице ей не хотелось. Все время, пока они находились здесь, ее не покидало ощущение, что за ними кто-то наблюдает.

— Подожди меня, — крикнула она и догнала Лори, когда впереди уже виднелась высокая кладбищенская стена.

— Почему оно такое большое? — спросила Лори.

— А кто его знает? Может, они умерли все сразу.

— Что ж, их было так много? Город-то небольшой.

— Правда...

— Посмотри, какие здесь гробницы.

— Ну и что?

— Ты заходила сюда?

— Нет и не горю желанием.

— Я недалеко...

Лори подошла к воротам и попыталась открыть их. Ей это удалось, и она проскользнула на территорию кладбища. Шерил неохотно последовала за ней.

— Почему же их так много? — снова сказала Лори. В ее вопросе звучало не просто любопытство. Она снова подумала о том, попал ли сюда Буни случайно или же Мидин был его целью. Может быть, здесь похоронен кто-то, на чьей могиле Буни хотел покаяться в своих грехах? Ей казалось, что, будь у нее возможность внимательно осмотреть ряды этих могил, она смогла бы получить хоть какое-нибудь объяснение.

— Уже поздно, — напомнила ей Шерил.

— Да.

— И я замерзла.

— Замерзла?

— Давай уже пойдем, Лори.

— Ах, да... конечно. Становится темно, и все равно уже ничего не увидишь.

— Наконец-то ты это поняла.

Они пошли назад. Шерил почти бежала впереди.

Когда они поднялись на холм, Лори остановилась и в последний раз взглянула на кладбище. Отсюда оно напоминало крепость. Может быть, эти высокие стены возвели для защиты от диких животных, хотя в этом не было никакой необходимости. Умершие и так были надежно защищены тяжелыми каменными плитами. Скорее всего эти стены служили границей между миром живых и миром мертвых. За этими воротами земля была святой и неприкосновенной. Она хранила память о тех, кто ушел из этой жизни. Как много Лори хотела бы сказать им сегодня ночью! Как много бы хотела услышать! Жаль, что это невозможно.

Она вернулась к машине. На душе у нее стало легче. Как только захлопнулись дверцы и завелся мотор, Шерил сказала:

— За нами кто-то наблюдал.

— Ты уверена?

— Абсолютно. Я видела его, когда подошла к машине. — Она поежилась. — Господи! Совсем закоченела.

— Как он выглядел? — спросила Лори.

Шерил пожала плечами.

— Не знаю. Уже было слишком темно. Да и какое это теперь имеет значение? Ты правильно сказала — больше мы сюда не вернемся.

«Все верно», — подумала Лори. Они могут ехать по этой ровной дороге и даже ни разу не оглянуться назад. Может быть, покойные жители города завидуют им сейчас, находясь там, за своими крепостными стенами...

Глава 9

Гостиницу долго выбирать не пришлось. В Шернеке их было всего две. Первая оказалась до отказа набита приехавшими на распродажу сельскохозяйственных машин фермерами. Во второй, которая называлась «Свитграсс», тоже сначала сказали, что мест нет. И если бы не обаяние Шерил, им пришлось бы ночевать на улице. В конце концов нашелся один двухместный номер, не роскошный, но вполне приличный.

— Ты знаешь, что всегда говорила моя мать? — сказала Шерил, раскладывая в ванной комнате туалетные принадлежности.

— Что?

— Она говорила: «Посмотри, Шерил, вокруг. Где-то рядом бродит твой мужчина и жаждет встречи». Заметь, это были слова женщины, которая тридцать лет искала свой идеал, да так и не нашла. Но она не изменила своего романтического убеждения. И меня приучила думать так же, черт бы ее побрал.

— Да?

— Да. Я все ищу его. И знаешь, думаю, мать была права... Ты первая пойдешь в душ?

— Нет. Иди ты.

В соседнем номере собрались на вечеринку. Сквозь тонкую стену слышались музыка и смех. Пока Шерил принимала душ, Лори легла на кровать, пытаясь осмыслить все происшедшее за день. Но Шерил вернулась очень скоро и, оторвав Лори от раздумий, заявила, что собирается отправиться в город развлечься.

— Ты пойдешь? — спросила она.

— Я очень устала, — ответила Лори. — А тебе желаю хорошо провести время.

— Боюсь, здесь для этого мало возможностей, — печально сказала Шерил.

— Ничего, — успокоила Лори. — Ты отыщешь.

Шерил ушла. Лори попыталась задремать, но ее сон постоянно прерывался веселым шумом из соседнего номера.

Она встала и решила принять ванну. Быть может, компания за стеной утихомирится за это время. Погрузившись

в горячую воду, она закрыла глаза и почувствовала, как расслабляется все ее тело. Ничто не отвлекало ее, даже зеркала. Из-за отсутствия в ванной комнате конденсатора они сильно запотели. Как это было кстати! Она слишком хорошо знала все свои недостатки. А их, по ее мнению, было немало. Слишком тонкая шея, слишком узкое лицо, глаза огромные — тоже слишком, маленький нос...

Получалось, что она вся состоит из одних недостатков, и любая попытка изменить что-либо во внешности немедленно отражалась на ней еще худшим образом. Темные волосы, которые она отрастила специально, чтобы скрыть свою тонкую шею, выглядели шикарно, но они придавали ее бледному лицу совсем уж болезненный оттенок. Алые губы, которые она унаследовала от матери, были до неприличия яркими. Пользуясь блеклой помадой, ей удавалось немного приглушить их натуральный цвет, но глаза от этого становились еще больше.

Безусловно, Лори не была безобразна и недостатка в поклонниках не ощущала. Дело в том, что она не выглядела так, как чувствовала это. Лицо вполне симпатичное, но она не была симпатичной, не хотела такой быть и даже думать об этом. Возможно, те ощущения, которые ей довелось испытать за сегодняшний день при виде крови и огромного кладбища, отложили в ее душе какой-то отпечаток и со временем что-то изменят в ней. Она надеялась на это.

Не одеваясь, Лори вышла из ванной. Как она и ожидала, вечеринка приутихла. За стеной звучала лишь приглушенная музыка, да слышался легкий шорох. Она села на край кровати и провела ладонями по груди, с наслаждением ощущая гладкость и упругость своей кожи. Она прислушалась к тихой и мелодичной музыке за стеной и, стараясь дышать так же плавно и легко, легла на кровать. Правая рука заскользила по телу... От покрывала пахло сигаретным дымом и еще чем-то казенным, несвежим. Она закрыла глаза и представила себя в этой комнате, обнаженную, на грязном покрывале, и почему-то особенно возбудилась.

...Лори редко позволяла себе это. Католическое воспитание обычно удерживало ее от порочности в удовлетворении своих инстинктов. Но сегодня она была совсем другой. Она

не стала рисовать в своем воображении Буни. Мертвые не годятся для этого дела. Да, он был прекрасен. Но никогда больше его руки не коснутся ее. Поэтому лучше не вспоминать, а представить только себя, в этой комнате, на этой кровати...

Она больше не слышала музыки за стеной. Музыка звучала в ней самой, накатываясь волнами, которые становились все выше и выше. Наконец ее тело покрылось испариной. Она раскинула руки и неподвижно лежала несколько минут, прислушиваясь к себе. Потом, чувствуя, что засыпает, вытащила из-под себя покрывало и, сбросив его на пол, растянулась на кровати, укрывшись одной простыней.

Ей снилось то самое кладбище на окраине заброшенного города. Она шла по нему, и ветер дул со всех сторон, холодный и неприятный, он поднимал ей волосы, проникал под блузку и был похож не просто на движение воздуха, а на какой-то плотный поток, как будто струи пыли обрушивались на нее, залепляя глаза, нос...

Когда вокруг уже ничего не стало видно, она вдруг поняла, что это такое — останки мертвых, поднятые невиданным ураганом из всех могил, пирамид, мавзолеев, склепов и крематориев. Прах и пепел со всего света устремился в Мидин. А она оказалась на перекрестке этих жутких ветров, и частицы когда-то живших на земле людей проникали в ее организм. Но удивительно, ей совсем не было страшно. Она не пыталась укрыться, будто знала, что эти умершие люди ищут именно ее тепла, нуждаются именно в ее женской сути. «Где Буни?» — спросила она, полагая, что мертвые должны знать об этом. В конце концов, он один из них. Она знала, что он где-то рядом, но ветер завыл сильнее. И она снова сказала:

— Буни. Мне нужен Буни. Принесите его.

Ветер услышал ее. Она чувствовала это. Но кто-то рядом очень четко сказал:

— Он мертв, Лори.

Она попыталась не обращать внимания на этот голос и снова заговорила:

— Мне нужен Буни. Принесите...

— *Нет...*

Опять этот голос! Она хотела в третий раз повторить свою просьбу, но тут же почувствовала, что ветер утих, а ее кто-то трясет за плечо.

— Лори! Проснись!

Она цеплялась за сон. Еще немного, и ей станет известно все.

— Буни! — снова позвала она, но ветер вдруг подул в обратном направлении, унося с собой прах мертвецов, которые так и не успели рассказать Лори то, что знали. И она не в силах была остановить их.

— *Лори...*

Все. Ни одной пылинки не осталось. Лори с трудом открыла глаза, уже заранее зная, что увидит сейчас Шерил. Та действительно сидела на краю кровати и с улыбкой смотрела на нее.

— Страшный сон? — спросила она.

— Да нет...

— Ты звала его.

— Знаю.

— Надо тебе было пойти со мной, — сказала Шерил. — Пора уже выбросить все из головы.

— Наверное...

Шерил вся светилась. Было видно, что ей не терпится сообщить какую-то новость.

— Ты познакомилась с кем-то? — спросила Лори.

Шерил ухмыльнулась.

— Да. И кто бы мог подумать... Матушка, пожалуй, была права.

— Значит, все хорошо?

— Все хорошо.

— Расскажи.

— Да особенно нечего рассказывать. Я просто решила сходить в бар и встретила этого великолепного парня. Кто бы мог подумать! — снова сказала она. — Любовь нашла меня в самой глуши этих дьявольских прерий.

Она не могла сдержать своего возбуждения, и вскоре Лори стали известны все подробности ее ночного романа. Его звали Куртис. Он банкир, родом из Ванкувера, разведен, недавно прибыл в Эдмонтон. Они во всем подходили друг другу,

считала Шерил, даже по знакам Зодиака. А еще у них абсолютно одинаковые вкусы, да и прошлое похоже. Но, что самое главное, за все время их многочасовой беседы он ни разу не попытался залезть ей под юбку. Это настоящий джентльмен. Умный, воспитанный, мечтающий о роскошной жизни на западном побережье. Кстати, он намекнул, что собирается вернуться туда, как только найдет себе подходящего компаньона. Может, это будет она.

— Завтра вечером мы снова с ним встречаемся, — торжествующе закончила Шерил. — И если все будет хорошо, то я, наверное, останусь здесь на несколько недель.

— Все будет хорошо, — ответила Лори. — Ты этого заслужила.

— А ты когда возвращаешься в Калгари? Завтра? — спросила Шерил.

— Да, — машинально ответила Лори, но сон все еще не отпускал ее. — Но сначала я, наверное, вернусь в Мидин, — задумчиво проговорила она. — Хочу еще раз посмотреть на это место.

Лицо Шерил вытянулось.

— Только, пожалуйста, не проси меня ехать с тобой, — умоляюще сказала она. — Я больше не вынесу.

— Конечно, — ответила Лори. — Я поеду одна.

Глава 10

Когда Лори приехала в Мидин, на голубом безоблачном небе ярко светило солнце. Подавленность, с которой она покидала город в прошлый раз, сменилась сейчас совершенно иным ощущением. Несмотря на то, что здесь погиб Буни, она не испытывала ненависти к этому месту. Наоборот, их теперь многое связывало.

Однако Лори приехала сюда не для того, чтобы еще раз посмотреть на Мидин. Ей хотелось походить по кладбищу. Яркий солнечный свет заливал все вокруг, а четкие тени от высоких мавзолеев и усыпальниц придавали городу мертвых еще более красивый вид. Даже трава, пробивающаяся между могилами, казалась сегодня изумрудной. Ветра не было

совсем, и ничто не напоминало Лори ее сегодняшний сон. За высокими стенами кладбища царила необыкновенная тишина, как будто весь остальной мир перестал существовать. Здесь было царство мертвых. Казалось, эти люди не просто прекратили свое существование на земле, а перешли в какое-то иное качество и живут теперь за этими стенами по особым своим законам.

Лори медленно шла по аллее, читая надгробные надписи. Здесь были эпитафии на английском, французском, польском, русском языках. Могилы и склепы были украшены статуями плачущих женщин, святых, имена которых Лори и не знала, каменными скульптурами спящих собак. И чем больше этих символов здешнего мира окружало ее, тем чаще она задавала себе все тот же вопрос: почему кладбище такое большое? И еще немало ее удивило то, что здесь было представлено так много разных национальностей. Она вспомнила свой сон. Ветры дули со всех сторон света. В этом было что-то пророческое. Ей стало даже спокойнее. Слишком долго она шла по жизни вслепую. Любовь не оправдала ее надежд. Может быть, теперь сама жизнь какими-то едва уловимыми знаками будет подсказывать ей дорогу?

Целый час она шла по кладбищу и добралась наконец до его задней стены. Здесь она неожиданно обнаружила целый ряд могил, в которых были похоронены животные — птицы, кошки, собаки. Все они покоились рядом, как будто и не враждовали между собой. Это было довольно странное зрелище. Лори и раньше слышала о существовании специальных кладбищ для животных, но она не знала, что они могут быть похоронены там же, где и их хозяева. Впрочем, стоило ли чему-нибудь удивляться? В этом мире, как видно, действуют свои законы, да и отменять их здесь некому.

Лори повернула назад. По какой аллее идти, она не знала, и центральных ворот отсюда не было видно. Но это не испугало ее. В этом пустом месте она чувствовала себя в безопасности. А вокруг было так красиво! Она выбрала наугад одну из дорожек и неторопливо пошла по ней, разглядывая изумительные по красоте склепы и усыпальницы. Солнце было уже высоко. Становилось жарко. Лори почувствовала нестерпимую жару. Воды ей здесь, судя по

всему, не найти. Но она не спешила. Она знала, что никогда не вернется сюда, и хотела запомнить это место навсегда.

Вдоль аллеи, по которой она шла, росли огромные вечнозеленые деревья, как символ вечной жизни. Посаженные здесь когда-то, они буйно разрослись на плодородной земле, закрывая собой могилы и памятники от жаркого солнца. Кое-где мощные корни выходили наружу. Некоторые надгробья не выдерживали и трескались под их натиском. И вот это сочетание живой зелени и разрушений показалось Лори особенно символичным. Она остановилась возле одного из деревьев и... вдруг услышала странный звук.

Там, в густой листве, кто-то тяжело дышал. Она инстинктивно отступила назад — из тени на солнечный свет. Сердце ее заколотилось с такой силой, что его гулкие удары заглушили даже тот странный звук, который напугал ее. Она затаила дыхание и еще раз прислушалась. Нет, ей не показалось. Под огромной веткой, склонившейся почти до самой земли, кто-то прятался. Но звук, который она слышала, не мог издавать человек. Скорее всего это было животное. Судя по хрипу, животное умирающее.

Лори стояла не двигаясь и вглядывалась в тень в надежде увидеть хоть что-нибудь. Вдруг она заметила движение. Существо явно пыталось подняться, отчаянно царапая землю лапами. Эта беспомощность глубоко тронула ее. Если она пройдет мимо и не поможет, животное наверняка погибнет. Как потом простить себе это?

Лори решительно шагнула в тень. Животное затихло. Возможно, оно испугалось. Наверное, ее движения показались ему угрожающими, и бедняга приготовился к защите. Осторожно, готовая в любой момент быстро отскочить назад, она раздвинула ветви. Сначала она почувствовала терпкий запах и только потом увидела само существо, которое глядело на нее широко открытыми глазами. Это был детеныш какого-то животного. Но какого именно, она определить не могла. Что-то вроде дикой кошки, только шкура была очень уж гладкой. Зверь оказался настолько слаб, что голова едва держалась на тонкой шее. Он настороженно посмотрел на нее, а потом закрыл глаза и в бессилии ткнулся мордой в землю.

Лори хотела дотянуться до животного, но не смогла. Упругие ветви смыкались перед ней, не давая возможности продвинуться вперед. Тогда она стала обламывать их. Гибкие ветви поддавались плохо. Одна из них больно хлестнула ее по лицу. Лори даже вскрикнула от боли и прижала руку к щеке, нащупав кровоточащую рану. Она с удвоенной силой начала продираться сквозь заросли и наконец добралась до детеныша. Он только слегка приоткрыл глаза, когда она наклонилась и дотронулась до него. Раны не было видно, но все его тело била лихорадка.

Когда Лори с трудом подняла детеныша, он обмочил ей руку и блузку, но она крепко прижала к себе обмякшее тельце. Лапы и голова его безжизненно свисали. И только запах стал сильнее.

И вдруг ей послышались чьи-то всхлипывания. Она замерла. Звук повторился снова, слева от нее. Кто-то с трудом сдерживал рыдания. Держа неподвижного зверя на руках, она вышла из зарослей. Но как только солнечные лучи упали на, казалось, совсем безжизненное тело, зверек отчаянно задрыгал лапами, пытаясь вырваться. Лори быстро вернулась в тень, чисто инстинктивно почувствовав, что именно свет вызвал такую реакцию. И только потом она посмотрела в ту сторону, откуда доносились сдавленные рыдания.

Дверь одного из старых склепов — массивного мраморного сооружения — была открыта настежь. И там, в темноте, смутно виднелись очертания человеческой фигуры, одетой в черную одежду, со скрытым вуалью лицом и потому почти незаметной.

Лори ничего не понимала. Умирающее животное, не выносящее света, и женщина в трауре (а в том, что это была женщина, она не сомневалась), рыдающая в темноте полуразрушенного склепа...

Есть ли какая-нибудь связь между всем этим?

— Кто вы? — спросила она.

Женщина сначала испуганно отпрянула в глубину склепа, а потом очень медленно приблизилась к открытой двери. Движения ее были настолько осторожны, что Лори сразу поняла связь между таинственной незнакомкой и умирающим животным. «Она тоже боится солнечного света, —

подумала Лори. — Да и плачет она, конечно, по этому звереныш...»

Лори внимательно посмотрела на дорожку, которая вела к двери склепа, — можно ли пройти туда, не выходя на солнце. Пожалуй, можно. Но только с большой осторожностью. Медленно, старательно обходя все светлые места, она направилась к открытой двери. Все ее внимание было сосредоточено на том, чтобы уберечь от яркого света притихшего зверя. Но она чувствовала, женщина внимательно следит за каждым ее шагом. Когда до склепа оставалось совсем немного, Лори на минуту остановилась и подняла глаза. Женщина не выдержала. С нетерпеливым стоном она шагнула из своего убежища и протянула вперед руки. И тут же ее белая как мел кожа потемнела и сморщилась. Женщина вскрикнула от боли и резко отпрянула назад. Но солнце уже успело сделать свое дело — кожа на пальцах сгорела дотла. На землю посыпался лишь желтый, как цветочная пыльца, пепел.

Лори проскользнула к двери и быстро зашла внутрь. Склеп оказался не очень большим. С одной стороны был, наверное, вход в усыпальницу. А в самом дальнем углу, где стояла женщина, виднелась еще одна открытая дверь, которая вела куда-то под землю. Женщина в страхе жалась к стене, держа перед собой свои изуродованные руки. Вуаль сползла ей на плечи, обнажив бледное и очень худое лицо.

Лори почему-то не испытывала ни тени страха. А вот та, которая стояла перед ней, вся дрожала, переводя взгляд с изумленного лица Лори на звереныша.

— Мне кажется, он умер, — осторожно сказала Лори, не зная еще какая будет реакция.

Но женщина неожиданно спокойно ответила:

— Нет, она не может умереть.

Однако неподвижность зверька никак не увязывалась с этой уверенностью. Если он еще и не умер, то это наверняка скоро случится.

— Дайте мне ее, — попросила женщина.

Лори нерешительно молчала. Хотя руки уже устали от тяжелой ноши, ей не хотелось заходить в глубь склепа.

— Пожалуйста, — проговорила женщина и умоляюще протянула руки.

Сжалившись над несчастной, Лори решилась наконец отойти от двери, от яркого солнечного света. Она сделала несколько шагов, но тут же остановилась, услышав чей-то шепот. В склепе были люди, и они прятались там, на лестнице, ведущей куда-то в подземелье. Суеверный страх охватил Лори. Страх перед могилами, перед преисподней.

— Там никого нет, — сказала женщина, и лицо ее страдальчески сморщилось. — Пожалуйста, дайте мне Бабетту.

Она сделала шаг вперед и что-то тихо пробормотала, явно обращаясь к зверю, которого называла Бабеттой. Может быть, он услышал эти слова или почувствовал ее близкое присутствие, а возможно, темнота и прохлада, царившие в склепе, повлияли на него, но он неожиданно вздрогнул и судорога прошла по всему его телу, да такая сильная, что Лори чуть не выронила свою ношу. Женщина опять заговорила, несколько громче, будто ласково журила звереныша. Лори не знала, как поступить. Дальше идти она не решалась и видела, что женщина тоже не может приблизиться к ней. Они стояли так несколько секунд. И вдруг со зверем что-то произошло. Он выпустил когти и, вонзив их Лори в грудь, стал корчиться и извиваться.

— *Бабетта!* — прикрикнула женщина.

Но зверь не слушал ее, продолжая свой безумный танец, то корчась, как от боли, то содрогаясь, как змея, сбрасывающая шкуру.

— *Не смотрите! Не смотрите!* — раздался голос женщины.

Но Лори не могла оторвать взгляда от этого ужасного зрелища. И освободиться от того, что она сейчас держала в руках, тоже не могла. Когти настолько глубоко впились в ее тело, что любое движение причиняло ей боль.

И наконец начало происходить такое, отчего волосы зашевелились у нее на голове.

— Господи! — только и могла выдохнуть она, глядя как животное меняет свою форму прямо перед ее глазами. Его тело не просто перестраивалось, но начало разжижаться, превращаясь в бесформенную массу. Опять появился тот терпкий запах, который Лори почувствовала под деревом, —

запах разложения. Лори стояла и держала в руках студени стое, скользкое тело, но избавиться от него не могла — когти по-прежнему впивались в ее грудь. Наконец и они растаяли, влившись в общую аморфную массу. Лори вдруг сразу вышла из оцепенения и, почувствовав облегчение, очень медленно, с гримасой ужаса и отвращения передала ее в протянутые руки женщины.

— *Господи! Господи!* — повторяла она, отступая назад.

Однако лицо женщины буквально светилось от счастья. Слезы радости потекли по ее бледным щекам и закапали на расплавленное месиво. Лори отвернулась к двери. Ей не терпелось взглянуть на солнце. Но после темноты склепа солнечный свет ослепил ее. Она закрыла глаза, чтобы немного прийти в себя.

Неожиданно послышался чей-то плач. Лори открыла глаза и увидела на руках у женщины маленькую девочку лет пяти, совсем голенькую. Уткнувшись в плечо матери, она жалобно всхлипывала.

— Бабетта, — сказала женщина.

Нет, этого не может быть. Хрупкий ребенок и зверь, умирающий под деревом?

Нет, это просто какой-то чудовищный обман или галлюцинация.

— Она любит играть на улице, — сказала женщина, отведя наконец взгляд от ребенка и посмотрев на Лори. — Ведь я говорила ей: нельзя! Нельзя играть на солнце. Но она — ребенок. Не слушается.

Лори до сих пор еще не могла поверить во все. Но где-то в глубине души она осознавала, что все это действительно было. И зверь был, и превращение тоже было. Она ведь сама видела. А теперь вот живой ребенок, всхлипывающий на руках у матери. И чем яснее она это понимала, тем страшней ей становилось. Ее разум не мог охватить всего происходящего. Это выходило за пределы реальности. Лори не в силах была что-то анализировать. Ей хотелось поскорее выйти отсюда на улицу, на солнце, которого так боятся эти оборотни. Она осторожно начала пятиться к двери, но женщина вдруг сказала:

— Мне бы хотелось отблагодарить вас...

— Нет, нет, — быстро ответила Лори. — Мне ничего не нужно.

Чувство омерзения не покидало ее. Но девочка, обнимающая материнскую шею, была так трогательна, что Лори растерялась.

— Я хочу помочь вам, — сказала женщина. — Ведь я знаю, зачем вы пришли сюда.

— Вряд ли, — проговорила Лори.

— Не теряйте времени. Здесь вы ничего не найдете. В Мидине обитает только племя тьмы.

— Племя тьмы? — громко переспросила Лори.

— Тише! Умоляю! — прошептала женщина. — Я не должна этого говорить. Но я обязана вам так многим...

Лори остановилась, не доходя до двери. Сердце подсказывало ей остаться.

— Вы знаете такого человека?.. Его зовут Буни...

На лице женщины отразилось смятение. Она хотела ответить, но какой-то страх удерживал ее. Лори видела это и сразу поняла: она знает Буни!

— Рейчел, — раздался вдруг строгий мужской голос с лестницы, ведущей в подземелье. — Идите сюда. Вы ничего не должны говорить.

— Мистер Лайлесберг, — сухо ответила Рейчел. — Она спасла Бабетту.

— Знаем, — послышалось из темноты. — Мы видели. Но все равно спускайтесь.

«Мы, — подумала Лори. — Сколько же их там, под землей?»

Открытая дверь за спиной придавала ей смелости, и она решительно сказала:

— Я спасла жизнь ребенку. И мне кажется, заслуживаю вознаграждения.

Наступила тишина. Затем в темноте возникла светящаяся точка, и Лори поняла, что мистер Лайлесберг поднялся на верхнюю ступеньку. Однако фигура его почему-то не была видна. Не просматривались даже слабые ее очертания. И только огонек сигареты светился в кромешной тьме.

— У этого ребенка нет жизни, и спасать ему нечего, — сказал он Лори, — но то, что у него есть, можете забрать,

если хотите. — Он помолчал. — Хотите? Можете взять ее. Она принадлежит вам.

У Лори похолодело внутри от этих слов.

— Что вам от меня нужно? — спросила она.

— Мне ничего. Это вы требуете награды.

— Я просто хотела задать несколько вопросов, — взяв себя в руки решительно сказала Лори. — А ребенка мне не надо. Я же не варвар.

— Нет, — тихо ответили из темноты. — Никаких вопросов. А теперь идите. Вам здесь нечего делать.

Он поднес сигарету ко рту, и слабый свет от нее наконец выхватил из темноты черты его лица. Лори поняла, что Лайлесберг сделал это намеренно, чтобы буквально на несколько секунд встретиться с ней взглядом. Лори успела заметить, что лицо его такое же изможденное и бледное, как у Рейчел, только черты грубее. Запавшие глаза, тонкая, как бумага, кожа на щеках и огромный, испещренный морщинами лоб.

— Вы ведь понимаете, что не должны были видеть всего этого, — сказал он.

— Да, я знаю, — ответила Лори.

— Тогда знайте и другое. Если вы расскажете обо всем, последствия будут страшными.

— Не угрожайте мне.

— Последствия не для вас, — сказал Лайлесберг, — а для нас.

Лори стало стыдно за свою ошибку. Ведь по сравнению с ними она неуязвима. Она может ходить по солнцу.

— Я никому не скажу.

— Спасибо.

Он снова поднес сигарету к лицу, которое тотчас скрылось за густым темным дымом.

— То, что находится внизу, — сказал он, — внизу и должно остаться.

Рейчел тихонько вздохнула, качая на руках Бабетту.

— Спускайтесь! — приказал ей Лайлесберг, и огонек сигареты исчез.

— Я должна идти, — сказала Рейчел. — Забудьте о том, что вы были здесь. И оставаться тут больше незачем. Вы же

слышали, мистер Лайлесберг сказал: «То, что находится внизу...»

— «Внизу и должно остаться». Да, я слышала, — перебила ее Лори.

— Мидин только для племени тьмы. И здесь вы никому не нужны.

— Скажите мне одно, — снова обратилась к ней Лори. — Буни здесь?

Рейчел уже начала спускаться по ступеням. Лори не выдержала и бросилась к ней.

— Он здесь, ведь правда же? Ваши люди украли его тело...

Страшная догадка потрясла Лори. Это они, обитатели могил, племя тьмы, лишили Буни последнего покоя.

— Вы! Вы, украли его!

Рейчел остановилась и, повернувшись, взглянула на Лори. Ее лицо едва виднелось в темноте.

— Мы ничего не крали, — спокойно ответила она.

— *Тогда где же он?*

Но Рейчел снова отвернулась и через секунду скрылась из вида.

— Скажите мне ради Бога! — умоляюще проговорила Лори ей вслед. И вдруг сорвалась на крик: — *Скажите! Пожалуйста!*

Отчаяние сорвало ее с места. Она сделала несколько шагов и оказалась на лестнице.

— Подождите... Мне нужно поговорить с вами, — повторяла она, спускаясь вниз.

Три ступеньки, четыре... На пятой она вдруг остановилась. Совершенно непроизвольно, будто какая-то внутренняя сила удержала ее. По спине пробежал холодок, сердце глухо застучало в груди. Лори поняла, что не сможет больше сделать ни одного шага вниз, и стояла как вкопанная, глядя в темноту сухими, выплаканными глазами. Во рту у нее пересохло. Она не в силах была выговорить даже слова. Впрочем, теперь ей уже не хотелось ничего говорить. Страх перед таинственными обитателями подземелья охватил ее. Она не увидела никого, но в глубине души чувствовала, что эти существа выглядят гораздо ужаснее, чем Рейчел и ее

детеныш. Ей казалось, что они разглядывают ее в темноте. Она представляла их жуткие превращения, и кровь стыла у нее в жилах.

Если труп забрали они, то требовать его назад бесполезно. Лори оставалось надеяться только на то, что хотя бы душа Буни избежит той страшной участи, которая была уготована его бедному телу.

Совершенно опустошенная она стала подниматься наверх. И вдруг почувствовала, что что-то не пускает ее. Словно тысячи тонких нитей опутали ее тело, цеплялись за ресницы.

— Я никому не скажу, — пробормотала она. — Пожалуйста, выпустите меня.

Но какая-то неведомая сила крепко держала ее.

— Я обещаю, — сказала она. — Поверьте мне...

И ей поверили... Спотыкаясь и падая, она стала карабкаться наверх, только теперь осознав, в какую ловушку могла бы попасть. Дверь в склеп была по-прежнему открыта. Лори быстро проскользнула к выходу и через секунду оказалась на улице.

Солнечный свет показался ей слишком ярким. Она закрыла глаза и стояла так несколько минут, едва держась на ногах. Потом слегка приподняла ресницы и, убедившись, что может хоть как-то ориентироваться, побрела в сторону главных ворот, петляя между могилами.

И только когда она наконец добралась до выхода с кладбища, ее глаза немного привыкли к солнечному свету и яркому голубому небу. Сильное эмоциональное перенапряжение давало о себе знать. Ноги не слушались ее, все тело ныло. Она с трудом поднималась по склону холма, готовая вот-вот рухнуть на землю. И только одна мысль придавала ей силы — она осталась жива. А смерть была так близко. Ее могли заманить в преисподнюю и уничтожить там. Все было бы именно так, она не сомневалась. Но ее отпустили. Почему? Может быть, потому, что она спасла ребенка? Или они поверили ее обещанию хранить молчание? Лори не знала, что побудило этих монстров пощадить ее. Да, именно монстров.Те, которые обитают под этим кладбищем, заслуживают только этого имени. Кто же, кроме монстров, может

поселиться среди мертвецов? И пусть они называют себя племенем тьмы. Никакие слова и никакие благородные поступки не скроют их истинной сущности.

Ей удалось вырваться из лап самих демонов, которые тащили ее в бездну, в ад. И осталось только благодарить Бога за то, что она спаслась и может смотреть сейчас на небо, такое синее, такое бездонное...

Часть III
ТЬМА

«...он уходит сегодня ночью из города, в своих двух шкурах, в чужой коже и в собственной. И обе мы с него должны содрать, да, сэр»

Чарльз Кид
«На волоске»

Глава 11

Лори ехала в Шернек, включив на полную громкость радио. Ей надо было прийти в себя, убедиться в том, что этот мир по-прежнему существует и она может еще занять в нем свое место. Но, подъезжая к городу, она вдруг заволновалась. Удастся ли ей скрыть свое состояние от Шерил? Голос и выражение лица наверняка выдадут ее. Однако опасения оказались напрасными. Либо она действительно смогла очень удачно скрыть то, что творилось в ее душе, либо Шерил была недостаточно внимательной, но их разговор при встрече буквально после нескольких фраз о поездке Лори в Мидин переключился на Куртиса.

— Я хочу, чтобы ты познакомилась с ним, — сказала Шерил. — Мне нужно убедиться, что это все не сон.

— Я еду домой, Шерил, — сказала Лори.

— Но не сегодня же? Ведь уже поздно.

Она была права. День оказался слишком насыщенным, чтобы сразу же отправляться в обратный путь. А другой причины Лори найти не смогла.

— Уверяю тебя, ты не пожалеешь, — говорила Шерил. — Он тоже сказал, что хочет встретиться с тобой. Я ему все рассказала про тебя. Ну... *не все*, конечно. А то, как мы с тобой познакомились. — Она умоляюще посмотрела на Лори. — Скажи, что ты пойдешь.

— Я пойду.

— Прекрасно! Я позвоню ему прямо сейчас.

Пока Шерил звонила Куртису, Лори пошла принять душ. Через две минуты из комнаты послышался радостный голос:

— Он будет ждать нас возле одного ресторана около восьми. И еще он сказал, что придет с приятелем.

— Нет, Шерил...

— Да он, наверное, просто шутит, — сказала Шерил, появляясь в двери ванной комнаты. — Ты знаешь, у него удивительное чувство юмора. Никогда не угадаешь, серьезно он говорит или нет.

«Прекрасно, — подумала Лори. — Не хватало только неудавшегося комика». Но в предложении Шерил что-то было. Лори так устала от всего. А бесконечные разговоры о Куртисе, которого Лори, кстати, плохо себе представляла (так, в общих чертах, ничего конкретного), отвлекали ее от тяжелых мыслей о Мидине и его страшной тайне.

Они собирались на свидание. И настолько эти, чисто женские, приготовления были обычными, земными, что на душе у Лори стало легче и она даже подумала, уж не привиделось ли ей все то, что случилось на кладбище. Но нет. На щеке до сих пор оставался след от хлестнувшей ее ветки. Едва заметный, но он живо напомнил ей все. Она была в Мидине и держала оборотня на своих руках. И стояла в кромешной тьме на лестнице, ведущей в преисподнюю.

И хотя весь этот потусторонний мир был так далеко от реальной жизни, от Шерил с ее романтическими приключениями, он все же существовал вопреки логике и здравому смыслу. И когда-нибудь Лори придется столкнуться с ним. А пока она будет просто помнить о нем и наслаждаться радостями сегодняшнего вечера.

— Я же говорила — шутник, — сказала Шерил, когда они подъехали к ресторану «Хадсон Бой Сансет».

В ресторане, около которого им назначили встречу, пожар случился, судя по всему, еще несколько недель назад. И теперь на этом месте были лишь обгорелые развалины.

— А ты уверена, что не ошиблась? — спросила Лори.

Шерил рассмеялась.

— Говорю тебе, это одна из его шуточек.

— Ну тогда давай веселиться, — сказала Лори. — Только где мы теперь будем ужинать?

— Он, наверное, наблюдает за нами, — весело предположила Шерил.

Лори огляделась. Хотя в этом городишке бояться было абсолютно нечего, даже в субботу вечером, пустынная улица выглядела довольно неприветливой. Все магазины в округе были закрыты, некоторые из них вообще не работали. Машин тоже нигде не было видно. Надолго оставаться в таком месте не очень хотелось.

— Что-то я никого не вижу, — сказала Лори.

— Я тоже.

— Ну и что же мы будем делать? — спросила Лори, с трудом сдерживаясь, чтобы не показать своего раздражения.

Если Шерил заводит себе таких приятелей, то у нее явно дурной вкус. Впрочем, как она может судить? Сама ведь любила психа... и потеряла его.

— Мне кажется, он где-то здесь, — с надеждой в голосе сказала Шерил. — Куртис! — позвала она, толкая изуродованную огнем дверь.

— Почему бы нам не подождать здесь, Шерил?

— Но, может быть, он там.

— И все-таки я советую тебе быть осторожнее.

Но Шерил смело шагнула вперед и скрылась в темноте.

— *Шерил!*

— Слышу... Все в порядке.

Лори осталась одна на улице. В вечернем воздухе еще сильнее запахло гарью.

— Куртис! — послышался голос Шерил.

За спиной Лори затарахтела старенькая машина. Молодой человек высунулся из окошка и спросил:

— Нужна какая-нибудь помощь?

— Нет, спасибо, — ответила Лори, не зная, то ли это обычная вежливость, которая так характерна для маленьких городков, то ли водитель просто искал повод, чтобы заговорить с ней. Скорее всего — второе, решила Лори, когда машина, набрав скорость, скрылась из вида. Люди везде одинаковы...

Настроение Лори, поднявшееся немного после встречи с Шерил, начало опять портиться. На улице быстро темнело, и ей стало не по себе. Приближающаяся ночь хороша только

для тех существ из племени тьмы, как они сами себя называют. А темнота — она везде темнота. И здесь, и на кладбище. И в сердце она тоже бывает... Лори представила, как скрипят сейчас двери склепов и мавзолеев и как выходят оттуда оборотни, зная, что свет звезд им не страшен. Она даже содрогнулась от этой мысли.

Где-то недалеко опять проехала машина, а потом послышался визг тормозов. Может, это возвращается тот самый добряк, спеша предложить свою бескорыстную помощь?

— Шерил? — позвала Лори. — Где ты?

Шутка, если это была шутка, а не ошибка Шерил, пожалуй, слишком затянулась. Лори почему-то захотелось вернуться к машине и немедленно уехать отсюда в гостиницу.

— Шерил! Ты здесь?

Из темноты послышался громкий смех.

Решив, что Шерил наконец-то осознала свое поражение и в свойственной ей манере потешается над собственной доверчивостью, Лори перешагнула порог ресторана.

Снова раздался смех, а потом Шерил неожиданно сказала с притворным негодованием в голосе:

— Куртис... — и опять легко и беззаботно рассмеялась.

Значит, великий покоритель ее сердца был все-таки там. Лори была уже готова выйти обратно на улицу, сесть в машину и уехать в гостиницу от этих шутников, но мысль о том, что придется весь вечер просидеть одной в комнате и снова прислушиваться к шуму на стеной, заставила ее продолжить путь между разбросанной и обгоревшей мебелью.

Если бы внутри было совсем темно, она, наверное, вернулась бы назад. Однако блики от кафельного пола, разбросанные по потолку, вполне позволяли ориентироваться. Лори даже видела смутные очертания арки, откуда доносился смех Шерил. И она рискнула пройти дальше. Неожиданно смех прекратился и стало совсем тихо. Лори чувствовала, что они наблюдают за каждым ее шагом.

— Эй, вы, — сказала она. — Шутка, конечно удалась. Но лично я хочу есть.

Никто не ответил. С улицы донесся шум мотора — опять этот доброжелатель. Назад уже не выйти. И Лори пошла дальше.

Здесь действительно был ресторан. Куртис не наврал. Вот и кухня. Отсюда, видимо, начался пожар. Она была вся выложена белым кафелем, отчего казалась совсем светлой, несмотря на то, что стены и потолок покрывали черные подпалины. Лори стояла на пороге и внимательно изучала комнату. В центре стояли огромные плиты. Над ними все еще висели полки с посудой. Из-за них-то и не было видно дальнего конца комнаты, где, вероятно, прятались любовники. Другого места здесь для этого просто не было.

Лори неожиданно вспомнила старую детскую игру в прятки. Как любила она играть в нее со своим отцом! Он всегда подкрадывался сзади и хватал ее за плечи. Ей вдруг страстно захотелось вернуться в детство. Но отца уже не было в живых. Он умер от рака горла.

— Шерил! — снова позвала Лори. — Я сдаюсь. Где ты?

Она сделала еще несколько шагов, и ноги ее приросли к полу. Все, игра закончилась. Она нашла Шерил. Только та не пряталась. Ее распростертое тело лежало на плите, голова откинута назад, лицо искромсано.

— *Господи!*

За спиной Лори послышался шорох. Кто-то подкрадывался к ней. Прятаться было уже поздно. Сейчас ее поймают. И не любящие руки отца, изображающего чудовище, а лапы настоящего монстра.

Она обернулась, чтобы посмотреть на его лицо, прежде чем он успеет схватить ее. Но увидела перед собой лишь странную маску, сделанную из куска светлой ткани с нашитыми на нее пуговицами вместо глаз и «молнией» вместо рта. Маска настолько плотно прилегала к лицу убийцы, что вокруг рта образовалось темное мокрое пятно от его слюны. Он поднял над головой ровные блестящие ножи, приготовившись вонзить их в лицо Лори и выколоть ей глаза. Она отпрянула назад, но он снова шагнул к ней и спокойно сказал:

— Лучше вам не сопротивляться, Лори.

Ножи вновь угрожающе заблестели. Но Лори опять удалось увернуться. Однако маньяк не торопился. Он спокойно и уверенно приближался к ней.

— Шерил поступила правильно, — сказал он. — Она просто стояла и ждала, когда это случится.

— Пошел ты в...

— Обязательно. Только чуть позже... Когда ты немного остынешь... — Он громко засмеялся. — Ощущения непередаваемые...

Пока он болтал, Лори быстро оглядела комнату в поисках путей отступления. Положение ее было удручающим. Вторая дверь кухни оказалась заблокирована какими-то обгоревшими ящиками. Выйти отсюда можно было только через ту арку, в которую она вошла. Но маньяк как раз стоял на этом пути и точил один нож о другой.

Через секунду он снова направился к ней, молча и решительно. Лори поняла, что все разговоры закончились. Она вдруг вспомнила о Мидине. Неужели ей суждено было вернуться оттуда живой, чтобы теперь погибнуть от рук садиста? Ну, не бывать же этому!

И когда он поднял свое оружие, она схватила с ближайшей полки кастрюлю и швырнула ему в лицо. Бросок был точен. Лори даже удивилась своей силе. Убийца пошатнулся и выронил один нож. Однако он не сказал ни слова, а просто переложил оставшийся кинжал из правой руки в левую, тряхнул головой и снова направился к ней, уже гораздо быстрее, чем раньше. Она едва успела взять с полки другую посудину и загородить ею свое лицо. Лезвие соскользнуло и полоснуло ее по руке. Сначала она даже не почувствовала боли. Но потом, когда брызнула кровь, в глазах у нее потемнело, пальцы разжались и кастрюля упала к ее ногам. Садист удовлетворенно хмыкнул, и по наклону его головы Лори поняла, что он смотрит на кровь, струившуюся из глубокой раны.

Она взглянула в сторону двери, прикидывая, удастся ли ей добежать хотя бы туда. И тут случилось неожиданное: нож больше не взметнулся вверх, а спокойный голос произнес:

— Лори, нам надо поговорить.

— Пошел ты!

К ее удивлению, он действительно отступил немного назад. И тогда она ухитрилась схватить с пола нож, который

выронил убийца. Конечно, одной рукой трудно будет нанести удар. Однако цель была достаточно большой. Она должна ранить его, и желательно прямо в сердце.

— Именно этой штучкой я убил Шерил, — сказал он. — На вашем месте я не стал бы брать ее в руки.

Лори только сейчас ощутила в своей ладони липкую рукоятку ножа.

— Да, этот ножик перерезал нежную шейку крошки Шерил, — продолжал он. — А теперь на нем останутся ваши пальчики. Вам надо было надеть перчатки, как я.

Сознание того, какое оружие она держит в руке, привело Лори в ужас, но бросать его и остаться таким образом совсем беззащитной она не собиралась.

— Конечно, вы всегда можете обвинить Буни, — говорил между тем убийца. — Скажите в полиции, что это он сделал.

— Откуда вам известно про Буни? — удивленно спросила Лори. Ведь Шерил клялась ей, что ничего не говорила своему возлюбленному.

— А вы знаете, где он? — спросил убийца.

— Он умер.

Голова в маске слегка качнулась.

— Боюсь, что это не так. Он встал и ушел. Бог его знает, как ему это удалось. Но он встал и ушел. Можете себе представить? А его буквально изрешетили пулями. Ведь вы видели, сколько крови он пролил...

«Он следил за нами все это время, — с ужасом догадалась Лори. — И в Мидине был тогда, в первый день. Но *зачем?*» Этого она не могла понять.

— ...сколько крови, сколько пуль, а он не умер.

— Просто кто-то выкрал его тело, — сказала Лори.

— Нет, все было совсем не так.

— Кто вы, черт вас возьми?

— Хороший вопрос. Не вижу больше причин скрываться перед вами.

Он сорвал маску, и Лори увидела потное, улыбающееся лицо Декера.

— Жаль, что у меня с собой нет фотоаппарата, — сказал он. Неплохо было бы запечатлеть сейчас выражение вашего лица.

Лори стояла, широко раскрыв рот от изумления, и понимала, что вид у нее действительно глупый, но ничего поделать с собой не могла. Неужели Декер — это тот самый Куртис, о котором с таким восторгом рассказывала Шерил?

— Зачем? — наконец промямлила она.

— Что зачем?

— Зачем вы убили Шерил?

— Затем же, зачем убивал и всех остальных, — легко ответил Декер, будто этот вопрос вовсе ничего для него не значил. — Просто так. Ради удовольствия. Мы с Буни много говорили на эту тему — почему люди идут на это. Все пытались понять. Но когда подворачивается случай, я просто убиваю и все, потому что мне это нравится.

— Буни был невиновен.

— И сейчас невиновен, где бы он ни прятался. Вот в этом-то и вся загвоздка. Ведь он знает правду и вполне может найти человека, который поверит ему.

— И вы хотите помешать?

— А что бы вы делали на моем месте? Я и хотел, чтобы он ушел из жизни и все считали бы его виновным. Ведь я сам выстрелил в него. А он встал и ушел...

— Мне сказали, что он был мертв. Это точно.

— Покойницкая изнутри не запирается. Это вам сказали? На ручке обнаружены следы его пальцев, а на полу — следы его ног. А это вам сказали? Конечно, нет. Так вот я вам говорю. Я знаю — *Буни жив*. И ваша смерть заставит его объявиться. Уверен в этом.

Он медленно поднял нож и неожиданно прыгнул в сторону Лори. Она мгновенно выставила вперед лезвие. Он несколько замедлил свое движение, но не остановился.

— И вы сможете это сделать? — обратился он к ней. — Вряд ли. Знаю это из своего собственного опыта. У людей очень слабая нервная система, особенно когда на карте стоит их собственная жизнь. А ведь этот ножичек уже вонзался в бедняжку Шерил... А впрочем, попробуйте, — почти весело сказал он, продолжая приближаться к Лори. — Нет, правда. Мне действительно интересно, как у вас это получится.

Краем глаза Лори заметила, что сбоку от нее стоят стопками тарелки — целый ряд. Как бы ей выиграть

время, чтобы успеть добежать до двери? Она, конечно, понимала, что даже с ножом ей не удастся выйти победителем из поединка с этим маньяком. Но она может перехитрить его.

— Ну, давай же, убей меня если сможешь. Ради Буни. Ради бедного безумного Буни.

Он опять захохотал, и тогда Лори протянула руку, схватила целую стопку тарелок и бросила ее на пол перед Декером. Потом еще одну и еще... Осколки фарфора разлетались во все стороны. Он подался назад, закрывая лицо руками. Лори воспользовалась моментом и бросилась к арке. Через секунду она уже вылетела из кухни и, слыша за собой тяжелые шаги Декера, на одном дыхании добежала до выхода, благополучно выскользнув на улицу. Там она оглянулась, опасаясь, что Декер вот-вот появится в двери. Но он, видимо, побоялся выходить на свет.

— Хитрая бестия! — крикнул он из темноты. — Ну ничего, я доберусь до тебя. Сначала расправлюсь с Буни, а потом придет и твой черед. Жди!

Не отрывая взгляда от двери ресторана, Лори быстро направилась к машине. И только теперь она осознала, что продолжает крепко сжимать в руке окровавленный нож. Ей ничего не оставалось делать, как взять его с собой, чтобы потом передать в качестве улики полиции. Добравшись до машины, она села в нее и захлопнула дверцу, и только после этого перевела дух. Нож она бросила на пол машины, а затем, включив зажигание, немедленно тронулась с места.

Лори мучалась вопросом: куда ехать — в полицию или в Мидин? Что выбрать: ночной допрос или ночную прогулку по кладбищу? Если она сейчас поедет в полицию, то не сможет предупредить Буни о страшном замысле Декера. А вдруг Декер лжет, и Буни все-таки умер от ран?..

Если бы все случилось вчера, она бы выбрала полицию, заставила бы их поверить ее показаниям, убедила бы в том, что Декера необходимо привлечь к ответственности. Но вчера она еще знала, что звери — это одно, а люди — другое. Вчера она еще была уверена, что кладбище только для мертвых. Вчера она еще думала, что доктор — это доктор, а больной — это больной.

Оказалось, все не так. Оказалось, в жизни может случиться всякое. *И Буни может быть жив.*

Она поехала в Мидин.

Глава 12

Видения начались почти сразу же. Видимо, сказывались последствия сильного стресса и большая потеря крови. Сначала будто снежные хлопья летели ей навстречу и, беспрепятственно проникая сквозь ветровое стекло, со свистом проносились мимо. Потом стали появляться лица и какие-то неровные пятна, похожие на человеческие эмбрионы, которые тоже с легким шуршаньем исчезали у нее за спиной. Лори спокойно относилась к этим галлюцинациям. Она даже радовалась им, потому что они приближали ее к Буни. Ей казалось, что теперь она, как и Буни, неуязвима, пусть даже только сегодня ночью. Она вела машину по темной улице на полной скорости, держа руль лишь одной рукой, и ничего не боялась. Если судьба помогла ей спастись от Декера, то погибнуть здесь, на пустынном шоссе, она просто не может.

Видения, появляясь в белом свете фар, стали взмывать вверх, превращаясь в маленькие светящиеся точки. Они собирались у нее за спиной. Они встречали ее. Они звали ее в Мидин.

Один раз, взглянув в зеркало, на увидела сзади огни машины. Но они тут же исчезли. Может быть, ей просто показалось?

Впереди уже виднелся город. Свет фар выхватил из темноты ближайшие дома. Она, не останавливаясь, помчалась по главной улице вниз, к главным воротам кладбища.

Лори была в таком состоянии, что даже забыла страх, который испытала здесь в прошлый раз. Да и чего бояться мертвых?

И Буни здесь. Она уже не просто надеялась на это. Она была твердо уверена — Буни здесь, и она наконец сможет заключить его в свои объятия.

Лори с трудом вышла из машины и тут же упала ничком.

«Вставай!» — сказала она сама себе.

Перед глазами у нее все еще прыгали светящиеся точки. Они становились ярче и больше. Они слепили ее. Она поняла, что скоро потеряет сознание и, превозмогая себя, поковыляла к воротам.

— Буни! — позвала она.

Ответ прозвучал неожиданно быстро, но совсем не тот, которого она ждала.

— А он здесь? — сказал кто-то. — Буни *здесь?*

Ухватившись за ворота, она повернула назад тяжелую голову и увидела в рассеянном свете фар своей машины Декера. Он стоял в нескольких ярдах от нее, а сзади темнел его автомобиль. Несмотря на полуобморочное состояние, Лори сразу все поняла. Он дал ей возможность уйти, зная наверняка, что она направится на поиски его врага.

— Как глупо, — тихо сказала Лори.

— Вообще-то, да. Но все правильно. Вы, конечно, думали, что можете спасти его?

У Лори не было уже ни сил, ни желания сопротивляться этому человеку. Она отцепилась от ворот и, спотыкаясь, побежала по кладбищу.

— *Буни! Буни!* — звала она.

Декер не торопился. Лори была для него лишь раненым зверем, ищущим защиты у такого же беспомощного собрата. Оглянувшись назад, она увидела, что он стоит на том же самом месте и перезаряжает пистолет. Потом он приблизился к воротам и, толкнув их, быстрым шагом направился за ней.

Лори едва различала аллею, по которой, то и дело падая, продвигалась вперед. Она бежала, как слепая, почти наугад, и уже плохо соображала где находится Декер — впереди нее или сзади. Но одно она знала четко: еще мгновение — и он прикончит ее. От пули не спастись.

А под землей слышали ее приближение. Среди странных существ царила паника и отчаяние. Они знали, что такое преследование охотника, знали по собственному опыту и искренне жалели эту женщину. Но рисковать не могли.

На кладбище было достаточно места, где мог бы укрыться любой монстр. Но ради человеческой жизни жертвовать своим единственным убежищем они не станут.

Слыша ее крики, они страшно переживали, но ничего не делали. И один из них не выдержал.

— Пустите меня к ней.

— Нельзя. Ты же знаешь, что нельзя.

— Я убью его, и никто не узнает, что он здесь был.

— Он наверняка не один. Там, за стеной, их может быть много. Вспомни, как они поймали тебя.

— Но я не могу допустить, чтобы она погибла.

— Буни! Буни! — послышалось сверху.

Эта была самая страшная мука, которую ему доводилось когда-либо испытывать. Он слышал, как она зовет его, и не мог помочь. Законы Мидина не позволяли ему сделать этого.

— Но вы только послушайте! Ведь она просит помощи!

— Ты давал обещание, когда мы брали тебя сюда, — напомнил Лайлесберг.

— Я знаю. Я все понимаю...

— Учти, если нарушишь его, ты не найдешь больше места нигде — ни среди нас, ни среди них.

— Вы предлагаете мне просто слушать, как она погибает?

— Закрой уши. Это скоро кончится...

У нее уже не осталось сил звать Буни. Да это, видимо, и бесполезно. Его здесь нет. Или он лежит под землей, мертвый и беспомощный.

Она была совсем одна, а убийца подходил все ближе.

Декер достал из кармана маску, надевая которую всегда чувствовал себя в безопасности. Сколько раз он примерял ее в те бесконечные дни, проведенные с Буни, когда внушал ему имена и даты, подталкивая к признанию. Его распирало от гордости, что он так удачно нашел козла отпущения и может теперь отвести от себя все подозрения. Конечно, признание Буни не положило бы конец преступлениям. Когда-нибудь его садистская сущность снова потребовала бы крови, и убийства продолжались бы. Но только после того, как он сменит себе имя и переедет в другой город. Буни нарушил все его планы. Однако он не позволит открыть тайну. Уж маска позаботится об этом...

Декер натянул на себя маску и сразу почувствовал возбуждение. Он не был сексуальным маньяком, и вся его патологическая страсть сводилась только к убийствам — убийствам и

смерти. И сейчас всем своим телом он уже чувствовал близкое удовлетворение. Вот она, жертва, совсем рядом. Его ничуть не волновало, что это была женщина. Он всегда оставался равнодушным к самому человеку. И лишь его смерть вызывала в нем бурные сладостные переживания. Его жертвами были и старики, и совсем молоденькие девушки, и женщины, и даже дети. Ко всем он относился абсолютно одинаково. И эта женщина, убегающая от него в темноте, значила для Декера-убийцы не больше чем все остальные.

Он преследовал ее неторопливым шагом — в своей обычной манере. А она все еще бежала впереди, уже не в силах звать на помощь, издавая какие-то хрипящие, булькающие звуки. Но она, конечно же, до сих пор надеется, что он придет к ней, думал Декер. Глупышка! Неужели она не понимает, что этого просто не может быть? Уж он-то на своем веку наслушался таких отчаянных криков о помощи. И ни разу заступник не появился.

Ну ничего, скоро она выдохнется, и тогда он уложит ее пулей в затылок. А потом достанет свой нож и начнет полосовать ее по лицу, пока на его месте не образуется кровавое месиво. Он всегда так делал. Это был его почерк.

Ага! Она упала. Не может бежать дальше. Он подошел ближе и сказал:

— Лежи спокойно. Так я сделаю все быстрее.

Лори попыталась подняться, но ноги совсем не слушались ее. Теряя силы, она обернулась на голос Декера и сквозь пелену, застилавшую ее глаза, увидела, что он надел уже свою маску смерти и поднял оружие.

Ей показалось, что земля, на которой она лежала, содрогнулась. А может, это уже прозвучал выстрел? Накатилась еще одна, последняя, волна белого света, и Лори уже больше ничего не видела. Но тело ее все еще ощущало какой-то рокот под землей. А сквозь шум в ушах она услышала, как кто-то назвал имя человека, которого она безуспешно искала.

— *Буни!*

Ответа не последовало. А через секунду снова послышалось: «Буни!», как будто кто-то призывал его вернуться назад, под землю.

Лори хотела собраться с силами, чтобы все-таки подняться, но рука, упиравшаяся в землю, подвернулась, и она упала лицом вниз.

Маньяк подошел к ней, несколько разочарованный тем, что жертва потеряла сознание и не сможет услышать последней его молитвы. Да, он любил сказать несколько слов перед священным для него действом. Заранее эти слова никогда не придумывались. Они непроизвольно лились из прорези маски и звучали в его ушах, как музыка. Случалось, что жертвы начинали смеяться. И это приводило его в бешенство. Но когда люди кричали, а кричали они почти всегда, он испытывал истинное наслаждение, предвкушая самый последний момент, когда нож с силой вонзится в человеческое тело.

Он толкнул Лори в спину, чтобы посмотреть, в сознании она или нет. Она слегка приоткрыла глаза.

— Хорошо, — удовлетворенно произнес убийца, целясь пистолетом ей прямо в лицо.

Он уже готов был произнести свою тираду, как вдруг послышался чей-то рев. Ему даже пришлось оглянуться. Беззвучный ветер поднялся откуда-то из глубины, раскачивая деревья. Земля содрогнулась под его ногами. Но убийца только ухмыльнулся. Какую опасность для него, несущего смерть другим, могут представлять эти могилы и склепы? Он громко расхохотался, откинув назад голову.

Женщина у его ног застонала. Пора заткнуть ей глотку. Он прицелился в открытый рот.

Что она там лепечет? И тут произнесенное в последней надежде слово приобрело реальную форму.

— Буни! — в полузабытьи произнесла она.

И он появился.

Он возник из темноты, где гудела земля и бешено раскачивались деревья. Внешне такой же, каким его запомнил Декер. И только глаза ярко блестели, и двигался он так, будто не был изрешечен пулями насквозь.

Декер стоял пораженный. Но мистика еще не закончилась. Изо рта Буни вдруг повалил дым, а сам он стал быстро терять свой человеческий облик.

Декер в ужасе взглянул на Лори — видит ли она то, что сейчас происходит перед его глазами? Но она лежала без

сознания. И поэтому ему пришлось остаться один на один с этим кошмарным зрелищем.

Руки и шея Буни начали вытягиваться, пальцы расти, а лицо, едва различимое за темным дымом, клубившимся из его рта, будто опутали тонкие нити, готовые в любой момент лопнуть и обнажить нечто безобразное и отвратительное.

И еще этот голос. Декер не узнал его. Это был голос не того несчастного сумасшедшего, теряющего последний рассудок от сознания своей вины, а разъяренного зверя, жаждущего мести.

— *Тебе крышка, Декер,* — сказал монстр.

Декеру в маске не нравилось, когда его называли по имени. Так звали одного болвана, про которого он сейчас даже не помнил, жив тот или мертв. Сейчас он был только маской, жаждущей крови.

«Ведь это просто ублюдок! Мразь!» — подумал Декер и прицелился Буни в сердце.

А Буни уже закончил свое превращение, и теперь перед Декером стоял то ли зверь, то ли какое-то человекоподобное существо — неестественное, нереальное, а потому не вызывающее даже страха. Размозжить ему череп — и дело с концом! Не раздумывая, Декер выстрелил. На груди у монстра образовалось ровное, круглое отверстие, но он только усмехнулся.

— Вы уже один раз попробовали застрелить меня, Декер, — сказал Буни. — Или забыли?

— *Я не Декер,* — ответил маньяк и снова выстрелил.

Еще одно отверстие появилось в безобразном теле, но крови не было.

Буни начал приближаться медленным уверенным шагом. Что-то знакомое почудилось Декеру в его движениях. Он сам именно так подходил к своей жертве. От монстра исходил приторный, тошнотворный запах. Декер почувствовал его даже сквозь свою маску. У него подкатило к горлу...

— Стойте спокойно, — сказал Буни. — Так я сделаю все быстрее.

То, что этот ублюдок приближался к нему точно так же, как это делал он, подходя к своей жертве, было само по себе

оскорбительным для профессионального убийцы. Но ведь он в точности повторил и его коронные слова! Это взбесило его. Он грязно выругался и снова поднял свой пистолет, целясь Буни в рот. «Сейчас выбью твой поганый язык!» Но не успел. Огромные безобразные лапы ухватились за ствол. Декер нажал на курок. Пуля прошила насквозь вздувшуюся ладонь, а глаза чудовища потемнели от злости. Он вырвал из рук убийцы пистолет и отбросил его в сторону.

Чувствуя неминуемый конец, Декер заволновался. Он никогда раньше не думал о том, что может погибнуть. В маске он всегда ощущал себя в безопасности. Она придавала ему уверенность в своей собственной безнаказанности. Однако под маской был все-таки живой человек. И вот зубы этого человека непроизвольно начали выбивать дрожь, а голос умоляюще произнес:

— Буни, ты сам не знаешь, что делаешь.

Маска сползла с его лица, окончательно лишив уверенности в своих силах. Но он продолжал говорить спокойно и тихо, вспоминая, что именно таким тоном он когда-то воздействовал на этого человека.

— Ты болен, Буни, — сказал он, а внутренний голос твердил ему: «Не поддавайся страху и не вздумай просить пощады!»

— И вы можете вылечить меня? — насмешливо спросил Буни.

— Да, да, конечно. Мне нужно только немного времени.

Буни дотронулся раненой рукой до маски.

— Зачем вы прячетесь за этой штукой?

— Приходится. Я не хочу прятаться, но приходится.

Все внутри у Декера кипело от ярости. Если ему удастся выкрутиться, и он останется жив, то завтра он обязательно возьмет реванш за свое унижение. Но для этого надо обязательно выжить.

— В этой шкуре ты, наверное, чувствуешь себя так же, как я в своей маске?

— Так же? — переспросил Буни.

— Я имею в виду, что тот облик, который ты теперь можешь принять, просто вынуждает тебя быть кровожадным. А на самом деле ты не такой.

— Вы ошибаетесь, Декер. Я именно такой.

Декер покачал головой.

— Не думаю. Мне кажется, что где-то в глубине души ты остался прежним Буни.

— Буни умер. Его застрелили на ваших глазах. Помните? И вы собственноручно всадили в него пулю.

— Но ты выжил.

— Я мертв.

Все это время Декер не мог унять дрожь в своем огромном теле. А теперь он застыл, не в силах даже перевести дыхание.

— Вы делали из меня монстра, и я стал им, но не таким бессердечным, как вы. — Буни вплотную приблизился к нему. — Я мертв, Декер. И теперь для меня ваши пули — ничто. Я теперь — часть этого мира. И значит, вылечусь сам. А вы... — Буни крепко взялся за край маски. — А вы умрете. И я хочу видеть ваше лицо, когда это случится.

Буни хотел сдернуть маску, но она была крепко завязана и не поддалась. Тогда он вонзил свои когти в ткань и рванул со всей силой. Сколько раз он смотрел в эти глаза с надеждой и мольбой о помощи! Оказалось, напрасно. Зато теперь Декер стоял перед ним слабый, жалкий, беспомощный и испуганно лепетал:

— Я боялся. Пойми! Они бы нашли меня. Нужен был кто-нибудь, на кого бы я мог свалить вину.

— Вы выбрали не того человека.

— *Человека?* — раздался вдруг из темноты чей-то голос. — Ты называешь себя человеком.

— Монстра, — поправился Буни.

Раздался громкий смех, а затем из темноты снова послышалось:

— Ну так будем мы его убивать или нет?

Буни взглянул в ту сторону, откуда доносился голос. Там, на одной из могил, сидел человек с обезображенным лицом.

— Этот тип помнит меня? — спросил он.

— Не знаю. Помните? — обратился Буни к Декеру. — Его зовут Нарцисс.

Декер молчал.

— Это еще один из нашей компании, — сказал Буни.

— Правда, я не был до конца уверен в этом, — задумчиво проговорил Нарцисс. — Не был уверен до тех пор, пока не получил пулю в лоб. Ты знаешь, что он делает с людьми?

Буни кивнул.

— Ну тогда убей его, выцарапай ему глаза. Или это сделаю я.

— Сначала я хочу получить от него признание.

— Признание... — с надеждой заговорил Декер. — Если тебе нужно только это, пожалуйста.

Он стал судорожно шарить по карманам, будто искал ручку.

— Какая к черту польза от его признания? — спросил Нарцисс. — Думаешь, теперь кто-нибудь оправдает тебя? Посмотри на себя.

Он спрыгнул с могильного камня и зашептал:

— Смотри! Если Лайлесберг узнает, что я поднимался наверх, он меня выгонит. Дай мне только добраться до его глаз. У меня с ним старые счеты. Все остальное — твое.

— Не подпускай его ко мне! — взмолился Декер. — Ты получишь все, что захочешь... признание... что угодно. Только спаси меня от него.

Но уже было поздно. Нарцисс в два прыжка оказался рядом с Декером. Буни пытался остановить его одной рукой, но тщетно. Слишком велико было желание мести. Он оттолкнул Буни и, подняв вверх свои загнутые ногти, оскалился:

— Вот и пришел тебе конец.

Декер, однако, не растерялся. Рука, которой он нервно шарил по карманам, нащупала большой нож. Он быстро вытащил его и вонзил в живот своему противнику. Этот удар он разучивал долго и скрупулезно, по японской методике — в нижнюю часть живота и резко вверх, ухватив нож двумя руками. Нарцисс вскрикнул, но не от боли, а скорее инстинктивно.

Декер сразу вытащил нож, зная по опыту, что из живота тотчас начнут вываливаться кишки. И он не ошибся. Внутренности Нарцисса повисли кровавым фартуком до самых колен. Ранение, от которого любой нормальный человек свалился бы замертво, привело Нарцисса в полнейшую

растерянность. Он с ужасом смотрел на свой распоротый живот и цеплялся за Буни.

— Помоги мне! — кричал он. — У меня сейчас все вывалится.

Декер воспользовался моментом и метнулся к воротам. Бежать было недалеко. И пока Буни освободился от Нарцисса, враг был уже за пределами кладбища. Буни бросился в погоню, но не успел он добраться и до ворот, как Декер уже хлопнул дверцей своей машины и завел мотор. Доктор удрал! Удрал!

— Что я теперь буду делать? — послышался сзади жалобный голос Нарцисса. Он стоял и беспомощно держал в руках клубок своих кишок.

— Спускайся вниз, — сдержанно ответил ему Буни, понимая, что бесполезно теперь проклинать его. — Кто-нибудь тебе поможет.

— Не могу. Они узнают, что я был наверху.

— Думаешь, они уже не знают? — сказал Буни. — Они знают все.

Его больше не волновал Нарцисс. На дорожке без движения лежало распростертое тело Лори. В пылу гнева он совсем забыл о ней.

— Они выгонят нас обоих, — печально проговорил Нарцисс.

— Может быть.

— И что мы будем делать?

— Спускайся вниз, — устало повторил Буни. — Скажи мистеру Лайлесбергу, что это я втянул тебя.

— Ты втянул? — удивленно произнес Нарцисс, но потом подумал и добавил: — Да, пожалуй, так.

Поддерживая свои кишки, он заковылял прочь.

Буни присел рядом с Лори. От ощущения ее близкого присутствия у него даже закружилась голова. Он погладил ее нежную кожу. Она была жива, несмотря на те раны, которые нанес ей Декер. Он смотрел на ее лицо, и вдруг мысль о том, что она сейчас очнется и увидит перед собой чудовище, обожгла его. Это перед Декером он бравировал и называл себя монстром, демонстрируя свою принадлежность к племени тьмы. Но глядя на эту женщину, которую он

любил, ему стало не по себе. Ведь она тоже любила Буни, любила за человеческие слабости.

Он глубоко вздохнул и начал постепенно втягивать в себя свой звериный облик. Это ему давалось легко. И сам процесс был таким обыденным! Как быстро он привык к тому, что раньше внушало ужас и казалось сверхъестественным!

И никогда ему не сравняться с этой женщиной. Вот ее поступок был действительно чем-то сверхестественным. Искать его здесь, когда смерть следует по пятам... Такое мог совершить только человек, настоящий человек. Он почувствовал гордость за все человечество, к которому совсем недавно принадлежал.

Когда он снова наклонился над Лори, он уже был прежним Буни, каким она его знала и помнила. Он осторожно поднял ее на руки и понес под землю.

Глава 13

Лори очнулась и услышала где-то совсем рядом возбужденные голоса.

— *Ты предал нас!*

— *У меня не было выбора!*

— *Из-за тебя мы все теперь в опасности.*

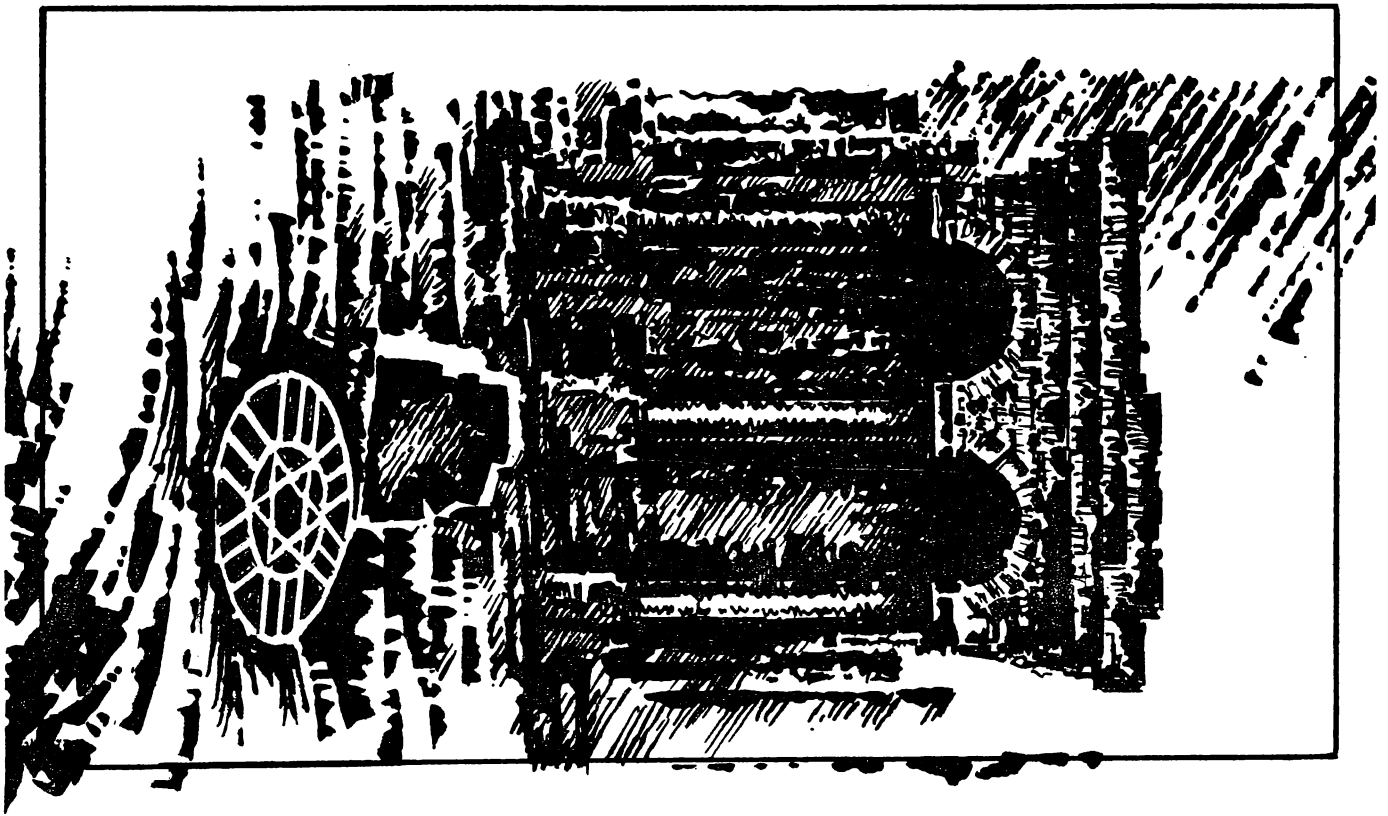
— *Декер не скажет никому. Как он объяснит? Хотел убить девушку, а мертвец помешал ему? Чепуха!*

— *Как хорошо ты все рассудил! Без году неделя здесь, а уже нарушаешь наши законы. Займись этим в другом месте, Буни. Забирай свою женщину и уходи.*

Лори хотела открыть глаза и подойти к Буни, успокоить его, чтобы он в порыве не наговорил чего-нибудь лишнего или, не дай Бог, не сделал какой-нибудь глупости. Но тело не слушалось ее. Ей не под силу было даже поднять веки. Все, что она могла делать — это лежать неподвижно и слушать.

— *Я такой же, как вы,* — говорил Буни. — *Я из вашего племени.*

— *Был когда-то...*



— Но я не могу жить там!

— А мы могли? Долгие годы мы хотели найти место в том мире. Но нас истребляли и уничтожали. И вот ты пришел сюда и хочешь отнять у нас последнюю надежду выжить. Если нас выгонят отсюда, виноват будешь ты и твоя женщина. Подумай об этом на досуге.

Наступила долгая пауза, а потом Буни сказал:

— Разрешите мне загладить свою вину.

— Слишком поздно. Нарушение закона мы не прощаем никому. Этот, второй, тоже должен уйти.

— Нарцисс! Нет, только не это! Ему не вынести. Полжизни он стремился сюда.

— Все уже решено.

— Кто решил? Вы или Бэфоумет?

У Лори внутри почему-то все похолодело. Это имя абсолютно ничего ей не говорило. Но она почувствовала, как много оно значит для остальных. Послышался взволнованный шепот, какие-то причитания, похожие на молитвы.

— Мне нужно поговорить с ним, — сказал Буни.

— Об этом не может быть и речи.

— А чего вы боитесь? Потерять власть над племенем? Мне нужно видеть Бэфоумета. Если вы хотите остановить меня, попробуйте!

После этих слов Лори не выдержала и заставила себя открыть глаза. Над ней был огромный сводчатый потолок, похожий на темное ночное небо, усыпанное звездами. Только звезды больше напоминали огни фейерверка, чем небесные тела. Огненные колеса, казалось, вращались на каменном небосводе, разбрасывая вокруг яркие искры.

Слегка повернув голову, она увидела, что лежит в склепе. Гробы стояли вдоль стен с обеих сторон. Слева горело множество свечей, истекающих воском. Они едва теплились. Их слабый свет напоминал Лори угасающую человеческую жизнь. А справа на полу, скрестив ноги, сидела Бабетта и пристально смотрела на нее. Девочка была одета во все черное. На ее сосредоточенном, некрасивом лице выделялись лишь глаза, в которых отражались мерцающие свечи. Бабетта улыбнулась Лори, но даже эта улыбка не стерла с ее лица

выражение печали и недетской серьезности. Лори тоже хотела улыбнуться в ответ, но она была настолько слаба, что не могла сделать даже этого.

— Он сделал нам так больно, — сказала девочка.

Лори сначала подумала, что она имеет в виду Буни. Но потом поняла, что Бабетта говорит совсем о другом.

— Рейчел промыла ее, и теперь не так болит, — сказала она и подняла правую руку, перевязанную темной тканью. — И у тебя тоже.

Собравшись с силами, Лори подняла свою правую руку и увидела, что она перевязана точно так же.

— Где Рейчел? — спросила Лори так тихо, что сама едва услышала себя. Однако Бабетта поняла ее прекрасно.

— Где-то здесь,- ответила она.

— Позови ее.

Бабетта еще больше нахмурилась.

— Ты останешься здесь навсегда? — спросила она.

— Нет, — послышался голос Рейчел, стоявшей у двери, — не останется. Очень скоро она уйдет отсюда.

— Почему? — спросила Бабетта.

— Я слышала, что говорил Лайлесберг, — тихо сказала Лори.

— *Мистер* Лайлесберг, — поправила ее Рейчел и направилась к ней. — Буни нарушил свое обещание и вышел наверх, чтобы спасти вас. А нас он всех подставил под удар.

Лори почти ничего не знала о тайнах Мидина, но одно она теперь понимала четко. Фраза, которую ей сказал в прошлый раз Лайлесберг — «*то, что находится внизу, внизу должно и остаться*» — это не пустые слова. Это закон, которому должны подчиняться обитатели Мидина, иначе их последнему убежищу грозит серьезная опасность.

— Помогите мне, пожалуйста, — попросила она Рейчел. Лежать на полу было очень неуютно.

Однако к ней быстро подошла Бабетта и положила ей на грудь свою маленькую забинтованную руку. От этого прикосновения Лори сразу почувствовала прилив сил. Она будто сбросила с себя тяжкие оковы, совсем как в тот раз, когда на ее руках растаяло тело звереныша.

— У нее с вами тесный контакт, — сказала Рейчел.

— Похоже, — ответила Лори и села. — Она ранена?

— Почему ты не спрашиваешь *меня*? — воскликнула Бабетта. — Ведь я здесь.

— Прости, — виновато сказала Лори. — Ты тоже поранилась?

— Нет. Но я чувствую твою рану.

— Она способна сопереживать, — объяснила Рейчел. — Чувствует то же, что и другой человек, особенно если имеет с ним эмоциональную связь.

— Я знала, что ты идешь сюда, — сказала Бабетта. — Я все видела твоими глазами. И ты можешь видеть моими.

— Это правда? — спросила Лори у Рейчел.

— Да, — подтвердила та.

Лори была еще не совсем уверена в том, что сможет подняться на ноги, но решила попробовать. Однако это удалось ей на удивление легко. Она стояла, ощущая небывалый прилив сил. Сознание ее совсем прояснилось.

— Отведите меня к Буни, — попросила она.

— Если хотите...

— Он ведь был здесь все это время?

— Да.

— Кто принес его?

— Принес?

— Да, принес. Сюда. В Мидин. Кто?

— Никто.

— Но ведь он находился уже в морге. Кто-то должен был его забрать оттуда.

— Вы, я вижу, ничего не понимаете, — жестко сказала Рейчел.

— Да, действительно. Мидин — это загадка для меня.

— Я имею в виду не Мидин, а Буни, почему он оказался здесь.

— Он думает, что принадлежит вашему племени.

— Да, он был с нами, пока не нарушил своего обещания.

— Ну, так мы сейчас уйдем, — ответила Лори. — Ведь именно этого хочет Лайлесберг. У меня нет ни малейшего желания оставаться здесь

— Куда вы пойдете? — спросила Рейчел.

— Не знаю. Может быть, вернемся в Калгари. Я думаю, не трудно будет доказать виновность Декера. А потом мы можем все начать сначала.

Рейчел покачала головой.

— Это невозможно, — сказала она.

— Почему? Разве у вас есть к нему еще какие-то претензии?

— Буни пришел сюда, потому что он такой же, как мы.

— Как вы? Что это значит? — резко спросила Лори. — А кто вы? Больные люди, которые живут здесь, в темноте? Буни не болен. Он здоровый, нормальный человек.

— Спросите лучше у него, считает ли он себя здоровым.

— Спрошу обязательно. Когда придет время.

Бабетта все это время молча наблюдала за ними.

— Ты не должна уходить, — сказала она Лори.

— Придется...

— Но ведь ты пойдешь на свет. — Она судорожно ухватилась за ее рукав. — А я не смогу идти туда вместе с тобой.

— Ей придется уйти, — сказала Рейчел, пытаясь отстранить девочку от Лори. — Она не может быть с нами.

Но Бабетта продолжала крепко держаться за рукав.

— Может. — Она взглянула на Лори. — Это легко.

— Она не хочет, — сказала Рейчел.

Бабетта снова подняла на Лори глаза.

— Это правда?

— Ну, скажите ей, — со злорадством сказала Рейчел, наслаждаясь растерянностью Лори. — Скажите ей, что она такой же больной человек, как и мы.

— Но ведь мы бессмертны. — Бабетта посмотрела на мать. — Да?

— Не все.

— Нет, все! Если мы захотим, то будем жить всегда. Наступит день, когда уйдет солнце...

— Довольно, — прикрикнула Рейчел.

Но Бабетта продолжала.

— ...когда уйдет солнце и наступит вечная ночь. И мы будем жить на земле. Она станет нашей.

Теперь уже Рейчел почувствовала себя неловко.

— Не слушайте ее. Она не понимает, что говорит, — смущенно пробормотала она.

— А по-моему, прекрасно все понимает, — ответила Лори.

Слова этой девочки и мысль о том, что она имеет с ней какую-то связь, заставили ее содрогнуться. Лучше всего поскорее уйти отсюда, где дети говорят о конце света, где стоят гробы и едва теплятся свечи...

— Где Буни? — спросила она у Рейчел.

— Пошел в храм к Бэфоумету.

— А кто он?

При упоминании этого имени Рейчел машинально коснулась указательным пальцем кончика языка, а потом левой стороны груди. Вероятно, это был какой-то культовый жест.

— Бэфоумет — это наш креститель, — сказала она. — Он создал Мидин и позвал нас сюда.

Она снова сделала движение рукой.

— Проводите меня к нему, — попросила Лори.

— Нет, — четко ответила Рейчел.

— Ну скажите хотя бы, как туда добраться.

— Я провожу тебя, — неожиданно предложила Бабетта.

— Нет, — решительно сказала Рейчел и отцепила наконец руку Бабетты от рукава Лори. Девочка ничего не успела сделать.

— Я отдала вам свой долг, — сказала она. — Обработала вашу рану. А больше нам говорить не о чем.

Она взяла Бабетту на руки, а та стала извиваться, стараясь повернуть голову и взглянуть на Лори.

— Я хочу увидеть твоими глазами что-нибудь интересное.

— Успокойся, — строго сказала Рейчел

— Не забудь — то, что будешь видеть ты, увижу и я. Ладно?

Лори кивнула.

Рейчел поспешно вышла, оставив Лори одну в пустом склепе среди гробов.

Лори медленно огляделась. «Спокойно, — сказала она себе. — Потерпи еще немного. Скоро все кончится»

Взглянув на нарисованные звезды, похожие на огни фейерверка, она вдруг подумала: откуда такое буйство? Что это, просто фантазия художника или именно таким представляется ночное небо этим людям, когда они выходят из своих склепов подышать свежим воздухом? Но лучше не думать об этом и ничего больше не знать. Достаточно того, что эти существа живут здесь, растят детей, да еще расписывают потолки.

Когда Лори впервые столкнулась с ними, она испугалась — испугалась за свою жизнь. Чувство страха не покидало ее и сейчас. Но она боялась не того, что может погибнуть здесь. Она боялась, что эти существа как-то повлияют на нее, на ее мозг, на ее сущность. Вдруг она никогда потом не сможет избавиться от этого?

Чем быстрей они с Буни уйдут отсюда, тем быстрее вернутся в Калгари. Там так ярко освещены улицы, что вечером даже не видно звезд.

Успокаивая себя этой мыслью, она отправилась на поиски крестителя.

Глава 14

Вот он — настоящий Мидин. Не пустой город на холме и не заброшенное кладбище, а бесконечные туннели и мрачные кельи под землей. Кое-где в нишах стояли гробы. Кто покоится в них? Обычные люди, похороненные еще до того, как здесь впервые появились эти странные существа? Или это соплеменники прижившихся на старом кладбище оборотней, умершие или погибшие от случайного луча солнца? Впрочем, гробницы попадались редко. Основная часть подземного пространства предназначалась явно не для покойников. Здесь обитали иные существа. Кельи освещались лампами и свечами. И только в одной из них не было ни того, ни другого, потому что ее обитатель в этом не нуждался. Он сам излучал неяркий свет — в углу на матрасе лежало что-то грузное и бесполое, жирная, лоснящаяся кожа обнаженного тела слабо фосфоресцировала.

Чем дальше Лори шла, тем больше встречала на своем пути загадочного, сверхъестественного. Обитатели подземелья были настолько нереальны, неправдоподобны, что она даже не знала, как относиться к ним. Безобразный уродец с огромными клыками, извивающийся на полу... Ей показалось, что он с жадностью смотрит на ее царапины и ссадины. К горлу подкатил комок. То ли от омерзения, то ли от леденящего душу воспоминания о вампирах... А как отнестись к существу, которое вмиг превратилось в стаю причудливых птиц, как только заметило, что Лори наблюдает за ним? Или вот к этому художнику с собачьей мордой, который вдруг оторвался от работы и поманил Лори к себе, жестом приглашая помочь ему размешивать краски? Множество самых невероятных зверей и птиц увидела Лори в этом таинственном подземном царстве и наконец поняла, что может испытывать какие угодно чувства, но только не страх.

Она вполне могла заблудиться в этом лабиринте коридоров, но инстинкт или просто удача вели ее к Буни. Однако неожиданно от стены отделилась чья-то тень и преградила ей путь. Это был Лайлесберг.

— Вам нельзя идти дальше.

— Я хочу найти Буни.

— Вас ни в чем не обвиняют, — сказал Лайлесберг. — Но то, что сделал Буни, — это преступление.

— Разрешите мне поговорить с вашим крестителем. И мы с Буни уйдем отсюда.

— Возможно. Только немного позже, — тихо, но очень жестко сказал Лайлесберг.

— А сейчас?

— Сейчас вам нельзя видеть Буни. Впрочем, и мне тоже. Он теперь во власти совершенно иной силы...

И тут, заглушая слова Лайлесберга, откуда-то снизу раздался страшный звук, какого Лори никогда раньше не слышала. Сначала она подумала, что это землетрясение. Однако, когда звук повторился, она услышала в нем нечто, похожее на звериный рев. То ли это был стон жуткой боли, то ли рык исступленной злобы. Но она сразу поняла — это Бэфоумет, тот, *кто создал Мидин*, как сказала Рейчел. Чей еще голос мог сотрясать эти подземные стены?

Лайлесберг подтвердил ее догадку:

— Вот с кем собирается побеседовать Буни.

— Пустите меня к нему.

— Его уже нет. Бэфоумет уничтожил его.

— Я хочу увидеть это сама.

Она решительно двинулась прямо на Лайлесберга, ожидая яростного сопротивления. Однако руки ее легко прошли сквозь тень и уперлись в стену. Лайлесберг оказался нематериален и, следовательно, не мог удержать ее.

— Вас он тоже убьет, — послышался голос сзади.

Но Лори смело побежала вперед, чувствуя, как с каждым ее шагом звук, поднимающийся из недр земли, усиливается, проникая в каждую клеточку ее организма.

Быстро оглянувшись назад, она убедилась, что Лайлесберг не стал преследовать ее, и завернула за угол. Рев усилился настолько, что стал почти осязаемым. Он был похож на невероятной силы ветер, который дул ей прямо в лицо, затрудняя дыхание. Она шла, низко опустив голову, ссутулив плечи.

Кельи здесь уже не встречались, поэтому ламп и свечей тоже не было. Однако земляной пол и стены, покрытые серебряным инеем, освещались вспышками холодного, яркого света, идущего откуда-то сверху.

— Буни! — крикнула Лори. — Ты здесь?

После того, что ей сказал Лайлесберг, она уже и не надеялась услышать ответ. Однако он откликнулся. Правда, сквозь все нарастающий шум она уловила только одно слово:

— Не...

Что «не»? Не ходи дальше? Или не оставляй меня здесь?

Она слегка замедлила шаг и позвала снова, но звук ее голоса потонул в жутком реве Бэфоумета. И все-таки надо было идти дальше, раз уж она зашла так далеко на свой страх и риск. Туннель вдруг кончился, и Лори оказалась на вершине огромного склона, круто спускающегося вниз. Она остановилась, ослепленная ярким светом. Сомнений не оставалось — перд ней обиталище Бэфоумета. Его рев стал невыносимым. Он сотрясал стены, и пыль летела ей в лицо. Из глаз Лори потекли слезы. Она беспомощно стояла на краю

склона, не решаясь идти дальше и не в силах повернуть назад.

Неожиданно Бэфоумет замолчал. Стало совсем тихо, и эта тишина показалась ей еще более зловещей, чем сам рев. Может быть, он почувствовал приближение чужого? Лори стояла, затаив дыхание, боясь пошевелиться.

Где-то там внизу находилось самое священное место этого подземного мира. Она не сомневалась в этом. Никогда еще, даже стоя перед алтарями крупнейших европейских соборов, не приходилось ей испытывать столь глубокого чувства, как сейчас. И никогда раньше ее ощущения не были столь противоречивы. Ей очень хотелось уйти отсюда и выбросить навсегда из своей памяти это место и все, что с ним связано. И в то же время ее страшно тянуло туда, в священную глубину. И не только Буни был причиной этому, а еще что-то более глубокое и сильное, чему нельзя противостоять. И Лори стала спускаться. Она прошла не более десяти ярдов, как вдруг увидела впереди знакомую фигуру.

Последний раз она видела Буни перед тем, как потеряла сознание. Он появился тогда из темноты такой сильный, такой решительный, будто никогда и не испытывал ни душевных, ни физических страданий. А сейчас... Сейчас он едва держался на ногах.

Она шепотом окликнула его. И он услышал ее, оглянулся. Сердце Лори сжалось. Даже в самые худшие времена, когда ей приходилось буквально за руки удерживать Буни от последнего шага, она не видела в его глазах столько страдания, как теперь. Слезы текли по его щекам. Лицо сморщилось, как у больного ребенка.

Лори осторожно двинулась к нему. Каждый ее шаг и, казалось, вздох, разносились по подземелью. Буни увидел, что Лори приближается к нему и хотел сделать знак рукой, чтобы она не подходила. Но движение получилось неловким, он потерял равновесие и тяжело упал лицом вниз. Лори почти бегом бросилась к нему, уже не думая об осторожности. Кем бы ни был этот Бэфоумет, он и так знает, что она здесь, и, наверное, знает, почему она здесь. А значит, он должен понять, что у нее были веские причины прийти сюда.

Кроме того, она одна и совсем безоружна. Он не должен сделать ей ничего плохого.

Буни был уже совсем рядом. Он пытался перевернуться на спину. У Лори слезы навернулись на глаза при виде его беспомощности.

— Я сейчас, — сказала она.

Однако он сам перевернулся и, слегка приподняв голову, стал смотреть вниз. Она тоже взглянула туда и увидела покрытую белым инеем впадину, по дну которой проходила огромная трещина. Из ее недр вырвался гигантский столб пламени. От него веяло почему-то не жаром, а страшным холодом. Вскоре Лори заметила, что поднявшееся из-под земли пламя мало напоминает огонь. Это было странное существо, внутри которого непрерывно происходили какие-то изменения. Центр пламени постепенно уплотнялся, превращаясь в нечто очень знакомое. Однако Лори никак не могла понять, что это. И наконец ее осенило — в ярком, холодном свете появляется человеческое тело. Не узнать его было невозможно, хотя все оно казалось разорванным на мелкие кусочки. Это, конечно, Бэфоумет задумал устроить ей пытку ужасом.

Буни едва слышно произнес священное имя, и Лори решила, что сейчас покажется и сам креститель. И она увидела его. Там, в пламени, огромное существо с очертаниями человеческого тела, повернуло голову и уставилось на Лори.

Это и был Бэфоумет. Настоящий, живой основатель Мидина, с расчлененным телом и таким лицом, что, взглянув на него, Лори вскрикнула от ужаса. Ни в одном страшном сне, нигде и никому не могло привидеться такое. Это было за пределами человеческого разума и даже за пределами самого сверхъестественного. Она инстинктивно отвела взгляд и поняла, что теперь никакие силы не заставят ее вновь посмотреть на это лицо.

С неведомо откуда взявшейся силой она подняла Буни и потащила его наверх. Он едва мог перебирать ногами. Длительное пребывание в этом адском месте, вблизи обиталища Бэфоумета, отняло у него почти все силы. Лори показалось, что они целую вечность карабкались по склону. А сзади

полыхало ледяное пламя. И их согнутые фигуры отбрасывали на землю длинные, четкие тени...

Когда подъем наконец закончился, Лори в изнеможении остановилась. Все тело ее горело и ныло от перенапряжения. Перед ними лежал туннель, абсолютно пустынный и тихий, хотя Лори почему-то думала, что где-то здесь их должен поджидать Лайлесберг с командой своих помощников, более материальных, чем он сам. Она окинула внимательным взглядом уходящий вдаль коридор, однако там никого не заметила.

— Ты знаешь, как отсюда выбраться? — спросила Лори.

— Пожалуй, да, — ответил он.

— Очень прошу, постарайся идти как-нибудь сам. А то я тебя не дотащу.

Буни кивнул, а потом оглянулся назад.

— Ты видишь что-нибудь? — спросил он.

— Нет.

— Хорошо.

Буни закрыл лицо ладонями. Лори увидела, что на одной руке у него не хватает пальца. Рана была совсем свежей, но он, казалось, вовсе не обращал на это внимания. Поэтому она не стала ни о чем спрашивать и, обняв его одной рукой за талию, повела по коридору. Всю дорогу Буни был молчалив и мрачен, шел с трудом и как бы неохотно. Но Лори продолжала поддерживать его, заставляя идти вперед. Наконец они добрались до каменных ступеней, круто поднимающихся вверх и, преодолев их, вышли через один из склепов на улицу.

После давящих стен подземелья ночной воздух опьянил Лори свежестью, вызвав ощущение необыкновенного простора и свободы. Но она не хотела терять ни минуты и потащила Буни к выходу с кладбища. Обходя склепы и спотыкаясь о надгробные плиты, они дошли наконец до главных ворот. Здесь Буни остановился.

— Там машина, — сказала она.

Буни вздрогнул, будто от холода, хотя ночь была довольно теплой.

— Я не могу, — сказал он.

— Что не можешь?

— Я должен остаться здесь.

— Нет! — воскликнула Лори. — Ты будешь со мной. Мы должны быть вместе.

Она стояла совсем рядом с ним и ловила его взгляд, но он, отвернувшись, смотрел в сторону. Тогда Лори обеими руками повернула его лицо к себе и, глядя ему прямо в глаза, сказала:

— Мы должны быть вместе, Буни. Неужели ты не понимаешь? Ведь именно для этого мы выжили, спаслись.

— Все не так просто...

— Знаю. Мы оба многое пережили. И я понимаю, что все уже не будет так, как прежде, да и не хочу этого.

— Ты не знаешь, — начал он.

— Хорошо. Потом расскажешь мне. Когда все успокоится. Ты должен забыть Мидин. А он уже забыл тебя.

Буни снова передернуло, но не от холода, а от давящих его слез.

— Я не могу... Я не могу уйти.

— Но у нас нет другого выбора. Мы теперь принадлежим только друг другу.

И Буни не выдержал. Закрыв лицо руками, он стал медленно опускаться на колени.

— Вставай, — сказала она ему. — И обними меня. Ты им больше не нужен. Ты нужен мне, Буни. Слышишь?

Он с трудом выпрямился и обнял ее.

— Крепче, — прошептала она. — Обними меня крепче.

Она обвила руками его шею и с радостью заметила, что теперь он смотрит ей в глаза.

— Мы вернемся в гостиницу и заберем мои вещи. Это нужно сделать. Там фотографии, письма. Нельзя, чтобы кто-нибудь нашел все это.

— А потом?

— А потом мы уедем куда-нибудь, где никто не смог бы нас найти, и будем думать, как доказать твою невиновность.

— Я не выношу света, — сказал он.

— Так мы и не будем на свету. А потом ты избавишься от этого ощущения.

Она смотрела на него и не видела в его лице ни малейшего оживления. Глаза Буни блестели в темноте, но это были

лишь слезы. А сам он стоял поникший и подавленный. Но это не смущало Лори. Она даже удивлялась, откуда в ней самой после всего пережитого появилась такая надежда. Но она была. Она вспыхнула в ее сердце. И никаким, даже самым страшным силам не позволит теперь Лори погасить этот луч.

— Я люблю тебя, Буни, — прошептала она, зная, что он ничего ей не ответит.

Может быть, он скажет позже. И пусть это будут не слова любви, пусть просто объяснит ей все... А если он не сделает этого... не сможет... то и тогда она будет счастлива. Ей не нужны никакие объяснения, ей нужен Буни, живой, рядом с ней. И какие бы мучительные воспоминания ни тревожили его, назад пути нет. Лайлесберг сказал ясно — его больше не пустят туда. И он будет только с ней. Просто будет рядом и все.

Пройдет время, и она поможет ему справиться с душевной болью, как помогала когда-то раньше. И он вылечится. И никто больше не убедит ее в том, что это невозможно. Теперь она знает, что Декер лгал. Буни ничего не скрывал от нее. Он ни в чем не виновен. И она тоже. Именно поэтому они благополучно выбрались из этой страшной ночи. Именно поэтому грядущий день не грозит им ничем.

Часть IY
СВЯТЫЕ И ГРЕШНИКИ

«Тебе нужен совет? Поцелуй дьявола и сожри червяка».

Ян де Моой
«Другое дело или
Преображенный человек»

Глава 15

Занимался рассвет. Безоблачное небо обещало яркий, солнечный день. Лори достала солнцезащитные очки. Буни надел их, но страх перед поднимающимся светилом не покидал его. Он неподвижно сидел в машине, низко опустив голову, ссутулив плечи.

Они ехали молча. Лори, борясь с усталостью, все свое внимание сосредоточила на дороге. А Буни ни разу не сделал попытку заговорить с ней. Он был погружен в свои мысли, настолько тяжкие и безысходные, что поделиться ими с сидящей рядом женщиной просто не мог. Раньше Лори значила для него очень много. Но сейчас от этих чувств не осталось и следа. Он был слишком оторван от того, что когда-то связывало его с ней, да и от всей жизни вообще. Даже в самые худшие годы своей болезни он цеплялся за эту жизнь. Он заставлял себя, хотя и с трудом, надеяться на что-то лучшее. У него было прошлое и, несмотря ни на что, будущее. А теперь время остановилось. Нет ему дороги ни назад, ни вперед. А есть только зыбкое настоящее, давящее своей неопределенностью и обжигающее смертоносными лучами восходящего солнца.

Буни думал, вспоминал. Перед его глазами стоял Бэфоумет — самый могущественный и... самый уязвимый из всех обитателей Мидина. Изуродованный когда-то, разделенный на множество частей, он был обречен на мучительное существование в ледяном пламени, которое Лайлесберг называл

огнем страшного суда. Буни шел к крестителю в надежде вымолить прощение, но не смог сказать даже слова. Бэфоумет сразу вынес приговор. Какой именно, Буни сейчас не помнил, однако знал, что решение было жестоким.

И еще из головы не выходил Декер... Буни все отчетливо помнил. Казалось бы, предательство доктора должно было вызвать в его душе ненависть и злобу. Однако он не испытывал никаких чувств к этому человеку, который столкнул его в пропасть. Впрочем, с таким же равнодушием он думал сейчас и о женщине, которая вытащила его оттуда. Они оба были частью совсем иной жизни, к которой Буни уже не принадлежал.

Знает ли Лори, в каком состоянии он теперь находится? Судя по всему, о многом она не догадывается и воспринимает его таким, каким знала раньше. А он вряд ли найдет сейчас слова, чтобы объяснить ей все. Кто он? Человек или монстр? Живой или мертвый? Пожалуй, и то и другое. В Мидине такое возможно. А здесь? Единственные существа, способные понять его, остались там, на кладбище. Они только начали знакомить его с бесконечными тайнами Мидина. А он предал их. И они изгнали его...

В этом был какой-то парадокс. Ведь Лайлесберг предупреждал его, когда они стояли в одном из подземных коридоров и слышали отчаянные крики Лори, что если он нарушит закон Мидина, племя отвернется от него.

«*Помни, кто ты теперь*, — говорил тогда Лайлесберг. — Тебе придется выбирать — или она, или мы. Так что пусть случится то, что должно случиться».

И все-таки он не выдержал, не смог, хотя прекрасно понимал, что Лори потеряна для него навсегда. Почему так получилось, он объяснить себе не мог. И мучился этими мыслями сейчас, сидя в машине, которая везла его неизвестно куда...

Они уже подъезжали к гостинице, как вдруг Лори обожгла тревожная мысль. Если тело Шерил уже обнаружено, то, вероятно, в их номере теперь полно полицейских. Лори резко остановила машину.

— Что случилось? — спросил Буни.

Она поделилась с ним своими опасениями.

— Пожалуй, я схожу туда одна, — сказала она. — Если все будет в порядке, я заберу свои вещи и вернусь.

— Нет, — решительно возразил Буни. Глаз его не было видно за очками, но в голосе слышался неподдельный страх.

— Но я быстро.

— Нет.

— Почему?

— Лучше нам быть вместе, — ответил он и опять закрыл лицо руками, как в тот раз, когда они стояли у ворот кладбища. — Не оставляй меня одного, — едва слышно проговорил он. — Я не знаю... где я, Лори. Не знаю даже, кто я. Не оставляй меня.

Она придвинулась к нему и прикоснулась губами к его рукам. А когда он опустил их на колени, стала целовать его лицо, шею... Буни молчал. Лори завела машину, и они поехали дальше.

Однако опасения ее оказались напрасными. Если тело Шерил и было обнаружено за это время (что, впрочем, маловероятно, принимая во внимание место, где произошло убийство), полиция, видимо, терялась в догадках. Им повезло. Возле гостиницы не было не только ни одной полицейской машины, но и вообще никого. Вокруг все будто вымерло. И только с верхнего этажа доносился лай собаки, да где-то плакал ребенок. В вестибюле гостиницы тоже было пустынно. Даже портье в этот утренний час куда-то исчез. Они благополучно миновали холл и стали подниматься на второй этаж. Все было спокойно, но Лори не могла унять дрожь в руках и долго возилась с замком. А когда, отчаявшись, она обернулась к Буни, то увидела, что он до сих пор стоит на верхней ступеньке лестницы и нервно оглядывается по сторонам. Он был все еще в темных очках, и Лори вдруг поняла, что это ее раздражает — не видя его глаз, она не могла до конца понять его настроение.

— Что случилось, Буни?

— Здесь никого нет.

— Тем лучше для нас.

— Но я чувствую запах...

— Какой запах?

Он покачал головой.

— Объясни, пожалуйста.

— Запах *крови*.

— Буни! Да что с тобой?

— Я чувствую запах *крови*. Здесь много крови.

— Да где?

Он ничего не ответил и не взглянул на нее, а продолжал непрерывно смотреть в глубину коридора.

— Я быстро, — сказала она. — Стой здесь. Никуда не уходи. Я сейчас вернусь.

Она присела и вставила наконец ключ в замочную скважину, потом поднялась и открыла дверь. В номере кровью не пахло. Здесь стоял лишь вчерашний запах духов, который живо напомнил Лори о Шерил и о том времени, которое они провели вместе. Еще совсем недавно — не больше суток назад — она болтала и смеялась в этой комнате, не уставая восхищаться своим будущим убийцей.

Лори оглянулась и, увидев в открытую дверь Буни, который стоял в коридоре, плотно прижавшись к стене, стала быстро собирать вещи — сначала в ванной, затем в комнате. Она поставила на кровать сумку, чтобы застегнуть ее, и только тогда заметила огромную трещину в стене. Судя по всему, ударили с той стороны, и очень сильно. Штукатуркой был засыпан весь пол рядом с кроватью. Неужели вчерашняя вечеринка зашла так далеко, что они начали крушить мебель и стены?

Удивленная, она подошла к трещине и потрогала ее. Удар был настолько сильным, что стена оказалась пробитой насквозь. Лори отломила кусок штукатурки, и в стене тотчас образовалось отверстие. Она прильнула к нему.

Шторы на окнах были опущены, но яркое солнце проникало сквозь них, заливая всю комнату тусклым, желтоватым светом. Сегодня ночью вечеринка, видимо, достигла своего апогея, решила Лори. Стены были залиты вином. Люди спали вповалку прямо на полу.

Но запах... Пахло не вином. Лори почувствовала тошноту и отошла от стены. Пахло кровью. И значит, стены тоже испачканы кровью. А люди на полу не спят... Они мертвы.

Лори быстро вышла в коридор. Буни на прежнем месте не было. Он сидел в углу на полу, судорожно обхватив руками колени. Лицо его страдальчески сморщилось.

— Вставай скорее, — сказала она ему.

— Я чувствую запах крови, — тихо проговорил он.

— Ты прав. Вставай скорее. Помоги мне.

Но он не шевельнулся и лишь затравленно смотрел не нее, как побитый пес. Лори помнила этот его взгляд. Не раз в прошлом ей приходилось выводить его из этого состояния, терпеливо подбирая слова утешения. Но сейчас времени на это не было. Может быть, кто-то в соседней комнате еще жив. Она должна помочь. Лори решительно взялась за ручку двери и открыла ее.

Тошнотворный запах ударил ей в нос, а Буни громко застонал.

— Кровь, — услышала она за спиной его голос.

Действительно, кровью была залита вся комната. Лори целую минуту стояла на пороге, прежде чем решилась сделать следующий шаг. Но даже самого беглого взгляда было достаточно, чтобы убедиться — в комнате было шесть изуродованных трупов. И почерк знакомый. Вот так же лежала Шерил, искромсанная ножом. Три трупа — двое мужчин и женщина — лежали на кровати, полураздетые, один на другом. Остальные распластаны на полу. Зажимая рот рукой, Лори выбежала из комнаты и увидела, что Буни уже встал и направляется прямо к ней.

— Нам... нужно... немедленно уходить, — проговорила она.

Но он, не обращая внимания на ее слова, молча пошел мимо. Взгляд его был прикован к открытой двери.

— Декер, — сказала она. — Это Декер.

Он снова ничего не ответил.

— Почему ты молчишь? Он, может быть, еще где-то здесь. Нам надо торопиться.

Но Буни уже перешагнул через порог и скрылся в комнате. Лори была не в силах последовать за ним. Она вернулась в свой номер. За стеной слышались шаги Буни, его тяжелое дыхание и приглушенные стоны. Боясь оставлять его одного на долгое время, Лори решила не задерживаться со сборами, а взять только самое необходимое — фотографии, записную книжку. Сложив все это в сумку, она вышла в коридор.

С улицы послышался вой полицейских сирен. Машины мчались к гостинице. Лори позвала Буни.

— Я уже все закончила. Пойдем скорее.

Буни не отозвался. Она подошла к двери и, стараясь не смотреть на трупы, быстро оглядела комнату. Буни неподвижно стоял у дальней стены.

— Ты слышишь меня?

Буни не шевельнулся. Очки он уже снял, но разглядеть выражение его лица Лори по-прежнему не могла.

— У нас мало времени, — снова сказала она. — Пойдем.

Но Буни вдруг начал глубоко дышать. Лори сразу почувствовала неладное, еще до того, как из его рта повалил темный дым. Он инстинктивно поднял руки, будто хотел закрыть лицо. Но по всему его телу прошла сильная дрожь, и он лишь сумел выдохнуть:

— *Выйди...*

Но Лори не могла сдвинуться с места. Ноги ее приросли к полу. Она не отрываясь смотрела на лицо Буни, с которым начало происходить нечто страшное.

— *Я не хочу, чтобы ты видела*, — едва слышно произнес он изменившимся голосом.

Но она уже видела... Она все это видела в Мидине. И расчлененное человеческое тело в белом пламени, и художника с собачьей мордой. И вот теперь Буни, ее Буни, на глазах превращающийся из человека в безобразное чудовище.

Полицейские машины остановились у входа в гостиницу. Через минуту они будут здесь. Она еще успеет убежать. Но как же Буни?

Дым рассеялся. Превращение уже закончилось, и теперь перед Лори стоял сильный, страшный зверь. Он сделал несколько неуверенных шагов вперед, и Лори решила, что он наконец одумался, осознал грозящую ему опасность и готов бежать вместе с ней. Она согласна... Но оборотень направился к кровати и протянул лапы к лежащему сверху трупу. Лори не успела отвести взгляд и с ужасом увидела, как он потянул в пасть безжизненное тело...

— Нет, Буни! — вскрикнула она. — *Нет!*

Он услышал ее. Частичка человеческого разума, сохранившаяся, видимо, где-то в самой глубине этого существа,

заставила его опустить мертвеца и взглянуть на Лори. В его глазах, все еще голубых и ярких, стояли слезы.

Лори направилась к нему.

— Не надо! — взмолилась она.

Какое-то мгновение в его душе боролись остатки человеческих чувств и звериный голод. Зверь победил... и человеческие кости захрустели на его зубах.

Снизу донеслись возбужденные голоса, послышался топот ног. Вот сейчас они поднимутся по лестнице, и тогда ей уже не скрыться. Выбора не было. Придется оставить здесь это чудовище... Буни потерян для нее навсегда.

Лори решила бежать через черный ход. Она едва успела завернуть за угол, как по коридору побежали полицейские, поднявшиеся на второй этаж по главной лестнице. Она услышала как они стучат в запертые двери, негромко переговариваясь между собой. Потом они взломали одну из дверей, и до Лори донеслись возгласы ужаса и отвращения. Но причиной такой реакции не мог быть Буни — дверь в номер, где он утолял свой звериный голод, осталась незапертой. Наверное, они обнаружили еще что-то, представляющее не менее жуткую картину. Лори все поняла. Она представила, каким страшным сообщением начнутся сегодня утренние новости... Это был Декер. Лори не сомневалась. Декер взял свой безумный реванш за неудачу на кладбище. Он вернулся оттуда и в ярости расправился со всеми постояльцами гостиницы. И лишь чья-то собака да грудной младенец чудом уцелели в этой кровавой бойне.

Лори не ошиблась. За каждой дверью гостиничного номера находилось подтверждение ее догадки. Случившееся было настолько невероятным, что даже полицейские растерялись, забыв о своих прямых обязанностях. Она беспрепятственно выскользнула на улицу и побежала к густым зарослям кустарника. Почти тотчас из-за угла появился полицейский. Но ему было не до поисков убийцы. Зажимая ладонью рот, он едва успел забежать за гостиницу, подальше от своих коллег, и его тут же вырвало. Тщательно вытерев губы носовым платком, страж порядка, шатаясь, пошел назад.

Лори была уверена, что они не начнут прочесывать округу, пока не осмотрят все внутри, поэтому решила подо-

ждать. Что они сделают с Буни, когда обнаружат его? Скорее всего пристрелят. Она знала, что ничем не может помочь ему. Однако шло время, а выстрелов не было слышно. А ведь они должны уже найти его. Лори решила пробраться на противоположную сторону, откуда видно главный вход. Может быть, там ей удастся выяснить, что случилось.

Гостиница с трех сторон была окружена густым кустарником, и Лори без труда обогнула здание. Вооруженный отряд полицейских направлялся к черному ходу. А к центральным воротам подъехали еще две полицейские машины. За ними следовали два санитарных автомобиля.

«*Они еще не знают, что этого мало*», — мрачно подумала Лори.

У главного входа толпился народ. Повсюду суетливо бегали санитары и полицейские. Они наконец осознали масштабы трагедии. Обычное здание, еще вчера бывшее гостиницей, сегодня превратилось в гигантский двухэтажный гроб, набитый трупами. Шернек за всю свою историю, вероятно, не знал столько убитых, сколько появилось их здесь за одну только ночь.

Внимание Лори привлекла группа людей, собравшихся возле одной из машин. В центре стоял представительный мужчина в строгом костюме. Его очки блестели на солнце. Это был Декер. Он что-то горячо доказывал стоящему рядом с ним человеку в форме, судя по всему, шефу местной полиции. Может быть, они обсуждают, как лучше выманить Буни из здания? Что бы там ни было, но спустя несколько минут начальник полиции быстро вышел из толпы, видимо, отклонив план Декера. Об этом можно было судить по его решительным жестам. Лори не могла разглядеть выражение лица Декера, но в целом он выглядел спокойным и самоуверенным. Он что-то говорил находящимся рядом с ним людям, и те согласно кивали ему в ответ.

Лори знала истинное лицо этого человека, и ей хотелось раскрыть глаза всем. Но как? Выйти из своего укрытия и прямо сейчас рассказать обо всем? Да ей не дадут даже раскрыть рта. Он — известный человек, имеющий влиятельных друзей. Его голос звучит веско и убедительно. А кто она? Несчастная женщина, любовница то ли сумасшед-

шего, то ли оборотня... Да, Декер неуязвим по сравнению с ней.

Неожиданно со стороны здания послышались крики. Полицейские, стоявшие снаружи, по приказу своего начальника подняли оружие. Несколько человек отошли немного назад. Из открытой двери гостиницы вышли, пятясь, два вооруженных полисмена. Они целились в кого-то, идущего вслед за ними. Это был Буни. Его вытолкнули на улицу. Руки впереди скованы наручниками, голова низко опущена. Испугавшись солнечного света, он отпрянул назад. Но сзади следовали еще два человека. Они грубо толкнули его в спину.

От его звериного облика не осталось и следа, однако внешний вид красноречиво говорил о том занятии, за которым застали его полицейские — вся одежда, руки, лицо были испачканы кровью.

В толпе зааплодировали, когда увидели плененного преступника. Декер довольно улыбался, кивая головой. Буни повели к одной из машин и затолкали на заднее сиденье.

Лори наблюдала за всем происходящим со смешанными чувствами. С одной стороны, она жалела Буни и была рада, что его не пристрелили на глазах у всех. А с другой... Она теперь знала о нем такое, от чего волосы шевелились у нее на голове. И еще Декер... Его наглая самоуверенность. Ведь никто из этих людей не знает правды.

Получается, она осталась совсем одна. Стоит ли вмешиваться в эту игру, где каждый исполняет по нескольку ролей, будь то Декер или даже Буни? Они оказались неотделимы друг от друга в этой игре, такие разные и чем-то похожие.

А ведь она обнимала, целовала этого человека. Но это никогда больше не повторится. Теперь ей известно, что скрывается за этими глазами, губами... Она не может *любить зверя*.

Но почему от этих мыслей у нее так тревожно забилось сердце?

— Вы говорите, таких, как он, много? Это что, какой-то клан?

Декер начал злиться. Теперь он понимал, почему полицейские за спиной наделяли своего шефа самыми нелестными прозвищами. Сам же он почти сразу уготовил ему участь своих жертв. Но это будет не сегодня. Сегодня Ирвин Игерман ему нужен. Впрочем, Игерман тоже, может быть, сам того не подозревая, нуждается в нем — Декере.

С наступлением темноты Мидин станет опасным местом. До вечера еще далеко, но надо торопиться. Был уже час дня, а для того, чтобы собрать людей, потребуется немало времени. Лишние разговоры только затягивают все дело.

— Да, там, под кладбищем, — возбужденно сказал Декер, теряя терпение.

Однако Игерман едва ли слушал своего собеседника. Он был во власти радостного волнения и все свое внимание сосредоточил на трупах, которых выносили из гостиницы. Пока обнаружено шестнадцать, но он надеялся, что их будет больше... Единственным существом, уцелевшим в этой кровавой бойне, оказалась годовалая девочка, найденная в груде окровавленных простыней. Он сам вынес ее из здания на глазах у толпы и многочисленных фотокорреспондентов. Завтра его имя узнает вся страна!

Конечно, без Декера всего этого не было бы. Именно в знак благодарности за ценную информацию он и поддакивает этому толстяку. Но бросать корреспондентов и бежать в такой кульминационный момент куда-то на кладбище в поисках пары-тройки сумасшедших, засевших среди гробов? Да пошел он к дьяволу!

Игерман достал расческу и стал усердно орудовать ею, пытаясь привести в порядок свои коротко остриженные волосы. Предстояли интервью. Он знал, что красотой не блещет. Об этом ему не забывала регулярно напоминать Энни — обычно в субботу вечером перед сном, называя его то козлом, то свиньей. Впрочем, люди всегда видят то, что хотели бы видеть. Но завтра все изменится. Он будет теперь героем.

— Вы слушаете меня? — спросил Декер.

— Да, конечно. На кладбище живут какие-то люди.

— Да не люди они...

— Ну оборотни или кто там еще... Знаю, видел.

— Таких вы не видели.

— Но ведь их здесь не было, верно?

— Не было.

— Убийцу мы поймали?

— Поймали.

— Посадили под замок?

— Да. Но в Мидине остались другие.

— Убийцы?

— Может быть.

— Вы уверены?

— Пошлите туда людей.

— Почему такая спешка?

— Я же вам говорил.

— Скажите еще раз.

— Их нужно схватить днем. Они боятся света.

— Кто же они? Вампиры, что ли? — Игерман усмехнулся.

— В некотором смысле да.

— Ну так вот, я тоже в некотором смысле вам говорю, что придется с этим повременить. Вы видите, сколько корреспондентов? Люди хотят поговорить со мной. А я вдруг уйду — это не очень вежливо с моей стороны.

— К черту вежливость! Ну а заместители-то у вас есть? Или вы один следите за порядком в этой дыре?

Декер явно задел самолюбие Игермана.

— Заместители у меня есть, — важно ответил тот.

— Так пошлите их в Мидин!

— Зачем?

— Затем, чтобы выкопать оттуда этих...

— Но ведь кладбище, так сказать, э... святое место. Как же...

— То, что находится под этим кладбищем, ничего общего со святым не имеет, — жестко сказал Декер. — Вы доверились мне один раз, Ирвин, — и поймали убийцу. Доверьтесь еще раз. Мидин нужно перевернуть вверх дном.

Лори пришлось пережить немало ужасов, но организм требовал своего — еды и отдыха. Она выбралась из кустов и пошла вдоль улицы, решив для начала где-нибудь перекусить. На пути ей встретился довольно большой и многолюдный магазин, где она и купила себе кое-какие продукты — несколько пирожков, шоколадное молоко, сыр. Усевшись на солнце, она принялась за еду, отключившись от всего.

Сон начал морить ее почти сразу же, и она, не в силах справиться с усталостью, закрыла глаза. А когда проснулась, солнце уже повернулось, заливая ярким светом противоположную сторону улицы. Она встала, поеживаясь и ощущая боль во всем теле. Но отдых все-таки придал ей силы. Голова прояснилась, мысли не путались.

Оснований для оптимизма было, конечно, маловато. Однако, когда она впервые оказалась в этом городе, положение ее было гораздо хуже. Она ехала посмотреть на место гибели Буни, уверенная в том, что никогда больше не увидит человека, которого когда-то любила. Теперь она по крайней мере знала, что он жив. И пусть его забрали в полицию — там, ей казалось, он будет даже в большей безопасности, чем на воле. А у нее пока есть время обдумать решение всех проблем. И самая главная из них — Декер. Его нужно вывести на чистую воду. Не может быть, чтобы человек совершил столько убийств и нигде не оставил следов. Надо вернуться в ресторан, где погибла Шерил. Вряд ли Декер укажет это место полиции. Это выглядело бы довольно подозрительно. Наверное, он рассчитывает на то, что тело обнаружат случайно и, конечно, обвинят Буни. А раз так, то там, возможно, еще никого не было, и ей наверняка удастся найти хоть какую-нибудь улику против него.

Конечно, возвращаться в тот страшный ресторан, где лежало тело Шерил и где она сама испытала, пожалуй, самые ужасные минуты своей жизни, было делом малоприятным. Но другого выхода Лори просто не находила.

Надо торопиться. Когда сядет солнце, она вряд ли осмелится перешагнуть порог той искореженной огнем двери. Кроме того, вечером ее ждет совсем другое.

* * *

Декер стоял рядом с Игерманом, который давал указания четырем своим заместителям.

— Теперь я доверяю нашему источнику, — сказал он, благосклонно взглянув на Декера. — Если он говорит, что Мидин — опасное место, значит, так оно и есть. Я склонен верить ему. И прошу вас докопаться до истины.

— А что, конкретно, мы должны искать? — спросил один из полицейских, которого звали Петтин. Это был человек лет сорока, с широким, плоским лицом, оглушительным голосом и огромным животом.

— Все необычное, сверхъестественное, — ответил Игерман.

— В общем, всякую нечисть, — сказал другой полицейский, самый молодой из всех.

— Что-то вроде этого, Томми, — подтвердил Игерман.

— Дело вот в чем, — вставил Декер. — Я уверен, у Буни на кладбище остались друзья.

— У этого ублюдка еще и друзья есть? — сказал Петтин. — Хотел бы я на них посмотреть.

— Короче, ребята, притащите их всех сюда.

— А если они не пойдут?

— Что это за вопросы, Томми?

— Нам можно применить силу?

— Делайте все, что считаете нужным...

— Они хорошие ребята, — сказал Декеру Игерман, когда его помощники ушли. — Если там действительно что-то есть, они обязательно найдут.

— Хорошо.

— Я хочу посмотреть на этого... которого мы поймали. Вы пойдете?

— Я достаточно насмотрелся на него, — ответил Декер.

— Ну что ж, вам виднее.

Игерман ушел, а Декер погрузился в раздумья. Сначала он решил, что тоже поедет в Мидин, но потом передумал. Слишком много работы было здесь. Надо заставить Буни говорить. И он добьется этого, а потом потребует от него объяснений. Разоблачения Декер не боялся. Чего могут стоить показания человека, которого застали на месте страшной трапезы, испачканного кровью с ног до головы? Правда,

его смущали некоторые обстоятельства. И пока им не будет найдено объяснение, он не успокоится.

Что, например, произошло с Буни? Как изрешеченный пулями человек, в отношении которого врач однозначно констатировал смерть, мог превратиться в жаждущего мести монстра, чуть не растерзавшего его прошлой ночью? Буни сказал тогда, что он мертв. Декер едва сам не потерял рассудок от страха. Но теперь он кое-что понял. Игерман прав. На кладбище живут оборотни. Вытащить их из-под земли и облить бензином... Декер с радостью чиркнул бы спичкой.

— Декер! — послышалось сзади.

Он повернул голову и увидел Игермана, который пробирался сквозь толпу журналистов. Вид у него был жалкий и потрепанный. Пот струился по его лицу.

— Черт знает, что происходит!

— Что-нибудь случилось, Ирвин?

— Этот...

— Кто? Буни?

— Представьте себе, он.

— Ну и что?

— Врачи осмотрели его. Понимаете, так положено...

— Ну и?

— Сколько раз вы стреляли в него? Три, четыре?

— Да, наверное.

— Так вот. Все пули остались в нем.

— Что ж тут удивительного? — сказал Декер. — Я же говорил вам, что мы имеем дело не с обычными людьми. Каково заключение врачей? Он должен был умереть?

— Он и *сейчас* мертв.

— Как это?

— А вот так. Конечно он не лежит, как покойник. Но сердце его не бьется. Это точно. В общем, мы с вами поймали мертвеца.

— Это невозможно.

— Но это утверждают два специалиста, черт возьми! Можете убедиться сами, *доктор*...

Глава 17

Лори быстро нашла улицу, где находился сгоревший ресторан, и минут пять стояла на противоположной стороне, внимательно оглядывая место пожара. Вокруг не было ни души. Только сейчас, в ярком свете дня, она осознала, насколько тщательно Декер продумал все детали. Место было выбрано идеальное. Даже сегодня, в разгар дня Лори не встретила ни одного пешехода. Машин тоже не было видно.

Яркий солнечный свет, заливающий все вокруг, почему-то напомнил ей то, второе посещение Мидина, когда она приехала туда одна, чтобы побродить по кладбищу. И ярче всего в ее памяти всплыла встреча с Бабеттой. Лори не просто вспомнила сейчас девочку. Она почти физически ощутила ее присутствие. Ей даже показалось, что она держит на руках безжизненное тельце, от которого исходит приторно-сладкий запах разложения.

Ощущение было настолько необычным, что Лори почувствовала некоторое волнение. Она опустила глаза и четко увидела на своих руках Бабетту, которая смотрела на нее широко открытыми глазами и беззвучно шевелила губами. А ведь Лори никогда не держала ее на руках в человеческом облике.

Видение исчезло так же неожиданно, как и появилось. Лори огляделась. Она по-прежнему стояла на залитой солнцем улице, а перед ней находилось обгоревшее здание ресторана.

Лори не стала медлить и, перейдя улицу, решительно направилась к покореженной двери. Не останавливаясь, она перешагнула порог, и сразу же мрак окутал ее. Мрак и холод. Всего один шаг отделял ее от солнечного света, но она вдруг почувствовала, что попала в совершенно иной мир. Она на минуту остановилась, пытаясь разглядеть дорогу к кухне, где лежало тело Шерил. В голове ее была только одна мысль — найти хоть какую-то улику против Декера. Все остальное — страх, отвращение — нужно отбросить. Она должна быть сейчас невозмутимой и спокойной.

Дойдя до арки, Лори глубоко вздохнула и смело шагнула вперед... Однако с удивлением обнаружила, что оказалась

не на кухне, а... в Мидине. Она поняла это сразу. Такой мрак и сырость могли быть только там. А кухня... кухня просто исчезла без следа.

Глаза Лори различили в темноте фигуру Рейчел. Она стояла, задрав голову и глядя на потолок, будто к чему-то прислушивалась. На лице ее застыло страдальческое выражение. Потом она бросила на Лори быстрый взгляд, словно и не удивившись ее внезапному появлению, и опять задрала голову.

— Что случилось? — спросила Лори.

— Тише! — резко ответила Рейчел, но затем, спохватившись, протянула руки и ласково сказала: — Иди сюда, моя девочка.

Девочка? Ах вот оно что! Оказывается, Лори попала не в Мидин — она очутилась в оболочке Бабетты и теперь видит все ее глазами. А те видения на улице были как бы прелюдией к нынешним ее ощущениям.

— Это правда? — спросила она.

— Правда? — шепотом переспросила Рейчел. — Конечно...

Она запнулась и вопросительно посмотрела на дочь.

— Бабетта, — сказала она.

— Нет... — ответила Лори.

— Бабетта, что ты сказала?

Она направилась к девочке, но та стала быстро отступать назад. Лори смотрела на Рейчел со страхом — такой большой и грозной показалась ей эта женщина.

— Что ты сделала? — снова задала вопрос Рейчел.

— Я привела ее, — ответила девочка, — чтобы она посмотрела.

Лицо Рейчел исказилось от ярости.

Она попыталась схватить дочь за руку, но та ловко ускользнула. От резкого движения Бабетты у Лори все запрыгало перед глазами и даже закружилась голова.

— Вернись сейчас же! — шепотом сказала Рейчел.

Но Бабетта и не думала слушаться. Она юркнула в дверь и быстро побежала, прекрасно ориентируясь в лабиринте туннелей. Лори продолжала ощущать себя единым целым с этой девочкой и будто бежала вместе с ней в глубину подземелья. Наконец Бабетта остановилась и, оглянувшись назад, подошла к небольшому отверстию в стене. Отверстие было настолько

маленьким, что ни один взрослый не мог проникнуть в него. Однако Лори легко преодолела это препятствие и оказалась в крохотной пещере, величиной не больше холодильной камеры. Явно минусовая температура лишь подчеркивала это сходство. Лори поняла, что Бабетта спряталась в своем тайнике. Здесь же хранились все ее детские сокровища — кукла, сделанная из травы, с венком из весенних цветов на голове, два птичьих черепа, несколько камушков. Несмотря на свою необычность, Бабетта во многом напоминала своих нормальных сверстников. Те же детские секреты и игры. Это был ее маленький мир. И то, что она впустила туда Лори, свидетельствовало о большом доверии к ней.

Но Бабетта, видимо, не просто хотела показать Лори свой укромный угол. Здесь отчетливо были слышны голоса, доносившиеся откуда-то сверху.

— Ого! Посмотри-ка. Тут можно спрятать целый полк этих ублюдков.

— Помолчал бы ты, Кэс.

— Что, Томми, уже сдрейфил?

— Не волнуйся, не сдрейфил.

— Что-то ты позеленел весь.

— Пошел к дьяволу!

— Эй, вы, заткнитесь там. Делом надо заниматься.

— С чего начнем?

— Обращаем внимание на все необычное.

— Здесь есть люди. Я чувствую это. Декер был прав.

— Значит, их надо найти.

— Но как? Не вниз же спускаться. Я лично отказываюсь.

— Спускаться не надо.

— Как же ты собираешься вытащить их оттуда?

Вместо ответа прозвучал выстрел и кто-то сказал:

— Выманим. Если не захотят, останутся здесь навсегда.

— Могила уже готова.

«Кто эти люди?» — подумала Лори. И тут же Бабетта приподнялась и стала куда-то протискиваться. В пещере оказался узкий проход, настолько тесный, что у Лори перехватило дыхание от страха, когда Бабетта с трудом полезла по нему. Но вскоре впереди появился просвет, и у Лори отлегло на сердце.

Голоса раздались совсем рядом.

— Начнем здесь. Надо расковырять каждую могилу и посмотреть, можно ли оттуда что-нибудь вытащить.

— Умоляю, не надо оттуда ничего вытаскивать.

— Дурак ты, Петтин. Я имею в виду тех, кого мы ищем.

— Может быть, мы сначала свяжемся с шефом?

— Плевать я хотел на шефа.

— Я тоже. Да вот никак не соберусь...

Наверху раздался громкий смех. Они еще некоторое время переговаривались, перемежая свою речь непрерывными ругательствами, а потом один из них сказал:

— Ну все. Начинаем.

— Чем раньше, тем лучше. Ты готов, Томми?

— Я всегда готов.

Бабетта протиснулась еще немножко вперед, и Лори увидела железную решетку, которой заканчивался туннель и через которую пробивался свет с улицы.

«Осторожно. Там солнце», — подумала Лори. И Бабетта мысленно ответила ей: «Ничего. Все в порядке».

Чувствовалось, что девочка здесь не впервые. Маленькая узница этого подземелья отыскала для себя окошко, через которое, вероятно, часто смотрела на недоступный ей мир. Место для этого она выбрала очень удачное. Сквозь решетку в стене одного из склепов хорошо просматривались близлежащие аллеи. Но солнце не попадало сюда, поэтому Бабетта была в полной безопасности. Она прильнула к решетке и стала внимательно смотреть на улицу.

Лори увидела троих мужчин в форме полицейских. Несмотря на их бравый вид, чувствовали они себя в этом месте явно неуютно. Понять причину было несложно. Ловить преступников на оживленных улицах города — дело привычное. Но здесь, на кладбище, они сами ощущали себя переступившими нечто священное.

При других обстоятельствах Лори с удовольствием понаблюдала бы за их растерянностью. Но не здесь и не сейчас. Слишком напряженной была обстановка.

«Они найдут нас», — со страхом повторяла про себя Бабетта.

«Будем надеяться, что все обойдется», — мысленно ответила ей Лори.

«Не обойдется. Пророк говорит, что они найдут нас».

«Кто говорит?»

Бабетта ничего не ответила, а лишь нарисовала этого пророка в своем воображении, и Лори тотчас увидела его. Оказалось, это было то самое бесполое существо, которое Лори встретила в прошлый раз в одной келье. Тогда он лежал на матрасе и слабо светился. Сейчас его истекающее кровью тело держали на высоко поднятых руках два оборотня. Он что-то говорил, но слов она не могла разобрать.

«Они найдут нас и убьют всех», — снова мысленно сказала девочка.

«Неужели это правда?»

Бабетта молчала.

«Это правда, Бабетта?»

«Пророк не может больше ничего сказать, потому что сам погибнет. Может быть, и я тоже...»

Они переговаривались между собою мысленно, поэтому Лори была бессильна перед нахлынувшим на нее чувством тоски и безысходности.

Неожиданно она заметила четвертого полицейского, который стоял немного поодаль и молча показывал на один из склепов, за приоткрытой дверью которого было заметно какое-то движение. Лори почувствовала тревогу. Бабетта тоже. Дрожь пробежала по всему ее телу, пальцы судорожно вцепились в решетку. Через секунду двое полицейских были уже у склепа, Там — в темноте — кто-то застонал и упал. Не долго думая, они толкнули дверь и зашли внутрь. Двое других поспешили на помощь.

— Уйди с дороги! — крикнул один полицейский, который находился в склепе, и вытолкнул на солнечный свет жертву. Лори не успела разглядеть несчастного, а Бабетта сразу узнала его.

«*Охнака*», — мысленно сказала она.

— На колени, ублюдок, — заорал полицейский и ударил жертву сзади по ногам. Тот упал, низко наклонив голову, придерживая руками свою широкополую шляпу.

— Отличная работа, Гиббс, — усмехнулся Петтин.

— Где же остальные? — спросил самый молодой полицейский, худощавый парень с самодовольной улыбкой.

— Под землей, Томми. Так сказал Игерман.

Гиббс вплотную подошел к упавшему на колени Охнаке.

— Надо бы нам познакомиться с ним поближе, — сказал он и посмотрел на стоявшего рядом с Томми низкорослого, толстого человека.

— По-моему, ты, Кэс, лучше всех умеешь задавать вопросы.

— Да. Не было еще ни одного ублюдка, который бы не заговорил после встречи со мной. Так... Что же вы хотите от него услышать?

— Правду, — сказал Гиббс.

— Не желаешь ли побеседовать с нашим другом? — обратился к несчастному Петтин. Охнака молчал.

— Притворяется, будто не слышит, — сказал Гиббс. — Ну-ка, Кэс, *поговори* с ним.

— С удовольствием.

— Да как следует...

Кэс подошел к пленнику, наклонился и сбил с его головы шляпу. Охнака громко закричал.

— Заткнись, скотина! — заорал Кэс и ударил его в живот.

Охнака продолжал кричать, прикрывая руками голову от палящего солнца и пытаясь встать на ноги. Потом в порыве отчаяния он бросился к открытой двери склепа, в спасительную темноту, но дорогу ему преградил Томми.

— Молодец, парень! — похвалил его Петтин. — Продолжай, Кэс.

Тем временем Охнака, оказавшись на солнце, забился, как в припадке.

— Что за дьявол! — воскликнул Гиббс.

Охнака уже не закрывал голову руками. Он опустил их вниз, и тотчас его лицо окутал густой дым. Томми, выронив оружие, стал медленно пятиться назад.

— Ты что делаешь, скотина? — вскричал Петтин и, бросившись вперед, схватил Охнаку за руку, чтобы тот не успел поднять упавшее на землю оружие. Лори не увидела, что случилось дальше, но, видимо, с Охнакой начало происходить неизбежное. Кэс вскрикнул, а Петтин громко выругался и отдернул руку, с ужасом глядя на свою ладонь, испачканную желтым пеплом.

— *Что за дьявол! Что за дьявол!* — в исступлении повторял Томми.

— Заткнись! — прикрикнул на него Гиббс. Но парень, видно, совсем обезумел от страха и продолжал кричать:

— Что за дьявол!

Не обращая внимания на истерику Томми, Кэс снова ударил Охнаку сзади по ногам. Того, что случилось дальше, не ожидал никто. От сильного удара рука несчастного отломилась по локоть и упала прямо под ноги Томми. Парень захлебнулся рвотой. Даже Кэс отступил назад, вытаращив глаза и мотая головой. Охнака разваливался на глазах. Ноги его подломились. Тело начало оседать и растекаться по земле. Лицо, повернутое к Петтину, исказилось в страшных муках. Он уже не кричал, видимо, потеряв последние силы, а только все сильнее запрокидывал голову, подставляя лицо губительному солнцу, будто хотел ускорить свою кончину. Еще несколько секунд — и его останки, вспыхнув на мгновение ярким пламенем, превратились в жалкую кучку пепла.

Лори с трудом вынесла это зрелище. Она не могла и не хотела смотреть на гибель несчастного, но Бабетта не отвела взгляда. Еще плотнее прижав лицо к решетке, она с застывшим ужасом в глазах следила за разворачивающейся трагедией. И Лори вынуждена была вместе с ней видеть все то, что происходило на аллее, и испытывать те же душевные страдания, глотая безудержные слезы. Охнака погиб, но эти четверо еще не закончили свое дело. И Бабетта знала это.

Томми старательно очищал испачканный рвотой китель. Петтин носком ботинка разгребал останки погибшего. Кэс пытался достать сигарету из нагрудного кармана Гиббса.

— Дай огонька, — сказал он. Гиббс дрожащей рукой полез в карман брюк, не отрывая взгляда от дымящегося пепла.

— Никогда не видел ничего подобного, — пробормотал Петтин.

— Ну как, Томми, полегчало? — с издевкой спросил Гиббс.

— Да пошел ты, — ответил парень, уже придя в себя. — Кэс ведь говорил, что нужно связаться с шефом. Он был прав.

— Да что этот осел знает? — сказал Петтин и плюнул себе под ноги.

— Но ты видел это лицо? — снова заговорил Томми. — Как он смотрел на меня. Я чуть дуба не дал, честное слово.

— Что же это было? — спросил Кэс.

— Я знаю. Это из-за солнца, — сказал Гиббс. — Есть такая болезнь. Я слышал. Он погиб от солнца.

— Да ты что... — протянул Кэс. — Не может быть.

— Да мы же сами видели, — уверенно сказал Петтин. — Ведь это не была галлюцинация.

— Что нам теперь делать? — спросил Гиббс, пытаясь прикурить зажатую в зубах сигарету дрожащими руками.

— Надо искать остальных — сказал Петтин.

— Я отказываюсь! — воскликнул Томми. — Сейчас звоню шефу, и все. Кто знает, сколько здесь этих ублюдков? Может быть, сотни. Сам сказал, что здесь можно спрятать целый полк.

— Чего ты паникуешь? — строго сказал Гиббс. — Ты же видел, что с ним стало на солнце.

— Ну да. А что будет, когда солнце скроется?

Спичка, которой Гиббс безуспешно пытался зажечь свою сигарету, догорела почти до конца, обжигая ему пальцы. Он бросил ее на землю.

— Я видел в кино, — сказал Томми. — Ночью такое начнется!

Судя по выражению лица Гиббса, он тоже видел в кино нечто подобное.

— Может, нам лучше сходить за помощью? — неуверенно предложил он. — Так, на всякий случай.

Лори поняла, что нельзя терять ни минуты, и мысленно обратилась к Бабетте:

«Ты должна предупредить Рейчел. Расскажи ей все, что мы видели».

«Они все уже знают», — ответила девочка.

«Все равно. Ты должна рассказать им, Бабетта. Иначе будет поздно».

«Я не хочу оставлять тебя».

«Я не смогу помочь. Ведь я не такая, как вы. Я... — Она не хотела этого говорить, но не смогла сдержать свои мыс-

ли. — Я нормальный человек. Солнце мне не страшно. А тебя оно убьет. Пожалуйста, прошу тебя...»

Контакт с девочкой оборвался так же неожиданно, как и возник. Мидин исчез, и Лори увидела, что по-прежнему стоит на пороге кухни обгоревшего ресторана.

Где-то рядом жужжали мухи. Звук этот не был отголоском только что исчезнувшего видения. Он был реальностью, такой же неизбежной, как и сами насекомые, роями носившиеся по всей комнате. Она знала, что привлекло их сюда. Она знала и другое. После увиденного в Мидине ей уже не заставить себя сделать те несколько шагов вперед, которые отделяют ее от трупа, лежавшего на плите. Слишком много смертей ей пришлось увидеть. Еще одна — и она сойдет с ума. Нужно выйти на улицу, подышать свежим воздухом.

Может быть, найти какого-нибудь постороннего человека и просто поговорить с ним о погоде или на другие отвлеченные темы.

Но огромные мухи жужжали и жужжали... Она попыталась отогнать их, но они носились вокруг, касаясь ее лица своими пахнувшими смертью крыльями и красными от крови лапками.

— Оставьте меня... — всхлипнула Лори. Но мух становилось все больше и больше. Они тучами полетели на ее голос, застилая все вокруг. У Лори помутилось сознание, задрожали колени. Она поняла, что не может повернуться, чтобы выйти из этого проклятого места. Мелькнула мысль, что это — галлюцинация. Она тряхнула головой, пытаясь сбросить оцепенение, но в глазах у нее потемнело, и из всех ощущений осталось лишь одно — прикосновение мушиных лапок, липких от крови Шерил... Еще мгновение, и отвратительные насекомые облепили все ее тело. Они лезли в рот, нос, жужжали в ресницах...

Однажды во сне она уже испытала подобное чувство. Прах мертвых со всех сторон света... Она стояла в Мидине на перекрестке ветров... Мельчайшие пылинки, проникали в ее организм, несли с собой какую-то весть... Что несут эти мухи? Почему вместо ощущения радостного предчувствия и надежды теперь ее охватывает только омерзение и ужас? И

нет того ветра, который избавил бы ее от полчищ этих насекомых...

Прах и мухи... Что лучше или хуже? Теряя сознание, Лори успела сделать последний вывод. Если она допустит гибель Мидина, то настанет день, когда ее бренные останки не найдут пристанища нигде. И тогда вот такие же мухи получат вот такую же власть над ее душой и телом.

•

Глава 18

Игерман любил поразмышлять, сидя в уборной. Не раз, будучи в сильном подпитии, он хвалился своим приятелям, что именно здесь его посетили самые умные мысли, и советовал другим последовать его примеру. Протрезвев, он понимал, что наболтал лишнего, хотя в глубине души был уверен в своей правоте. Где же, как не в этом месте, ему, человеку с такой ответственной должностью, подумать о своих делах и заботах?

Вот и сейчас он сидел и думал, глядя перед собой на исцарапанную разными непристойными словечками дверь уборной. Эти надписи были настолько привычны и естественны в данном заведении, что Игерман почувствовал небывалую раскованность и ясность мысли. Ничто не мешало ему сосредоточиться на своих проблемах.

А проблем было две. Во-первых, живой мертвец. Теперь это висит на нем тяжелым грузом, потому что принять какое-то решение чрезвычайно сложно. Это только в кино, где прочно обосновались разные зомби и оборотни, все просто и ясно. А вот что делать в реальной жизни? Во-вторых, этот звонок от Томми Каана. Судя по его голосу, в Мидине действительно случилось что-то неладное. В связи с этим возникла и еще одна проблема: Декер. Безукоризненно одетый, представительный человек. Но что-то в его облике было подозрительное, отталкивающее. Раньше Игерман этого не замечал, но почему-то именно сейчас его осенило: этот тип чего-то недоговаривает. Черт с ним, с живым мертвецом. Но Мидин...

Что там происходит? Декер явно знает больше того, о чем он рассказал. Не дай Бог, все это скажется на спокойной, размеренной жизни Шернека. Чего ему стоило добиться порядка в городе...

Надо принимать какое-то решение. Утром он чувствовал себя героем. Шутка ли, с его помощью обезврежен опаснейший преступник, маньяк, начавший свой кровавый путь еще в Калгари! А теперь ему кажется, что добром это не кончится. Слишком много вопросов, ответы на которые он найти не мог. Есть, конечно, один выход. Позвонить в Эдмонтон, в вышестоящую инстанцию — и дело с концом. Но избавившись таким образом от давящей его проблемы, он автоматически лишается и того, о чем мечтал всю жизнь. Слава, почет... Нет, нужно искать другой выход. И он существует. Не дожидаясь ночи, как сказал Томми (сколько там времени осталось? часа три-четыре...) вышвырнуть из Мидина всю эту нечисть. И тогда он будет на коне. Кто откажется признать совершенство человека, который осмелился полезть на самое дно, чтобы вытащить оттуда на свет божий зло и наказать его?

И тут же сомнения снова начали мучить его. Мистика... Черт бы ее побрал! Стоит ли связываться со всем этим? Мертвецы, разгуливающие по улицам. Оборотни, рассыпающиеся на солнце. Какая гадость!

Так он сидел полчаса, взвешивая все «за» и «против». Наконец решение было найдено, и, как всегда это бывает, оно показалось ему на удивление простым. В жизни всякое случается. Может быть, Бог даст, завтра все станет на свои места — мертвые окажутся в могилах, а всякая нечисть уберется туда, где ей и положено быть. В любом случае ему следует взять себя в руки. Другой такой возможности проявить себя, наверняка, больше не представится.

Упустить последний шанс? Ну нет! Игерман встал и, закончив все свои дела, решительно вышел из уборной.

— Мне нужны добровольцы, Кормак, которые согласились бы отправиться со мной в Мидин. Есть работа.

— Как срочно?

— Это нужно сделать прямо *сейчас*. Времени мало. Начните с баров. Возьмите с собой Холлидэя.

— А как объяснить людям?

Игерман на минуту задумался.

— Скажите, что мы ищем осквернителей могил. Это будет ближе всего к истине. Пусть возьмут с собой оружие и лопаты. Даю вам час. Управитесь быстрее — еще лучше.

Кормак ушел. Декер с улыбкой смотрел ему вслед.

— Чему вы радуетесь? — спросил Игерман.

— Тому, что вы все-таки последовали моему совету.

— Да, да... вашему совету, — раздраженно отозвался Игерман.

Декер снова улыбнулся.

— Шли бы вы отсюда, доктор. У меня слишком много дел. Если захотите, потом присоединитесь к нам.

— С удовольствием.

Когда Декер ушел, Игерман пошел к телефону. Еще сидя в уборной, он вспомнил номер телефона, набирать который ему не приходилось уже давно. Теперь в этом появилась острая необходимость. Через несколько секунд в трубке послышался запыхавшийся голос отца Эшбери.

— Вы очень торопились, отец?

Эшбери сразу узнал голос своего собеседника.

— Игерман?

— Да. От чего я вас оторвал?

— Я только что с улицы. Ежедневная пробежка...

— Прекрасный способ сбросить эмоциональное напряжение.

— Чего вам надо?

— Не догадываетесь? Мне нужен священник Эшбери.

— Я ничего не сделал.

— Да неужели?

— Пожалуйста, Игерман. Бог простил мне мои грехи.

— Не сомневаюсь.

— Ну и оставьте меня в покое.

— Подождите! Не вешайте трубку.

Эшбери уловил в голосе Игермана беспокойство.

— Так, так, — сказал он.

— Что?

— Насколько я понимаю, у вас какие-то проблемы?

— Думаю, это касается нас обоих.

— Что вы имеете в виду?

— Быстро приезжайте ко мне и захватите свои причиндалы — крест, святую воду и прочее.

— Зачем?

— Делайте то, что я говорю.

Эшбери рассмеялся.

— Я больше не собираюсь быть у вас на побегушках, Игерман. У меня теперь семья...

— Тем более. Послушайте меня, ради своих детей.

— Я не понимаю, о чем вы...

— Ведь вы в своих проповедях говорите о дне страшного суда? Так вот, в Мидине они его уже готовят.

— Кто?

— Не знаю кто и не знаю почему. Но в том, что помощь священника нам необходима, уверен. А вы единственный, кого я могу просить об этом.

— Я больше не играю в ваши игры.

— Это я понял, Эшбери. Поэтому и говорю — если не придете добровольно, я заставлю вас.

— Я сжег негативы, Игерман. Так что теперь вы разговариваете со свободным человеком.

— У меня сохранились копии.

Наступила долгая пауза. Потом Эшбери тихо сказал:

— Вы же обещали.

— Обещал. Ну и что?

— Вы подлец, Игерман.

— А у вас белье кружевное. Ну так что? Когда мне вас ждать?

Эшбери молчал.

— Я вас спрашиваю, — снова сказал Игерман.

— Через час.

— Даю вам сорок пять минут.

— Дьявол! Хотел бы я встретиться с вами наедине...

— О! С удовольствием! Какой же мужчина откажется от такой благочестивой дамы?

Когда Игерман увидел, сколько народу привели с собой Кормак и Холлидэй, он даже удивился. Обычно жители Шернека вели спокойный, размеренный образ жизни и на разного рода авантюры шли неохотно. Пожалуй, только в жару повышалась их активность.

«Значит, будет жарко», — подумал Игерман, глядя на двадцать мужчин и нескольких женщин, собравшихся на солнце у дверей полицейского участка. Среди них Игерман сразу заметил фигуру Эшбери.

К этому часу из Мидина звонили дважды. Сначала Томми, которому Игерман приказал вернуться на кладбище и ждать подмоги. А потом Петтин, сообщивший, что один из обитателей Мидина бежал. Он проскользнул через главные ворота, в то время как его сообщники отвлекли внимание полицейских. Петтин был крайне возбужден и кричал в трубку, что они не могут пуститься за беглецом в погоню. Дело в том, что кто-то поджег автомобили. В одном из них находился радиотелефон. Петтин едва успел сказать, что больше сообщений не будет, как связь прервалась.

Игерман не стал никому рассказывать о случившемся, опасаясь, что это охладит пыл добровольцев. Все они были настроены воинственно, но вряд ли многие сохранят свою решимость, если они узнают, что там, куда они направляются, их ждет сопротивление.

Когда отряд тронулся в путь, Игерман посмотрел на часы. До наступления сумерек оставалось часа два с половиной. До Мидина ехать минут сорок пять. Значит, у них в запасе более полутора часов, которых вполне достаточно, чтобы вытащить всех этих ублюдков на солнце и посмотреть, что с ними будет дальше. Если они действительно рассыплются на кусочки, как о том, заикаясь, рассказал Томми, тогда можно не сомневаться, что нечистая сила будет наказана по заслугам. Если же Декер лжет, а его заместители снова напились до чертиков, то и тогда он найдет применение своим силам. Можно пристрелить кого угодно. Ну, например, того же зомби, который сидит сейчас в камере. В любом случае он не допустит бесцельной траты усилий. Этот день должен закончиться кровью...

Часть V
СПАСИТЕЛЬНАЯ ТЬМА

«Ни один меч не коснется тебя. Кроме моего».

Обет возлюбленного

Глава 19

Зачем она приходит в себя? Как хорошо лежать без сознания, отключившись от всего, не испытывая ни боли, ни страданий.

Мухи исчезли. Значит, это действительно была галлюцинация. Лори с трудом поднялась на ноги и стала стряхивать пыль с одежды. И тут кто-то позвал ее. Сначала она подумала, что ей слышится голос Шерил. Уж не с ума ли она сошла? Но когда ее имя назвали снова, Лори поняла, что это Бабетта. Да, девочка звала ее. Лори подняла сумку и пошла к выходу. Как долго она пролежала без сознания? Часы ее остановились. Но, судя по солнцу, день уже клонился к вечеру. Лори пошла по улице, оглядываясь назад, все еще силясь понять, что же произошло с ней в этом ресторане, откуда ее позвал голос Бабетты. Несмотря на пережитое, она чувствовала себя на удивление бодрой и спокойной, будто, побыв в каком-то ином измерении, она вернулась в эту жизнь и обнаружила, что все теперь стало на свои места.

Очень скоро Лори поняла, откуда у нее такие ощущения. Мидин... Она вдруг осознала, что все происходящее там — страшные превращения, непонятные существа — не идет ни в какое сравнение с тем, что ей довелось испытать в этом ресторане и в прошлый раз, и сейчас. Распростертое тело Шерил, неизбежность зла и насилия, неизбежность смерти. Все монстры Мидина казались ей теперь почти счастливчи-

ками. Она даже завидовала их способностям к немыслимым превращениям, которые давали им почти неограниченные возможности в схватке со смертью.

А ведь недавно она мечтала совсем о другом — красивое лицо, совершенная фигура. Казалось, это и есть настоящее счастье. Но чего стоит это счастье, если со временем и прекрасное лицо, и идеальная фигура обратятся в прах и исчезнут навсегда? А монстры Мидина бессмертны. Как ей хотелось стать такой же, как они!

Конечно, ко многому пришлось бы привыкать. И самое ужасное — это людоедство, что ей уже довелось увидеть собственными глазами. Но она постарается понять этих существ, их странную и страшную жажду человеческого мяса.

Впрочем, выбора у нее нет. Слишком многое она узнала и испытала, чтобы вернуть все назад. Она уже не та, что была прежде. И единственный выход — это идти вперед, навстречу судьбе, как идет она сейчас по пустынной улице навстречу наступающей ночи.

Вдруг откуда-то сзади раздался звук работающего мотора. Лори оглянулась и увидела машину, стоящую на противоположной стороне улицы. Окна ее были плотно закрыты, несмотря на довольно теплую погоду. Это показалось Лори странным. Водителя она не увидела, потому что все стекла были забрызганы грязью. В душе у нее шевельнулось страшное подозрение. Явно, водитель кого-то ждет. Наверное, ее. Кто и почему — предположить тоже было нетрудно. Только Декер мог догадаться, что она находится здесь.

Лори побежала. Машина медленно тронулась за ней. Ему незачем торопиться — вокруг ни одной живой души, только бегущая впереди жертва. Лори прикинула, можно ли где спрятаться. Наверняка, можно, только она не знала где... Машина тем временем почти догнала ее. Лори понимала, что ей не удастся скрыться, но продолжала бежать, преследуемая ровным гудением мотора. Через несколько секунд автомобиль ехал уже рядом с ней. Лори не остановилась и даже не повернула головы. Но дверца вдруг открылась, и кто-то сказал спокойным голосом:

— Садитесь, иначе нас обоих схватят.

В машине находился *не Декер*. Осознание этого было слишком неожиданным, внезапным, чтобы просто с облегчением перевести дух. Она остановилась посередине улицы, тяжело дыша и почти теряя сознание от пережитого.

Машина тоже притормозила.

— Садитесь, — снова сказал водитель.

«Кто вы?» — хотела спросить Лори, но, задыхаясь, не смогла выговорить ни слова.

Однако незнакомец сразу понял ее.

— Я друг Буни, — сказал он.

Лори продолжала стоять неподвижно, все еще не решаясь подойти к машине.

— Бабетта объяснила мне, как найти вас.

— Бабетта?

— Садитесь, пожалуйста. У нас мало времени.

Лори направилась к машине, и вдруг незнакомец сказал:

— Только не надо кричать.

Дыхание ее еще не восстановилось, поэтому Лори и не смогла бы вскрикнуть. Но взглянув на того, кто сидел за рулем, она сразу поняла причину столь странного предупреждения. Вид человека был ужасен. Это, несомненно, один из обитателей Мидина, подумала Лори. Правда, он не совсем похож на тех существ, которых она видела тогда в подземелье. Этот больше напоминает человека, правда, сильно обезображенного. Его лицо... Нет, это не лицо, а страшная, кровавая маска. Если бы в машине сидел обычный человек, у Лори могли бы возникнуть подозрения. Но то, что она увидела, свидетельствовало только об одном — этот несчастный из Мидина.

— Меня зовут Нарцисс, — сказал он. — Захлопните, пожалуйста, дверцу. Мне вреден свет. Да и мухи залетают...

Сначала Нарцисс рассказал Лори о том, как он познакомился с Буни в больнице, как попал потом в Мидин, где встретился с ним снова, и, наконец, как они нарушили закон Мидина и вышли на поверхность. Он сказал, что у него на теле остался след, напоминающий об этом последнем событии. След настолько страшный, что показать его просто невозможно, особенно женщине.

— Значит, они выгнали вас тоже, как и Буни? — спросила Лори.

— Да, они хотели, чтобы я ушел. Но я остался, надеясь вымолить прощение. А когда в Мидин пришли полицейские, я подумал — ведь это мы с Буни виноваты во всем. Значит, нужно найти его и попытаться вместе что-то сделать.

— Вы не боитесь солнца?

— Не то что бы не боюсь... Но, во всяком случае пока, могу находиться на свету достаточно долго.

— Вы знаете, что Буни в тюрьме?

— Знаю. Поэтому и попросил Бабетту, чтобы она подсказала, как найти вас. Думаю, что вместе мы сможем помочь ему.

— Не представляю, как это сделать.

— Я, честно говоря, тоже, — признался Нарцисс. — Но попытаться нужно. И как можно быстрее. Они уже везут в Мидин подкрепление.

— Но даже если мы освободим Буни, что он может сделать?

— Буни был у крестителя, — сказал Нарцисс, быстро коснувшись пальцами губ и груди. — Он говорил с ним. Насколько я знаю, никто, кроме Лайлесберга, не удостаивался такой чести. Все, кто пытался проникнуть к Бэфоумету, расплачивались за это жизнью. Я думаю, креститель знает, что нужно делать в подобных случаях.

Лори вспомнила искаженное ужасом лицо Буни, когда они поднимались по склону, спасаясь от ледяного пламени.

— Вряд ли Бэфоумет что-то рассказал ему, — сказала она. — Буни едва тогда остался жив.

Нарцисс засмеялся.

— Но остался же. Вы думаете, креститель выпустил бы его, не имея на то оснований?

— Ну хорошо... А как нам освободить его теперь. Эти уж точно живым его не отпустят.

Нарцисс улыбнулся.

— Что смешного я сказала?

— Вы забываете, кто он теперь. Ведь он наделен особой силой.

— *Я не забываю*, — ответила Лори. — Я просто *ничего не знаю* об этом.

— А разве он вам не говорил?

— Нет.

— Он попал в Мидин, потому что считал, что пролил много чужой крови.

— Ну, это понятно.

— Конечно, это не так. Он не виновен. Поэтому его так и приняли в Мидине.

— На него... что... напали?

— Чуть не убили, но ему удалось спастись, и он убежал в город.

— А там его поджидал Декер, — продолжила Лори. — И только чудом, получив столько пуль, он остался жив.

Улыбка исчезла с лица Нарцисса.

— Что вы имеете в виду? — сказал он. — Остался жив... Как же он тогда, по-вашему, вернулся в Мидин? Почему они согласились принять его?

Лори с удивлением смотрела на него.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Его укусил Пелоквин. Вместе со слюной в кровь Буни попало вещество, на котором держатся все обитатели Мидина. — Нарцисс помолчал. — Дальше рассказывать?

— Да.

— После этого он перестал быть обычным человеком. Обрел новые, не свойственные человеческому существу силы. Именно это позволило ему, несмотря на смертельное ранение, встать и уйти.

— Вы хотите сказать, что он мертв? — еле слышно проговорила Лори.

Нарцисс кивнул.

— Я думал, что вы догадались сами... и просто шутили, когда говорили о том, что он жив.

— Это невыносимо! — воскликнула Лори, схватившись за ручку дверцы. — Невыносимо... — в бессилии всхлипнула она.

— Что вы так расстраиваетесь! Мертвый... да. Но что в этом плохого? Просто необычное состояние, к которому надо привыкнуть.

— И вы тоже?

— Да.

Последние силы оставили Лори. Рука ее соскользнула вниз, глаза закрылись. Мертвые. Все мертвые. Всюду они преследуют ее.

— Возьмите себя в руки, — сказал Нарцисс. — Для меня это сейчас очень важно. Лори! Ну-не молчите. Скажите хоть что-нибудь.

— Как вы можете так просто и спокойно обо всем этом говорить, шутить? — наконец проговорила она.

— А что же мне делать? Плакать? С какой стати? И вам не советую. Тем более сейчас, когда мы едем спасать нашего общего друга. Вы готовы?

Лори ничего не ответила.

— Будем расценивать ваше молчание как знак согласия, — удовлетворенно сказал Нарцисс.

Глава 20

Игерман был в Мидине лишь однажды. Он показывал дорогу туда отряду из Калгари, когда они преследовали Буни. Тогда же ему довелось познакомиться с Декером. Доктор в тот день чувствовал себя героем. Ведь он, рискуя жизнью, вошел в дом, где прятался маньяк и безумец. Правда, спустя некоторое время выснилось, что все усилия Декера были напрасными. Буни сбежал. Каким образом — Игерман понять не мог. Никогда еще он не видел такого количества пуль в человеческом теле. Ладно бы еще этот человек упал, умер и больше не поднялся. Так ведь он — по сути, мертвец — все это время разгуливал, как ни в чем не бывало.

Какая гадость! Игерман внутренне содрогнулся. И поделиться не с кем. Не с этими же двумя — священником и доктором, которые сидели сейчас в машине за его спиной. Им самим есть, что скрывать. Про Эшбери Игерман знал все. Этот тип любил переодеваться в женское белье. Компрометирующий факт стал известен шефу полиции совершенно

случайно, но впоследствии он не раз использовал его для оказания давления на священника. А вот что за душой у Декера? Игерман, несмотря на свой опыт, не мог сказать ничего определенного об этом человеке.

Игерман взглянул в зеркало на Эшбери и, встретившись с ним глазами, спросил:

— Вы когда-нибудь изгоняли нечистую силу?

— Нет, — мрачно ответил Эшбери.

— Ну хотя бы видели, как это делается?

— Нет, не видел.

— Но я надеюсь, вы хотя бы верите?

— Во что?

— В чистое и нечистое, господи ты боже мой!

— Я вас не понимаю.

— Не понимаете?!

— Что вы имеете в виду? Чистое, нечистое...

— Господи! И я еще должен вам это объяснять? Вам, священнику! Вы же должны верить в дьявола! Я прав, Декер?

Доктор лишь усмехнулся.

— Все мы когда-нибудь сталкиваемся с, казалось бы, необъяснимым. Особенно врачи. Ведь у вас есть необычные пациенты?

— Да нет... Ничего сверхъестественного.

— Значит, все, что вам довелось увидеть как врачу, объяснимо с научной точки зрения?

— Пожалуй...

— Пожалуй... А Буни? Это тоже можно объяснить?

— Не знаю...

— Нет, вы только подумайте! — возбужденно воскликнул Игерман. — Священник, который не верит в нечистую силу, и врач, который не в состоянии объяснить поведение своего пациента! Ну и компания подобралась!

Декер промолчал, а Эшбери не выдержал.

— По-моему, вы и сами не знаете, во что верить, поэтому и нервничаете.

— Не забывайтесь, дорогой, — ответил ему Игерман. — Лучше достаньте свою книжицу и почитайте, как избавиться от всякой нечисти.

— Сейчас другие времена, Игерман. Мы же не инквизиция.

Игерман обратился к Декеру:

— А что вы думаете, доктор?

— Я думаю, что в данном случае нам следует кое-что перенять от инквизиторов, — ответил Декер. — А вообще, какое вам дело, во что я верю или не верю. Ваше дело — бороться со злом любыми способами.

— Верно, — ответил Игерман и захохотал.

— И еще я думаю, Эшбери прав. Вы сильно *напуганы.*

Игерман перестал смеяться и, стараясь казаться спокойным, ответил:

— Это мы еще посмотрим...

Весь остальной путь они ехали молча. Игерман следил за дорогой, Декер с опаской поглядывал на небо, а Эшбери углубился в свой молитвенник.

Петтин ждал их недалеко от главных ворот кладбища. Лицо его было черным от дыма. Машины догорали.

— Доложите обстановку, — сказал Игерман.

Петтин оглянулся на кладбище.

— С того случая все спокойно. Только все время *слышится* какой-то звук.

— Что за звук?

— Такое впечатление, будто мы сидим на термитнике, — сказал Петтин. — Под землей явно происходит какое-то движение. Убедитесь сами, когда послушаете.

Подошел Декер и, прервав разговор, нетерпеливо обратился к Игерману:

— До захода солнца осталось час двадцать.

— Знаю, — отозвался Игерман.

— Может быть, начнем?

— Я сам знаю когда.

— Декер прав, — сказал Петтин. — Единственное, чего боятся эти ублюдки, — солнце. Когда стемнеет, здесь оставаться опасно. Их тут очень много.

— Мы останемся здесь до тех пор, пока не сделаем дело, — ответил Игерман. — Сколько здесь выходов?

— Два — главные ворота и калитка на северо-востоке.

— Хорошо. Значит, удержать их в пределах кладбища будет нетрудно. Поставьте один из грузовиков перед глав-

ными воротами. И нужно рассредоточить людей вдоль стены. Мы окружим их и приступим к захвату.

— Вы, я вижу, подстраховались, — заметил Петтин, глядя на Эшбери.

Игерман повернулся к священнику.

— Вы можете освятить воду?

— Да.

— Займитесь этим. Всю воду, какую найдете здесь. Надо обрызгать людей. Будем надеяться, что это поможет. А вам, Декер, лучше отойти подальше. Теперь дело за нами.

Отдав распоряжения, Игерман пошел к воротам кладбища. Оказавшись за стеной, он сразу понял, почему это место Петтин сравнивал с термитником. Из-под земли действительно доносился гул и даже как будто голоса, что сразу напомнило Игерману один неприятный случай из его практики. Однажды ему пришлось выкапывать из могилы женщину, потому что многим казалось, что она кричит под землей. Когда они вскрыли гроб, то обнаружили рядом с мертвым телом живого ребенка. Женщина родила его в гробу и умерла. Ребенок, наверное, попал в приют, а может быть, обитает где-то здесь, вместе со своим папашей.

Ну ничего, он им покажет. Пусть только появятся. Пули живо вернут их туда, где им положено быть.

Декер некоторое время наблюдал за тем, как тщательно готовятся полицейские, и ему даже стало не по себе. Он отошел в сторону и вспомнил, что вообще не любил смотреть на работу других людей. Это его почему-то раздражало. Он чувствовал свое бессилие, свою ущемленность. Никто не мог видеть его работу. Только остекленевшие глаза жертв смотрели на него... Но и эти глаза ему приходилось выкалывать из-за вечного страха быть разоблаченным.

Декер отвернулся и, глядя вдаль, с наслаждением стал планировать будущие дела. Вот покончит с Буни, и тогда для его маски снова найдется работа. Можно попытать счастья в Манитобе или Саскачеване, а можно и в окрестностях Ванкувера. На душе у него полегчало, губы расплылись в довольной улыбке. И вдруг ему показалось, что из портфеля, который он держал в руках, послышался хриплый голос.

«*Тихо!*» — прошипела маска.

— Что? — громко сказал Декер и обернулся. За его спиной стоял Петтин.

— Вы что-то сказали? — спросил полицейский. — Я не расслышал.

— Да так, — ответил Декер. — Это я сам с собой.

Петтин пожал плечами.

— Шеф сказал, что скоро начинаем. Вы будете принимать участие?

«*Я готова*», — сказала маска.

— Нет, не буду, — ответил Декер.

— Я понимаю вас. Вы ведь психиатр?

— Да, а что?

— Вероятно, потребуется врачебная помощь. Они, судя по всему, так не сдадутся.

— Ничем не могу помочь. Не выношу даже вида крови.

В портфеле громко рассмеялись, настолько громко, что Декер испугался — не услышит ли Петтин. Однако тот спокойно сказал:

— Тогда вам лучше отойти подальше.

Когда Петтин ушел, Декер крепко прижал к груди портфель. Маска продолжала что-то невнятно бормотать и хихикать.

«Заткнись!» — прошипел Декер.

«*Умоляю, выпусти меня. Сегодня неповторимый день. Если ты не выносишь вида крови, разреши мне посмотреть вместо тебя*».

«Не могу».

«*Не забывай — ты мой должник. Помнишь, тогда, в Мидине, ты предал меня?*»

«У меня не было другого выхода».

«*Зато теперь есть. Пожалуйста, выпусти меня. Ведь ты сам этого хочешь*».

«Меня засекут».

«*Ну тогда обещай, что наденешь меня очень скоро*».

Декер молчал.

«*Обещай, что скоро!*» — взвизгнула маска.

«Тихо, ты».

«*Обещай*».

«Ну послушай...»
«*Нет*».
«Хорошо, обещаю».

Глава 21

Охранять Буни остались два человека, которые были тщательным образом проинструктированы самим Игерманом. Главное — ни в коем случае не открывать дверь камеры, какие бы звуки оттуда ни доносились, и не подпускать никого из посторонних, будь то сам Господь Бог. В крайнем случае Кормак и Костенбаум могли воспользоваться всем арсеналом оружия.

Ничего удивительного во всем этом не было. Вряд ли Шернек узнает когда-либо еще одного преступника, отличившегося такой жестокостью, как Буни. Если ему удастся улизнуть из-под ареста, имя Игермана будет запятнано навсегда.

Однако оба полицейских, которым было поручено это ответственное дело, понимали, что все гораздо сложнее. Хотя шеф и не вдавался в подробности относительно необычности состояния задержанного, слухи уже поползли по городу. Говорили, что маньяк обладает какой-то необъяснимой силой и представляет собой исключительную опасность, даже находясь под замком.

Кормак был несказанно рад, что ему поручили охранять вход в участок. Костенбаум тем временем находился у двери камеры. Впрочем, полицейский участок был укреплен достаточно хорошо, поэтому нужно было просто усилить бдительность и ждать возвращения отряда из Мидина.

Вероятно, ждать придется недолго. Они быстренько очистят Мидин и вернутся назад, а потом прибудет отряд из Калгари и заберет этого странного пленника. Все станет на свои места. Тогда можно будет расслабиться и съездить куда-нибудь отдохнуть... Кормак с наслаждением предавался мечтам.

И вдруг на улице кто-то сказал:

— Помогите...

Кормак сразу понял — говорит женщина.

— Помогите, *пожалуйста*, — снова послышалось из-за закрытой двери участка.

Просьба звучала настолько жалобно, что Кормак не мог остаться равнодушным. Прихватив оружие, он направился к двери. Смотрового окошка не было, поэтому он остановился у самого порога и прислушался. За дверью кто-то всхлипнул и слабо постучал.

— Вам придется обратиться в другое место, — сказал он. — Я не могу помочь вам сейчас.

— Я ранена, — едва слышно пробормотала женщина.

Кормак прижал ухо к двери.

— Я не могу помочь вам, — повторил он. — Обратитесь в аптеку. Вы слышите меня?

Однако до него донеслось лишь слабое дыхание.

Кормак любил женщин. Любил покрасоваться перед ними, показать свою отвагу и великодушие, особенно если это не требовало от него больших усилий. Тем более сейчас он не мог не откликнуться на просьбу женщины, судя по голосу, молодой и очень несчастной... Он не выдержал и, проверив, не видит ли его Костенбаум, шепнул:

— Подождите...

А потом приоткрыл дверь... В ту же секунду метнулась чья-то рука и полоснула его по лицу острым, как бритва, ногтем, чудом не задев глаз. Кровь залила половину лица. Дверь распахнулась, ударив его в грудь, но он устоял на ногах и даже успел выстрелить — сначала в женщину, а потом в ее спутника, который быстро пригнулся, чтобы спастись от пуль. Оба выстрела оказались неудачными. Кроме того, он каким-то образом сильно поранил ногу и теперь стоял ботинком в лужи крови.

Оружие все-таки выпало из его рук. Понимая, что поднять его не удастся, Кормак хотел броситься к своему столу, где лежал его пистолет. Но, повернувшись, увидел, что человек, ворвавшийся в участок, находится уже там и быстро глотает пули одну за другой.

Чувствуя, как подкашиваются ноги, лишившись всех средств защиты, Кормак громко закричал.

Костенбаум находился на своем посту — у двери камеры. Ему было приказано никого не подпускать и самому никуда не отлучаться, что бы ни произошло. Поэтому, услышав крики Кормака, он постарался сохранить спокойствие и, загасив сигарету, прильнул к смотровому окошку камеры. Заключенный сидел, забившись в угол, старательно пряча лицо от слабых солнечных лучей, пробивавшихся сквозь маленькое окошко почти у самого потолка, и выглядел таким беззащитным и беспомощным, что никому и в голову не могло прийти, какую опасность он представляет.

Но поведение преступников после ареста часто обманчиво. Костенбаум слишком долго проработал в полиции, чтобы заблуждаться на этот счет. Однако Буни не проявил никакой активности, даже когда послышались крики Кормака, и по-прежнему сидел на полу, еще сильнее вжав голову в колени.

Костенбаум закрыл смотровое окошко, и тут же сзади послышался шорох. Он едва успел обернуться, как раздался выстрел. Пуля разнесла в щепки половину двери. Полетели осколки, помещение наполнилось дымом. Увидев метнувшуюся к нему тень, Костенбаум выстрелил наугад и, видимо, промахнулся. Сквозь пелену дыма он различил стоявшего перед ним человека, который бросил на пол оружие и угрожающе поднял вверх руки. Костенбаум выстрелил снова. На этот раз пуля попала в цель, но человек даже не пошатнулся. Через секунду полицейский был прижат к стене. Обезображенное, красное лицо приблизилось вплотную. Одна рука с загнутым ногтем зависла над его левым глазом. Прикосновение другой он почувствовал в области паха.

— Чего ты предпочитаешь лишиться? — спросил человек.

— Не надо, — послышался женский голос.

— Прошу вас, позвольте мне... — сказал Нарцисс.

— Скажите, чтобы он не делал этого, — взмолился Костенбаум. — Пожалуйста!

Женщина приблизилась к ним. Выглядела она обычным человеком, но кем была на самом деле — об этом Костенбаум мог только догадываться. Ясно только одно — он попал в лапы оборотней.

— Где Буни? — спросила она.

Отпираться было бессмысленно. Они все равно найдут арестованного и без его помощи. Поэтому Костенбаум показал глазами на дверь камеры и сказал:

— Там...

— Ключ?

— У меня на поясе.

Женщина наклонилась и отстегнула от его ремня связку ключей.

— Какой? — спросила она.

— С голубой биркой.

— Спасибо.

Женщина направилась к камере.

— Подождите, — обратился к ней Костенбаум.

— Что?

— Скажите, чтобы он отпустил меня.

— Нарцисс, — строго сказала Лори.

Нарцисс опустил одну руку, другая продолжала упираться Костенбауму в пах.

— Нам надо торопиться, — проговорил Нарцисс.

— Знаю, — тихо донеслось в ответ.

Костенбаум услышал скрип открываемой двери. Он оглянулся, но тут же, получив сильный удар в лицо, упал на пол со сломанной челюстью.

Подобный удар испытал на себе и Кормак, но, благодаря тому, что в этот момент он уже оседал на пол, удар получился не очень сильным и лишь на мгновение лишил его сознания. Он быстро пришел в себя, подполз к двери и, ухватившись за косяк, с трудом поднялся на ноги, а потом вышел на улицу. В этот час машин было уже мало, но изредка автомобили все-таки проезжали. И, конечно, раненый полицейский, ковыляющий по проезжей части и слабо размахивающий руками, сразу привлек внимание. Движение остановилось. Водители и пассажиры выскакивали из машин. Вокруг Кормака уже собралась небольшая толпа, когда он вдруг почувствовал, что силы оставляют его. Сознание помутилось. До него долетали лишь обрывки каких-то фраз, смысл которых он никак не мог уловить. Он пытался рассказать им о том, что случилось, но пересохший язык лишь беспомощно ворочался во рту.

Перед глазами у него поплыло. И только в самый последний момент пришла мысль: кровавый след его раненой ноги приведет их к месту преступления... Успокоенный, он потерял сознание.

* * *

— Буни! — позвала Лори.

Он сидел в углу, голый по пояс, покрытый многочисленными ранами и, услышав свое имя, лишь вздрогнул, даже не подняв головы.

— Забирай его быстрее, — послышался голос Нарцисса, стоявшего у двери.

— Заберу. Только не надо кричать, — сказала Лори. — Оставьте нас, пожалуйста, одних ненадолго.

— Сейчас не время заниматься амурами.

— Выйди... пожалуйста...

— Хорошо, ухожу, — покорно сказал Нарцисс и закрыл за собой дверь.

Они остались вдвоем — Буни и она. Мертвый и живая.

— Вставай, — сказала Лори.

Он снова лишь едва заметно вздрогнул.

— Вставай, пожалуйста. У нас мало времени.

— Оставь меня, — проговорил он.

Ей неважен был смысл его слов, главное — его голос.

— Скажи мне еще что-нибудь, — попросила она.

— Не стоило тебе приходить сюда. Ты рискуешь — и напрасно.

Лори никак не ожидала этого. Он мог быть сердит на нее за то, что она бросила его в гостинице. Мог, в конце концов, с подозрением отнестись к ее появлению — не пришла ли она с кем-нибудь из Мидина. Но он сидел такой отрешенный и беззащитный... как боксер, только что пришедший в себя после нокаута. Куда девался тот полузверь-получеловек, существо необыкновенной силы с жадным блеском в глазах? Сейчас он, похоже, не в состоянии даже поднять головы, не то что рвать зубами человеческое мясо.

Буни словно понял ее мысли.

— Я и сейчас могу это сделать, — тихо сказал он.

Голос его звучал так виновато, что у Лори сжалось сердце.

— Ты просто был не в себе тогда.

— Зато теперь я в норме, — глухо ответил он, сжав голову руками, будто удерживая себя от какого-то безрассудного шага. — Поэтому я никуда не пойду. Я буду ждать здесь... когда они придут и вздернут меня.

— Тебе ведь это не поможет, — осторожно сказала она.

— Господи... — всхлипнул Буни. — Ты все знаешь?

— Да. Нарцисс рассказал мне. Ты мертв, поэтому они не смогут... убить тебя.

— Они найдут способ, — сказал Буни. — Отрубят голову и разможжат ее.

— Не говори так!

— Они должны прикончить меня, Лори. И я наконец избавлюсь от своих страданий.

— Я не хочу этого, — ответила она.

— А я хочу! — решительно сказал он, впервые подняв на нее глаза.

Глядя на его лицо, Лори сразу вспомнила, сколько ему пришлось пережить.

— Я хочу уйти. Уйти от всего, от этой жизни.

— Нет, ты нужен Мидину. Его уже уничтожают, Буни.

— Ну и пусть. Мидин — это просто яма в земле, кишащая разной нечистью, которой давно пора отправиться на тот свет. И они сами понимают это. Просто не могут смириться с этой правдой жизни.

— Правды нет, — неожиданно для себя сказала Лори. — Правда — это только то, что ты сам чувствуешь и знаешь.

Буни совсем сник.

— Я чувствую себя мертвым, — сказал он. — И ничего не знаю.

— Неправда! — воскликнула Лори и шагнула к нему. Буни съежился, будто ожидая удара.

— Ты знаешь меня, — продолжала она. — И ты должен чувствовать меня.

Она взяла его руку и приложила ладонью к своей груди.

— Думаешь, ты мне отвратителен? Думаешь, я боюсь тебя? Нет, Буни! Ты нужен мне, как прежде. В Мидине тоже

ждут тебя. Но мне ты нужен больше, такой, какой есть... Даже если мертвый и холодный. Я не оставлю тебя. Пусть лучше они меня пристрелят.

— Нет, — сказал он.

Лори стояла молча, держа его руку, и он не пытался отнять ее. И она вдруг поймала себя на мысли, что готова стоять вот так вечно, ощущая присутствие любимого человека и прикосновение к своему телу его пальцев.

— Они скоро придут сюда, — проговорила она наконец. И не ошиблась. С улицы послышались возбужденные голоса. — Они уничтожат нас обоих, Буни. Тебя за то, что ты... вот такой. А меня за то, что люблю тебя. И я никогда больше не смогу прикоснуться к тебе. Но я не хочу этого, Буни. Я не хочу, чтобы мы обратились в прах. Я хочу, чтобы мы принадлежали друг другу... как прежде.

Неожиданно она сказала вслух то, о чем даже не решалась мечтать. Но это желание жило все это время в ее подсознании. Да, она хотела его и не стыдилась своей страсти.

— Ты не откажешь мне... — прошептала она, вплотную приблизившись к нему и запустив руку в его густые волосы.

Буни не сопротивлялся. Он встал перед ней на колени и уткнулся лицом ей в живот, с наслаждением вдыхая такой знакомый и незабываемый запах ее тела.

— Забудь обо всем, Буни, — сказала Лори.

Он кивнул, и она прижала его голову к себе, почувствовав, как по всему ее телу прокатывалась теплая волна.

— Забудь обо всем... *Забудь обо всем*, — повторяла она.

Он взглянул на нее, и в его виноватых глазах и слабой улыбке она вдруг увидела что-то чужое, темное, нечеловеческое. Сердце сжалось от боли. Стараясь избавиться от этого ощущения, она запрокинула голову и быстро забормотала:

— Люби меня, пожалуйста... Прямо сейчас...

Он рванул ворот ее блузки. Потом его рука скользнула вглубь, под лифчик, к ее груди. Это было, конечно, полнейшим безумием. В любой момент сюда могли ворваться разъяренные люди, чтобы растерзать их обоих. Нужно было немедленно уходить. Но какое это теперь имело значение?

Войдя однажды в этот безумный заколдованный круг, она уже не в состоянии была выбраться из него. Новое безрассудство? Почему бы и нет? Лучше так, чем жить без него и вечно нести эту муку.

Он прильнул к ней, вытащил ее грудь из плена лифчика и впился холодным ртом в ее горячий сосок, жадно работая над ним губами и зубами. Смерть научила его любить, дала ему могучие знания плоти и умение разгадывать ее тайны. Он был повсюду вокруг нее и в ней, скользя языком от грудей к ямочке между ключиц и вверх — к горлу и подбородку, до самого рта. Только однажды, много лет назад, она испытала подобные ощущения. Это случилось в Нью-Йорке. Она переспала с каким-то мужчиной, имени которого так и не узнала, но его руки и губы не могла забыть еще очень долго. Это было что-то необъяснимое. И тем больнее показалась ей та душевная рана, которую он нанес ей сразу после того, как они разомкнули объятия.

«Может быть, выпьем?» — предложила она тогда.

«Не могу», — с напускным сожалением ответил он, оделся и ушел.

Она проклинала себя за свою глупость, но долго потом думала о нем, с болью и трепетом воскрешая в своей памяти незабываемые моменты их безумной страсти.

И вот теперь она снова вспомнила его. Это был он. Его губы. Его руки. Его горячее дыхание. Это был живой человек. И она живая... Не стыдясь, Лори громко застонала, и тут же ее рот оказался зажатым долгим, сладким поцелуем.

Буни уже разделся. Она дотронулась до его члена. Теперь настала его очередь застонать, когда ее пальцы задвигались по его возбужденной плоти, быстрее и быстрее, пока его язык вытанцовывал между ее губ. Потом, повинуясь внезапному импульсу, он потянулся к ее юбке, вздернул ее и сорвал трусы. Она одним резким движением спустила вниз его джинсы, и, одной рукой обхватив его за плечо, другой потянула его член к себе. Он чуть сопротивлялся, замедляя наступление сладкого момента.

Потом это действительно началось. Прижав Лори к стене, он резко вдвинул в нее свой член. Она облизала ему лицо. Он улыбнулся; она, заметив это, слегка шлепнула его.

— Да, — сказала она. — Да. Давай скорее.

Это было все, что она могла сказать — «да» его члену, «да» его губам, «да» его жизни в смерти и его способности наслаждаться этой жизнью.

В ответ он лишь продолжал свою работу, закрыв глаза. Выражение его лица заставило все ее нутро сжаться. Это была сладкая боль. Она ухватилась одной рукой за стену у его головы, двигаясь навстречу его движению.

Она взлетела на вершину блаженства. Хотелось, чтобы это никогда не кончалось. Но, за дверью кто-то четко сказал:

— Быстрее...

Лори с трудом открыла глаза, еще окончательно не придя в себя, и прислушалась. Это был Нарцисс. Это он вернул ее из опьяняющего мира любви в жестокую реальность. Вот он толкнул дверь и стал на пороге, без тени смущения уставившись на любовников.

— Ну как? Кончили? — спросил он. — Мы можем двигаться?

— Да, можем... И куда угодно, — ответил Буни.

— Не куда угодно, а в Мидин, — строго сказал Нарцисс.

— В Мидин, так в Мидин...

Лори встала и начала одеваться.

— Там полно народу, — сказал Нарцисс. — Как мы пройдем мимо них?

— Очень просто, — сказал Буни. — Ведь они обычные люди. А мы...

Лори молчала, все еще находясь во власти пережитого. Стоя спиной к Буни, она чувствовала, что он смотрит на нее. Его тень, казалось, заполнила все помещение, накрыла ее своей нежностью, грела душу. Даже Нарцисс почувствовал что-то. Он смущенно хмыкнул и широко открыл дверь, будто приглашая войти долгожданную и спасительную ночь...

На улице собиралась толпа. У некоторых в руках было оружие. Кто-то прихватил с собой веревки. Другие подбирали с земли камни. Кровавый след от раненой ноги Кормака, ведущий к двери полицейского участка, не оставлял сомнений в том, где скрываются преступники. Люди возбужденно

переговаривались. Лидеры толпы, определившиеся сразу и безропотно признанные остальными, что-то громко кричали, размахивая руками. И тут все разом взглянули в сторону участка. В проеме открытой двери стоял Нарцисс.

— Бей его! — крикнул кто-то из задних рядов в наступившей тишине. И сразу несколько голосов подхватили:

— Бей ублюдка! Бей гада!

Трое стоящих впереди мужчин выстрелили почти одновременно. Одна из пуль попала Нарциссу в плечо и прошла насквозь. В толпе послышались радостные вопли. Воодушевленные удачей, люди бросились вперед. Задние жаждали увидеть поверженного врага. А передние не сразу заметили, что раненый человек не проронил ни капли крови. Они остановились только тогда, когда увидели, что он продолжает стоять как ни в чем не бывало. Снова раздались выстрелы. Несколько пуль прошли мимо, но две попали в цель.

И тут из-за спины Нарцисса раздался страшный, яростный рев такой силы, что лампа, освещающая коридор, треснула. На пол посыпались осколки. Несколько человек, не выдержав, начали судорожно пробираться на улицу. Остальные замерли в нерешительности. Но когда из темноты показался силуэт безобразного существа, людей охватила паника.

Тем, которые стояли впереди, пришлось хуже всего. Дверь оказалась заблокированной, и они лишь выставили вперед свое оружие, намертво вцепившись в него руками.

Среди них находился один, который был свидетелем захвата Буни в гостинице «Свитграсс». Он узнал в приближающемся к ним чудовище того людоеда и громко закричал:

— Это он! Он!

Стоявший рядом с ним мужчина, тот, который попал в Нарцисса с первого раза, выстрелил.

...В Буни стреляли много раз. И эта маленькая пуля, попавшая в его грудь и задевшая давно остановившееся сердце, не могла причинить ему никакого вреда. Его тело уже начало разжижаться. Образовавшееся сквозное отверстие быстро затянулось, и лишь несколько капель упало на

пол. Он засмеялся. Полузверь-получеловек, способный стать бесплотным, как Лайлесберг, и сохранивший в себе частичку прежнего Буни со здоровым телом и больной душой... Какое удивительное состояние! Какое наслаждение видеть полные ужаса глаза этих людей — тех, которые присвоили себе право распоряжаться чужой жизнью и смертью, судить, где правда, а где ложь, где реальное, а где сверхъестественное. И вот теперь они с вытаращенными глазами, роняя оружие, веревки, камни, в панике бросаются прочь, давя друг друга.

И только один, то ли оцепенев от ужаса, то ли демонстрируя свою отвагу, остался стоять на месте, целясь Буни в грудь. Но когда чудовище выхватило из его рук оружие, он не выдержал и вылетел на улицу.

Было еще достаточно светло, и Буни побоялся переступить через порог. Но Нарциссу дневной свет был не так страшен. Он быстро проскользнул через дверь и, не замеченный обезумевшей толпой, добежал до машины.

Люди, немного придя в себя, остановились на противоположной стороне улицы, взволнованно переговариваясь между собой, видимо, не оставляя надежды возобновить атаку. Шок от вида Буни стал постепенно проходить. Нельзя было терять ни минуты.

Нарцисс уже сидел в машине. Лори подошла к двери и встала за спиной Буни. Он уже не пугал ее. Минуты, проведенные с ним наедине, перевернули в ее душе все. И теперь лишь внезапно возникшая безумная мысль об интимной близости с этим чудовищем (а как это будет?) слегка смущала ее.

Нарцисс подогнал машину к двери.

— *Быстро!* — шепнул Буни, пропуская Лори вперед.

Она не успела еще оказаться на сиденьи, как пуля с противоположной стороны улицы вдребезги разнесла заднее стекло. Буни слегка подтолкнул Лори сзади и, усевшись с ней рядом, захлопнул дверцу. Нарцисс нажал на газ и машина рванула с места.

— Они пустятся за нами в погоню, — сказал он.

— Ну и пусть, — ответил Буни.

— Куда мы? В Мидин?

— Конечно. Теперь нет смысла скрываться.

— Верно.

— Мы приведем их прямо в ад, — сказал Буни, оглянувшись назад и увидев эскорт машин, следовавших за ними. — Ну что ж, они сами этого пожелали...

Глава 22

Игерман был в прекрасном расположении духа. Если сегодня все закончится благополучно, ему грех жаловаться на свою судьбу. Сначала он поймал Буни. Потом вынес из гостиницы ребенка, и это запечатлели десятки фотокамер, значит, завтра его фотография появится во всех газетах. И, наконец, Мидин, охваченный языками пламени.

Эту замечательную идею подал Петтин. Они налили во все щели бензин и подожгли. Как и следовало ожидать, подземные жители начали вылезать на поверхность, где с ними безжалостно расправлялись жаркие солнечные лучи.

Но не все из них погибали сразу. Кое-кто подготовился к приходу полицейских и придумал нехитрые средства защиты. Однако все было напрасно. Огонь в конце концов уничтожит их всех. Кладбище окружено. А перелететь через стены, обратившись птицей, не позволит главный враг оборотней — солнце.

При других обстоятельствах Игерман, вероятно, не стал бы так открыто выражать свою радость. Все-таки на его глазах гибли люди... Впрочем, эти существа не были людьми. Это он видел даже издалека. Уродливые создания, настолько безобразные и отталкивающие, что Игерман был уверен — сам Господь Бог испытывает сейчас облегчение и радость.

Но день уже клонится к вечеру. Вот-вот сядет солнце, и тогда им придется менять тактику. Преимущества окажутся на стороне оборотней. Ну что ж, они могут оставить здесь огонь до утра, а когда рассветет, вернутся назад и добьют тех, кто останется в живых. Святая вода, которой обрызганы

все стены и ворота, поможет удержать нечисть в пределах кладбища. Игерман очень надеялся на это.

На самом деле он не знал, что представляет реальную опасность для этих существ — святая вода, огонь, дневной свет, а может быть, их молитвы. Вероятно, все вместе. Впрочем, это не имело никакого значения. Главное — любой ценой уничтожить их всех.

Ход его мыслей прервал крик Эшбери:

— *Нужно немедленно прекратить это!*

Он бежал весь перепачканный сажей, красный и возбужденный.

— Что прекратить? — спросил Игерман.

— *Эту бойню!*

— Не вижу никакой бойни.

Эшбери был уже почти совсем рядом с Игерманом, но продолжал кричать. Из-за стены доносился рев пламени и грохот рушившихся стен склепов и мавзолеев.

— У них не осталось никакого выхода! — кричал Эшбери.

— Его и не должно быть, — спокойно заметил Игерман.

— Но вы не знаете, кто там внизу! Вы не знаете, кого вы убиваете!

Игерман усмехнулся.

— Прекрасно знаю, — сказал он, устремив на Эшбери пустой, равнодушный взгляд. — Я уничтожаю мертвецов. Что в этом предосудительного? Ответьте мне, Эшбери. Мертвые должны лежать *мертвыми*, ведь так?

— Там дети, Игерман, — сказал Эшбери, показывая в сторону горящего кладбища.

— О, да! Дети с глазами что чайные блюдца... А зубы... Вы видели их зубы? Это дети самого дьявола, мой дорогой.

— Вы сами не понимаете, что деласте.

— Я не понимаю? — вскричал Игерман, шагнул к Эшбери и схватил его за черную рясу. — Может быть, вы сами такой, как *они*?

Эшбери вырвал ткань из руки Игермана и сказал:

— Хорошо... Я пытался убедить вас. Но если вы ничего не понимаете, я сам могу остановить их.

— Оставьте моих людей в покое, — строго ответил Игерман.

Но священник уже побежал к главным воротам и, заглушаемый адским шумом, закричал:

— *Остановитесь! Опомнитесь!*

У главных ворот сосредоточились основные силы полицейских, поэтому Эшбери и направился туда. И люди в форме обернулись на его голос, готовые выслушать все, что он им скажет, хотя большинство из них, если не все, были в церкви последний раз лишь на венчании или собственных крестинах. Но теперь они смотрели на священника, они хотели понять, что происходит, подсознательно чувствуя всю безнравственность своих действий. Они хотели получить оправдание своему поступку из уст человека с крестом в руках.

Игерман догадывался, что подчиненные недолюбливают его, но они привыкли выполнять приказания. Они и теперь послушались его, потому что уважали закон, потому что каждый не хотел показаться трусом перед своими товарищами. И они спокойно смотрели на гибель странных существ, потому что это было проще и безопаснее, чем высказывать недовольство.

Эшбери может подействовать на них своими речами, своим благообразным видом. Если его не остановить, то он все испортит.

Игерман достал из кобуры пистолет и пошел вслед за священником. Эшбери увидел, что он приближается, увидел оружие в его руках и закричал еще громче:

— Бог не простит вас! Вы сами не понимаете, что делаете. Ваши руки будут испачканы невинной кровью!

— Заткнись, скотина! — заорал Игерман.

Эшбери даже не повернулся. Видя, что его слушают, он продолжал говорить:

— Там не звери! Там люди! И вы убиваете их, потому что этот сумасшедший приказал вам.

Его слова произвели впечатление на всех, даже на атеистов. Священник высказал вслух то, о чем думали многие, но произнести не решались. Человек шесть добровольцев направились к своим машинам, начисто растеряв весь энтузиазм. Один из полицейских тоже стал медленно отходить назад. Игерман выстрелил в его сторону, и тот, не раздумывая, бросился прочь.

— Вернись! — кричал Игерман, но дезертир даже не оглянулся и вскоре исчез за пеленой дыма.

Игерман обрушил весь свой гнев на Эшбери.

— Ну, собака... — зловеще произнес он, приближаясь к священнику.

Эшбери с надеждой оглянулся по сторонам, ища поддержки и защиты, но никто не шевельнулся.

— И вы позволите, чтобы он убил меня? — растерянно вопрошал он. — Господи! Неужели никто не поможет мне?

Игерман прицелился в него. Эшбери, не сделав ни малейшей попытки спастись, рухнул на колени.

— Отче наш... — начал он.

— Давай, давай, — насмешливо произнес Игерман. — Все равно тебя никто не слушает.

— Неправда, — сказал кто-то.

— Что?

Эшбери нерешительно замолчал.

— Я слушаю.

Игерман повернулся на голос и увидел в дыму смутные очертания человеческой фигуры. Он направил туда дуло пистолета и строго спросил:

— Кто вы?

— Солнце почти село... — послышался другой голос.

— Один шаг — и я стреляю, — прорычал Игерман.

— Стреляйте, — ответил человек и смело пошел вперед.

Вот он приблизился почти вплотную, и Игерман с ужасом узнал в нем своего пленника, который должен был находиться сейчас в камере участка. Он стоял голый по пояс, изрешеченный пулями, с горящими в наступающих сумерках глазами.

— Мертвец... — пролепетал Игерман.

— Да, собственной персоной.

— Господи...

Он сделал несколько шагов назад.

— До захода солнца осталось минут десять, — сказал Буни. — Ночь будет принадлежать нам.

Игерман затряс головой.

— Ну нет, — сказал он. — Я вам не дамся.

Он резко повернулся и помчался прочь, не оборачиваясь. Но Буни и не собирался гнаться за ним. Он подошел к Эшбери, который все еще стоял на коленях.

— Встаньте, — обратился к нему Буни.

— Если вы собираетесь убить меня, — сказал Эшбери, — то я готов.

— Почему я должен убивать вас?

— Я священник.

— Ну и что?

— А вы монстр.

— А вы нет?

Эшбери взглянул на Буни.

— Я?

— У вас из-под одежды виднеются кружева...

Эшбери зажал ворот рясы, разорванной Игерманом.

— Почему вы скрываете это?

— Оставьте меня.

— Забудьте обо всем. Это поможет. Я сам убедился, — сказал Буни и направился к воротам.

— Подождите, — окликнул его священник.

— На вашем месте я бы ушел. Они не любят людей в рясах. Тяжелые воспоминания...

— Я хочу посмотреть, — попросил Эшбери.

— Зачем?

— Пожалуйста, возьмите меня с собой.

— Вы рискуете.

— Согласен на все.

Издалека Декер с трудом мог разглядеть, что произошло у ворот кладбища. Но два факта были очевидны: Буни вернулся и каким-то образом вынудил Игермана к бегству. Как только доктор увидел Буни, он спрятался в одной из полицейских машин и, сидя там с зажатым в руках портфелем, принялся обдумывать дальнейший план своих действий.

Это было нелегкой задачей, потому что ему приходилось выбирать между двумя абсолютно противоположными точками зрения. Голос разума твердил ему:

«Уезжай, пока дело не приняло более серьезный оборот. Пусть они все здесь погибнут».

Декер понимал, что так и нужно поступить. Приближается ночь, и тогда Буни со своими друзьями будут на коне, а уж если они найдут его, пощады не жди... Но в то же время другой голос внушал ему свое:

«*Останься*».

Это был голос маски.

«*Ты уже однажды отказался от меня. И это случилось именно здесь*».

Да, было дело. Теперь пришло время платить долги.

«Не сейчас», — прошептал он.

«*Сейчас*», — настойчиво заявила маска.

Декер знал, что никакие доводы и уговоры не подействуют.

«*Раскрой глаза*, — насмешливо протянула маска. — *Ведь для меня есть отличная работа*».

Что же такое увидела она, чего не заметил он? Декер прильнул к стеклу машины.

«*Разве ты не видишь ее?*»

Теперь он увидел. С ужасом разглядывая Буни, он и не заметил, что тот прибыл не один, а со своей женщиной.

«*Ты видишь жертву?*» — спросила маска.

«Да».

«*Сейчас самое подходящее время. В этом хаосе никто не заметит, как я прикончу ее. Исчезнет она — исчезнет последний свидетель*».

«Но Буни останется».

«*Какой же он свидетель? Кто будет слушать мертвеца? Скажи мне, чего стоят показания зомби?*»

«Ничего не стоят».

«*Вот именно. Для нас он не представляет никакой опасности. Не то что эта женщина. Позволь мне заткнуть ей глотку*».

«А что, если тебя увидят?»

«*Подумают, что я один из обитателей Мидина*».

«Не ты,» — сказал Декер, содрогнувшись при мысли о том, что его могут принять за одного из этих выродков.

«Ты чиста», — добавил он.

«*Ну так позволь мне доказать это*», — настаивала маска.

«Только женщину?»

«*Да. И мы сразу уйдем*».

Он знал, что это мудрое решение. Никогда больше не представится возможность выследить эту жертву. Он стал открывать замок портфеля. Маска сгорала от нетерпения.

«*Быстрее, а то мы упустим ее*».

Пальцы Декера дрожали. Он никак не мог набрать код.

«*Быстрее, черт возьми*».

Наконец замок щелкнул. О! Никогда еще эта маска не была так прекрасна!

Хотя Буни советовал своим друзьям держаться пока подальше от кладбища, вид полыхающего Мидина произвел на Нарцисса такое сильное впечатление, что он не выдержал, вышел из машины и пошел к главным воротам. Лори последовала за ним, но, понимая состояние Нарцисса, она решила идти чуть поодаль, и вскоре случилось то, чего можно было ожидать: в дыму и грохоте она потеряла его из виду.

Лори осталась одна в этом аду, где все теперь перемешалось, перепуталось. После бегства Игермана попытки захватить город мертвых прекратились. Часть полицейских и добровольцев уже покинули это страшное место. Другие спешно заводили свои машины, вероятно, испугавшись надвигающейся ночи. Но большинство остались, правда, готовые в любой момент бежать без оглядки. Они стояли и смотрели на огонь остекленевшими, безумными глазами. Лори ходила между этими людьми, заглядывая им в лица, стараясь понять, что они чувствуют, переживают. Но взгляд их был пустым и бессмысленным. «Они все похожи на мертвецов», — подумала Лори. Так в чем же отличие между ними и теми несчастными, которых она теперь узнала, которые могут чувствовать и сопереживать, плакать и смеяться? Кто же настоящие мертвецы? Существа с холодным телом и горячей душой или эти равнодушные люди с остекленевшими глазами?

Сквозь просвет в черных клубах дыма, застилавших все вокруг, Лори увидела багряный кусочек неба. Садилось

солнце. Она зажмурилась и стояла так некоторое время, пока не услышала за своей спиной чье-то дыхание. Почувствовав недоброе, она открыла глаза и стала медленно поворачиваться. Бежать уже было поздно...

Прошло несколько секунд, прежде чем нож опустился на нее. И за это время она успела разглядеть маску лучше, чем в прошлый раз. Страшная своим пустым и бессмысленным выражением, а под ней Декер. Но нет смысла называть его имя. Те бездушные люди, лица которых она разглядывала минуту назад, не видят и не слышат ничего.

Нож вонзился ей в руку. Еще раз, и еще...

Декер молчал. На этот раз он не упражнялся в остроумии. Он пришел только для того, чтобы уничтожить ее.

Из ран хлынула кровь. Она инстинктивно стала зажимать их ладонью, и это дало убийце возможность сбить ее с ног. Падая, Лори думала только об одном — спасти от удара лицо. Она уткнулась им в землю, и тут же почва будто содрогнулась под ней. «Наверное, показалось», — мелькнула мысль. Но землю снова тряхнуло.

Лори подняла глаза на Декера. Он тоже, видимо, почувствовал что-то и, застыв с поднятым ножом, устремил взгляд в сторону кладбища. Это была единственная возможность ускользнуть, и Лори не могла не воспользоваться ею. Перекатившись в тень, она встала на ноги. Рядом не было никого, кто мог бы ей помочь — ни Нарцисса, ни Рейчел. А люди, на которых она, впрочем, и не рассчитывала, бежали теперь в панике от кладбища, подгоняемые страшным ревом, доносившимся из-под земли. Другого выхода у нее не осталось, и она побежала, спотыкаясь, к главным воротам — туда, где был Буни.

Гул и рев усиливались с каждой минутой. Лори не сомневалась — это они, обитатели Мидина, племя тьмы... С заходом солнца наступил их час, последний час. Они решили уничтожить свое единственное убежище сами. Они восстали, защищая свою свободу и жертвуя всем.

Лори поняла это сразу, но продолжала двигаться дальше. Смерть была впереди, смерть следовала за ней по пятам. Вряд ли стоит задумываться сейчас над тем, какую выбрать.

Пламя, поднимающееся над могилами, освещало ей путь. Она бежала, замечая вокруг следы недавней осады: канистры, лопаты, брошенное оружие. У самых ворот Лори увидела Бабетту. Она стояла, прижавшись к стене, с перекошенным от ужаса лицом.

— Беги! — закричала ей Лори, опасаясь, что Декер может ранить девочку.

Бабетта послушалась и вскоре исчезла в дыму и пламени.

Оказавшись на территории кладбища, Лори остановилась. Гул усилился. Земля сотрясалась от мощных подземных толчков. Вековые склепы и мавзолеи рассыпались на ее глазах как карточные домики. Она не ожидала, что Бэфоумет обладает такой силой, и поняла, что шансов выжить в этом аду у нее практически нет.

Ну что ж, лучше сгореть в этом огне, чем погибнуть от руки садиста. Хорошо уже то, что судьба предоставила ей хотя бы такой выбор.

Глава 23

Находясь в заточении, Буни не мог думать ни о чем другом, кроме Мидина. Вспоминал о нем с болью, с отчаянием. Закрыв глаза, он представлял себя в лабиринтах подземелья и в бессилии сжимал руки. Как он виноват перед теми, кто приютил его, дал вторую жизнь! Каждая клеточка его мертвого организма отзывалась мучительной болью на эти воспоминания.

Лори вывела Буни из этого состояния. Она пришла и заставила забыть обо всем и о вине перед Мидином тоже.

Теперь, вернувшись на кладбище, он понял, как много значила для него любовь этой женщины. Без нее он не смог бы пережить всего того, что происходило сейчас на его глазах. Обитатели Мидина не просто уничтожали свой дом. Они поставили себе цель — не оставить никаких следов своего существования на этой земле. Это было то, о чем так мечтал Игерман... Они собирали останки погибших и кидали в огонь, сжигали мебель, одежду, все то, что невозможно было взять с собой.

Об отчаянном решении навсегда покинуть это место свидетельствовало и другое — внешний облик обитателей Мидина. Такими Буни их еще никогда не видел — с мощными крыльями и лапами, наиболее подходящими для дальней дороги. Некоторые на глазах превращались в стаи диковинных птиц. Другие, наоборот, сливались воедино по трое, четверо... Все вокруг было в движении. Они торопились, они собирались в путь.

Эшбери не отходил от Буни ни на шаг и смотрел на происходящее широко открытыми глазами, дрожа от возбуждения.

— Куда они собираются? — спросил он.

— Я опоздал, — сказал Буни. — Они покидают Мидин.

Надгробная плита одной из могил отодвинулась. Какое-то существо ракетой взмыло в ночное небо и тотчас скрылось из виду.

— Потрясающе! — воскликнул Эшбери. — Кто они? Почему раньше я ничего не знал о них?

Буни промолчал. Что он мог рассказать о племени тьмы? Он знал лишь одно — они не ангелы и не дьяволы. Они — то, чего не должно быть. Но они есть. Почему и зачем? Это ему только предстояло узнать, а вместе с этим познать наконец самого себя. Но он не успел...

— Я опоздал... — снова послышался его полный отчаяния голос, и слезы навернулись на глаза.

Приготовления подходили к концу. Из широко открытых дверей склепов и мавзолеев стали появляться самые разнообразные звери и птицы. Кто-то сразу взмывал в воздух, кто-то осторожно пробирался сквозь огонь и дым к главным воротам кладбища. Большинство шли в одиночестве. Но у некоторых были семьи. Они двигались небольшими группами, в каждой из которых было по нескольку детенышей. Буни смотрел на них, понимая, что именно он стал причиной их страданий. Он привел сюда людей, которые разрушили Мидин. Как простить себе это? Даже Лори не заставила бы его забыть об этой страшной вине. Он готов был броситься в пламя и сделал бы это, если бы не услышал слабый детский голосок, который назвал его по имени.

Девочка, единственная из всего племени сохранившая человеческий облик, стояла рядом с ним.

— Лори, — сказала она.

— Что с ней?

— Маска поймала ее.

Буни сразу все понял.

— Где? — быстро спросил он.

Декер был все ближе и ближе. Зная, что убежать ей не удастся, Лори ринулась туда, куда, по ее мнению, он не решился бы ступить — на территорию кладбища. Но убийца уже не мог остановиться. Он бросился за ней, не обращая внимания на сотрясающуюся под ним землю, на клубы дыма, на жаркие языки пламени.

И вдруг раздался чей-то голос:

— Лори! Сюда!

Она повернула голову и, еще не веря удаче, увидела Нарцисса, который манил ее к себе. Свернув на полуразрушенную аллею, она бросилась к нему, прикрывая голову руками от летящих осколков и кирпичей. Впереди виднелась только тень Нарцисса с горящими глазами. Он вышел из своего укрытия, и Лори показалось, что это маленький кусочек ночного неба с двумя яркими звездочками, который спустился к ней на землю. Пораженная этим удивительным сходством, она на мгновение остановилась, и это чуть не стоило ей жизни. Декер догнал ее и схватил сзади за блузку. Лори рванулась вперед. Ткань затрещала. Потеряв равновесие, Лори упала на землю. Она подползла к развалившейся стене склепа и, хватаясь за нее руками, попыталась подняться, но тут же почувствовала, как рука в перчатке сжала ей сзади шею.

— Ну, гад! — закричал кто-то.

Лори подняла глаза и увидела Нарцисса. Он стоял в конце аллеи между двумя склепами. Декер тоже увидел его и слегка разжал пальцы, но Лори поняла, что пока ей вырваться не удастся. Если бы Нарцисс смог отвлечь его внимание!

— Я кое-что приготовил для тебя, — сказал он, вынимая руки из карманов. Блеснули два серебряных ногтя. Нарцисс чиркнул один о другой. Посыпались искры.

Декер отпустил шею Лори. Не раздумывая, она встала на колени и поползла к Нарциссу. А тот направился к ней.

Только взгляд его был прикован к Декеру. Заметив это, Лори с трудом выдохнула:

— Не надо. Он опасен.

Нарцисс услышал ее, но лишь усмехнулся и, не останавливаясь возле Лори, пошел прямо навстречу убийце.

Лори оглянулась. Дождавшись, когда Нарцисс подойдет ближе, Декер вытащил из кармана второй нож. Нарцисс не успел даже опомниться, как убийца взмахнул своим страшным оружием и отсек ему левую руку до запястья. Тряхнув головой, Нарцисс отступил назад, но Декер изловчился и нанес ему второй удар, на этот раз по голове, разрубив ее пополам до самой шеи. От такой раны не смог бы оправиться даже мертвец. Тело Нарцисса задрожало и начало оседать, а потом он рассыпался на части, как Охнака — тогда, под палящими лучами солнца.

Из груди Лори вырвался стон, но она зажала себе рот руками. Сейчас не время предаваться скорби. Если Декер все-таки поймает ее, значит, смерть Нарцисса будет напрасной. Лори стала отползать в сторону, понимая, что единственный шанс для нее сейчас — бежать без оглядки. Но она не могла отвести взгляда от Декера. Ослепленный победой, он забыл обо всем, глумясь над останками своей жертвы. Лори с ужасом смотрела, как садист, наколов на лезвие ножа половину головы Нарцисса, пристраивал эту страшную ношу у себя на плече. И только потом, удовлетворенно хмыкнув, возобновил преследование.

Лори побежала. Нужно найти главную аллею. Но кругом были одни развалины. Лори не могла найти ни одного знакомого ориентира и поняла, что заблудилась. А Декер не отставал. И Лори представила себе, что она бежит вот так вечно по жизни, а он преследует и преследует ее. Вечный страх, вечное ожидание удара в спину. Стоит ли так мучиться? Может быть, прекратить эту изнурительную погоню прямо сейчас? Остановиться наконец и получить тот сокрушительный удар, который все равно когда-нибудь настигнет ее?

Она остановилась и повернулась навстречу смерти. Но тут земля перед ней треснула. Поднялся столб дыма, который закрыл от нее преследователя. Лори покачнулась и упала в пропасть.

* * *

— Падает, — сказала Бабетта.

Буни вздрогнул, и девочка чуть не сползла с его плеч. Он едва успел подхватить ее, и она еще крепче вцепилась в его волосы.

— Уселась? — спросил он.

— Да.

Бабетта не захотела, чтобы Эшбери пошел с ними. Они оставили его одного на произвол судьбы, а сами отправились на поиски Лори.

— Вперед, — сказала девочка. — Это недалеко.

Пожар утихал. Огонь, уничтожив все, что может гореть, беспомощно лизал теперь холодные камни, покрывая их черной копотью. Но толчки под землей становились все сильнее.

Бабетта с трудом повернула голову.

— Вот сюда, — сказала она.

Идти стало легче. Огонь больше не слепил глаза Буни. Он пошел быстрее, переступая через комья развороченной земли.

— Далеко еще?

— Тихо! — прошептала девочка.

— Что случилось?

— Остановись.

— Ты тоже слышишь? — спросил он.

— Да.

— Что это?

Бабетта ничего не ответила и снова прислушалась, а потом сказала:

— *Бэфоумет.*

Сидя под замком в камере, Буни не раз вспоминал крестителя, свой визит к нему. Что сказал тогда ему расчлененный бог Мидина? Он предчувствовал крах, он знал, что последний час близок, и поведал об этом Буни. Но не было в его словах ярости по отношению к тому, кто стал причиной всей трагедии. Буни почувствовал даже дружеские нотки в его голосе, и это испугало его еще больше. Почему креститель выбрал именно его и поделился с ним своими предчувствиями? Ведь он шел только для того, чтобы вымолить прощение и получить разрешение остаться на этой земле. Но Бэфоумет встретил его не как просителя, а как будущего

участника надвигающейся трагедии. Он даже назвал его другим именем. У Буни в душе все перевернулось. Он не хотел другого имени, не хотел слышать всех этих страшных предсказаний. Он сопротивлялся как мог — отвернулся, зажав уши руками. Но слова Бэфоумета настигли его.

— *Ты теперь Кабал*, — сказал он.

Буни не согласился с этим тогда. Не согласился бы и сейчас, хотя понимал всю трагедию крестителя. Он один из всех обитателей Мидина не мог бежать. Но чем Буни мог помочь ему? Ничем. Зато он мог помочь Лори.

— Она там, — сказала девочка.

— Где?

— Ну вон же, впереди.

Но впереди был только дым, поднимающийся из развернутой земли, и ни одной живой души вокруг.

— Я не вижу ее, — сказал он.

— Она под землей, — ответила девочка. — В яме.

— Веди меня туда.

— Я не могу.

— Почему?

— Опусти меня на землю. Я сделала все, что могла. — В голосе ее звучал неподдельный страх. — Опусти же, — настаивала она.

Буни опустился на колени, и девочка спрыгнула с его плеч.

— Что случилось? — спросил он.

— Я не должна идти с тобой. Мне нельзя.

Буни удивился. После всего, что произошло, испуг девочки казался странным.

— Чего ты боишься? — спросил он.

— Я не могу смотреть на крестителя.

— Он здесь?

Она кивнула и попятилась назад. Трещина впереди от мощного толчка стала еще шире.

— Иди к Лори, — прокричала Бабетта. — Вытащи ее оттуда. Только ты теперь можешь ей помочь.

Она побежала и, на ходу превратившись в небольшого зверька, исчезла в темноте.

* * *

Сорвавшись в пропасть, Лори на несколько секунд потеряла сознание, а когда пришла в себя, увидела, что лежит на крутом склоне в какой-то пещере. Земляной свод был еще целым, но разбегавшиеся во все стороны трещины не оставляли сомнений в том, что очень скоро потолок рухнет и заживо погребет ее здесь. Она взглянула на вершину склона и увидела широкий просвет, через который виднелось усыпанное звездами ночное небо. Не теряя ни минуты, Лори стала карабкаться наверх. Комья земли летели ей в лицо, стены дрожали.

— Только бы успеть, — шептала она, — только бы успеть.

Она почти уже добралась до самого верха, как вдруг поняла, что этот склон ей знаком. Да, именно здесь она тащила за собой Буни, а внизу полыхало ледяное пламя и ревел Бэфоумет. Что если он и теперь здесь, наблюдает за ее отчаянными попытками спастись от смерти? А может быть, его уже нет? Может быть, он ушел, устроив на прощание это страшное землетрясение? Но Лори была настолько слаба, что могла думать лишь об одном — как можно скорее достичь того просвета и выбраться наружу. Там была жизнь, а здесь только смерть. Инстинкт, заглушая усталость, боль и страх, вел ее к жизни...

Через минуту она в изнеможении лежала на вершине склона, глядя на открывшееся над ней ночное небо. Превозмогая себя, она поднялась на ноги и осмотрела раненую руку. Порез был залеплен грязью, но кровь больше не сочилась.

Лори огляделась по сторонам, прикидывая, как можно отсюда выбраться. И вдруг что-то упало ей под ноги. Лори в ужасе отшатнулась. Перед ней лежала половина головы Нарцисса. Она подняла глаза, зная, что увидит сейчас маску. Декер стоял на краю ямы, широко расставив ноги, а потом спрыгнул вниз.

Нож взметнулся над ней. Если бы Лори устояла, удар непременно настиг бы ее. Но земля вдруг стала оползать под ее ногами и, потеряв равновесие, она покатилась кувырком вниз по склону.

Ее крик услышал Буни. В несколько прыжков он достиг ямы и, хватаясь руками за ее осыпающиеся края, быстро

спустился вниз. Но Лори он не увидел. Перед ним стояла до боли знакомая фигура и блестели широкие лезвия ножей. Это был Декер.

Ухватившись здоровой рукой за какой-то камень, Лори удалось остановить свое падение. Она тут же взглянула наверх и увидела, что Декер стоит к ней спиной. Значит, что-то привлекло его внимание. Через секунду мелькнула фигура Буни. У Лори перехватило дыхание. Она уже видела, что сделал Декер с Нарциссом, и знала теперь, что мертвые тоже могут погибнуть. Она хотела крикнуть, предупредить Буни, но не успела. Сзади на нее дохнуло ледяным холодом. «Бэфоумет здесь», — мелькнула мысль. Склон сильно тряхнуло. Она разжала пальцы и покатилась вниз, в дыру, извергающую ледяное пламя.

Несмотря на происходящее вокруг, Декер сохранил завидное самообладание. Он спокойно подошел к Буни, как палач, которому необходимо закончить начатое им дело. Ни одного лишнего движения. Удар получился сильным и неожиданным. Острое лезвие вонзилось Буни в шею. Чтобы обезоружить противника он быстро сделал шаг назад. Рукоятка ножа выскользнула из рук убийцы, а сам нож остался в шее Буни. Но Декер не смутился. Он взялся обеими руками за второй кинжал. Из груди его вырвался нетерпеливый стон. Буни едва успел увернуться от второго удара. Нож, задев его волосы, вонзился в стену. Декер с силой рванул его, и тотчас сверху на них посыпались комья земли и камни.

Потеряв равновесие, Буни чуть не упал. И вдруг его взгляд упал вниз. На земле, испачканный грязью, валялся кусок головы Нарцисса. Буни сразу узнал это изуродованное лицо, и ярость охватила его.

— Ах ты, ублюдок! — зарычал он.

Декер на мгновение остановился и посмотрел на Буни.

— Ты тоже можешь умереть, — сказал он, и Буни не узнал его голоса.

Но это был Декер. Он стоял перед ним и размахивал ножом, демонстрируя свою силу и преимущество. Лезвие со свистом рассекало воздух. Жуткий звук. У Буни все похолодело внутри.

«Декер прав, — подумал он вдруг. — Мертвые тоже могут умереть».

Буни глубоко вздохнул. Он уже понял, какую роковую ошибку сделал, сохранив перед Декером человеческий облик. Но он наивно полагал, что их последняя встреча должна быть именно такой. Он хотел остаться в его глазах человеком, чтобы высказать все, что накопилось в душе.

Не получилось. И теперь это будет битва человека со зверем.

Буни ощутил знакомое превращение в своем теле. Какие необыкновенные чувства вызывали они в его душе! Даже в той, прошлой жизни он никогда не испытывал такого наслаждения, как в эти минуты, когда каждая его клеточка наполнялась удивительной, нечеловеческой силой.

Декер поднял нож, намереваясь поразить врага до того, как тот успеет закончить свое превращение. Но реакция Буни была мгновенной. Он прыгнул вперед и сорвал маску с лица убийцы. Декер вскрикнул и инстинктивно прикрыл голову руками. Буни, ревя от ярости, принялся с остервенением рвать ненавистную ткань. Клочья летели во все стороны. Декер пришел в себя и, воспользовавшись моментом, ударил Буни ножом в грудь. Однако, когда он занес нож во второй раз, Буни ловко перехватил удар и прижал руку Декера к стене с такой силой, что у того затрещали кости. Нож упал на землю.

Вот оно — это лицо — совсем рядом. Эти глаза, в которые он смотрел порой часами, ища спасения и утешения. Перед ним замер человек, которому он безгранично верил и который жестоко лгал ему все эти долгие годы. Лапа скользнула к шее и вцепилась жертве в горло. Еще секунда, и острые когти стали рвать кожу и мясо. Кровь брызнула во все стороны. Тело Декера задрожало и начало оседать.

Но Буни подхватил его и, прижав к стене, принялся раздирать на части. Он уже смутно помнил все то, что сотворил этот человек. Сейчас он был только зверем, монстром из Мидина, размазывающим по стене останки своей жертвы, которая когда-то была человеком. Потом он бросил окровавленное, растерзанное тело на землю и принялся топтать его ногами.

Даже в порыве своего страшного гнева, не видя ничего, кроме крови, Буни твердо помнил — этот человек никогда не должен подняться, воскреснуть из мертвых. Именно поэтому он не прикоснулся к нему зубами, зная, что тем самым может подарить Декеру вторую жизнь. Нет, он должен сгнить здесь, исчезнуть с лица земли, превратиться в прах. Буни знал, что делает. До сих пор он был невиновен. А теперь стал убийцей человека, который задолго до этого обвинил его во множестве страшных преступлений. Ну что ж, Декер не дожил до того, о чем так мечтал.

Бросив тело, Буни отправился на поиски Лори. Где искать — он знал. Внизу темнела огромная трещина. Креститель забрал ее к себе и, словно приглашая его туда же, вдруг заревел, выбросив наружу гигантский столб ледяного пламени. Не раздумывая, Буни бросился вниз.

Глава 24

Оставшись один, Эшбери долго не мог сориентироваться, пока наконец не заметил странный свет, исходивший из-под развалин и многочисленных трещин в скале. Этот свет казался почему-то холодным и каким-то липким. Заинтригованный, он стал ходить от одной трещины к другой, а свет становился все ярче.

Если бы Эшбери знал, кто является источником этого света...

Он, возможно, испугался бы. Но он не знал. Он видел только свет, который манил его за собой.

Когда Буни оказался в пещере крестителя, он увидел, что вдоль стен стоят на коленях, повернувшись спиной к пламени, с завязанными глазами, одиннадцать представителей племени тьмы. Среди них были Рейчел и Лайлесберг.

На земле, справа от входа, лежала Лори. Рука и лицо ее были в крови, глаза закрыты. Буни быстро подошел к ней и тут же почувствовал на себе чей-то взгляд. Он невольно повернулся в сторону ледяного пламени и застыл, встретившись глазами с Бэфоуметом.

— Подойди ближе, — сказал креститель. — Сам.

Буни испугался. Столб пламени казался в два раза больше того, что он видел в прошлый раз. От него веяло таким страшным холодом, что даже в том месте, где сейчас стоял Буни, находиться можно было с трудом. А Бэфоумет звал его ближе.

— Не бойся, — сказал он. — На тебе кровь твоего врага. Она защитит тебя от холода.

Буни сделал шаг к Бэфоумету. Его тело, изрешеченное пулями и изрезанное ножом, давно уже не ощущало никакой боли. Оно было бесчувственным и практически неуязвимым. Но сейчас его обдало жгучим холодом. И обнаженное тело почувствовало это, отозвавшись острой, колющей болью. Однако Бэфоумет был прав. Кровь Декера все-таки согревала его, становясь с каждой секундой все горячее и горячее.

— Оружие, — сказал Бэфоумет. — Выброс его.

Буни совсем забыл о ноже, который торчал у него в шее. Он вытащил его и отбросил в сторону.

— Подойди еще ближе, — сказал креститель.

Буни подчинился, хотя страх не покидал его.

Неожиданно креститель что-то протянул из огня и схватил Буни за волосы. Буни не успел заметить, рука это или какая-то другая часть расчлененного тела. Он только почувствовал, как Бэфоумет тянет его к себе, прямо в пламя. Кровь Декера уже не спасала от жуткого холода. Лицо, казалось, покрылось коркой льда. Но сопротивляться было бы бесполезно. Бэфоумет подтащил Буни к себе и погрузил его голову в пламя. В ту же секунду Буни понял, что с ним делают: это обряд крещения.

И как бы в подтверждение его мыслей Бэфоумет торжественно произнес:

— Теперь ты Кабал.

Боль постепенно утихала. Буни открыл рот, чтобы перевести дыхание, и огонь ринулся в его организм, наполняя каждую клеточку новой силой, неся с собой его новое имя, а вместе с этим и новый смысл его существования.

Он больше не Буни. Он Кабал. Один из многих, подобных ему.

Вместе с крещением он получил от Бэфоумета великий дар: настоящую вторую жизнь, которая позволит ему любить и иметь детей. Но он во многом теперь потеряет свою неуязвимость, и не потому что в его жилах будет течь настоящая кровь. Бэфоумет поручает ему серьезное, важное дело.

— Сегодня ночью меня должны спрятать, — сказал креститель. — У всех нас есть враги, но мои враги самые жестокие и опасные. Меня заберут сегодня отсюда и спрячут от них.

Теперь понятно, для чего собрались здесь все оставшиеся представители племени тьмы. Они разберут Бэфоумета по частям и спрячут.

— Для тебя тоже есть дело, Кабал, — сказал Бэфоумет. — Я не обвиняю тебя. Это должно было случиться. Ничего не бывает вечным. Но я поручаю тебе...

— Да, я слушаю.

— *Восстанови то, что ты разрушил.*

— Новый Мидин?

— Нет.

— А что же?

— Ты должен найти место для нас в этом мире.

— Помогите мне.

— Я не могу. Это ты должен помочь мне. Ты разрушил наш мир. Ты и восстановишь его.

— Но с чего начать? — растерянно проговорил Кабал.

Но Бэфоумет вместо ответа вдруг слабо заговорил:

— Спасите меня. Спасите меня от моих врагов.

Его голос потерял свою величественность. Теперь в нем звучала только мольба о помощи. Сидящие у стены люди пришли в движение. Несмотря на завязанные глаза, они уверенно направились к пламени, которое уже почти совсем угасло, и встали вокруг, протянув вперед руки. Тело Бэфоумета начало распадаться. Каждый, получив свою часть, быстро заворачивал ее и уходил.

Процесс этот был для Бэфоумета, видимо, очень болезненным. Кабал, продолжая стоять там, где он принял крещение, почувствовал эту боль всем телом, как свою собственную. В какое-то мгновение она стала почти невыносимой, и он поспешил выйти из угасающего пламени.

Но что-то заставило его обернуться. Последняя часть Бэфоумета — огромная, белая голова — неподвижно повисла в огне. И тут Кабал почувствовал, как организм его стал оживать. Застывшая кровь вновь потекла по венам, сердце застучало. Он выпрямился, ощущая небывалый прилив сил.

Наконец Лайлесберг подхватил голову крестителя и, завернув ее, быстро ушел.

Пещера опустела. И пламя вдруг вновь разгорелось с такой силой, что Кабал едва успел отскочить на безопасное расстояние.

А наверху был Эшбери. Он почувствовал неладное и попытался спастись, но не успел. Слишком долго он ходил по кладбищу, высматривая источник необыкновенного света. Вырвавшееся из-под земли пламя подхватило его и подбросило вверх. Он закричал и упал на землю. Вся его одежда — ряса и кружевное белье — превратилась в прах. Страшный огонь не пощадил и его тело. Он лежал обнаженный и изуродованный до неузнаваемости.

Кабал с опаской поглядывал на разбушевавшийся костер. Огонь уже прожег потолок пещеры и вырвался наружу. Искры летели во все стороны. Языки пламени подбирались к лежащей на земле Лори. Кабал понял, что нужно уходить. Лори уже пришла в себя. По ее испуганным глазам Кабал догадался, что она видела обряд крещения и теперь боится его.

— Это я, — сказал он. — Все тот же.

Он подал ей руку и помог подняться на ноги.

— Я понесу тебя, — предложил он.

Но Лори покачала головой. Взгляд ее упал на нож Декера, который валялся за спиной Кабала. Он оглянулся и спросил:

— Он тебе нужен?

— Да.

Прикрывая голову руками, Кабал сделал несколько шагов и быстро поднял кинжал.

— Он мертв? — спросила Лори, когда Кабал подошел к ней.

— Да, — ответил тот.

* * *

Однако труп они не нашли. Туннель, в котором Буни одержал победу над своим противником, уже обвалился, как, впрочем, и весь Мидин. Когда они вышли на поверхность, вокруг не осталось ни одного склепа или мавзолея — одни развалины. Главные ворота хорошо просматривались даже издалека, и они быстро пошли по направлению к ним. Ни одного живого существа не встретилось им на пути. Тот, кто не успел покинуть Мидин, погиб в огне или под развалинами.

У самых ворот Лори неожиданно остановилась. На земле лежала кукла, сделанная из травы с венком из весенних цветов — игрушка Бабетты. Лори дотронулась до нее, и тут же перед ее глазами возникло видение. Ей показалось, что она бежит по какому-то полю в поисках убежища. Лори сразу все поняла — она снова видит глазами этой необыкновенной девочки, и, наверное, в последний раз. Она хотела передать ей свои мысли, попрощаться, но не успела. Сзади что-то затрещало. Лори быстро оглянулась. Каменные столбы, на которых держались ворота, пошатнулись. Кабал едва успел схватить ее за руку и оттащить в сторону...

Хотя часов не было ни у него, ни у Лори, Кабал четко знал, сколько времени осталось до рассвета. Это был еще один дар Бэфоумета. Он мог теперь видеть всю Землю как на ладони и без труда определять точное время суток.

И еще. Он больше не боялся солнца. Креститель позаботился и об этом. Солнечный свет ему не страшен. Конечно, предпочтительнее ночь, но и днем он может жить, не прячась от жарких лучей, которые так опасны для всех его братьев и сестер из племени тьмы. Он представил их, судорожно ищущих в этот час убежище перед наступающим новым днем. Где они теперь? Сколько их, тех, которые спаслись? Бредут усталые, падая и вновь поднимаясь... Он мысленно пожелал им удачи.

Но это еще не все. Ему предстоит найти их, собрать вместе. Невольно он причинил им зло и теперь обязан помочь, облегчить страдания, чего бы ему это ни стоило.

— Я должен отправиться в путь сегодня, — сказал он Лори. — Иначе следы совсем затеряются, и я никогда не смогу найти их.

— Одного я тебя не отпущу, Буни.

— Я больше не Буни, — ответил он.

— Почему?

Они присели на землю, и он принялся рассказывать ей про все то, что узнал от крестителя. Лори, все еще дрожа от пережитых волнений, сидела молча, и лишь изредка, когда он вдруг запинался, говорила слабым голосом:

— Продолжай. Я хочу знать все.

Но о многом она и так догадывалась, потому что сама была участником всех этих невероятных и жутких событий. Без нее Буни никогда бы не вернулся в Мидин, и что стало бы с его обитателями — даже представить страшно. Он спас их всех и, конечно, должен выполнить поручение крестителя.

Лори все понимала, но сердце ее не могло смириться с этим.

— Ты не оставишь меня, — сказала она. — После всего того, что произошло... Нет... — Она положила руку ему на колено. — Вспомни... Там, в камере...

Он взглянул на нее.

— Ты сказала тогда, чтобы я забыл обо всем. Это спасло меня. Но то, что случилось здесь... Понимаешь, я никогда не прощу себе. Ведь я отнял у них последнее.

— Ты ни в чем не виноват.

— Если бы я не пришел сюда, все осталось бы по-прежнему. И теперь я должен восстановить то, что разрушил.

— Тогда возьми меня с собой. Мы пойдем вместе.

— Нельзя. Ты живая, Лори. А я нет. Ты человек. А я...

— Можно все изменить.

— О чем ты говоришь?

— Я могу стать такой же, как ты. Ведь это не трудно. Пелоквин один раз укусил тебя и ты стал другим. То же можно сделать и со мной.

— Я не могу.

— Ты просто не хочешь.

Она повертела в руках нож Декера и положила его рядом с собой.

— Ты не хочешь, чтобы мы были вместе. Все очень просто. — Она слабо улыбнулась. — Разве я не права?

— Нет... Я должен закончить свое дело... — ответил он. — И тогда, может быть...

— Ну, конечно, через сто лет! — воскликнула она, и слезы потекли по ее лицу. — Ты придешь, выкопаешь меня из могилы и скажешь... вот... хотел прийти раньше, но время так быстро летит...

— *Лори...*

— Замолчи! Я больше не хочу тебя слушать! — Она отвернулась. — У тебя важное дело, и, конечно, никто не должен мешать.

Он сидел молча.

— Ну, что же ты ждешь? Иди! Не хочу тебя видеть...

Он встал, она больше не плакала, и ему стало легче. Он сделал несколько шагов назад. Лори по-прежнему смотрела в сторону. Тогда он повернулся и зашагал прочь.

Лори подняла глаза и, увидев его удаляющуюся спину, поняла, что это все. Она взяла нож Декера и приставила острие к своему животу. Конечно, одной рукой ей вряд ли удастся что-то сделать, поэтому она встала на колени... Рукоятка ножа уперлась в землю. Еще мгновение — и она навалилась на кинжал всей тяжестью своего тела. Боль оказалась невыносимой, и она громко вскрикнула.

Он обернулся и увидел, как она корчится на земле в луже крови. Он бросился к ней, перевернул на спину. Ее тело уже билось в предсмертных судорогах.

— Это... неправда, — едва слышно проговорила она. — Я хочу видеть только тебя.

— Не умирай, — сказал он. — Господи! Только не умирай!

— Спаси меня.

— Я не знаю как...

— Убей меня... Твоя слюна... Она даст мне вторую жизнь.

Лицо ее исказилось от боли. Задыхаясь, она проговорила:

— Если ты не можешь взять меня с собой, то пусть я умру. Это лучше, чем жить без тебя.

Он приподнял ее голову. Слезы застилали ему глаза. Она захрипела. Еще несколько секунд и ее не станет, и тогда уже ничто не сможет ей помочь.

— Нет? — прошептала она и закрыла глаза.

Он наклонился над ней, а потом впился зубами в ее шею. Горячая кровь заполнила его рот. Он чуть не захлебнулся, но долго не отрывался от нее, стремясь, чтобы та сила, которой он был наделен, попала в ее организм.

Тело Лори обмякло. Он поднял голову и долго смотрел на нее. Но она не шевелилась. Господи! Что он сделал! Она была для него всем. А он не успел выхватить ее из лап смерти.

Убитый горем, он осторожно опустил ее на землю. И тут... она открыла глаза и тихо сказала:

— Я никогда тебя не оставлю.

Глава 25

Тело Эшбери нашел Петтин, но опознать священника мог только Игерман. Удивительно, но несчастный был еще жив, несмотря на полученные увечья. Ему ампутировали обе ноги и одну руку выше локтя. После операции он находился в глубочайшей коме, но все-таки выжил, хотя все хирурги утверждали, что шансов у него практически нет. Но они не знали, что огонь, который покалечил его, был не простым. Этот же огонь и позволил выжить ему на удивление всем.

Игерман не отходил от него круглые сутки, с нетерпеливым ожиданием вглядываясь в его лицо, потому что был уверен — Эшбери укажет ему дорогу к тому дьяволу, который искалечил и его жизнь тоже. После двух месяцев беспамятства Эшбери пришел наконец в себя. Рассудок его помутился, но Игерман ловил каждое слово священника, несмотря на то, что многим его речь казалась абсолютно бессвязной. А рассказал он очень много. Упомянул Бэфоумета, Кабала. Поведал о том, что тело идола разобрали по кусочкам и спрятали. Кроме того, он утверждал, что знает, как их найти.

— Я найду по запаху, — без устали повторял он.

— Вы сможете привести нас к нему? — спрашивал Игерман.

— Смогу, — неизменно отвечал Эшбери.

— Тогда я иду с вами, — не колеблясь ни секунды, заявил Игерман.

Никто, кроме него, не воспринимал всерьез рассказ безумного священника. И власти охотно предоставили Игерману возможность взять на себя заботу о несчастном и распорядиться его судьбой. «Они стоят друг друга», — таково было общее мнение об этой странной парочке.

Эшбери находился в полной зависимости от Игермана, по крайней мере, первое время. Накормить, одеть, вымыть... Ухаживать за безумным калекой — занятие не из приятных, но Игерман знал, что только с помощью Эшбери он сможет отомстить врагам за свое унижение. Сумасшедший священник — единственный человек на земле, в чьих руках ключ к разгадке. Игерман добьется своего. И тогда наступит его день, который не сравнится даже с днем страшного суда.

Они разбрелись по всему континенту в поисках убежища.

Кто-то подался на родину своих предков, осев в небольших провинциальных городках. Некоторые решили обосноваться в крупных городах, таких, как Торонто, Вашингтон, Чикаго, рассчитывая затеряться в толпе. Им казалось, что на этих кишащих людьми улицах, где давно уже стерта грань между добром и злом, между правдой и ложью, легче оставаться незамеченным. Но все они без исключения знали, что долго им не продержаться. Год, два, три... и люди обнаружат их, и снова начнутся гонения.

А значит, осторожность — превыше всего. Придется отчаянно голодать, тщательно подбирая себе жертву из тех, кого не будут искать, о ком не будут скорбеть. Придется следить за тем, чтобы ни одна жертва не осталась в живых, получив со слюной оборотня дозу чудодейственного бальзама. Нельзя принимать чужаков, нельзя раскрывать свой секрет. А если попадется кто-то один, другие не должны рисковать безопасностью всех. Жестокие законы, но нарушение их грозит страшными последствиями.

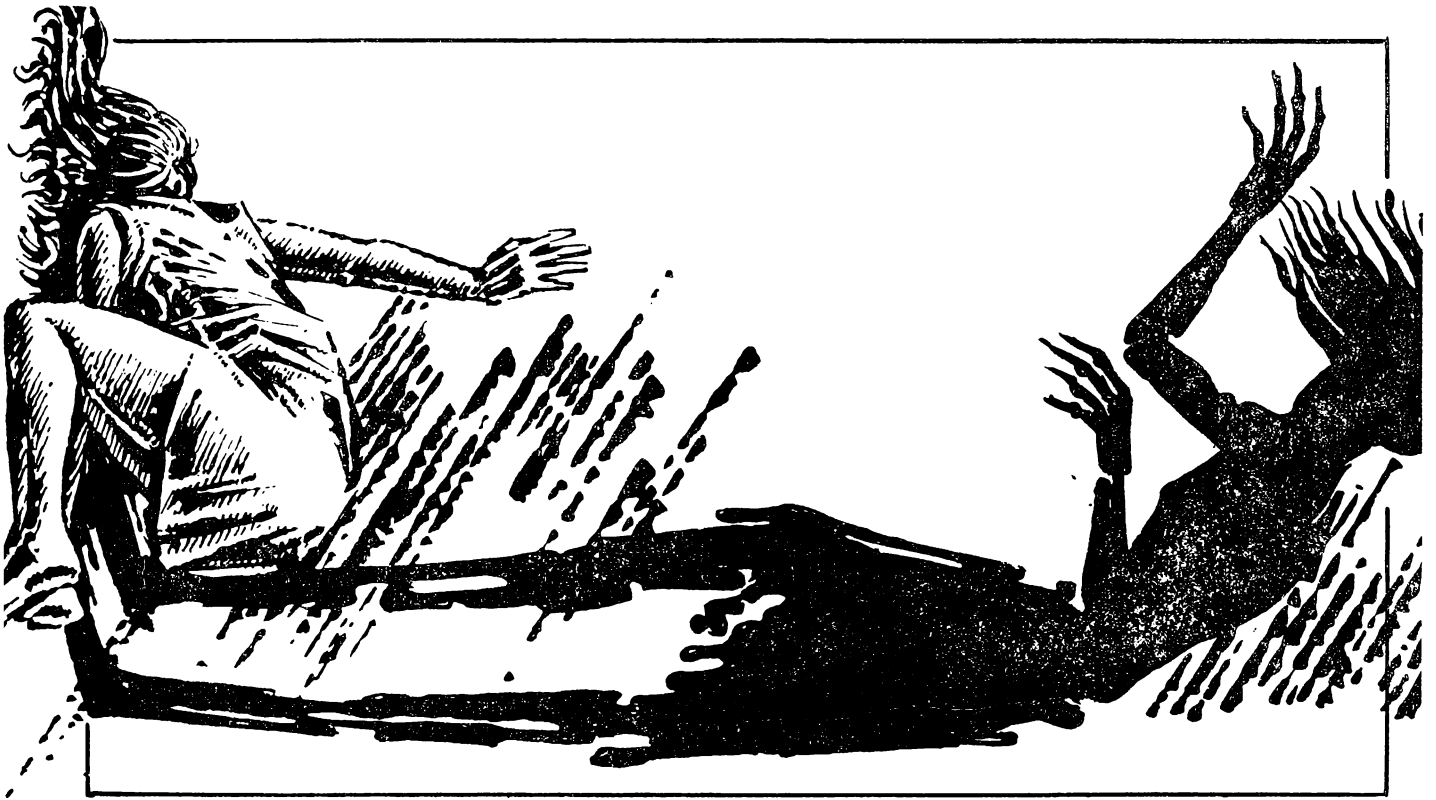
И еще... терпение, к которому они все уже привыкли. Если оно не изменит им и на этот раз, спаситель непременно придет.

Лишь немногие знали, кто он, но его имя было на устах у всех. Кабал. *Тот, кто разрушил Мидин.* Они повторяли это имя в своих молитвах изо дня в день, потому что знали — с его приходом изменится все.

А пока... Пока нужно как-то существовать. Растить детей, оберегая их от яркого солнца. Утешать стариков. И следить за молодежью — вокруг живые люди, а любовь не знает границ...

Это была жизнь.

СТРАХ



трах — вот та тема, в которой большинство из нас находит истинное удовольствие, прямо-таки какое-то болезненное наслаждение. Прислушайтесь к разговорам двух совершенно незнакомых людей в купе поезда, в приемной учреждения или в другом подобном месте: о чем бы ни велась беседа — о положении в стране, растущем числе жертв автомобильных катастроф или дороговизне лечения зубов, собеседники то и дело касаются этой наболевшей темы, а если убрать из разговора иносказания, намеки и метафоры, окажется, что в центре внимания неизменно находится страх. И даже рассуждая о природе божественного начала или о бессмертии души, мы с готовностью перескакиваем на проблему человеческих страданий, смакуя их, набрасываясь на них так, как изголодавшийся набрасывается на полное до краев, дымящееся блюдо. Страдания, страх — вот о чем так и тянет поговорить собравшихся неважно где: в пивной или на научном семинаре; точно так же язык во рту так и тянется к больному зубу.

Еще в университете Стивен Грейс напрактиковался в этом предмете — страхе человеческом, причем не ограничиваясь рассуждениями, а тщательнейшим образом анализируя природу явления, препарируя каждую нервную клетку собственного тела, докапываясь до глубинной сути самых затаенных страхов.

Преуспел он в этом благодаря весьма достойному наставнику по имени Куэйд.

В то время университеты Англии охватило повальное увлечение различного рода гуру: молодые люди обоих полов лихорадочно искали себе пастыря, неважно, с Востока или с Запада, чтобы, словно ягнята, слепо следовать, куда тот укажет. Стив Грейс не был исключением. К несчастью, его «мессией» оказался именно Куэйд.

Познакомились они в студенческой забегаловке.

— Меня зовут Куэйд, — без лишних церемоний представился Стиву парень, оказавшийся рядом с ним за стойкой бара, — а ты, если не ошибаюсь...

— Стив Грейс.

— Точно. С отделения этики, верно?

— Верно.

— Вот только что-то я тебя не видел на остальных лекциях и семинарах факультета философии...

— А я с филологического, с отделения английской литературы. Как ты, должно быть, знаешь, мы ежегодно выбираем какой-нибудь дополнительный предмет. Мне предложили древнескандинавские языки, но это было бы уж слишком.

— И ты подался на этику...

— А что мне оставалось?

Куэйд заказал двойной бренди. По его лицу нельзя было сказать, что он может себе позволить подобные напитки, ну а уж Стив из-за двойного бренди выбился бы из бюджета на целую неделю. Куэйд же, залпом осушив бокал, велел повторить.

— А ты что будешь пить? — поинтересовался он у Стива, который мурыжил полпинты уже теплого легкого пива, надеясь растянуть его еще примерно на часок.

— Мне ничего не хочется.

— Брось.

— Серьезно, этого вполне достаточно.

— Тогда, — обратился Куэйд к бармену, — еще один бренди и пинту пива моему приятелю.

Стив не стал возражать против такой щедрости. В конце концов, полторы пинты пивка слегка развеют охватившую его тоску накануне семинара по теме «Анализ проблем общества в произведениях Чарльза Диккенса». Сама мысль о предстоящем семинаре вызвала у него неодолимую зевоту.

— Интересно, — проговорил Стив, — почему никому не пришло в голову родить диссертацию о пьянстве как одном из видов общественной деятельности?

Куэйд задумчиво взглянул на свой бокал бренди, который тут же и осушил.

— Или как о способе забыться... — заметил он при этом.

Стив окинул взглядом нового знакомого. Был он лет на пять старше самого Стива, которому недавно исполнилось двадцать. Одежда Куэйда представляла собой довольно забавный коктейль: сильно поношенные кроссовки и брюки из плиса плохо сочетались с дорогой кожаной черной курткой поверх когда-то белоснежной, а теперь грязновато-серой рубашки, свисавшей с его худющих, костлявых плеч. Его продолговатое лицо «украшали» массивные очки, за стеклами которых малюсенькие зрачки едва выделялись на молочно-белом фоне глазных яблок. Полные, почти негритянские губы были также бледными, сухими, одним словом, не из тех, что называют чувственными. Все это дополняли светлые, давно не мытые волосы.

Он напоминает мелкого торговца наркотиками из Голландии, которых развелось полным-полно, решил Стив.

В отличие от подавляющего большинства студентов, Куэйд не носил значков, удостоверяющих принадлежность к одной из многочисленных и разношерстных организаций: сексуальным меньшинствам, участникам кампании в защиту китов, нацистам-вегетарианцам и тому подобным. Так кто же он такой, черт побери?!

— Лучше бы ты выбрал древнескандинавские языки, — тем временем заметил Куэйд.

— Это еще с какой стати?

— А там не заставляют даже писать курсовых работ.

Это для Стива было новостью. Куэйд продолжал:

— И отметок не ставят. Зачеты принимают, подбрасывая монетку: выпал орел — значит, сдал, решка — приходи в другой раз.

Теперь до Стива, наконец, дошло, что Куэйд шутить изволит. Он выдавил смешок, в то время как физиономия самого Куэйда оставалась бесстрастной.

— И все-таки древнескандинавские языки тебе бы больше подошли, — продолжал он. — Да и кого интересует этика в

наше время? Епископ Беркли, Платон и остальная дребедень... Все это — дерьмо собачье.

— Совершенно справедливо.

— Я за тобой понаблюдал на лекциях...

Это уже интересно, подумал Стив.

— Ты никогда не пишешь конспектов?

— Никогда.

— На это я и обратил внимание... Отсюда вывод: либо ты целиком полагаешься на собственную память, либо тебе вся эта муть просто-напросто до фени.

— Ни то, ни другое. Конспекты меня жутко утомляют, вот и все.

Усмехнувшись, Куэйд извлек пачку дешевых сигарет. Еще одна несообразность, подумал Стив. Если уж курить, то что-нибудь приличное — «Голуаз» или «Кэмел», либо уж не курить вообще.

— Настоящей философии здесь не обучишься, — с непоколебимой убежденностью проговорил Куэйд.

— В самом деле?

— Конечно. Нас пичкают Платоном, Бентамом* и прочей ахинеей; настоящий же анализ полностью игнорируется. Все, что нам преподают, конечно, очень правильно, но это ведь совсем не то, что нужно. Истинная философия, Стивен, чем-то напоминает зверя, дикого, необузданного зверя. Ты со мной согласен?

— Что-то я, честно говоря, не понял. Какого зверя?

— Дикого, Стив, дикого. Который может укусить.

Внезапно Куэйд как-то лукаво-хитровато усмехнулся.

— Да, может укусить, — повторил он с видимым наслаждением.

Подобная метафора была выше понимания Стива, тем не менее он согласно кивнул.

— По-моему, предмет этот для нас — настоящая пытка. — Мысль о подвергающихся пытке студентах, очевидно, чрезвычайно понравилась Куэйду. — И это правильно, если

---

*Джереми Бентам (1748-1832) — англ. философ, социолог, юрист. Родоначальник философии утилитаризма. (Прим. перев.)

бы только философию преподавали здесь иначе: без этого псевдонаучного словоблудия с единственной целью скрыть от нас истинную суть вещей.

— И как же, по-твоему, следует преподавать философию?

Стиву больше уже не казалось, что Куэйд шутит: напротив, он выглядел очень серьезным. Его и без того маленькие зрачки сузились до размеров булавочной головки.

— Взять нас за руку и подвести к этому дикому зверю вплотную, чтобы его погладить, приласкать, покормить его... Ты со мной согласен, Стивен?

— Хм... Да что это за зверь такой?

Непонимание Стива, похоже, слегка раздражало Куэйда, тем не менее он терпеливо продолжал:

— Я говорю о предмете всякой философии, Стивен, если, конечно, она стоящая. Предмет этот — страх, в основе которого лежит прежде всего неизвестность. Люди пугаются того, чего не знают. Вот, например, стоишь ты в темноте перед закрытой дверью. То, что находится за ней, тебе внушает страх...

Стив воочию представил себя во тьме, перед закрытой дверью. Он наконец-то начал понимать, к чему клонит Куэйд: все его столь запутанные рассуждения о философии были лишь прелюдией к разговору о главном — о страхе.

— Вот что должно интересовать нас прежде всего: то, что лежит в глубинах нашей психики, — продолжал Куэйд. — Игнорируя это, мы рискуем...

Внезапно Куэйд запнулся: красноречие оставило его.

— Рискуем — что?

Куэйд уставился в опустевший стакан, вероятно, желая его наполнить снова.

— Хочешь повторить? — спросил его Стив, в глубине души стремясь услышать отрицательный ответ.

Вместо этого Куэйд переспросил:

— Чем мы рискуем? Ну, по-моему, если мы сами не пойдем зверю навстречу, если его не разыщем и не приласкаем, тогда...

Стив ощутил, что наступил кульминационный момент разговора.

— Тогда, — закончил Куэйд, — зверь рано или поздно сам придет за нами, где бы от него не прятались.

Страх — вот та тема, что неизменно доставляет нам какое-то болезненное наслаждение. Если, конечно, речь идет о чужом страхе.

В последующие две недели Стив ненавязчиво навел кое-какие справки о философствующем мистере Куэйде, и вот что выяснил.

Знали его лишь по фамилии, имя же никому не было известно.

Точно так же никто точно не знал, сколько ему лет, и только одна из секретарш считала, что Куэйду уже за тридцать, что весьма удивило Стивена.

Та же секретарша слыхала от самого Куэйда, что родители его умерли, но почему-то полагала, что их убили.

Больше никаких сведений о Куэйде собрать не удалось.

* * *

— Я твой должник за выпивку, — произнес Стив, дотрагиваясь до плеча Куэйда. Тот дернулся от неожиданности и обернулся. — Бренди, как и в прошлый раз? — поинтересовался Стив.

— Да, благодарю.

— Что, напугал тебя, подкравшись незаметно? — осведомился Стив после того, как заказал напитки.

— Да нет, просто я что-то задумался.

— А мне казалось, что это перманентное состояние философов...

Стив сам не мог понять, почему его вновь потянуло к парню не только на десять лет старше его, но и явно принадлежащему к другой весовой категории, разумеется, в интеллектуальном смысле. Скорее всего, их прошлая беседа лишила Стива душевного равновесия, в особенности рассуждения Куэйда о диком звере, и теперь он жаждал продолжения. Интересно, какие еще метафоры изобретет Куэйд, что нового он скажет о бездарях-преподавателях, калечащих студентов?

С другой стороны, Куэйд на роль гуру не тянул, главным образом из-за его цинизма и неопределенности собственных концепций, если таковые вообще существовали. Определенно было только то, что его взгляды — философские, религиозные или политические — не составляли целостной системы, да он в ней попросту не нуждался.

И тем не менее, у Куэйда было собственное мировоззрение, с изрядной долей чувства юмора (хотя он и смеялся крайне редко). Окружающих он считал ягнятами, которые только и делали, что искали себе пастуха, а все те, кто претендовал на эту роль, были, по его убеждению, шарлатанами. Все что лежало за пределами загона для ягнят, внушало им непреодолимый, парализующий ужас, который и есть одна-единственная в этом мире истина, не подлежащая сомнению.

Интеллектуальное высокомерие Куэйда доходило до смешного, но Стиву вскоре начала нравиться та легкость, с которой его новый знакомый вдребезги разбивал устоявшиеся, казавшиеся незыблемыми догмы. Иногда, правда, его раздражали убийственные аргументы Куэйда против тех или иных непререкаемых для Стива истин, однако после нескольких недель общения с Куэйдом его всеразрушающий нигилизм вырос в глазах Стивена до высшего проявления свободы человеческого духа.

Воистину для Куэйда не существовало ничего святого. Родина, семья, вера, закон — все это было для него не просто пустыми словами, но и насквозь фальшивыми понятиями, сковывающими, удушающими человека. Страх — вот единственная реальность, имеющая смысл.

— Я боюсь, ты боишься, мы боимся, он, она, оно боится... — говаривал Куэйд. — Ни одно живое существо не может избежать ощущения страха, от которого сердце замирает.

Любимым оппонентом Куэйда в философских спорах была студентка филфака по имени Черил Фромм. Любимой потому, что «железные» аргументы Куэйда неизменно доводили ее до белого каления. Стив обожал наблюдать со стороны за поединками «не на жизнь, а на смерть» между его приятелем-мизантропом и «патологической оптимисткой», как Куэйд называл Черил.

— Дерьмо все это, — говорила она, когда их спор достигал точки кипения. — Да мне плевать, что ты трясешься как осиновый лист, что ты боишься собственной тени. Главное, что я сама отлично себя чувствую.

Вид ее подтверждал это на все сто. От поклонников у Черил Фромм отбоя не было, но она умела расправляться с ними с легкостью неимоверной.

— Все знают, что такое страх, — возражал ей Куэйд, уставившись на нее своими молочно-белыми глазами, стремясь (Стив это прекрасно понимал) поколебать ее непробиваемую убежденность.

— А вот и не все. Я, к примеру, не боюсь ни черта, ни дьявола.

— И никогда-никогда не испытывала страха? И по ночам кошмары не мучили?

— А с какой стати? Семья у меня замечательная, призраков в доме нет, скелеты в чулане тоже не водятся. Да я даже мяса не ем, поэтому спокойно проезжаю мимо городской бойни. Еще раз говорю: дерьмо все это. Я в самом деле не испытываю никаких страхов, но это ведь не значит, что я не живу, не существую!

Глаза Куэйда напоминали в этот момент змеиные.

— Держу пари, ты своей самоуверенностью что-то скрываешь.

— Ага, ночные кошмары, что постоянно меня мучат.

— Не исключено, причем кошмары эти жуткие.

— Тогда валяй, поведай нам о них. А мы послушаем...

— Откуда же мне знать твои кошмары?

— В таком случае поведай о своих.

Куэйд заколебался.

— Видишь ли, — наконец проговорил он, — это предмет, не подлежащий анализу.

— Не подлежит анализу моя задница! — отбрила его Черил.

Стивен не смог сдержать улыбки: анализировать задницу Черил было занятием действительно глупейшим, скорее, следовало на нее молиться.

Куэйд, тем не менее, не сдавался:

— Мои страхи — мое личное дело, и в более широком контексте они лишены смысла. Если хочешь, образы, возни-

кающие в моем мозгу, являются лишь отображением моего страха, своего рода семантическими знаками, передающими тот ужас, что и является глубинной сутью моей личности.

— У меня тоже возникают образы, — неожиданно встрял Стив. — Некоторые эпизоды из детства. Они заставляют меня задуматься о...

Стив запнулся, поняв, что чересчур разоткровенничался:

— Какие эпизоды? — уцепилась за него Черил. — Неприятные воспоминания, да? Ну, например, как ты упал с велосипеда или что-то в этом роде?

— Да, похоже на то, — кивнул Стив. — Временами подобные эпизоды вспоминаются помимо моей воли, как бы машинально, когда я ни о чем таком не думаю.

— Вот именно! — удовлетворенно хмыкнул Куэйд.

— Это есть у Фрейда, — заметила Черил.

— Чего-чего?

— Фрейд, Зигмунд Фрейд, — повторила Черил тоном, каким обычно говорят с малыми детьми. — Ты, вероятно, о нем слышал...

Куэйд скривился с нескрываемым презрением.

— Эдипов комплекс тут абсолютно не при чем. Страх, что таится в глубинах человеческой души, присутствует там задолго до того, как мы осознаем себя как личности. Зародыш в материнском чреве уже знает, что такое страх.

— Тебе это известно по собственному опыту? — подковырнула его Черил.

— Может быть, и так, — невозмутимо парировал Куэйд.

— Ну и как там, в материнском чреве?

Усмешка Куэйда словно говорила: «Я знаю кое-что такое, о чем ты и понятия не имеешь».

Усмешка эта очень не понравилась Стиву: было в ней нечто зловещее, предвещающее что-то такое фатальное.

— Трепач ты, только и всего, — подвела итог Черил, поднимаясь со стула и глядя сверху вниз на Куэйда.

— Может, и в самом деле трепач, — согласился вдруг тот как истинный джентльмен.

Довольно неожиданно все споры между ними прекратились.

Не было больше разговоров о ночных кошмарах и их глубинной сути. В течение последующего месяца Стив видел Куэйда крайне редко и неизменно в компании Черил Фромм, с которой тот был подчеркнуто вежлив, даже уважителен. Он даже перестал носить свой кожаный пиджак лишь потому, что, по ее словам, ей отвратителен запах мертвых животных. Столь внезапная и крутая перемена в их отношениях весьма озадачила Стивена, но он в конце концов довольно примитивным образом отнес ее на счет сексуальных мотивов. Сам Стивен девственником не был, однако женщина оставалась для него великой тайной матушки-природы, существом столь противоречивым, что понять его не в силах человеческих.

Он, безусловно, ревновал, хотя и сам себе не признавался в этом. Больше всего его обижало то, что амурные дела не оставляли Куэйду времени на общение с ним.

Но, как ни странно, Стивена не покидало ощущение того, что Куэйд вовсе не влюбился в Черил, а стал к ней «клеиться» из каких-то своих, одному ему известных соображений. И уж конечно не из преклонения перед ее могучим интеллектом... Каким-то шестым чувством Стив распознал в Черил Фромм будущую жертву, слепо направляющуюся прямо в силки, расставленные хитрым и безжалостным охотником.

Однажды, спустя месяц, Куэйд сам заговорил о Черил:

— А знаешь, она вегетарианка...

— Кто, Черил? — не сразу понял Стив.

— Ну, а то кто же?

— Конечно, знаю. Она ведь как-то раз сама про это говорила.

— Да, но речь идет не просто о причуде или преходящем увлечении. Это прямо-таки какое-то помешательство: ее воротит даже от запаха мяса, а мясников она ненавидит лютой ненавистью.

— В самом деле?

Стив никак не мог понять, к чему он клонит, зачем завел он этот разговор. Куэйд тут же это прояснил:

— Страх, Стивен, страх — вот где собака зарыта.

— Ты хочешь сказать, она боится мяса?!

— Видишь ли, конкретные проявления страха очень индивидуальны. Что же касается Черил, она действительно боится мяса. Послушать ее, так вегетарианское питание — источник здоровья и сбалансированного состояния организма. Бред какой! Ну да ладно, я ее выведу на чистую воду...

— Куда-куда выведешь?

— Страх — вот в чем суть, Стивен, и я это докажу.

— Но ты... — Стив постарался, чтобы его тон, выражая обеспокоенность, не прозвучал как обвинение. — Ты ведь не намереваешься каким-то образом ей навредить?

— Навредить ей? — переспросил Куэйд. — Ни в коем разе. Я ее и пальцем не трону, а если с ней что-то плохое и произойдет, то причиной тому будет она сама.

Во взгляде Куэйда было что-то гипнотическое.

— Настало время, Стивен, научиться доверять друг другу, — продолжал Куэйд, наклонившись к самому уху Стива. — Видишь ли, строго между нами...

— Куэйд, я не хочу ничего слышать!

— Однажды я уже пытался объяснить тебе: необходимо пойти зверю навстречу...

— К дьяволу твоего зверя, Куэйд! Мне все это не нравится, и я больше не желаю тебя слушать!

Стив резко поднялся, не только чтобы положить конец беседе, но и стремясь избавиться от парализующего взгляда Куэйда.

— Мы же друзья, Стивен...

— И дальше что?

— Раз так, ты должен поступать так, как поступают друзья.

— Не понимаю, о чем ты.

— Молчание, Стивен, молчание. Ни слова никому про то, что я тебе сказал, договорились?

Стив нехотя кивнул. В конце концов, это обещать он мог: с кем ему поделиться причинами своей тревоги без риска стать посмешищем?

Куэйд, удовлетворенно усмехнувшись, оставил Стива наедине с мыслью о том, что он помимо своей воли вступил в некое тайное общество с неизвестными ему целями. Куэйд заключил с ним договор, который чрезвычайно беспокоил Стива.

В течение последующей недели он напрочь забросил учебу, лишь дважды посетив университет, при этом двигаясь украдкой, моля Бога, чтобы ему не повстречался Куэйд.

Предосторожности, однако, были излишними. Однажды он действительно заметил Куэйда во внутреннем дворике, но тот не обратил на Стива ни малейшего внимания, поглощенный оживленным разговором с Черил Фромм, которая то и дело закатывалась звонким хохотом. На ее месте он бы не вел себя столь беззаботно наедине с Куэйдом, подумал Стив. Ревность уже давно покинула его, вытесненная совсем иным чувством.

Стив, избегая лекций и оживленных университетских коридоров, имел достаточно времени для размышлений. Словно язык, что так и тянется к больному зубу, мысли его то и дело вертелись вокруг одного предмета. А еще в памяти частенько возникали картинки из детства.

В шесть лет Стив попал под автомобиль. Раны были не опасными, однако вследствие контузии мальчик частично потерял слух. То, что он внезапно оказался отрезанным, пусть и не совсем, от окружающего мира стало настоящей пыткой, тем более, что малыш не мог понять, за что ему такое наказание. Казалось, что оно — навечно.

Совсем недавно его окружал мир, полный звуков, смеха, голосов, и вдруг он оказался будто внутри громадного аквариума, а вокруг плавают рыбы, нелепо улыбаясь и беззвучно разевая рты. Хуже того: Стивена замучил звон в ушах, временами переходивший в рев, а голову наполняли разнообразные неземные звуки, свист и скрежет — отдаленное эхо окружающего мира. Иногда же ему казалось, что голова вот-вот разлетится на мелкие кусочки из-за работающей внутри, грохочущей бетономешалки. В такие минуты он был на грани паники, не способный что-либо воспринимать и тем более соображать.

Но хуже всего было по ночам, когда невыносимый звон будил его в такой уютной (раньше, до несчастного случая) кроватке. Он в ужасе, покрытый липким, горячим потом, раскрывал глаза и, весь дрожа, всматривался в темноту. Как часто он молил хотя бы о недолгом облегчении, о тишине в раскалывающейся от звона голове, уже и не надеясь когда-

нибудь снова услышать человеческие голоса, смех, все богатство звуков окружающего мира!

Он так был одинок в своем аквариуме...

Одиночество — вот начало, середина и конец ЕГО страха. Одиночество и невыносимая какофония в голове. Душа его превратилась в пленника глухого, страдающего тела.

Как смог малыш вынести такое? Иногда по ночам он рыдал, как ему казалось, совершенно беззвучно. Тогда вбегали в его комнату родители, зажигали свет и, конечно же, старались как-то помочь ему, утешить его, вот только их встревоженные, склонившиеся над ним лица напоминали ему морды огромных, безобразных рыб, бесшумно разевающих рты. В конце концов мать научилась успокаивать его, по крайней мере ее прикосновения прогоняли охвативший мальчика ужас.

Слух вернулся к нему внезапно, за неделю до седьмого дня рождения. Вернулся он, конечно, не полностью, но и это казалось чудом: он вернулся в мир, каким тот был раньше и вместе с тем другим, полным новых звуков и новых красок.

Долгие месяцы мальчик вновь учился воспринимать этот мир, доверять своим органам чувств. И долго еще он просыпался по ночам, в страхе от раскалывающего голову звона и грохота.

Время от времени у него в ушах слегка звенело, из-за чего, например, Стив был не в состоянии посещать с одноклассниками рок-концерты. Слабая тугоухость осталась, но он ее едва замечал.

Однако он, конечно, ничего не забыл: ни охватывавшую его панику, ни бетономешалку в голове. А еще страх темноты и одиночества остался навсегда.

Но кто же не боится одиночества? Горького, безысходного одиночества?

Теперь у Стивена появился новый источник страха, бороться с которым оказалось куда труднее.

Этим источником был Куэйд.

Однажды, в пьянственном недоумении, Стив разоткровенничался перед Куэйдом, поведав ему о детстве, о глухоте и о ночных кошмарах.

А значит, эта его слабость — первопричина его страха — была известна Куэйду и, при случае, могла бы ему послу-

жить отличным оружием против Стивена. Возможно, именно поэтому Стив решил воздержаться от разговора с Черил (быть может, предостеречь ее), и уж конечно по этой причине он старался избегать Куэйда.

Теперь у Стива не было сомнений относительно злобной сущности Куэйда, запрятанной настолько глубоко, что распознать ее было непросто.

Стив распознал. Наверно, за четыре месяца глухоты у него выработалась привычка внимательно наблюдать за людьми, подмечал каждый взгляд, усмешку, необычное выражение лица, каждый мимолетный жест. По тысяче подобных признаков он раскусил Куэйда, почти проникнув через лабиринт его души к самому сокровенному.

Следующий этап проникновения в тайный мир Куэйда наступил лишь без малого три с половиной месяца спустя, когда начались летние каникулы, и студенты разъехались кто куда. Как обычно, Стив решил поработать в отцовской типографии. Рабочий день был долгим, труд изнуряющим физически, но после утомительной учебы Стив в типографии по-настоящему отдыхал душой и, в первую очередь, головой.

Чувствовал он себя прекрасно, практически позабыв о Куэйде.

Вернулся Стив в университет в конце сентября, когда до начала занятий на большинстве факультетов оставалась неделя, студентов было еще мало, и в кампусе царила обычная для этого времени атмосфера легкой меланхолии.

Стив заглянул в библиотеку отложить для себя несколько нужных книг, пока другие школяры не наложили на них лапы. Такая возможность была лишь в самом начале учебного года, сразу после библиотечной инвентаризации, когда еще все мало-мальски стоящие книги не успели растащить. Для Стивена тот год был выпускным, и он задался целью подготовиться к нему как следует.

Неожиданно он услыхал знакомый голос:

— Ранняя пташка...

Стив оглянулся, встретившись с колючим взглядом Куэйда.

— Ты, Стивен, меня потряс.

— Чем же?

— Энтузиазмом, — улыбнулся Куэйд. — Что ищешь?

— Что-нибудь из Бентама.

— У меня есть его «Основы морали и права». Сгодится?

Это была явная ловушка: отказаться Стивен просто-напросто не мог, а принять предложение... Хотя, какого дьявола? Он предлагает такую нужную Стиву книгу безо всякой задней мысли...

— Раздумываешь? — Улыбка стала шире. — Ну, подумай-подумай. Экземпляр, если я не ошибаюсь, библиотечный, так что почему бы тебе его и не взять?

— Хорошо, спасибо тебе.

— Как провел каникулы?

— Благодарю, прекрасно. А ты?

— Я-то? Чрезвычайно плодотворно.

Улыбка медленно погасла под его...

— Усы отпустил? — только теперь заметил Стивен.

Жидкие, клочковатые, грязно-русые усы совершенно ему не шли и казались приклеенными. Из-за них Куэйд, судя по всему, и сам испытывал неловкость.

— Это из-за Черил, да?

Теперь Куэйд уже явно смутился.

— Да понимаешь...

— Похоже, каникулы у тебя выдались и в самом деле неплохими.

Неловкость сменилась чем-то другим.

— У меня есть несколько великолепных фотографий, — сказал Куэйд. — Хочешь, покажу?

— А на какую тему?

— На тему каникул...

Жуткая догадка озарила Стива: неужели Черил Фромм стала миссис Куэйд?!

— От некоторых снимков, Стивен, просто обалдеешь.

Да что же, черт возьми, за фотографии такие? Порнуха с Черил, что ли, или он ее подкараулил за чтением Канта?

— Не знал, что ты увлекаешься фотографией.

— Теперь это моя страсть.

При слове «страсть» Куэйд так и засиял. Улыбка его стала какой-то плотоядной.

— И не вздумай отказываться, — сказал он. — Давай-ка, заходи ко мне, посмотришь.

— Видишь ли...

— Сегодня вечером, о'кей? Заодно и Бентама прихватишь.

— Что ж, спасибо.

— У меня теперь свой дом, понял? На Пилгрим-стрит, тридцать шесть, это от роддома сразу за углом. Где-то после девяти годится?

— Вполне. Еще раз спасибо. Значит, Пилгрим-стрит?

Куэйд кивнул.

— А мне казалось, что на Пилгрим-стрит жилых домов вообще нет...

— Дом номер тридцать шесть, запомнишь?

Пилгрим-стрит давным-давно пришла в упадок: большинство расположенных здесь домов превратились в руины, а остальные подлежали сносу. Те, что уже начали сносить, напоминали пациента под ножом хирурга: их внутренности противоестественно зияли, со стен клочьями свисали розовые или светло-зеленые обои, камины будто повисли на дымоходных трубах, лестницы вели в никуда.

Дом номер тридцать шесть был пока цел, в отличие от двух своих соседей: их не только снесли, но и сровняли остатки с землей при помощи бульдозера, оставив толстый слой кирпичной пыли, сквозь который пыталась прорасти сорная трава.

Территорию вокруг тридцать шестого дома патрулировала грязно-белая псина на трех ногах, одну из которых псина то и дело поднимала, чтобы оставить знак того, что это место — ее собственность.

Дворцом дом Куэйда назвать было трудно, и все же он выгодно контрастировал на столь безрадостном фоне.

Стив захватил бутылку скверного красного вина, которую они выпили, после чего покурили немного «травки», и Куэйд как-то быстро и сильно опьянел. Таким Стиву до сих пор не доводилось его видеть: вместо своих извечных рассуждений о страхе он то и дело беспричинно хохотал и даже рассказал пару скабрезных анекдотов. Обстановка у него была более чем спартанской: никаких там картинок на стенах, да и

вообще никаких украшений, книги — сотни, книг — валялись на полу в полнейшем беспорядке, на кухне и в ванной имелось лишь самое необходимое, в общем, жилище Куэйда чем-то напоминало монастырскую келью.

Через пару часов столь легкомысленного времяпрепровождения любопытство Стива взяло верх.

— Ну, и где же твои знаменитые снимки? — осведомился он.

Язык у него немного заплетался, но Стиву было наплевать.

— Ах, да, — проговорил Куэйд, — мой эксперимент...

— Какой-такой эксперимент?

— Откровенно говоря, Стив, я уже засомневался, стоит ли эти фотографии тебе показывать.

— А почему бы и нет?

— Послушай, Стивен, я серьезно.

— А я не в состоянии воспринимать серьезные вещи, так? Ты это хочешь сказать?

Стив в глубине души чувствовал, что, настаивая, совершает ошибку, но остановиться он уже не мог.

— Я и не говорю, что ты не в состоянии воспринимать, — возразил ему Куэйд.

— Да что там у тебя на этих фотографиях?!

— Ты помнишь Черил?

Помнил ли Стив Черил? Еще бы!

— Она в этом году в университет не вернется, — огорошил его Куэйд.

— Что-о-о?!

— Видишь ли, ее посетило озарение.

Взгляд Куэйда был теперь как у василиска.

— О чем ты?

— Она отличалась поразительным самообладанием... — Куэйд говорил о Черил в прошедшем времени, как о покойнике. — Самообладанием, хладнокровием, собранностью...

— Да, это так, но что с ней, черт возьми...

— Сучкой она была, вот что. Обыкновенной сучкой, которой нужно лишь одно: подходящий кобель, чтобы потрахаться.

Стив шмыгнул носом, как ребенок. Грязное замечание Куэйда шокировало его так, как первоклассника шокировал бы член, торчащий из штанов учителя.

— Часть каникул она провела здесь, — продолжал Куэйд.

— Как это?

— Да, именно здесь, в этом доме.

— Ты любил ее?

— Любил ли я ее? Эту тупую корову, эту дуру с претензиями?! Эту сучку, которая никак не желала расстаться со своей... Да ладно, что там говорить.

— Расстаться с девственностью? Ты это хочешь сказать?

— Девственностью?! Ха! Да она была всегда готова раздвинуть ноги, лишь почуяв кобеля. Нет, я говорю о ее навязчивой идее, о ее страхе...

Опять старая песня!

— Но мне все-таки удалось ее переубедить, черт побери!

С этими словами Куэйд из-за стопки книг по философии вытащил ящичек, внутри которого оказались черно-белые фотографии размером вдвое больше почтовой карточки. Он взял верхний снимок и протянул Стиву.

— Видишь ли, я задался целью показать ей, что такое страх. — Голос Куэйда, как у теледиктора, был лишен интонаций. — Для этого мне пришлось ее запереть.

— Запереть? Где?

— Здесь, наверху.

У Стива возникло нехорошее ощущение: в ушах раздался легкий звон. Впрочем, такое случалось с ним нередко после мерзкого вина.

— Я запер ее наверху, — повторил Куэйд, — чтобы провести эксперимент. Для этого я и занял этот дом. Тут нет соседей, а значит, и лишних ушей.

Которые услышали бы ЧТО?

Стив посмотрел на фотографию: качество изображения было неважным.

— Снимок сделан скрытой камерой, — пояснил Куэйд. — Она и не знала, что я ее фотографировал.

На фото номер один была изображена маленькая, ничем не примечательная комната с минимумом непритязательной мебели.

— Та самая комната наверху, — заметил Куэйд. — Там тепло, даже душновато, а плавное — никакого шума.

Никакого шума?

Куэйд протянул Стиву фото номер два.

Та же комната, но теперь уже почти совсем без мебели. Прямо на полу возле стены лежал спальный мешок. Стол. Единственный стул. Лампочка без абажура...

— В такой вот обстановке она и жила.

— Смахивает на тюремную камеру.

Куэйд усмехнулся, протягивая третью фотографию.

Снова та же комната. Графин с водой на столе. В углу что-то вроде кувшина, прикрытого полотенцем.

— Кувшин-то для чего?

— Надо же ей было ходить по нужде?

— Да, действительно...

— Короче, все удобства, — с удовлетворением отметил Куэйд. — В мои планы не входило низвести ее до состояния животного.

Даже сейчас, крепко поддав, Стив четко воспринимал доводы Куэйда. Да, он действительно не намеревался низвести ее до состояния животного. И тем не менее...

Снимок номер четыре. На столе стоит тарелка, а в ней — кусок мяса с торчащей из него костью.

— Говядина, — пояснил Куэйд.

— Но она же вегетарианка.

— Ну и что? Отличная говядина, чуть подсоленная и прекрасно приготовленная...

Фото номер пять. Все тот же интерьер, но теперь в комнате Черил. С искаженным гневом лицом она колотит кулаками и ногами в запертую дверь.

— Было примерно пять утра, она спала без задних ног, и я отнес ее туда на руках. Очень романтично, правда? Она толком и не поняла, что происходит.

— И ты ее запер?

— Разумеется. Для чистоты эксперимента.

— О котором она, конечно, ничего не знала?

— Ну, тебе нетрудно догадаться, что мы с ней часто беседовали на тему страха. Ей было известно, что я исследую этот вопрос и для своих исследований нуждаюсь в подопытных кроликах, но, конечно, не могла предположить, что сама окажется в этой роли. Впрочем, успокоилась она довольно быстро.

На фотографии номер шесть Черил задумчиво сидела в углу комнаты.

— Она, кажется, вообразила, что сможет взять меня измором, проявив терпение и выдержку, — прокомментировал снимок Куэйд.

Фото номер семь: Черил внимательно смотрит на кусок мяса в тарелке.

— Великолепный снимок, не правда ли? Посмотри, какое отвращение написано на ее физиономии: ведь ей был так противен даже запах приготовленного мяса. Впрочем, тут она еще не голодна.

Номер восемь: Черил спит.

Номер девять: она писает, присев в неудобной позе на кувшин, спустив трусики к лодыжкам. Лицо у нее заплаканное. От этого снимка Стиву стало нехорошо.

Номер десять: она пьет из графина.

Одиннадцать: Черил, свернувшись клубочком, снова спит.

— Сколько времени провела она в этой комнате?

— Снимок этот сделан по истечении всего четырнадцати часов. Она очень быстро потеряла ощущение времени. Видишь, тут нет окон, а свет горит постоянно. Удивительно, как скоро ее биологические часы вышли из строя.

— Так сколько времени она провела там в общей сложности?

— Вплоть до успешного завершения эксперимента.

Двенадцатый снимок: проснувшись, Черил исподтишка разглядывает кусок мяса.

— Это уже на следующее утро, когда я спал. Камера работает автоматически и снимает каждые четверть часа. Ты только посмотри, какие у нее глаза...

Стив повнимательней всмотрелся в фотографию: взгляд Черил стал каким-то диким, полным отчаяния. Она смотрела на кусок мяса, словно его гипнотизируя.

— Вид у нее больной, — заметил Стив.

— Усталый, только и всего, хотя она и проспала черт знает сколько, но это, очевидно, ее вымотало еще сильнее. Она понятия не имеет, день сейчас или ночь, к тому же, безусловно, страшно голодна — ведь миновало более полутора суток.

Тринадцать: Черил опять спит, свернувшись калачиком еще плотнее, словно змея, проглатывающая себя с хвоста.

Четырнадцатый номер: она пьет воду.

— Когда она спала, я заменил воду в графине на свежую, — пояснил Куэйд. — Надо сказать, спит она чрезвычайно крепко: я вполне мог ее трахнуть, даже не разбудив. Будто отключается ото всего мира...

Куэйд осклабился. Да он просто псих, подумал Стив, определенно шизофреник.

— Ну и запашок же у нее в той комнате стоял, Бог ты мой! — заметил Куэйд. — Знаешь, как иногда пахнет от женщины? Это не пот, это что-то другое. Похоже на запах свежего, кровавого мяса. Короче, на этом этапе она уже доходила до кондиции. Бедняжка и помыслить не могла, что все так обернется...

Номер пятнадцать: Черил дотрагивается до мяса.

— Тут-то ее упорство и дало первую трещину, — удовлетворенно отметил Куэйд. — Теперь мы переходим к основному — к страху.

Стив вгляделся в снимок: плохое качество не позволяло рассмотреть детали, однако было очевидно, что самообладание покинуло Черил. Лицо ее исказилось болью, отражая внутреннюю борьбу между жестоким голодом и отвращением к мясу.

Номер шестнадцать: она опять, теперь уже всем телом, набрасывается на запертую дверь. Рот широко открыт, застыв в немом крике отчаяния.

— А помнишь, как она умела загонять меня в угол во время наших споров о природе страха, особенно если заходила речь о мясной пище?

В голосе Куэйда было нескрываемое торжество.

— Сколько времени прошло с момента заточения?

— Уже почти трое суток. Тут ты видишь чертовски голодную женщину...

И без его пояснения это было очевидно. На следующем снимке девушка стояла посреди комнаты, напрягшись всем телом, стараясь отвести взгляд от пищи на столе.

— Ты же мог уморить ее голодом.

— Ничего подобного: человек способен без особого труда прожить без пищи по меньшей мере десять дней. К тому же,

Стив, сейчас так популярны всякого рода диеты, а по статистике шестьдесят процентов англичан страдают от патологически избыточного веса. Разве она тебе не кажется несколько полноватой?

Восемнадцатый снимок: «толстушка», сидя в углу комнаты, рыдает.

— Ага, — усмехнулся Куэйд довольно, — начинаются уже галлюцинации. В общем, крыша поехала... Ей стали мерещиться насекомые, ползающие по волосам или по рукам. Несколько раз я наблюдал, как она надолго замирала, уставившись в одну точку, в пространство.

Номер девятнадцать: Черил моется, раздевшись до пояса, обнажив налитую грудь с соблазнительно торчащими сосками. Взгляд при этом у нее отсутствующий. Мясо в блюде, кажется, довольно сильно потемнело по сравнению с предыдущими фотографиями.

— Мылась она, однако, регулярно с ног до головы, примерно каждые двенадцать часов.

— А мясо вроде бы...

— «Задумалось»?

— Да, потемнело.

— Ну, комната маленькая, очень теплая, к тому же ей составили компанию несколько мух. Уж они-то не брезговали таким великолепным куском говядины и немедленно отложили туда яички. Немудрено, что мясо, скажем так, созрело.

— Это тоже было частью твоего эксперимента?

— Ясное дело. Если свежайшее мясо вызывает отвращение, то что же говорить о стухшем? Это усугубляет стоявшую перед ней дилемму: чем дольше она отвергает угощение, тем мерзопакостнее становится оно. Таким образом, она оказывается перед необходимостью выбрать меньшее из двух зол: боязни голодной смерти и отвращения к мясу, основанного все на том же страхе. Разве тебе не любопытно, что же она выберет в конце концов?

Стив почувствовал, что и сам оказался перед своего рода дилеммой. С одной стороны, шутка зашла слишком далеко, и «эксперимент» Куэйда стал проявлением чистой воды садизма. С другой, ему действительно очень хотелось узнать,

каким же будет выбор Черил и чем этот кошмар закончится. К своему стыду Стив ощутил некий экстаз при виде страдающей женщины.

Следующие семь фотографий — с двадцатой по двадцать шестую — повторяли уже известный цикл: девушка спала, мылась, писала и застывала посреди комнаты, уставившись на мясо. Затем опять спала, ну и так далее.

И вот, наконец, номер двадцать семь.

— Смотри, смотри! — торжествующе воскликнул Куэйд. Черил взяла мясо!

При этом на ее лице застыла маска ужаса, но все-таки она взяла его. Теперь уже было ясно видно, что мясо гниет, а по всему куску ползают жирные личинки мух вперемешку с отложенными яйцами.

— Смотри, — опять воскликнул Куэйд, — она его кусает!

На следующем снимке лицо девушки полностью закрыто куском мяса.

Стива чуть не стошнило, словно это он сам откусил вонючее, покрытое жирными белыми личинками мясо. Боже, как она смогла?!

Номер двадцать девять: Черил сложилась пополам над кувшином в углу комнаты — ее вырвало.

Номер тридцать: она сидит за столом, на котором ничего нет. Графин с водой вдребезги разбит о стену, тарелка из-под мяса тоже. Говядина, напоминающая кучу дерьма, валяется на полу.

Тридцать первый снимок: она спит, уронив голову на руки.

Тридцать второй: Черил с омерзением смотрит на мясо. Борьба голода с отвращением прямо-таки написана на лице.

Тридцать третий: она снова спит.

— Теперь сколько времени прошло? — спросил Стив.

— Пять дней. Нет, пардон, уже шесть.

Шесть дней, Боже праведный!

Номер тридцать четыре: фигура девушки размыта, вероятно, она бросается на стену. Уж не решила ли она покончить с собой, размозжив голову? Спрашивать об этом Куэйда Стив не стал: что-то внутри него воспротивилось.

Тридцать пять: она опять спит, на сей раз свернувшись под столом. Спальный мешок разодран в клочья, раскиданные вперемешку с кусками ватной подкладки по всей комнате.

Тридцать шесть: она разговаривает с дверью, а возможно, пытается докричаться до кого-нибудь сквозь дверь, заранее зная, что ответа не получит.

Номер тридцать семь: она поедает тухлое мясо!

Словно первобытный человек в пещере, она устроилась под столом и впилась зубами в мясо. Лицо ее лишено всякого выражения; она полностью поглощена одной единственной мыслью: перед ней мясо, пища, способная утолить зверский голод. Надо набить желудок, и тогда спазмы прекратятся, силы вернутся к ней, головокружение пройдет...

Стив замер, не в силах оторвать взгляда от фотографии.

— Да, — сказал Куэйд, — меня тоже поразило, как неожиданно она, наконец, сдалась. Ведь одно время казалось, что ее упрямство не имеет границ. Тот монолог перед закрытой дверью состоял, как и раньше, из угроз, мольбы и извинений. Так было день за днем, и вдруг она сломалась. Надо же, как просто! Уселась под столом и съела весь кусок, обглодав его до кости, как самое изысканное лакомство.

Тридцать восьмая фотография: девушка спит, дверь открыта, снаружи льется свет.

Наконец, тридцать девятая: комната опустела.

— Куда она отправилась?

— Спустилась, будто в полусне, вниз по лестнице и побрела на кухню. Там выпила несколько стаканов воды и три или четыре часа просидела на стуле, при этом не произнеся ни слова.

— А ты пытался с ней заговорить?

— Да, время от времени. Эксперимент завершился, и я особо не настаивал. Не хотелось ее беспокоить. Но в конце концов она вышла из ступора.

— И что тебе сказала?

— Ничего.

— Ничего?!

— Абсолютно ничего. Было такое впечатление, что она меня даже не замечала. Потом я сварил картошки, и она поела.

— Она не пыталась вызвать полицию?

— Нет.

— И не набрасывалась на тебя?

— Тоже нет. Она отлично понимала, что я сделал и зачем. Раньше мы с ней несколько раз касались такого рода экспериментов в наших беседах, разумеется, вскользь, отвлеченно. Пойми же наконец, эксперимент мой не причинил ей никакого вреда, ну, может быть, она немного похудела, только и всего.

— А где она сейчас?

— Она уехала на следующий день, понятия не имею куда.

— Так что ты доказал своим экспериментом?

— Быть может, ничего, но я тем самым положил довольно любопытное начало своим исследованиям.

— Начало? Так это только начало?!

Куэйд почувствовал в голосе Стивена неприкрытое отвращение, граничившее с ненавистью.

— Послушай, Стив...

— Ты понимаешь, что мог убить ее?

— Ничего подобного.

— Она могла потерять рассудок, стать навсегда умалишенной.

— Не исключено, хотя и вряд ли. Она была волевой женщиной.

— А ты сломал ее!

— Вот это точно, но она сама на это напросилась. Более того, она же ведь хотела узнать, что такое страх, ну я ей и помог. Я лишь исполнил ее собственное желание.

— Ты совершил насилие. Добровольно она бы ни в жизнь на такое не пошла.

— И это верно. Что ж, она получила хороший урок.

— Так ты теперь возомнил себя учителем?

Стиву хотелось смягчить сарказм, но не получилось: в его замечании присутствовала и ирония, и гнев, и отчасти страх.

— Да, я учитель, вернее, наставник, — невозмутимо ответил Куэйд. Взгляд его стал каким-то отсутствующим. — Я обучаю людей страху.

Стив опустил глаза.

— И ты доволен результатами своих усилий на этом поприще?

— Я ведь не только обучаю, Стивен, я и сам учусь. И кое-чему, между прочим, научился. Это так захватывающе — исследовать таинственный мир страха, особенно когда «подопытные кролики» обладают достаточно развитым интеллектом. И даже если этот интеллект чересчур рационалистичен...

Стив, не дав ему договорить, резко поднялся.

— Больше не желаю слышать этот бред.

— Вот как? Что ж, дело твое.

— К тому же завтра рано утром у меня занятия.

— Ничего подобного.

— Что-что?

— Занятия еще не начались, так что погоди-ка уходить. Останься еще на немного.

— Зачем?

Стив ощутил гулкое биение сердца: он и подумать не мог, что Куэйд внушает ему такой сильный, даже какой-то суеверный страх.

— Я хотел предложить тебе кое-какие книги.

Только и всего! Стив устыдился внезапного приступа страха. Что он вообразил — что Куэйд намеревается чем-нибудь оглушить его, чтобы на нем провести свои эксперименты? Вот уж действительно бред!

— У меня есть Кьеркегор*, он должен тебе понравиться. Книга там, наверху. Подожди пару минут, я мигом.

Куэйд с загадочной улыбкой покинул комнату.

Стив, присев на корточки, принялся опять просматривать фотографии. Особенно его заворожил снимок, на котором Черил впервые взяла кусок протухшего мяса. Лицо ее на этом снимке как будто принадлежало другой женщине, не той, которую он знал. Эта неуверенность, растерянность и... Что же еще?

Ну, конечно же, страх!

Любимое слово Куэйда, мерзкое, грязное слово, которое отныне всегда будет ассоциироваться с пыткой бедной девушки.

---

* Серен Кьеркегор (1813-55) — датский философ-иррационалист, теолог, писатель. Одно из основных сочинений — «Страх и трепет». (Прим. перев.)

Интересно, а что сейчас, при взгляде на эту фотографию, написано на его собственном лице, подумал Стив. Та же растерянность, что и у Черил? И, может быть, такой же страх?

За спиной послышался какой-то звук, слишком тихий, чтобы его произвел Куэйд. Если только он не приблизился крадучись...

В ту же секунду Стив почувствовал, как тряпка, пропитанная хлороформом, закрыла его рот и ноздри. Глаза тут же заслезились, Стив невольно вдохнул усыпляющие пары и мгновенно погрузился во тьму.

Последнее, что он услышал, было произнесенное голосом Куэйда свое собственное имя, прозвучавшее как удаляющееся эхо:

— Стивен... ивен... вен...

Стив рухнул мешком посреди раскиданных фотографий, погрузившись в липкую, пропитанную животным страхом тьму.

Он не сразу понял, очнулся уже, или еще нет: темнота вокруг была кромешной. Так он пролежал, наверно, целый час, пока не осознал, что глаза его открыты.

Сначала он попробовал подвигать ногами, затем руками и, наконец, головой. Как ни странно, связанными оказались только запястья, да и то небольшого усилия оказалось достаточно, чтобы освободиться. Но вот когда он попытался отползти, что-то похожее на кандалы впилось ему в левую щиколотку.

Лежать на полу было страшно неудобно, однако когда он ощупал пространство вокруг себя, то обнаружил, что это вовсе не пол, а нечто вроде массивной решетки. Была она металлической и такой громадной, что он так и не смог дотянуться до краев. Просунув руку между прутьев, он не нащупал ничего: под ним была пустота.

Первые фотоснимки, сделанные Куэйдом в инфракрасных лучах, запечатлели эти попытки Стива исследовать место его заключения. Как и думал Куэйд, пленник повел себя весьма благоразумно: не впал в истерику, не разрыдал-

ся, не сыпал ругательствами и проклятиями. Именно рационализм нового «подопытного кролика» и вызывал у экспериментатора особый интерес. Стивен полностью осознавал, что происходит, и будет, безусловно, бороться со своим страхом при помощи логики и трезвого анализа ситуации. Таким образом, сломить его сопротивление — задачка потруднее, нежели в случае с Черил. Что ж, тем ценнее будет результат, когда Стивен, сдавшись наконец, откроет перед Куэйдом настежь свою душу, в которой, несомненно, он найдет так много любопытного, достойного тщательного анализа. В том, что эксперимент завершится успешно, Куэйд не сомневался.

Тем временем глаза Стива постепенно привыкали к темноте.

Он находился внутри колодца или вертикального тоннеля, совершенно круглого, футов двадцати в диаметре. Что это было: воздуховод какой-нибудь подземной фабрики? Стив постарался вспомнить, существовало ли что-либо подобное в районе Пилгрим-стрит, однако в голову ничего не приходило.

Черт его знает, где он находился...

Не на чем было сфокусировать взгляд: ни углов, ни даже дырки или трещины в этих стенах не было.

Хуже того: лежал он на решетке поверх колодца, казавшегося во тьме бездонным. От этого, похоже, бесконечного пространства его отделяли лишь относительно тонкие прутья, да еще цепь на левой ноге.

Он воочию представил себя между темным, бескрайним небом и бесконечным мраком внизу. Воздух в шахте был теплым и спертым, таким сухим, что невольно навернувшиеся на глазах слезы тут же испарились. Справившись кое-как со слезами, он попытался позвать на помощь, но его крик растворился в темноте.

Охрипши от бесполезного крика, он откинулся навзничь поверх решетки. Что, если дна у этого колодца нет вообще? Какая чушь: дно должно быть у любого колодца, любой шахты. Нет ничего бесконечного, сказал он вслух.

И тем не менее... Если он вдруг свалится вниз, в эту черную, разверстую пасть, то будет падать, падать, падать,

но даже не увидит приближающегося дна. Пока не разобьется...

Усилием воли он попытался отогнать эту кошмарную картину. Ничего не получилось.

Увидит ли он яркую вспышку, когда его череп расколется о дно колодца? В момент, когда его тело превратится в кучу мяса и раздробленных костей, придет ли к нему понимание смысла собственной жизни и смерти?

Нет, Куэйд не посмеет, подумал он.

«Не посмеет! — забился его хриплый крик о стены колодца. — Он не посмеет меня убить!»

И снова мертвая, удушающая тишина, как будто его вопль и не рвался из кромешной тьмы.

И тут его пронзила другая, еще более жуткая мысль. Что, если Куэйд, задавшись целью довести свой идиотский эксперимент до абсолютного конца, поместил его в эту круглую преисподнюю и тут оставил навсегда, чтобы никто его здесь не нашел и он отсюда никогда не выбрался?

Довести эксперимент до конца... Концом могла быть только смерть. Была ли смерть в действительности целью Куэйда? Желал ли он понаблюдать, как умирает человек, как его жертву постепенно охватывает страх смерти, истинная первопричина всякого страха? Кажется, Сартр говорил, что никому не дано познать собственную, смерть. А смерть других? Познать ее, наблюдая, как разум обреченного человека выделывает невероятные трюки, с тем чтобы только не видеть горькой правды? Не здесь ли ключ к познанию этой великой тайны — природы смерти, ее сути? Тот, кто проникнет в эту тайну, сможет в какой-то степени подготовить себя к собственной смерти... Как он говорил: пойти навстречу зверю, отыскать его и приласкать? Что ж, наблюдение за предсмертным ужасом другого человека есть наиболее простой и умный путь, ведущий к этой цели...

С другой стороны, продолжал он размышлять, Куэйд может и убить меня от страха, собственного страха.

От этой мысли Стиву, как ни странно, полегчало. В самом деле, страх ведь глубоко сидит в этом горе-экспериментаторе, возомнившем себя мессией. Он ведь помешан на страхе, разве нет?

Так вот откуда эта его неуемная страсть к наблюдениям за тем, как страх терзает других: так он пытается найти путь к избавлению от собственных терзаний.

За размышлениями прошло несколько часов. В кромешной тьме разум Стивена сделался стремительно-подвижным, словно ртуть, но при этом не поддающимся контролю. Стив обнаружил вдруг, что потерял способность выстраивать длинную, стройную цепочку аргументов, что мысли его походили на стайку юрких, скользких рыбок, беспорядочно снующих туда-сюда. Как только он пытался ухватить одну из них, она от него тут же ускользала.

Однако все же он нашел точку опоры: ее давало понимание необходимости обвести Куэйда вокруг пальца, переиграть его, и тогда, может быть, у него появится шанс спастись. Нужно проявить выдержку, собрать всю волю в кулак, попробовать взять Куэйда измором, чтобы тот потерял к Стиву интерес как к объекту наблюдений.

Фотографии, сделанные в те несколько часов, изображали Стивена лежащим на решетке с закрытыми глазами и хмурым лицом. Как ни удивительно, время от времени его губы трогала легкая улыбка. На большинстве снимков не было возможности определить, спал он или бодрствовал, задумался или же видит сон.

Куэйд терпеливо ждал.

Наконец он заметил, что глазные яблоки под веками у Стива слегка подрагивают — верный признак сна. Пришло время нанести подопытному визит...

Проснувшись, Стивен обнаружил рядом с собой на блюде два кувшина: один наполненный водой, а второй — с горячей, несоленой овсяной кашей. Поев и напившись, он ощутил нечто вроде чувства благодарности за ниспосланное угощение.

Пока он ел, у него возникли два странных ощущения: во-первых, производимые при этом звуки как-то по-особенному гулко отдавались в голове, а во-вторых, что-то сильно сжимало его виски.

Запястья Стива были скованы наручниками.

На снимках видно, как одно выражение лица сменяется другим (сначала изумление, потом гнев и, наконец, ужас),

пока он неуклюже ощупывает собственную голову. На ней было намертво закреплено что-то похожее на конскую сбрую с двумя зажимами, закупорившими слуховые каналы так, чтобы ни звука не проникало в уши Стивена.

Глухота, такой знакомый, казалось, однажды уже побежденный недуг!

Теперь он мог слышать только шум внутри головы, лязг собственных зубов, глотательные звуки — и вот это отдавалось между ушей пушечной канонадой.

Слезы навернулись на глазах. Он двинул каблуком по металлической решетке, но ровным счетом ничего не услыхал. И тогда изо рта вырвался вопль ужаса и отчаяния. Он кричал, пока не почувствовал во рту вкус крови из горла, но даже собственного крика не услышал.

Стивен запаниковал.

Серия последовательно сделанных фотоснимков иллюстрирует возникновение, развитие и кульминацию панического страха. К лицу прилила кровь, глаза расширились, рот оскалился в неправдоподобной гримасе.

Он стал напоминать до смерти перепуганную обезьяну.

Стивен погрузился в океан таких знакомых с детства ощущений: дрожь в руках и ногах, липкий пот, тошнота, головокружение. В отчаянии он схватил кувшин с водой и вылил себе на лицо: ледяная вода мгновенно остудила разгоряченный мозг. Он откинулся спиной на решетку, заставляя себя дышать глубоко и ровно.

Успокойся, расслабься, остынь, произнес он вслух. Ты спокоен, спокоен, спокоен...

Своего голоса он не услыхал. Единственными различимыми звуками были те, что производил язык во рту, да еще слизь в сузившейся от приступа панического ужаса носовой полости. Но теперь он воспринимал на слух то, что в нормальном состоянии человек слышать не может: работу собственного мозга, проносящиеся в нем мысли.

Звук этот напоминал шелест радиоприемника, когда он не настроен на какую-то определенную волну, или же легкий шум, возникающий в ушах у оперируемого после того, как в маску подан наркоз.

Нервная дрожь так и не прекратилась. От малейшего движения наручники впивались в запястья, однако боли Стив не чувствовал.

На фотографиях документально запечатлена вся эта эволюция поведения подопытного: отчаянная борьба с паническим ужасом, попытки отогнать воспоминания детства, слезы отчаяния, окровавленные запястья.

Как это бывало и в детстве, в конце концов изнеможение вытеснило панику. Сколько раз маленький Стив вот так же, обессиленный, засыпал, чувствуя на губах горько-соленый вкус слез...

Тогда он часто просыпался от звона, шума, грохота где-то в самых недрах мозга. Теперь же забытье принесло Стиву облегчение.

Куэйд был сильно разочарован таким развитием событий: реакция Стивена Грейса, столь стремительная и бурная, внушила ему уверенность, что тот сломается с минуты на минуту. Однако, поразмыслив, Куэйд пришел к выводу, что час-другой отсрочки не имеет большого значения в его эксперименте, в конечном успехе которого у него не было сомнений: ведь на подготовку ушли долгие месяцы, и он возлагал на Стива большие надежды. Однако что если эксперимент все-таки провалится? Подобное вполне могло произойти, если Стивен потеряет рассудок, так и не приоткрыв заветную дверцу, ведущую к разгадке тайны.

Ему хватило бы одного-единственного слова, молитвы или чего-то в этом роде — того, в чем человек ищет последнее спасение, прежде чем погрузиться во мрак безумия. Ведь что-то такое должно же существовать, черт побери?!

Куэйд терпеливо ждал, подобно орлу-стервятнику, ждущему смерти агонизирующего животного в расчете на поживу. Он считал минуты, оставшиеся обреченной жертве...

Проснулся Стивен, лежа лицом вниз, прямо на решетке, прутья которой больно впились в щеку. Воздух стал еще более спертым и жарким.

Некоторое время он лежал без движения, дожидаясь, чтобы глаза снова привыкли к темноте. Разглядывая перекрещенные прутья, вмурованные в стену и образующие

правильные квадраты, он неожиданно для себя нашел в них некую эстетическую прелесть. Да, прелесть! Утомившись, наконец, рассматривать эту картину, он перевернулся на спину и при этом ощутил легкую вибрацию. Ему даже показалось, что решетка чуть-чуть сдвинулась с места.

Ну и жарища! Обливаясь потом, Стив расстегнул рубашку. Во сне он пустил слюну. Она размазалась по щеке, но он даже не удосужился вытереться. В конце концов, кто его видит в этой дыре?

Он кое-как наполовину стянул с себя рубаху и носком одного ботинка скинул с ноги другой.

Жалко ботинок, если он, проскользнув между прутьев, свалится в бездну. Стивен попытался сесть. Нет, ботинок не свалится: два прута служили ему надежной опорой, и можно постараться дотянуться до него.

От этой попытки решетка еще немного сдвинулась, и ботинок начал соскальзывать.

«Ради Бога, — взмолился Стивен, — только не падай...» Ему вдруг почему-то стало ужасно жалко такой замечательный, великолепный ботинок. Ни в коем случае нельзя позволить ему свалиться вниз... Стив рванулся к ботинку, и в этот миг тот, проскользнув между прутьев, рухнул во тьму.

Господи, если бы Стивен мог услышать момент падения, сосчитать секунды и, может быть, рассчитать глубину этого чертова колодца... Тогда, по крайней мере, он бы знал, сколько метров (а может, километров?) отделяют его от смерти...

Все, больше он этого вынести не мог. Стив перевернулся на живот, просунул руки между прутьев и завопил:

— Я тоже, тоже хочу вниз! Хочу упасть туда!

Да, он действительно хотел упасть туда, в преисподнюю, разбиться о невидимое дно — все что угодно, лишь бы только положить конец ожиданию в кромешной тьме и абсолютной тишине... Туда, вслед за ботинком, навстречу спасительной гибели!

Он бился головой о решетку, кричал, вопил, умолял Всевышнего сбросить его, наконец, туда, вниз.

Решетка под ним снова сдвинулась, на этот раз сильнее.

Что-то, похоже, сломалось или оборвалось — штифт, цепь, канат, что там удерживало эту чертову решетку в горизонтальном положении... Стив понемногу начал съезжать к краю, и тут он с ужасом обнаружил, что кандалов на щиколотке больше не было.

Сейчас он рухнет вниз!..

Этот подонок вознамерился сбросить его в пропасть. Как там его звали — Куэйк, Куэйл, Куоррел?

Машинально Стивен ухватился за прутья обеими руками. Тем временем решетка продолжала наклоняться. Может, он все-таки не хотел последовать за собственным ботинком? Может, он испугался смерти? Как бы то ни было, Стив уцепился за решетку так, как умирающие цепляются за жизнь...

Что там, во тьме, на дне бесконечного колодца, по ту сторону грани, отделяющей жизнь от смерти?

Он уже был полностью во власти панического ужаса. Сердце рвалось из груди, кровь запульсировала в висках, потные пальцы впившиеся в прутья, были готовы разжаться. Неодолимая сила земного притяжения тянула его, всасывала в себя его тело. Оглянувшись на мгновение через плечо в разверстую, черную пасть колодца, Стивен различил во тьме громадных, мерзких чудовищ, сгрудившихся внизу, налезавших друг на друга, пытавшихся достать его за ноги — чудовищ из его детских кошмаров.

— Мама! — завопил Стивен, и в тот же миг пальцы его разжались. Он погрузился в пучину всеохватывающего ужаса.

«Мама...»

Вот оно, магическое и такое простое слово! Куэйд отлично его слышал, и оно словно пронзило его электрическим разрядом.

«Мама!..»

Стивен понятия не имел, как долго продолжалось его падение: в момент, когда пальцы разжались, сознание его отключилось. Быть может, спас его животный инстинкт самосохранения, и падение не причинило ему особого вреда.

Стало светло. Стив поднял голову и увидел дверь. В дверях стоял некто в маске Микки-мауса из детских мультиков. Персонаж Диснея поднял Стивена под мышки и повел

к выходу из просторной круглой комнаты, куда он приземлился. Стив ощутил, что брюки у него мокры, кроме того, он помнил, что вымазался слюной, а может быть, слезами во сне, но уж кого, а Микки-мауса, своего спасителя, он не стеснялся.

Когда тот его вытаскивал из камеры пыток, голова Стивена безвольно упала на грудь. На полу он заметил свой ботинок. Сделав над собой усилие, он поднял голову: решетка, с которой он свалился, находилась лишь в семи-восьми футах над ним.

Микки привел его в какое-то наполненное светом помещение, усадил в кресло и снял затыкавшую уши «сбрую» с головы. Возвращение слуха нисколько не обрадовало Стивена: ведь так забавно было наблюдать за миром, лишенным звуков. Вместо людей он предпочел бы общаться с глупыми, большими рыбами, так смешно-беззвучно разевающими рты.

Стивен попил воды и съел кусок сладкого пирога.

Он ощутил смертельную усталость во всем теле. Спать, спать, скорей в свою кроватку, а мама споет колыбельную... Но Микки-маус, судя по всему, не понимал, чего сейчас хотелось больше всего Стиву. Тогда он заплакал, ударил по столу ногой, сбросив с него чашки и блюдца на пол, после чего выбежал в соседнюю комнату, где устроил настоящий разгром. Там было полным-полно каких-то бумаг, и Стив их с наслаждением порвал, а потом принялся подбрасывать клочки в воздух, с интересом наблюдая, как они, кружась, медленно опускаются. Среди бумаг были и фотографии, страшные фотографии, от которых Стиву стало вдруг нехорошо.

Снимки эти — все до одного — изображали мертвецов, мертвых детей, как совсем маленьких, так и постарше. Одни из них лежали, другие полусидели. Их лица и тела были изборождены глубокими ранами, у некоторых внутренности вывалились наружу, а все вокруг было испачкано чем-то темным.

На трех или четырех снимках присутствовало и орудие, которым были нанесены жуткие раны: тесак.

Одна из фотографий изображала женщину. Тесак почти до рукоятки вонзился прямо ей в лицо. На другом снимке

он торчал из ноги мужчины, а еще на одном валялся на полу кухни, рядом с зарезанным младенцем.

Странно, подумал Стив, Микки-маус коллекционирует фотографии мертвецов, да еще убитых, судя по всему, одним и тем же тесаком.

Мысль эта промелькнула за мгновение до того, как нос и легкие заполнил такой знакомый запах хлороформа, и Стивен снова погрузился в забытье.

Очнулся он от вони застарелой мочи и свежей блевотины. Последняя была, похоже, его собственной: она покрывала весь перед рубашки. Он попытался подняться, но ноги подкосились. Было холодно, а в горле нестерпимо жгло.

Он услыхал шаги. Кажется, Микки-маус возвращается... Быть может, он наконец отведет Стива домой?

— Вставай, сынок.

Нет, это не Микки-маус... Это полицейский.

— Что это ты там делаешь, а? Вставай, я тебе говорю, поднимайся.

Хватаясь за обшарпанную кирпичную стену, Стивен, кое-как поднялся на ноги. Полисмен осветил его карманным фонариком.

— Господи, Боже мой, — проговорил он с гадливостью, оглядев Стивена с ног до головы. — Ну и видок у тебя... Ты где живешь?

Впервые Стивен почувствовал стыд, особенно при виде собственной заблеванной рубашки.

— Как тебя зовут?

Вот этого Стив сказать ему не мог: своего имени он не помнил.

— Эй, парень, кто ты такой, я спрашиваю?!

Только бы он не орал так... Стивен копался в памяти, пытаясь вспомнить, как его, черт возьми, зовут.

— Ну же, возьми себя в руки, — увещевал его полицейский.

Легко сказать... Стивен почувствовал, как по щекам потекли слезы.

— Домой, — пробормотал он, — домой хочу...

На самом деле больше всего хотел он умереть, вот прямо здесь лечь и умереть.

Полицейский потряс его за плечи:

— Ты что, совсем не в себе? — Он повернул Стива к свету уличного фонаря, вглядываясь ему в лицо. — Идти-то в состоянии?

— Мама, — промямлил Стивен, — хочу к маме...

Настроение полисмена резко изменилось: этот нажравшийся ублюдок с налитыми кровью глазами и заблеванной рубашкой его достал. Вот оно, современное воспитание: деньги, бесконтрольность, вседозволенность...

— К маме, засранец, захотел?! — взревел полицейский, нанося Стиву удар, впрочем, несильный, поддых.

Сложившись пополам, Стивен закричал.

— Ты лучше заткнись, сынок, — рявкнул полицейский, подняв голову Стивена за волосы к себе. — Что, в кутузку захотел?

Стив никогда не был в кутузке и уж конечно попасть туда хотел меньше всего. Ну, почему этот полисмен так на него вызверился. Что он ему сделал?

— Прошу вас, — захныкал он, — отведите меня домой... Ну, пожалуйста...

Этого полицейский не ожидал: как правило, обнаглевшие юнцы пытаются качать права и даже оказывают сопротивление, ну и, конечно, приходится их поучить слегка, чтобы уважали представителя закона. Этот же хныкал, как ребенок... Может, парень просто слабоумный? А он его ударил и за волосы таскал... Полицейский почувствовал нечто вроде угрызений совести. Взяв Стивена под локоть, он повел его к машине:

— Давай, сынок, садись.

— Отвезите меня, пожалуйста...

— Ну конечно, домой, сынок. Я отвезу тебя домой, ты не волнуйся. Вот только желал бы я знать, где твой дом?..

В приюте для бездомных тщательно обследовали его одежду на предмет обнаружения чего-нибудь, что могло бы помочь удостоверить личность, однако ничего найдено не было. Затем осмотрели его тело и в особенности волосы — нет ли там вшей, после чего полицейский отбыл. Стивен

почувствовал облегчение: страж порядка ему активно не понравился.

Служащие приюта говорили между собой о нем, как будто его и не было в комнате: о том, как он молод, как выглядел, в чем был одет, какие у него могут быть умственные сдвиги. Затем ему дали тарелку супа и отвели в душевую. Минут десять он простоял под ледяной струей воды, после чего вытерся грязным полотенцем. Выдали ему и бритву, однако бриться он не стал: забыл, как это делается.

Потом ему дали одежду, довольно сильно поношенную, но тем не менее Стиву она понравилась. Вообще люди здесь, похоже, были неплохие, хотя и обсуждали его, словно он при этом отсутствовал. Один — дородный мужик с седеющей бородой — ему даже улыбнулся, примерно так, как улыбаются собаке или несмышленому ребенку.

Странный, однако, ему выдали набор одежды: что-то было велико, что-то мало, да к тому же разных цветов — носки были желтыми, рубаха грязно-белой, брюки были пошиты на Гаргантюа, свитер уже носили человек сто, а ботинки показались Стиву страшно тяжелыми. Когда служащие приюта отвернулись, Стивен натянул на себя еще одну фуфайку и вторую пару носков: второй слой хлопка и шерсти на теле как-то придавал ему больше уверенности.

Затем он остался один, с зажатым в кулаке билетиком, где был указан номер его койки. Спальни были еще заперты, но Стив терпеливо ждал, в отличие от других ночлежников, собравшихся в коридоре. Их было много, и все галдели, орали друг на друга, переругивались и даже иногда плевались в чью-нибудь физиономию. Стивен ощутил испуг. Больше всего ему сейчас хотелось рухнуть в постель и спать, спать...

В одиннадцать спальни, наконец, открыли, и все бродяги ринулись занимать койки. Стив очутился в просторном, плохо освещенном помещении, вонявшем дезинфекцией и нестиранным бельем.

Стараясь избегать своих сотоварищей, Стив добрел до своей железной, плохо убранной койки с единственным, довольно тонким одеялом, и свалился на нее без сил. Ночлежники вокруг него переговаривались, кашляли, что-то

бормотали себе под нос, хныкали, а один перед сном читал молитву, уставившись в потолок. Стиву захотелось последовать его примеру, и он постарался вспомнить молитву, которую читал в детстве:

— Милостивый Иисусе, кроткий и всепрощающий, обрати взор Свой на дитя малое, сжалься надо мною и возьми меня к Себе...

Помолившись, Стивен почувствовал облегчение и вскоре заснул крепким, глубоким, исцеляющим сном.

•

Наедине с собой сидел Куэйд в темноте, охваченный страхом, таким сильным, который испытывать ему еще не доводилось. Тело его оцепенело так, что он был не в состоянии подняться и включить свет. Что, если страх на этот раз не был плодом его воображения? Вдруг там, за закрытой дверью, стоит и ухмыляется тот человек с тесаком, которого он так часто видел в ночных кошмарах?

Ни звука... Лестница не скрипела под тяжестью шагов, во тьме не раздавался дьявольский хохот. Нет, это все-таки не он. Куэйд доживет до утра.

Ему удалось немного расслабиться. Куэйд поднялся и щелкнул выключателем: в комнате и в самом деле никого не было. Тишина стояла во всем доме. Распахнув дверь, он выглянул на лестницу: ну, разумеется, и там было пусто.

Стив проснулся от чьего-то крика. Было темно. Он не имел ни малейшего понятия, сколько времени проспал, однако тело его больше не ныло, и даже запястья с щиколотками не болели. Он присел, облокотившись о подушку, и осмотрелся. Чей это крик разбудил его? А, вот оно что: через четыре койки от него дрались двое ночлежников. Глядя на них, Стивен чуть не рассмеялся: дрались они, как обычно дерутся между собой женщины, ухватив друг друга за волосы и стараясь расцарапать лицо противника ногтями. При лунном свете кровь на их руках и лицах казалась черной. Один из них, постарше, вопил: «Не пойду на Финчли-роуд, ты меня не заставишь! Я на тебя не работаю! Не смей меня бить, в гробу я тебя видал!»

Второй, помоложе, дрался молча. Подбадриваемый собравшимися вокруг них зрителями, он, стянув с себя ботинок, молотил им свою жертву каблуком по голове. Стив хорошо слышал гулкие удары, перемежаемые воплями старика, которые, впрочем, становились тише с каждым новым ударом.

Неожиданно дверь спальни открылась, и все стихло. Стиву не было видно, кто вошел: драка происходила как раз между ним и дверью.

Победитель с последним торжествующим криком швырнул свой ботинок за спину.

Ботинок...

Стивен не мог оторвать от него взгляда. Перевернувшись в воздухе, ботинок с гулким стуком шлепнулся на пол совсем недалеко от него. Стивен уставился на ботинок так, как, наверно, никогда не смотрел ни на один предмет.

Ботинок упал на бок, точно так же, как и его собственный, тот, что он скинул с ноги, лежа на решетке... В круглом колодце... В доме... В доме на Пилгрим-стрит!

Все тот же кошмар в который раз разбудил Куэйда. Лестница. Он стоит наверху и смотрит вниз, на ступеньки, а перед ним это полупотешное, полуужасное существо. Оно медленно приближается к нему на цыпочках, и с каждым шагом раздается жуткий смех...

Никогда раньше этот кошмар не посещал его дважды за одну ночь. Куэйд, поискав возле кровати, нащупал бутылку, которую держал там, и крепко приложился к ней.

Не обращая больше внимания на место, где произошла драка и где служители ночлежки вязали обоих драчунов, чтобы вышвырнуть их вон, Стивен прошел в открытую дверь.

Ни в коридоре, ни в вестибюле приюта его никто не остановил. Свежий ночной воздух проникал даже через закрытую входную дверь: перед рассветом поднялся довольно сильный ветер.

Маленькая приемная ночлежки была сейчас пуста. Заглянув туда, Стив заметил висевший на стене ярко-красный огнетушитель. Возле него находился свернувшийся гигант-

ской змеей черный пожарный шланг, а рядом с ним, закрепленный двумя скобами на стене, висел тесак.

Замечательный тесак — просто чудо!

Стивен вошел в приемную. Неподалеку послышался топот, крики, звук полицейского свистка, однако ни одна душа не помешала Стиву познакомиться поближе с тесаком.

Сначала он улыбнулся тесаку.

Его изогнутое лезвие ответило улыбкой.

Тогда Стивен до него дотронулся.

Тесаку это, кажется, понравилось. Толстый слой пыли указывал на то, что его не трогали уже давненько, что тесаку не терпелось оказаться в человеческих руках. Стив аккуратно, даже с нежностью снял его со скоб и сунул за пазуху, чтобы его согреть, после чего прошел через вестибюль к теперь открытой входной двери. Он отправился за своим вторым, потерянным ботинком...

Тем временем Куэйда снова разбудил кошмар.

Сориентировался Стивен очень быстро. Легким, пружинистым шагом направился он в сторону Пилгрим-стрит. В разноцветной одежде, широченных штанах и идиотских ботинках он походил на клоуна. Посмотреть бы на себя со стороны — вот смеху-то, подумал Стивен.

Холодный, пронизывающий ветер взъерошил его волосы. Даже глазам стало холодно, они сделались похожими на льдинки.

Стараясь согреться, Стив побежал, пританцовывая, по пустынным предрассветным улицам, светлым там, где были фонари, и темным в промежутках. Как в детской игре: сейчас ты меня видишь, а теперь нет... Сейчас видишь, сейчас нет...

Куэйд понял, что на этот раз не от кошмара он проснулся, а от вполне реального шума. Определенно он что-то слышал...

Через окно луна освещала дверь, а за ней — лестничную площадку. Свет этот Куэйду был не нужен — он и так все видел: на лестничной площадке никого не было.

И тут он отчетливо услыхал скрип нижней ступеньки, такой тихий, словно на нее ступил ребенок.

Именно в этот миг Куэйд понял, что такое страх.

Опять ступенька скрипнула, на сей раз ближе... Нет, это все-таки был сон, это должно быть сном. Откуда у него в доме клоун, да еще вооруженный тесаком? Абсурд какой-то: это ведь то самое существо, что столько раз его будило ночью в кошмарных снах. Значит, и теперь он спит, определенно спит, как же иначе?

И тем не менее, бывают совершенно абсурдные сны, которые оказываются в конце концов реальностью.

Никаких клоунов, убеждал себя Куэйд, уставившись на залитую лунным светом лестничную площадку. До сих пор ему доводилось иметь дело лишь со слабаками, которые ломались, чуть-чуть почувствовав, что такое смертельный ужас. Ему ведь так и не удалось проникнуть в тайну страха, получить разгадку, способную помочь бороться с так часто терзающим его, паническим ужасом.

Он не знал и знать не хотел никаких клоунов, шутов гороховых...

И тут он, наконец, предстал перед Куэйдом наяву. При ярком лунном свете Куэйд увидел лицо умалишенного, белое как снег, небритое, распухшее от ссадин, с улыбкой недоразвитого ребенка. Существо, очевидно, пребывавшее в экстазе, прикусило нижнюю губу, и по подбородку стекала струйка крови. И тем не менее выглядело оно скорее комично, нежели зловеще, в своей идиотской одежде и с такой же идиотской улыбкой на лице.

Вот только тесак не очень-то сочетался с улыбкой...

Его широкое, изогнутое лезвие посверкивало в лунном свете: маньяк поигрывал своим жутким оружием, блестя глазами в предвкушении предстоящей забавы.

Почти уже поднявшись наверх, он остановился и, все так же улыбаясь, уставился на объятого ужасом Куэйда.

Ноги у него подкосились, и Куэйд рухнул на колени.

Клоун, не спуская с него глаз, как-то подпрыгнул еще на одну ступеньку, последнюю. Тесак в его мертвенно-бледной руке взметнулся и опустился, рассекая воздух, как будто поражая жертву.

Куэйд, наконец, понял, кто на самом деле этот клоун.

Его бывший ученик, его «подопытный кролик», ставший живым воплощением его собственного ужаса.

Он, именно он и никто другой. Глухой мальчишка...

Клоун издал какой-то горловой звук, словно гигантская сказочная птица. Тесак взлетал и падал, все ближе и ближе, неся смерть.

— Стивен, — выдохнул Куэйд.

Его собственное имя ничего не говорило теперь Стиву. Он его просто-напросто не слышал, лишь видел открывавшийся и закрывающийся рот человека на коленях. Может, тот что-то и говорил ему, а может быть и нет — для него это не имело никакого значения.

Из горла клоуна вырвался пронзительный крик; тесак, который он теперь держал двумя руками, взметнулся вверх. В ту же минуту он ворвался в спальню, залитую лунным светом.

Куэйд рванулся, пытаясь уклониться от разящего удара, однако сделал это недостаточно быстро и ловко. Широкое, изогнутое лезвие рассекло воздух и опустилось на предплечье Куэйда, отделяя мышцы от кости и каким-то чудом минуя артерию.

Вопль Куэйда разнесся по всей Пилгрим-стрит, вот только дома на этой улице опустели много лет назад. Некому было услышать крик, некому прийти несчастному на помощь и оттащить от него свихнувшегося клоуна.

Тесак, соскучившийся по работе, рассек на этот раз Куэйду бедро. Он погрузился в мышцы на четыре-пять дюймов, раздробил кость и обнажил костный мозг философа. Удары следовали один за другим, клоун с усилием вытаскивал лезвие из тела Куэйда, которое дергалось из стороны в сторону, будто тряпичная кукла.

Куэйд орал, умолял пощадить его — тщетно.

Ведь его убийца был глухим!

Теперь он слышал только звуки в собственной голове: звон, свист, скрежет бетономешалки. Словно улитка в раковине, он нашел убежище в глухоте, где его не достанут ни доводы рассудка, ни угрозы, где биение собственного сердца было для него единственным аргументом, диктовав-

шим свою волю, а кровь в жилах кипела, будто зажигательная музыка.

Под эту музыку он, глухой мальчик, пустился в пляс, неотрывно глядя, как его мучитель хватает воздух ртом. Разум его уснул навеки, говорила только кровь, кипящая, бьющаяся в венах и артериях.

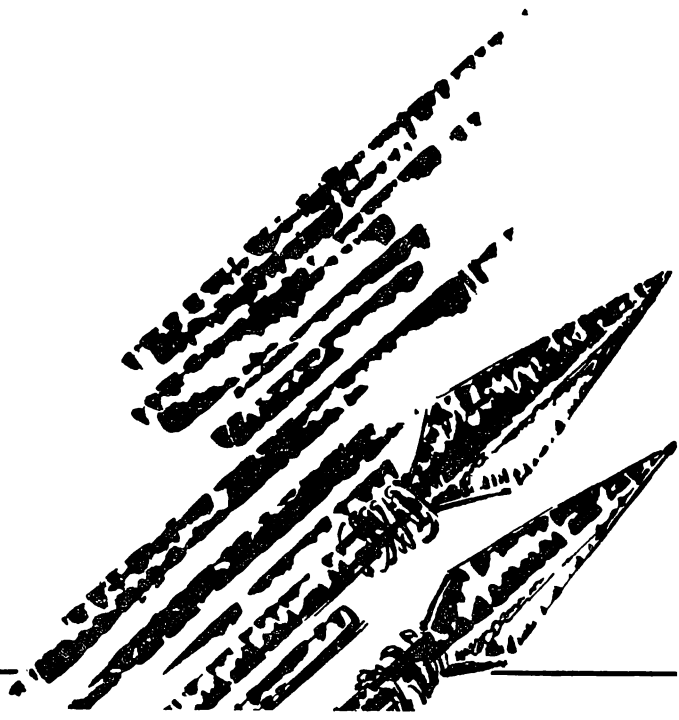
Маленький клоун захохотал. Вот это потеха, думал он, просто обалденное развлечение, жалко, что без зрителей. Тесак отныне станет его лучшим другом, добрым и мудрым, ведь он так славно рубит, полосует тело, отсекает все лишнее, и в то же время не убивает, пока не убивает...

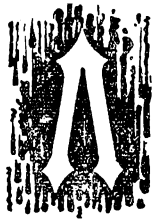
Стив был счастлив, как не знающий горя младенец. Ведь впереди у них так много времени — остаток ночи, и так приятно танцевать под восхитительную музыку в голове, в пульсирующих артериях и венах.

А Куэйд, встретившись с пустым взглядом клоуна, понял наконец, что есть на свете кое-что страшнее самого невообразимого кошмара, страшнее самой смерти.

Это боль без надежды на облегчение. Это смерть, которая никак не наступает, когда о ней молишь Бога. А хуже всего то, что ночные кошмары иногда сбываются.

ОНИ ЗАПЛАТИЛИ КРОВЬЮ



 окки поднял глаза на деревья. Ветер шумел в их тяжелых ветвях, как река в половодье. Еще одно воплощение, одно из многих. Когда он впервые попал в джунгли, то был поражен бесконечным разнообразием зверей и растений в их извечном круговороте жизни. Но это буйство природы было обманчиво, джунгли лишь прикидывались райским садом. Там, где праздный путешественник лишь восторгался сияющим великолепием, Локки замечал тайный сговор в действии, когда каждая вещь видится не такой, как есть. В деревьях и реке, в цветке и птице, в крылышке мотылька и глазу обезьяны, на спине у ящерицы и в солнечном свете на камне, — все в головокружительной смене воплощений, как в зеркальной комнате, где ощущения становятся неверными, и, наконец, самый рассудок гибнет. «Ну, что, — мысли путались в его пьяной голове, когда они стояли возле могилы Черрика, — смотри, как мы тоже играем в эту игру. Мы живы, но играем мертвых лучше, чем сами мертвые».

Тело давно превратилось в гнилой кусок, когда они засунули его в мешок и понесли хоронить на заброшенный участок за домом Тетельмана. Там уже было с полдюжины других могил. Все европейцы, судя по именам, грубо выжженным на крестах, умершие от укусов змей, от жары и непомерных амбиций.

Тетельман попытался было произнести молитву на испанском, но его голос потонул в шуме деревьев и в криках птиц, спешащих к своим гнездам до наступления темноты.

Так и не окончив молитву, они вернулись в прохладу дома; там сидел Стампф и, тупо уставившись на темнеющее пятно на полу, пил бренди.

Снаружи двое нанятых Тетельманом индейцев засыпали рыхлой тропической землей мешок с Черриком, торопясь закончить работу и убраться до темноты. Локки выглянул из окна. Могильщики работали молча; засыпав неглубокую яму, они начали утрамбовывать землю своими жесткими, как подошва, ступнями. Их притаптывания вдруг приобрели определенный ритм; Локки показалось, что они просто в стельку пьяны. Он знал немногих индейцев, которые не напивались бы как скоты. И вот эти, шатаясь, устроили танцы на могиле Черрика.

— Локки?

Локки проснулся. В темноте светился кончик сигареты. Когда курильщик затянулся, вспыхнувший огонек высветил из ночной тьмы изможденное лицо Стампфа.

— Ты не спишь, Локки?

— Что тебе нужно?

— Я не могу уснуть, — сказало лицо. — Я все думал. Послезавтра из Сантарема прилетит транспортный самолет. Мы могли бы быть там через несколько часов, подальше от всего этого.

— Конечно.

— Я имею в виду, навсегда, — сказал Стампф.

— Навсегда?

Стампф прикурил новую сигарету от старой:

— Я не верю в проклятия, не думай.

— При чем здесь проклятия?

— Но ты же видел тело Черрика, что с ним случилось...

— Это просто болезнь, — сказал Локки. — Как это она называется, когда кровь неправильно свертывается?

— Гемофилия, — ответил Стампф. — Он не страдал гемофилией, и мы оба об этом знаем. Я видел не раз, как он резался и царапался, и у него заживало не хуже нашего.

Локки прихлопнул москита на своей груди и растер его пальцами.

— Отлично. Так от чего же он тогда умер?

— Ты лучше меня видел его раны, но, мне кажется, его кожа просто расползалась от малейшего прикосновения.

Локки кивнул:

— Да, похоже на то.

— Может, он чем-нибудь заразился от индейцев?

Локки задумался:

— Я не коснулся ни одного из них.

— И я тоже. А он коснулся, помнишь?

Локки помнил. Такие картины нелегко забыть, как ни старайся.

— Боже, — простонал он, — что за идиотизм.

— Я отправляюсь в Сантарем. Не хочу, чтобы они пришли за мной.

— Они не придут.

— Откуда ты знаешь? Мы вляпались по уши. Мы могли бы подкупить их, или согнать с земли как-нибудь по-другому.

— Сомневаюсь. Ты же слышал, что сказал Тетельман: родовая собственность.

— Можешь забрать мою часть земли, — сказал Стампф. — Мне она не нужна.

— Что это значит? Ты что, собираешься смыться?

— Я чувствую себя преступником. У нас руки в крови, Локки.

— Делай, что хочешь.

— Я и делаю. Я не такой, как ты. У меня никогда не было охоты до таких вещей. Купишь мою треть?

— В зависимости от того, сколько ты за нее просишь.

— Сколько дашь. Она твоя.

Исповедавшись, Стампф докуривал сигарету в кровати. Скоро начнет светать: еще один рассвет в джунглях, благодатное мгновение перед тем, как мир вновь покроется испариной. Как он ненавидел это место! В конце концов, он не коснулся ни одного из индейцев, даже близко не стоял. Какую бы инфекцию они не передали Черрику, он не мог ей заразиться. Менее чем через сорок восемь часов он отправится в Сантарем, а потом еще в какой-нибудь город, любой город, куда племя никогда не сможет добраться. Ведь

он уже понес свое наказание, разве не так? Заплатил за жадность и самодеянность резью в животе и тем ужасом, от которого ему уже вряд ли избавиться до конца жизни. Пусть это будет достаточным наказанием, взмолился он, и, пока обезьяны не возвестили своим криком новый день, погрузился в сон: сон убийцы.

Жук с переливчатой спинкой, пытаясь выбраться сквозь москитную сетку, жужжал по комнате; наконец, утомившись, жук спустился и сел Стампфу на лоб. Ползая, он пил из пор; по его следу кожа Стампфа трескалась и расползалась в множество маленьких язв.

В деревушку индейцев они добрались к полудню. Поначалу им показалось, что деревня покинута; только солнце, как глаз василиска, глядело на них с неба. Локки и Черрик направились к поселку, оставив Стампфа, который страдал дизентерией, в джипе, подальше от зноя. Черрик первым заметил ребенка. Мальчик со вздутым животом, лет пяти, лицо которого было раскрашено яркими полосами красной растительной краски *уруку*, вышел из своего укрытия и начал разглядывать пришельцев: любопытство оказалось сильнее страха. Черрик и Локки застыли в ожидании. Один за другим, из-под хижины и деревьев, появились индейцы и вместе с мальчиком уставились на незнакомцев. Если на их широких, с приплюснутым носом, лицах и было какое-нибудь выражение, Локки не мог его уловить. Этих людей — а всех индейцев он считал за одно гнусное племя — невозможно было постичь; ясно было только, что они хитрые бестии.

— Что вы здесь делаете? — спросил он. Солнце палило нестерпимо. — Эта земля наша.

Мальчик с интересом смотрел на него снизу вверх. В его миндалевых глазах не было страха.

— Они тебя не понимают, — сказал Черрик.

— Тащи сюда Краута. Пусть он им объяснит.

— Он не может двинуться с места.

— *Тащи его сюда*, сказал Локки. — Мне наплевать, пусть хоть совсем захлебнется своим дерьмом.

Черрик вернулся на дорогу. Локки продолжал стоять, переводя взгляд с хижины на хижину, с дерева на дерево, и

пытался подсчитать, сколько там было индейцев. Он насчитал не более трех десятков, из которых две трети было женщин и детей. Потомки тех многотысячных народов, что когда-то бродили по бассейну Амазонки, теперь эти племена почти исчезли. Леса, в которых они жили многими поколениями, вырубались и выжигались; восьмирядные скоростные магистрали пересекали их места охоты. Все, что было для них свято — нетронутая дикая природа и они как ее часть — вытаптывалось и подвергалось насилию: они были изгнанниками на собственной земле. И все же они терпеливо выносили своих новых сюзеренов и их ружья. Только смерть могла бы убедить их в поражении, подумал Локки.

Черрик обнаружил Стампфа лежащим, как мешок, на переднем сиденье джипа; его измученное лицо было еще более несчастным.

— Локки тебя требует, — он тряс немца, пытаясь вывести его из прострации. — Они все еще в деревне. Ты должен поговорить с ними.

— Я не могу двинуться, — застонал Стампф, — я умираю...

— Локки велел доставить тебя живым или мертвым, — сказал Черрик. Со Стампфом его объединял страх перед Локки; и, пожалуй, еще одна вещь: жадность.

— Я чувствую себя ужасно, — продолжал ныть Стампф.

— Если ты не пойдешь со мной, он придет сам, — заметил Черрик.

Это был сильный аргумент. Стампф принял мученический вид, потом закивал своей большой головой.

— Хорошо, — сказал он. — Помоги мне.

У Черрика было мало желания притрагиваться к нему: от болезни тело Стампфа выделяло миазмы. Казалось, его кишки выдавливаются через кожу, которая имела какой-то отвратительный металлический оттенок. Все же он подал руку. Без помощи Стампф не преодолел бы сотню ярдов до поселения.

Локки уже выкрикивал нетерпеливые ругательства.

— Да шевелись же, — говорил Черрик, стаскивая Стампфа с сиденья. — Надо пройти всего несколько шагов.

Добравшись до поселения, они застали все ту же картину. Локки оглянулся на Стампфа.

— Нас тут держат за чужаков, — сказал он.

— Вижу, — безжизненно отозвался Стампф.

— Скажи им, чтобы проваливали с нашей земли. Скажи им, что это наша территория: мы ее купили. И не хотим никаких поселенцев.

Стампф кивнул, стараясь избегать бешеных глаз Локки. Иногда он ненавидел его почти так же, как самого себя.

— Начинай, — Локки дал знак Черрику, чтобы он отошел от Стампфа. Тот подчинился. Не поднимая головы, немец качнулся вперед. Несколько секунд он обдумывал свою речь, затем поднял голову и вяло изрек три слова на плохом португальском. Локки показалось, что слова просто не дошли до аудитории. Стампф попробовал еще раз, мобилизуя весь свой скудный словарь, чтобы пробудить наконец искру понимания у этих дикарей.

Мальчик, которого так забавляли кульбиты Локки, смотрел теперь на третьего демона: улыбка исчезла с его лица. Этот третий был совсем не смешной, по сравнению с первым. Он был болен и измучен; от него пахло смертью. Мальчик отвернулся, чтобы не вдыхать запах гниющего тела.

Стампф оглядел маслянистыми глазами своих слушателей. Если они *поняли*, но прикидываются, то это потрясающая игра. Исчерпав свое искусство, он немощно повернулся к Локки:

— Они меня не понимают.

— Скажи им еще раз.

— Мне кажется, они не понимают по-португальски.

— Скажи им *как-нибудь*.

Черрик щелкнул затвором:

— Нечего с ними разговаривать, — он тяжело дышал. — Они на нашей земле. Все права на нашей стороне...

— Нет, — сказал Локки. — Мы не будем стрелять. Не будем, если есть возможность мирно убедить их уйти.

— Они не понимают здравых рассуждений, — возразил Черрик. — Посмотри на них — это звери, которые живут в дерьме.

Стампф попытался было возобновить переговоры, помогая своему дрожащему голосу жалостливой мимикой.

— Скажи им, что мы пришли сюда работать, — подсказывал Локки.

— Я делаю все, что могу, — вспылил Стампф.

— Что у нас есть бумаги.

— Не думаю, что это произведет на них впечатление, — сказал Стампф с осторожным сарказмом.

— Просто скажи им, чтоб убирались. Пусть селятся где-нибудь в другом месте.

Наблюдая, как Стампф пытается воплотить его установки в слова и жесты, Локки невольно подумал о другой, альтернативной возможности. Или эти индейцы — Тксукахамеи, или Акхуали, или еще какое чертово племя — согласятся с их требованиями и уберутся, или им придется прогонять их силой. Черрик правильно сказал — все права на их стороне. У них бумаги от властей; у них карта разграничения территорий; у них санкции на все — от подписи до пули. Он, конечно, не сторонник кровопролития. Мир и так слишком залит кровью душками-либералами и волоокими сентименталистами, чтобы сделать геноцид решением проблемы. Но ружья стреляли раньше и будут стрелять, пока последний немытый индеец не наденет штаны и не перестанет есть обезьян.

Конечно, несмотря на вопли либералов, ружье имеет свою притягательную силу. Оно действует быстро и надежно. Одно его короткое слово убеждает наповал, и ты не рискуешь, что лет через десять какой-нибудь вонючий индеец вернется, размахивая найденной на помойке брошюрой Маркса, и затребует обратно свою исконную землю — с ее нефтью, минералами и всем остальным. Лучше, чтобы они ушли навсегда.

От желания уложить этих краснокожих Локки почувствовал, как чешется его палец на спусковом крючке, *физически* чешется. Стампф уже закончил свои филиппики: результат был нулевой. Он застонал и повернулся к Локки.

— Мне совсем плохо, — сказал он. Его лицо было белым, как мел, так что зубы казались желтовато-тусклыми.

— Не покидай меня, — съязвил Локки.

— *Пожалуйста*, мне нужно лечь. Я не хочу, чтобы они на меня смотрели.

Локки отрицательно покачал головой:

— Ты не уйдешь, пока они стоят и слушают. Если они не выкинут какой-нибудь штуки, то можешь болеть себе на

здоровье, — Локки поигрывал ружейным ложем, проводя обломанным ногтем по зарубкам на его дереве. Их было с десяток, и в каждой — чья-то могила. Джунгли так легко скрывают преступление, и такое впечатление, что они как-то исподволь соучаствуют в нем.

Стампф отвернулся и посмотрел на безмолвное собрание. Индейцев довольно много, думал он; хотя он носил пистолет, но стрелком был неважным. А вдруг они набросятся на Локки, Черрика и на него самого? Он этого не переживет. Но, вглядываясь в лица индейцев, он не видел угрозы. Когда-то это было очень воинственное племя. А теперь? Как наказанные дети, угрюмые и надувшиеся. Некоторые из молодых женщин были по-своему привлекательны: темная гладкая кожа и красивые черные глаза. Если бы он чувствовал себя не таким больным, ему, наверное, захотелось бы попробовать на ощупь эту красную блестящую наготу. Их притворство еще больше возбуждало его. В своем молчании они казались какими-то непостижимыми, как мулы или птицы. Кажется, кто-то в Укситубе говорил ему, что индейцы даже не дают своим детям нормальных имен, что каждый из них как ветка на дереве племени, безымянный и потому неотличимый от остальных. Теперь он, кажется, видел это сам в каждой паре черных пронзительных глаз, видел, что это не три десятка людей, а единая система сотканной из ненависти плоти. От этой мысли его ударило в дрожь.

Вдруг, впервые с момента их появления, один из индейцев сделал шаг. Это был старик, лет на тридцать старше любого из племени. Как и все остальные, он был почти голым. Обвислое мясо на его груди и конечностях покрывала заскорузлая кожа; шаги старика были твердыми и уверенными, хотя белесые глаза свидетельствовали о слепоте. Старик встал напротив пришельцев и раскрыл рот — беззубый рот с гнилыми деснами. То, что извергалось из его тощего горла, нельзя было назвать речью, скорее это были звуки: попурри на тему джунглей. Невозможно было определить жанр этого произведения, это было просто воспроизведение — весьма устрашающее — его чувств. Старик рычал, как ягуар, кричал попугаем; из его горла вырывались и всплески тропического ливня на листьях орхидеи, и вой обезьян.

Стампф почувствовал, что его сейчас вырвет. Джунгли заразили его болезнью, иссушили тело и бросили, как выжатую тряпку. А теперь этот старик с гноящимися глазами изрыгал на него все ненавистные звуки. От жары в голове Стампфа начало стучать, и он был уверен, что старик специально подбирает ритм своего звукоизвержения под глухие удары в его висках и запястьях.

— О чем он говорит? — поинтересовался Локки.

— О чем эти звуки? — ответил Стампф, раздраженный идиотским вопросом. — Это просто шум.

— Старый хрен проклинает нас, — сказал Черрик.

Стампф оглянулся на него. Глаза Черрика выкатились из орбит.

— Это проклятие, — сказал он Стампфу.

Локки засмеялся: Черрик был слишком впечатлительным. Он подтолкнул Стампфа вперед к старику, который немного сбавил громкость своих распевов; теперь он журчал почти весело. Стампф подумал, что он воспевает сумерки, тот неуловимый миг между неистовым днем и душным зноем ночи. Да, точно: в песне старика слышались шорохи и воркования дремлющего царства; это было так убедительно, что Стампфу захотелось тут же лечь прямо на землю и уснуть.

Локки оборвал пение:

— О чем ты говоришь? — бросил он в изрытое морщинами лицо старика. — Отвечай!

Но ночные шорохи продолжали шуметь, как далекая река.

— Это наша деревня, — послышался вдруг еще один голос, как бы переводя речь старика. Локки резко обернулся на звук. Это говорил юноша, кожа которого казалась позолоченной. — *Наша* деревня. *Наша* земля.

— Ты говоришь по-английски, — сказал Локки.

— Немного, — ответил юноша.

— Почему ты раньше не отвечал, когда я спрашивал? — от невозмутимости индейца Локки начал звереть.

— Мне не положено говорить. Он Старший.

— Ты хочешь сказать, вождь?

— Вождь умер. Вся его семья умерла. Он мудрейший из нас...

— Тогда скажи ему, что...

— Ничего не нужно говорить, — перебил его юноша. — Он понимает тебя.

— Он тоже говорит по-английски?

— Нет. Но он понимает тебя. Ты... ты проницаемый.

Локки показалось, что мальчишка иронизирует над ним, но он не был в этом уверен. Он посмотрел на Стампфа; тот пожал плечами. Локки снова обратился к юноше:

— Объясни ему как-нибудь. Объясни им всем. Это наша земля. Мы ее купили.

— Племя всегда жило на этой земле, — последовал ответ.

— А теперь не будет, — сказал Черрик.

— У нас бумаги... — Стампф все еще надеялся, что конфронтация закончится мирно. — Бумаги от правительства...

— Мы были здесь раньше правительства.

Старик, наконец, перестал озвучивать джунгли. Возможно, подумал Стампф, он закончил один день и теперь будет начинать другой. Но старик собрался уходить, совершенно не обращая внимания на чужаков.

— Позови его обратно, — приказал Локки, наводя ружье на юного индейца. Его намерения были недвусмысленны. — Пусть скажет остальным, что им надо убраться.

Несмотря на угрозы, юноша, казалось, нисколько не смутился, и совершенно не собирался давать распоряжения Старшему. Он просто смотрел, как старец возвращается в свою хижину. Остальные тоже потянулись к своим жилищам. Очевидно, уход старика был общим сигналом к окончанию спектакля.

— *Нет*! — закричал Черрик. — Вы не *слушаете*! — краска бросилась ему в лицо; голос сорвался на визг. Потрясая ружьем, он бросился вперед: — Вы, *вонючие собаки*!

Несмотря на его вопли, индейцы быстро расходились. Старик, дойдя до своей хижины, наклонился и исчез внутри. Некоторые еще стояли и смотрели, на их лицах было что-то вроде сострадания к этим помешанным европейцам. Но это только распалило Черрика.

— Слушайте, что я скажу! — визжал Черрик; пот разлетался брызгами, когда он вертел головой, перебрасывая

безумный взгляд с одной удаляющейся фигуры на другую. — *Слушайте*, вы, ублюдки!

— Не волнуйся... — Стампф попытался успокоить его.

Это подействовало на Черрика как детонатор. Без предупреждения, он вскинул ружье, прицелился и выстрелил в дверной проем, в который вошел старик. Птицы с шумом взлетели с соседних деревьев, собаки удирали, не чуя ног. Из двери хижины донесся слабый крик, но вовсе не старика. Заслышав его, Стампф повалился на колени, держась за живот: его тошнило. Лежа лицом в землю, он не мог видеть миниатюрную фигурку, которая появилась в дверях хижины, и, шатаясь, вышла на свет. Даже когда он поднял голову и увидел, как ребенок с разрисованным красной краской лицом судорожно хватается за живот, он не поверил своим глазам. Но это было так. Была кровь, сочащаяся между тонких детских пальчиков, и было перекошенное близкой смертью детское личико. Мальчик упал на утоптанную землю у порога, по его телу пробежала предсмертная судорога, и умер.

Где-то между хижинами негромко всхлипывала женщина. На мгновение мир качался на острие — между тишиной и воплем, между спокойствием и нарастающей яростью.

— Ты, вонючий ублюдок, — процедил Локки сквозь зубы. — Быстро в машину. Стампф, подъем. Мы не будем тебя ждать. Вставай сейчас, или можешь оставаться насовсем.

Стампф все еще смотрел на тело мальчика. Подавив стон, он поднялся на ноги:

— Помогите.

Локки протянул ему руку.

— Прикрой нас, — бросил он Черрику.

Черрик кивнул, бледный, как смерть. Некоторые индейцы вышли посмотреть на отступление белых; несмотря на происшедшую трагедию, их лица были так же непроницаемы, как и раньше. Только рыдающая женщина — видимо, мать погибшего мальчика, — покачивалась среди неподвижных фигур, оплакивая свое горе.

Ружье дрожало в руке Черрика. Он уже просчитал: если дело дойдет до открытого столкновения, у них мало шансов уцелеть. Но даже сейчас, видя отступление врага, индейцы

не делали ничего. Только молчаливо обвиняли. Черрик решился бросить взгляд через плечо. Локки и Стампфу оставалось пройти не более двадцати ярдов до джипа, а дикари еще не сделали ни шагу.

Когда Черрик снова обернулся к деревне, ему показалось, что все племя как один испустило тяжелый громкий вздох, и от этого звука Черрик почувствовал, что сама смерть рыбьей костью впилась ему в горло, слишком глубоко, чтобы ее вытащить, и слишком крепко, чтобы проглотить. Она застряла там, в его теле, вне логики и воли. Но он забыл про нее, заметив движение в дверях хижины. Он был готов повторить свою ошибку и крепче сжал ружье. Из дверей вышел старик; переступил через труп мальчика, лежащий у порога. Черрик снова обернулся: добрались они наконец до джипа? Но Стампф еле ковылял; вот и сейчас Локки поднимал его на ноги. При виде приближающегося старика Черрик попятился на шаг, потом другой. А старик шел уверенно. Он быстро пересек деревню и подошел вплотную к Черрику, так что его морщинистый живот, без каких либо следов ранения, уперся в ствол ружья.

Обе его руки были в крови, свежей крови, стекающей по локтям, когда он выставил перед Черриком свои ладони. Разве он прикасался к мальчику, подумал Черрик, когда выходил из хижины? Если да, то это было совершенно неуловимое прикосновение, которое Черрик не смог заметить. Так или иначе, смысл происшедшего был очевиден: его обвиняют в убийстве. Впрочем, Черрик был не из пугливых; он пристально взглянул старику в глаза, отвечая вызовом на вызов.

Но старый черт ничего не делал, только стоял с растопыренными ладонями, и со слезами в глазах. Черрик вновь почувствовал ярость. Он ткнул пальцем в грудь старика.

— Тебе меня не запугать, — сказал он, — понял? Не на того напал.

Когда он это говорил, в лице старика произошло какое-то еле уловимое изменение. Это, конечно, была игра света, или тень птицы, но все же под глубиной морщин вдруг проглянуло лицо мальчика, умершего у дверей хижины; казалось даже, что на тонких губах старика промелькнула улыбка. В

следующее мгновение, так же внезапно, как и появилось, видение исчезло.

Черрик убрал палец с груди старика, вглядываясь в его лицо в ожидании новых фокусов; затем вновь отступил. Он сделал три шага назад, когда слева вдруг что-то зашевелилось. Резко повернувшись, он вскинул ружье и выстрелил. Пуля впилась в шею пегой свинье, которая мирно паслась среди своих сородичей возле хижин. Она, казалось, перевернулась в воздухе, и рухнула в пыль.

Черрик вновь направил ружье на старика. Но тот не двигался, только открыл рот: из его горла вырывался звук предсмертного визга свиньи. Пронзительный крик, и жалобный, и смешной, заставил Черрика вновь вспомнить о джипе. Локки уже завел двигатель.

— Давай, быстро, — сказал он.

Черрик не заставил себя уговаривать, и прыгнул на переднее сиденье. Внутри было жарко, тело Стампфа воняло болезненными выделениями, но безопаснее, чем в деревне.

— Это была свинья, — сказал Черрик. — Я подстрелил свинью.

— Знаю, — ответил Локки.

— Этот старый ублюдок...

Он не договорил. Он смотрел на два своих пальца, которыми тыкал в старика. — Я дотронулся до него, — пробормотал он в недоумении. На пальцах была кровь, хотя на теле старика ее не было.

Локки не прореагировал на слова Черрика, развернул джип и направил машину прочь от деревни, по дороге, которая, казалось, еще больше заросла с тех пор, как они ехали по ней час назад. Видимых признаков преследования не было.

Небольшая фактория к югу от Аверио являлась своего рода центром цивилизации. Здесь были белые лица и чистая вода. За Стампфом, состояние которого на обратном пути ухудшалось, ухаживал Дэнси, англичанин с манерами графа в изгнании и лицом отбивной котлеты. Как-то, будучи трезвым, он провозгласил себя доктором, и, хотя не было свидетельств в пользу этого, никто не оспаривал его права

возиться со Стампфом. Немец метался в бреду, как буйный, но маленькие ручки Дэнси с тяжелыми золотыми кольцами, похоже, справлялись с горячечными выпадами пациента.

Пока Стампф бился под сетью от москитов, Локки и Черрик уселись в полутьме лампы, и, выпив, поведали о своей встрече с племенем. С ними был Тетельман, владелец складов в фактории, которому, когда он выслушал их историю, было что рассказать. Он хорошо знал индейцев.

— Я здесь уже не первый год, — сказал он, подкармливая орехами паршивую обезьянку на своих коленях. — Я знаю, как у этих людей устроены мозги. Может показаться, что они глупы и даже трусливы. Поверьте мне, это не так.

Черрик что-то промычал. Неугомонная, как ртуть, обезьянка уставилась на него своими бессмысленными глазами.

— Они и не попытались двинуться на нас, — сказал он, — хотя их было в десять раз больше. Это что, не трусость?

Тетельман откинулся в своем скрипящем кресле, сбросив зверушку с колен. Его лицо с оттенком охоты было угасшим и изможденным. Только губы, которые он периодически окунал в стакан, имели какой-то цвет; Локки он показался похожим на старую блудницу.

— Тридцать лет назад, — сказал Тетельман, — вся эта территория была их родной землей. Никто их не трогал. Они ходили, *куда* хотели, делали, *что* хотели. А для нас, белых, джунгли были загрязнены и заражены болезнями: мы не претендовали на них. И, конечно, мы были по-своему правы. Они *действительно* загрязнены и заражены болезнями; но в то же время они скрывают то, в чем мы так сейчас нуждаемся: ископаемые, нефть.

— Мы уплатили за эту землю, — пальцы Черрика нервно скользили по сколотому краю стакана. — Это все теперь наше.

— Уплатили? — Тетельман презрительно усмехнулся. Обезьянка застрекотала у него в ногах, как будто слова Черрика позабавили ее не меньше, чем хозяина. — Нет, вы уплатили за кота в мешке, и теперь вам придется с ним повозиться. Вы уплатили за право вышвырнуть отсюда ин-

дейцев, насколько вам это удастся. Вот куда пошли ваши доллары, мистер Локки. Правительство страны ждет не дождется, пока вы — или такие как вы — не избавите его от всех этих племен на субконтиненте. Нет нужды изображать из себя оскорбленную невинность. Я здесь уже слишком долго...

Черрик плюнул на голый пол. Слова Тетельмана раздражали его:

— А зачем же *ты* сюда приехал, если ты такой хренов умник?

— По той же причине, что и вы, — ответил Тетельман миролюбиво, вглядываясь куда-то вдаль, на смутные очертания деревьев, что росли на краю участка земли за складом. Их раскачивали ночные птицы или ветер.

— И что же это за причина? — Черрик с трудом сдерживал враждебность.

— Жадность, — мягко ответил Тетельман, продолжая рассматривать деревья. Что-то быстро прошуршало по низкой деревянной крыше. Обезьянка в ногах Тетельмана прислушалась, наклонив головку. — Я, как и вы, думал, что меня здесь ждет удача. Я дал себе два года. От силы три. Это были лучшие годы за прошедшие двадцать лет. — Он нахмурился; его память вызывала картины прошлого, и все они отдавали горечью. — Джунгли пережуют вас и выплюнут, рано или поздно.

— Не меня, — сказал Локки.

Тетельман посмотрел на него влажными глазами.

— Сожалею, — сказал он очень вежливо. — Дух разрушения носится в воздухе, мистер Локки. Я чую его запах.

Он снова отвернулся к окну.

Что бы там ни было на крыше, теперь к нему еще что-то присоединилось.

— Но ведь они не придут сюда? — сказал Черрик. — Они не будут нас преследовать?

В вопросе, прозвучавшем почти шепотом, слышались мольба об отрицательном ответе. Как Черрик ни старался, он не мог отогнать видения предыдущего дня. Ему являлся не труп мальчика — его он еще мог попытаться забыть. Но как забыть старика, с его искаженным в солнечном свете

лицом и ладонями, поднятыми, как будто он предъявлял какое-то клеймо.

— Не беспокойся, — ответил Тетельман с ноткой снисходительности. — Иногда некоторые из них наведываются сюда — продать попугая или пару горшков — но я никогда не видел, чтобы они приходили в сколько-нибудь значительном числе. Они этого не любят. Ведь для них здесь цивилизация, а она их пугает. Кроме того, они не стали бы обижать моих гостей. Я нужен им.

— Нужен? — спросил Локки. — Кому нужен этот хлам вместо человека?

— Они употребляют наши лекарства. Дэнси их снабжает. И одеяла, время от времени. Я же говорил, они не так глупы.

Рядом послышалось завывание Стампфа. За ними последовали утешения Дэнси, пытающегося унять панику, ему это плохо удавалось.

— Ваш друг совсем плох, — сказал Тетельман.

— Он мне не друг, — ответил Локки.

— Она гниет, — пробормотал Тетельман, больше для себя.

— Кто?

— Душа. — Слово было чудовищно неуместным на мокрых от виски губах Тетельмана. — Она — как фрукт, видите ли. Гниет.

Каким-то образом крики Стампфа воплотились в образы. Это не было страдание здорового существа: сама гниль вопила.

Скорее, чтобы отвлечь внимание от производимого немцем шума, чем из интереса, Черрик спросил:

— Что они дают тебе в обмен на лекарства и одеяла? Женщин?

Этот поворот мысли явно позабавил Тетельмана: он рассмеялся, сверкнув золотыми коронками.

— У меня нет надобности в женщинах, — сказал он. — Я слишком много лет страдал сифилисом.

Он щелкнул пальцами, и обезьянка вновь вскарабкалась ему на колени.

— Ведь душа — не единственное, что гниет.

— Ну, хорошо. Так что же ты получаешь от них взамен? — спросил Локки.

— Поделки, — сказал Тетельман. — Чашки, кувшины, циновки. Их у меня скупают американцы, и продают потом в Манхеттене. Сейчас все хотят приобрести что-нибудь от вымирающего племени. *Memento mori.*

— Вымирающего? — переспросил Локки. Слово звучало для него соблазнительно, как слово жизнь.

— Да, конечно, — сказал Тетельман. — Они все равно исчезнут. Если вы их не уничтожите, они это сделают сами.

— Самоубийство? — спросил Локки.

— В своем роде. Они просто падают духом. Я видел это полдюжины раз. Племя теряет свою землю, и с ней утрачивает вкус к жизни. Они перестают заботиться о самих себе. Женщины становятся бесплодны, юноши принимаются пить, старики просто морят себя голодом. Через год-другой племени как не бывало.

Локки опрокинул стакан, приветствуя про себя фатальную мудрость этих людей. Они знали, когда умирать. Мысль об их стремлении к смерти освободила его от последних угрызений совести. Чем теперь считать ружье в своей руке, как не инструментом эволюции?

На четвертый день их пребывания на фактории лихорадка Стампфа пошла на убыль, к немалому удивлению Дэнси.

— Худшее позади, — объявил он. — Дайте ему еще пару дней отдохнуть — и можете снова заниматься своими делами.

— Что вы собираетесь делать? — поинтересовался Тетельман.

Локки, стоя на веранде, смотрел на дождь. Водяные струи лились из облаков, которые нависали так низко, что касались верхушек деревьев. Потом ливень прекратился так же внезапно, и джунгли вновь задымились, расправили ветви и буйно пошли в рост.

— Не знаю, что мы будем делать, — сказал Локки. — Наверное, возьмем подмогу и вернемся обратно.

— Ну что ж, тоже дело, — ответил Тетельман.

Черрик, сидя возле двери, откуда шла хоть какая-нибудь прохлада, взял стакан, который он редко выпускал из рук за последние дни, и снова его наполнил.

— Никаких ружей, — сказал он. Он не притрагивался к ружью с тех пор, как они прибыли на факторию; он вообще ни к чему не притрагивался, за исключением бутылки и кровати. Ему казалось, что с него постоянно сползает кожа.

— Ружья не нужны, — проворковал Тетельман. Его слова повисли в воздухе как невыполненное обещание.

— Избавиться от них без ружей? — удивился Локки. — Если ты предлагаешь ждать, пока они вымрут сами по себе, то я не такой терпеливый.

— Нет, — сказал Тетельман. — Все можно сделать быстрее.

— Но как?

Тетельман томно посмотрел на него.

— Они — источник моего существования, — сказал он, — или, во всяком случае, его часть. Помочь вам — и я окажусь банкротом.

Он не только выглядит, как старая шлюха, подумал Локки, он и думает так же.

— Так чего же ты хочешь взамен за свое хитроумие?

— Часть того, что вы найдете на этой земле, ответил Тетельман.

Локки покивал головой.

— Что нам терять, Черрик? Возьмем его в долю?

Черрик пожал плечами.

— Хорошо, — сказал Локки. — Говори.

— Им нужны медикаменты, — начал Тетельман, — потому что они очень восприимчивы к нашим болезням. Подходящая болезнь может выкосить их практически за одну ночь.

Не глядя на Тетельмана, Локки обдумывал услышанное.

— Одним махом, — продолжал Тетельман. — Они практически беззащитны перед некоторыми бактериями. Их организм не имеет против них защиты. Триппер. Оспа. Даже корь.

— Но как? — спросил Локки.

Снова воцарилась тишина. У нижних ступенек веранды, где кончалась цивилизация, джунгли распирало в предвку-

шении солнца. В разжиженном мареве растения цвели и гнили, и вновь цвели.

— Я спросил, *как*? — сказал Локки.

— Одеяла, — ответил Тетельман. — Одеяла умерших людей.

Уже после выздоровления Стампфа, в ночь, незадолго до рассвета, Черрик внезапно проснулся, очнувшись от дурных сновидений. Снаружи была непроглядная тьма: ни луна, ни звезды не могли победить черноту ночи. Но его внутренние часы, которые жизнь наемника отрегулировала до удивительной точности, подсказывали ему, что первый свет близок, и ему не хотелось засыпать снова. Чтобы опять увидеть во сне старика. Не его поднятые ладони и не блеск крови так напугали Черрика, а слова, которые исходили из его беззубого рта, от которых все его тело покрылось холодным потом.

Что это были за слова? Теперь он не мог припомнить, но хотел; хотел наяву восстановить те ощущения, чтобы посмеяться над ними и забыть. Но слова не приходили. Он лежал в убогой хижине, тьма была слишком плотной, чтобы он мог хотя бы двинуться, как вдруг перед ним возникли две окровавленные руки, подвешенные в темноте. Не лицо, не небо, не пламя. Только руки.

— Чего только не привидится, — сказал Черрик сам себе, но он знал, что это не так.

И вдруг — голос. Он получил то, что хотел: то были слова, которые слышались ему во сне. Но смысл их был неясен. Черрик чувствовал себя младенцем, который воспринимал разговоры родителей, но был неспособен вникнуть в их суть. Ведь он был невежествен, ведь так? Теперь он впервые со времен детства чувствовал горечь своего незнания. Голос заставил его почувствовать страх за неопределенность, которую он так деспотически игнорировал, за шепоты, которые он заглушал своей шумной жизнью. Он пытался понять, и кое-что ему удалось. Старик говорил о мире, и об изгнании из этого мира; о том, что предмет вожделения для многих оборачивается гибелью. Черрик мучился желанием остановить этот поток слов и получить объяснение. Но голос уже отдалялся, сливаясь со стрекотом попугаев на деревьях,

с хрипами и воплями, взорвавшими вдруг все вокруг. Сквозь ячейки москитной сети Черрик видел, как между ветвями ярко вспыхнуло тропическое небо.

Он сел в кровати. Руки и голос исчезли, и с ними то возбуждение, которое он начал было испытывать от слов старика. Во сне он скомкал простынь: теперь он сидел и с отвращением оглядывал свое тело. Его спина, ягодицы и бедра болели. Слишком много пота на этих жестких простынях, думал он. Не в первый раз за последние дни он вспомнил маленький домик в Бристоле, где когда-то жил.

Птичий гомон спутывал его мысли. Он подвинулся к краю кровати и откинул москитную сеть. При этом грубая проволока сети поцарапала ему ладонь, он разжал руку и выругался про себя. Сегодня он снова ощутил ту болезненную раздражительность, что не оставляла его со времени прибытия на факторию. Даже ступая по деревянному полу, он, казалось, чувствовал каждый сучок под тяжестью своего тела. Ему хотелось убраться из этого места, и поскорее.

Теплая струйка, бегущая по запястью, привлекла его внимание, и он обнаружил тонкий ручеек крови, стекающей по руке. На подушке большого пальца был порез, наверное от москитной сетки. Из него и текла кровь, хотя не так сильно. Он пососал ранку, вновь ощутив ту непонятную раздражительность, которую лишь алкоголь, и лишь в больших количествах, был способен притупить. Сплюнув кровь, он начал одеваться.

Рубашка обожгла ему спину, как удар плети. Задубевшая от пота, она нестерпимо натирала плечи и шею, казалось, своими нервными окончаниями он чувствует каждую нить, как будто это была не рубашка, а власяница.

В соседней комнате проснулся Локки. Кое-как одевшись, Черрик пошел к нему. Локки сидел за столом у окна. Сосредоточенно склонившись над картой, составленной Тетельманом, он пил крепкий кофе со сгущенным молоком, который варил для всей компании Дэнси. Им нечего было сказать друг другу. После инцидента в деревне все намеки на дружбу исчезли. Теперь Локки проявлял нескрываемую ненависть к своему бывшему компаньону. Их связывал только контракт, который они подписывали вместе со Стам-

пфом. Покончив кое-как с завтраком, Локки принялся за виски, что служило первым признаком его дурного расположения; Черрик глотнул пойла Дэнси и пошел подышать утренним воздухом.

Было как-то странно. Что-то сильно беспокоило его в этой утренней картине. Он знал, как опасно поддаваться необоснованным страхам, и пытался с ними бороться, но они не отступали.

Может, это просто усталость делает его таким болезненно-чувствительным ко всему в это утро? Из-за чего еще он так страдал от своей провонявшей потом одежды? Он чувствовал нестерпимое трение краев ботинок о лодыжку, ритмическое обдирающее прикосновение ткани брюк к ногам во время ходьбы, даже завихрения воздуха — кожей лица и рук. Мир давил на него — по крайней мере, ему так казалось — как будто хотел выдавить его куда-то вовне.

Большая стрекоза, звеня радужными крыльями, врезалась в его руку. От боли он выронил кружку; она не разбилась, а покатилась по веранде и исчезла в зарослях. Разозлившись, Черрик прихлопнул насекомое, оставив кроваво-липкое пятно на татуированном предплечье как знак его кончины. Он стер кровь, но она снова проступила большим темным пятном.

Он понял, что это не кровь насекомого, а его собственная. Стрекоза каким-то образом поранила его, хотя он этого не почувствовал. Он внимательно присмотрелся к повреждению на коже: рана его была незначительной, *и в то же время* болезненной.

До него донесся голос Локки изнутри; он громко говорил Тетельману о бестолковости своих компаньонов.

— Стампф вообще не пригоден для такой работы, — говорил он. — А Черрик...

— А что я?

Черрик шагнул вглубь хижины, стирая вновь проступившую кровь со своей руки.

Локки даже не поднял головы.

— Ты параноик, — сказал он спокойно. — Параноик, и на тебя нельзя положиться.

Черрик не был расположен отвечать на грубость Локки.

— Ты злишься, что я прибил какого-то индейского выкормыша, — сказал он. Чем больше он пытался стереть кровь со своей пораненной руки, тем более болезненной становилась ранка. — Просто у тебя кишка тонка.

Локки продолжал изучать карту. Черрик шагнул к столу:

— Да ты слушаешь меня? — закричал он и стукнул кулаком по столу. От удара его рука как будто треснула. Кровь брызнула во все стороны, заливая карту. Черрик взвыл и закружил по комнате с кровоточащей трещиной на тыльной стороне руки. Несмотря на болевой шок, он услышал знакомый тихий голос. Слова были неразборчивы, но он знал, от кого они исходили.

— Я не хочу этого слышать! — вскричал он, тряся головой, как собака с блохой в ухе. Он оперся о стену, но прикосновение к ней только вызвало новую боль. — *Я не хочу этого слышать, будь ты проклят!*

— Что за вздор он несет? — В дверях появился Дэнси, разбуженный криками, все еще держа в руках *Полное Собрание Сочинений Шелли*, без которого, по словам Тетельмана, невозможно уснуть.

Локки задал тот же вопрос Черрику, который стоял с дико расширенными глазами и сжимал руку, пытаясь остановить кровотечение:

— О чем ты?

— Он говорил со мной, — сказал Черрик. — Тот старик.

— Какой старик? — не понял Тетельман.

— Он имеет в виду того, в деревне, — ответил Локки, и вновь повернулся к Черрику: — Ты это хотел сказать?

— Он хочет, чтобы мы ушли. Как изгнанники. Как они. *Как они!* — Черрика охватывала паника, с которой он уже не мог справиться.

— У него тепловой удар, — Дэнси не удержался и поставил диагноз. Но Локки знал, что это не так.

— Нужно перевязать твою руку... — Дэнси медленно подвигался к Черрику.

— Я слышал его, — мычал Черрик.

— Конечно. Только успокойся. Мы сейчас во всем разберемся.

— Нет, — ответил Черрик. — Нас изгоняет отсюда все, чего мы ни коснемся. Все, чего мы ни коснемся.

Казалось, он сейчас рухнет на землю, и Локки рванулся, чтобы подхватить его. Но как только он взялся за плечо Черрика, мясо под рубашкой начало расползаться, и тут же руки Локки окрасились в ярко-красный цвет; от неожиданности он их отдернул. Черрик упал на колени, которые обратились в новые раны. Расширенными от страха глазами он смотрел, как темнеют кровавыми пятнами его рубашка и брюки.

— Боже, что со мной происходит, — он плакал навзрыд.

Дэнси двинулся к нему:

— Сейчас я тебе помогу...

— Нет! Не трогай меня! — умолял Черрик, но Дэнси не мог удержаться, чтобы не проявить заботу:

— Ничего страшного, — сказал он деловито, как заправский доктор.

Но он был не прав. Взяв Черрика за руку, чтобы помочь подняться с колен, он открыл новые раны. Дэнси чувствовал, как струится кровь под его рукой, как мясо соскальзывает с костей. Даже ему, видавшему виды, было не по себе. Как и Локки, он отступился от несчастного.

— Он гниет, — пробормотал Дэнси.

Тело Черрика уже растрескалось во многих местах. Он пытался подняться на ноги, но вновь обрушивался на землю, и от любого прикосновения — к стене, стулу или полу — обнажались новые куски мяса. Он был безнадежен. Остальным ничего не оставалось, как стоять и смотреть наподобие зрителей на казни, дожидаясь заключительной агонии. Даже Стампф поднялся с постели и вышел взглянуть, что там за шум. Он стоял в дверях, прислонившись к косяку, и не верил своим глазам.

Еще минута, и Черрик ослабел от потери крови. Он упал навзничь, и растянулся на полу. Дэнси подошел к нему и присел на корточки возле головы.

— Он умер? — спросил Локки.

— Почти, — ответил Дэнси.

— Сгнил, — сказал Тетельман, как будто это слово объясняло весь драматизм происходящего. В руках он держал

большое грубо вырезанное распятие. Наверное, индейская поделка, подумал Локки. Распятый Мессия имел хитроватый прищур и был непристойно обнажен. Несмотря на гвозди и колючки, он улыбался. Дэнси взял Черрика за плечо, от чего потекла еще одна струйка крови, перевернул тело на спину и склонился над подрагивающим лицом. Губы умирающего едва заметно двигались.

— Что ты говоришь? — спросил Дэнси; он еще ближе придвинулся к лицу Черрика, пытаясь уловить его слова. Но вместо слов изо рта шла только кровавая пена.

Подошел Локки. Мухи уже кружили над умирающим Черриком. Отстранив Дэнси, Локки наклонил свою бритую голову и взглянул в стекленеющие глаза:

— Ты слышишь меня?

Тело что-то промычало.

— Ты узнаешь меня?

Снова — мычание.

— Ты хочешь отдать мне свою часть земли?

На этот раз мычание было слабее, почти вздох.

— Здесь свидетели, — продолжал Локки. — Просто скажи — да. Они услышат тебя. Просто скажи — да.

Тело силилось что-то сказать, его рот открылся чуть шире.

— Дэнси! — Локки обернулся. — Ты слышишь, что он говорит?

Дэнси побаивался Локки и не хотел бы влезать в его дела, но кивнул.

— Ты свидетель, Дэнси.

— Если так нужно, — ответил англичанин.

Черрик почувствовал, как рыбья кость, которой он подавился в деревне, повернулась и добила его.

— Дэнси, он сказал «да»? — поинтересовался Тетельман.

Дэнси почти услышал, как рядом звонит по нему погребальный колокол. Он не знал, что сказал умирающий, но какая в конце концов разница?

Локки все равно приберет к рукам эту землю, так или иначе.

— Он сказал «да».

Локки встал и пошел пить кофе.

Первым движением Дэнси было закрыть глаза умершему; но от малейшего прикосновения глазные впадины разверзлись и наполнились кровью.

Ближе к вечеру они его похоронили. Хотя тело было спрятано от дневной жары в самом холодном углу склада, среди всякого барахла, оно уже стало разлагаться к тому времени, как его зашили в мешок и понесли хоронить. В ту же ночь Стампф пришел к Локки и предложил ему свою треть земли, в добавок к доле Черрика, и Локки, всегда трезво смотрящий на вещи, согласился. План карательных мер был окончательно разработан на другой день. Вечером того же дня, как Стампф и надеялся, прилетел самолет снабжения. Локки, которому надоели надменные позы Тетельмана, тоже решил слетать на несколько дней в Сантарем, вышибить там джунгли из головы алкоголем и вернуться с новыми силами. Он надеялся также пополнить там необходимые запасы и, если удастся, нанять надежных водителя и охранника.

В самолете было шумно, тесно и неудобно, за все время перелета оба попутчика не обмолвились ни словом. Стампф просто глазел вниз на нетронутую дикую местность, над которой они пролетали, хотя картина не менялась часами: темно-зеленые полосы леса, прореженные кое-где сверканием воды; иногда языки дыма, там, где выжигали лес, вот, пожалуй, и все.

По прибытию в Сантарем они расстались, едва пожав руки. От этого каждый нерв в руке Стампфа болезненно съежился, и на мягкой коже между большим и указательным пальцем открылась трещина.

Да, Сантарем — не Рио, думал Локки, направляясь в бар на южной окраине города, куда часто наведывались ветераны Вьетнама, любители этого своеобразного энимал-шоу. Оно было одним из немногих удовольствий Локки, от которого он никогда не уставал, — смотреть, как одна из местных женщин с застывшим, как студень, лицом, отдается собаке или ослу — и всего за несколько зеленых. Женщины в Сантареме были невкусными, как пиво, но Локки не волновала их внешность: главное, чтобы тело было в рабочем

состоянии, и чтобы они были не заразны. Разыскав бар, он подсел к какому-то американцу, с которым весь вечер обменивался скабрезностями. Когда же ему это надоело — уже заполночь, — он, прихватив бутылку виски, вышел на улицу излить свои эмоции на чью-нибудь физиономию.

Немного раскосая женщина уже почти согласилась на небольшой грешок с Локки — от чего она решительно отказывалась, пока очередной стакан вина не убедил ее, что не в целомудрии счастье — когда в дверь негромко постучали.

— Суки, — выругался Локки.

— *Si*, — отозвалась женщина. — Зука. Зука. — Кажется, это было единственным словом в ее лексиконе, напоминавшем английское. Не обращая на нее внимания, пьяный Локки подполз к краю грязного матраса. В дверь снова постучали.

— Кто там?

— *Сеньор* Локки? — голос из коридора принадлежал молодому человеку.

— Да! — Локки не мог отыскать брюк в складках простыни. — Да! Что тебе нужно?

— *Mensagem*, — сказал юноша. — *Urgente. Urgente.*

— Ты ко меня? — Он, наконец, нашел свои брюки и теперь надевал их. Женщина совершенно спокойно наблюдала за происходящим, лежа в кровати и поигрывая пустой бутылкой. Застегнувшись, Локки проделал три шага — от кровати к двери. На пороге стоял мальчик, черные глаза и особенный блеск кожи свидетельствовали о его индейском происхождении. Он был одет в тенниску с рекламой Кока-колы.

— *Mensagem, Сеньор* Локки, — повторил он, — *...do hospital.*

Мальчик смотрел мимо Локки на женщину в кровати, осклабясь от уха до уха.

— Больница? — переспросил Локки.

— *Sim. Hospital «Sacrado Coraca de Maria».*

Это может быть только Стампф, подумал Локки. Кому еще в этом богом и чертом забытом месте он может понадо-

биться? Никому. Он посмотрел на личико с раскосыми глазами.

— *Vem comigo*, — сказал мальчик, — *vem comigo. Urgente.*

— Нет, — решил Локки. — Я остаюсь. Не сейчас. Понимаешь меня? Потом, потом.

Мальчик пожал плечами.

— *...Ta morrendo.*

— Умирает?

— *Sim. Ta morrendo.*

— Ладно, бог с ним. Понимаешь? Возвращайся и скажи ему, что я приду, когда освобожусь.

Мальчик опять пожал плечами.

— *E meu dinheiro?* — сказал он, когда Локки уже закрывал дверь.

— Пошел к черту, — бросил Локки и захлопнул дверь.

Когда после двух часов и одного бездарного акта с безразличной особой Локки открыл дверь, он обнаружил, что мальчик в отместку нагадил на порог.

Больница «*Sacrado Coraca de Maria*» была плохо приспособлена, чтобы болеть; уж лучше умирать в своей кровати в компании с собственным потом, думал Локки, шагая по грязному коридору. Удушливый запах медикаментов не мог заглушить испарений больной человеческой плоти. Ими были пропитаны стены; они жирной пленкой садились на лампы и пол. Что могло стрястись со Стампфом, что он угодил сюда? Драка в баре? Не сошелся с сутенером в цене за женщину? Немец был просто слишком глуп, чтобы влипнуть во что-нибудь подобное. — *Сеньор* Стампф? — спросил он у женщины в белом, проходившей по коридору. — Мне нужен *Сеньор* Стампф.

Женщина потрясла головой и указала дальше по коридору на замученного вида мужчину, который остановился на мгновение, чтобы зажечь сигару. Локки подошел. Мужчина стоял в клубах едкого дыма.

— Мне нужен *Сеньор* Стампф, — сказал Локки.

Мужчина, усмехнувшись, посмотрел на него:

— Вы Локки?

— Да.

— Ага, — он затянулся. Дым был настолько едким, что мог бы вызвать рецидив у самого тяжелого пациента. — Я доктор Эдсон Коста, — сказал мужчина, протягивая холодную руку Локки. — Ваш друг ждал вас всю ночь.

— Что с ним?

— У него болит глаз, — сказал Эдсон Коста, совершенно безразличный к состоянию Стампфа. — И у него небольшие ссадины на руках и лице. Но он не подпускает к себе никого. Он сам себе доктор.

— Но почему? — удивился Локки.

Доктор, казалось, был озадачен.

— Он платит за стерильную комнату. Платит хорошо. Поэтому я его туда поместил. Хотите его увидеть? Может, заберете его?

— Может, — ответил Локки без всякого энтузиазма.

— Его голова... — сказал доктор. — У него галлюцинации.

Не вдаваясь в дальнейшие объяснения, он пошел широкими шагами, оставляя за собой дымовой шлейф. Пройдя через главное здание и небольшой внутренний двор, они оказались возле палаты со стеклянным окошком в двери.

— Здесь, — доктор показал на дверь, — ваш друг. Скажите ему, — сказал он, как будто дал прощальный залп, — чтобы заплатил, или пусть завтра уезжает.

Локки заглянул в стеклянное окошко: грязновато-белая комната была пустой — только кровать и небольшой стол, освещенный тем же зловещим светом, что пробирался в каждый угол этого заведения. Стампф не лежал в кровати, а сидел на корточках в углу. Его левый глаз был скрыт большим тампоном, привязанным кое-как бинтами вокруг головы.

Локки уже довольно долго смотрел на Стампфа, прежде чем тот почувствовал, что за ним наблюдают. Он медленно поднял голову. Его здоровый глаз, как бы в компенсацию за потерю другого, казалось, расширился в два раза. В нем был страх, которого хватило бы на оба глаза; да хоть на дюжину глаз.

Осторожно, как человек, кости которого настолько ломки, что он боится их переломать от малейшего движения,

Стампф отделился от стены и подошел к двери. Он не открыл ее, а стал переговариваться с Локки через стеклянное окошко.

— Почему ты не пришел? — сказал он.

— Я здесь.

— Но *раньше*, — лицо Стампфа все было в кровоподтеках, как будто его били. — Раньше.

— Я был занят, — ответил Локки. — Что с тобой стряслось?

— Это правда, Локки, — сказал немец. — Все правда.

— О чем ты?

— Тетельман мне все рассказал. О тех словах Черрика. О том, что мы изгнанники. Это правда. Они хотят вышвырнуть нас.

— Мы сейчас не в джунглях, — сказал Локки. — Здесь тебе нечего бояться.

— О, если бы так, — глаз Стампфа расширился еще больше. — Если бы так. Я видел его.

— Кого?

— Старика. Из деревни. Он был здесь.

— Забавно.

— *Он был здесь*, черт тебя побери! — воскликнул Стампф. — Он стоял тут, на твоем месте, и смотрел на меня через стекло.

— Ты, видно, слишком много выпил.

— Это случилось с Черриком, и теперь это происходит со мной. Они губят нашу жизнь...

Локки хмыкнул:

— У меня нет проблем.

— Они не дадут тебе ускользнуть, — сказал Стампф. — Никто из нас не ускользнет. Пока мы не заплатим сполна.

— Тебе придется освободить эту комнату, — Локки надоела эта болтовня. — Мне сказали, что к утру тебе придется убраться.

— Нет, — ответил Стампф. — Я не могу. Я не могу.

— Тебе нечего бояться.

— Пыль, — сказал немец. — Пыль в воздухе. Она меня поранит. Мне в глаз попала пылинка — всего лишь *пылинка* — и с тех пор он кровоточит без остановки. Я даже не

могу лечь, простынь колет меня, как гвоздями. Когда я хожу, мне кажется, что ступни вот-вот растрескаются. Ты должен мне помочь.

— Как? — спросил Локки.

— Заплати им за комнату. Заплати, чтобы я мог остаться и дождаться специалиста из Сан-Луиса. А потом, Локки, возвращайся в деревню. Возвращайся и скажи им, что я не претендую на их землю. Что больше ей не владею.

— Я вернусь туда, — сказал Локки, — когда будет время.

— Ты должен сделать это *быстро*, — настаивал Стампф. — Скажи им, что я хочу жить.

Вдруг перевязанное бинтами лицо Стампфа исказилось, и его взгляд устремился мимо Локки на что-то в глубине коридора. Его дрожащие от страха губы прошептали только одно слово:

— Пожалуйста.

В недоумении, Локки обернулся. Коридор был пуст, за исключением жирных мотыльков, которые кружили вокруг лампы.

— Там ничего нет, — сказал он, снова поворачиваясь к двери. На забранном проволочной сеткой окошке были отчетливо видны отпечатки двух окровавленных ладоней.

— Он здесь, — немец неподвижно глядел на окровавленное стекло. Локки не спросил, кто. Он потрогал отпечатки рукой. Они, все еще влажные, были на *его* стороне двери.

— Боже, — выдохнул он. Кто мог проскользнуть мимо него и оставить отпечатки, а затем так же незаметно исчезнуть, в то же время как он обернулся лишь на мгновение? В это трудно было поверить. Он вновь оглянулся на коридор. Там не было никого. Только лампа немного раскачивалась, как будто задетая движением воздуха, и мотыльки шелестели своими крыльями:

— Что происходит?

Стампф, потрясенный отпечатками, слегка дотронулся пальцами стекла. В месте прикосновения из его пальцев проступила кровь, и поползла каплями по стеклу. Он не убирал пальцы, а смотрел на Локки глазами, полными отчаяния.

— Видишь? — сказал он очень спокойно.

— Что ты выдумываешь? — Локки тоже понизил голос. — Это просто какой-то трюк.

— Нет.

— Ты не болеешь тем, чем Черрик. Ты не можешь этим болеть. Ты не притрагивался к ним. *Мы с тобой заодно*, черт побери. — Локки начинал горячиться. — Черрик их трогал, *а мы нет*.

Стампф смотрел на Локки почти с жалостью.

— Мы были неправы, — сказал он мягко. Его пальцы, которые он уже убрал со стекла, продолжали кровоточить, красные струйки потекли по рукам. — Это не тот случай, когда ты можешь что-нибудь сделать, Локки. У нас руки коротки.

Он поднял свои окровавленные пальцы, улыбаясь невольной игре слов:

— Видишь?

Внезапное, безнадежное спокойствие немца напугало Локки. Он взялся за дверную ручку и дернул ее. Дверь была закрыта. Ключ был изнутри — ведь Стампф за это заплатил.

— Убирайся, — сказал Стампф. — Убирайся прочь.

Улыбка исчезла с его лица: Локки навалился на дверь плечом.

— Я сказал, убирайся, — завизжал Стампф. Он отпрянул от двери, когда Локки во второй раз ударил в нее. Затем, видя, что замок скоро поддастся, начал кричать о помощи. Локки не обращал на него внимания, и продолжал выбивать дверь. Раздался треск.

Где-то рядом Локки услышал женский голос, отзывающийся на призывы Стампфа. Ерунда, он доберется до немца раньше, чем подоспеет помощь, и потом, с божьей помощью, вышибет с его физиономии эту ублюдочную улыбку. Он бил в дверь со все нарастающей яростью. Еще и еще, и дверь поддалась. Стампф почувствовал, как в его стерильную комнату вторглись извне первые клубы загрязненного воздуха. В его временное убежище проникло лишь легкое дуновение, но оно несло с собой микроскопический мусор внешнего мира. Копоть, перхоть, вычесанная с тысяч голов, пух, песок, блестящие чешуйки с крыльев мотыльков, такие маленькие, что человеческий глаз едва различит их в луче

солнечного света, безобидные для почти всех живых организмов. Но для Стампфа они были смертельны; в считанные секунды его тело превратилось в скопление микроскопических, кровоточащих ранок.

Он завопил и бросился к двери, чтобы захлопнуть ее, чувствуя себя под градом мельчайших лезвий, и каждое из них раздирало его тело. Пока он сдерживал дверь от вторжения Локки, кожа на его израненных руках разорвались. Впрочем, Локки все равно было не удержать. Широко распахнув дверь, он входил в комнату, каждым своим движением вызывая новые движения воздуха, на погибель Стампфу. Он взял немца за запястье, и под рукой кожа расползлась, как будто разрезанная ножом.

Позади него женщина испустила крик ужаса. Локки, видя, что Стампф уже достаточно раскаялся в своем смехе, отпустил его. Весь покрытый ранами, и получающий все новые и новые, Стампф попятился, как слепой, и упал за кровать. Воздух-убийца все резал его, уже умирающего: дрожа в агонии, он поднимал вихри и водовороты, и они раскрывали его кожу.

Бледный, как смерть, Локки отошел от тела и попятился в коридор. Там уже толпились любопытные, впрочем, они расступились перед ним, слишком напуганные его ростом и диким выражением лица. Пройдя воняющим болезнями лабиринтом, он пересек двор и вошел в главное здание. Мельком он увидел Эдсона Косту, спешащего ему навстречу, но не стал задерживаться для объяснений.

В вестибюле, который, несмотря на поздний час, был забит всевозможными страдальцами, его взгляд упал на мальчика, сидящего на коленях у матери. Очевидно, у него что-то было с животом. На его рубашке, не по росту большой, было кровавое пятно, на лице — слезы. Его мать не взглянула на Локки, когда тот пробирался сквозь толпу. Но мальчик поднял свою головку, как будто зная, что Локки должен проходить мимо, и лицо его осветилось улыбкой.

Из знакомых Локки по лавке Тетельмана не было никого, и все, чего он смог добиться от прислуги — большая часть которой была пьяна в стельку — это то, что их хозяин на днях

отправился в джунгли. Локки отловил одного относительно трезвого, и угрозами вынудил его сопровождать его в деревню в качестве переводчика. Он еще не придумал, каким образом будет мириться с племенем. Но он знал точно, что должен доказать свою невиновность. В конце концов, скажет он, ведь это *не он* совершил тот роковой выстрел. Конечно, были недоразумения, но он не нанес вреда никому из людей. Ну, как можно, если по совести, обвинять его в преступлении? Если они хотят покарать его, он готов их выслушать. Разве возмездие уже не наступило? Ведь он видел так много горя в эти дни. Он хочет искупить свою вину. Все, чего они не потребуют, в пределах разумного, он примет, только не умереть, как те. Он даже отдаст землю.

Локки гнал жестоко, и его неприветливый компаньон постоянно бурчал что-то недовольное. Локки пропускал это мимо ушей: нет времени мешкать. Джип болтало и подбрасывало, его двигатель жалобно завывал при каждом толчке, и их шумное продвижение взрывало джунгли по обе стороны дороги воплями, кашлями и визгами всех мастей. Страшное, голодное место, подумал Локки, и впервые за все время пребывания на субконтиненте он возненавидел его всем сердцем. Невозможно было постичь происходящее здесь, самое большее, на что можно было надеяться, так это на временную нишу — подышать, пока тебя не выживет следующее поколение.

За полчаса до наступления темноты, измотанные дорогой, они, наконец, добрались до деревушки. Она совершенно не изменилась за те несколько дней, но была покинута ее обитателями. Дверные проемы глядели пустотой; общинный огонь, который поддерживался день и ночь, превратился в угли. Входя в деревню, он не встретился ни с чьим взглядом — ни ребенка, ни свиньи. Дойдя до середины, он остановился, пытаясь понять, что же случилось. Однако, это ему не удавалось. Он так устал, что уже перестал чего-либо бояться, и, собрав остатки своих истощенных сил, крикнул в безмолвие:

— Где вы?!!

Два отливающих красным попугая взлетели с криком с дерева в дальнем конце деревни; через несколько мгновений

из зарослей бальзы и джакаранды появилась фигура. Но это был не индеец, а Дэнси собственной персоной. Он немного потоптался на месте, затем, узнав Локки, вышел, широко улыбаясь, навстречу. За ним, шелестя листвой, вышли остальные. Среди них был Тетельман, а также несколько норвежцев во главе с неким Бьенстремом, которого Локки как-то встретил на фактории. Над его красным, как вареный рак, лицом нависала копна выбеленных солнцем волос.

— Бог мой, — воскликнул Тетельман, — что вы здесь делаете?

— Я мог бы спросить вас о том же, — ответил Локки с раздражением.

Бьенстрем жестом опустил ружья своих компаньонов и шагнул навстречу, с умиротворяющей улыбкой на лице.

— Мистер Локки, — сказал он, протягивая руку в кожаной перчатке. — Рад с вами познакомиться.

Локки с отвращением посмотрел на запачканную перчатку, и Бьенстрем, скорчив виноватую физиономию, убрал руку.

— Прошу нас простить, — сказал он. — Мы работаем.

— Над чем же? — поинтересовался Локки, чувствуя, как желчь клокочет у него в горле.

— Индейцы, — сказал Тетельман и сплюнул.

— Где племя? — спросил Локки.

Тетельман вновь подал голос:

— Бьенстрем заявляет свои права на эту территорию...

— Племя, — повторил Локки. — Где оно?

Норвежец поигрывал перчаткой.

— Вы что, выкупили у них землю, или как? — спросил Локки.

— Не совсем, — ответил Бьенстрем. Его английский был так же безупречен, как и профиль.

— Проводи его, — предложил Дэнси с каким-то воодушевлением. — Пусть сам посмотрит.

Бьенстрем кивнул:

— Почему бы и нет? — сказал он. — Только не притрагивайтесь ни к чему, мистер Локки, и скажите своему спутнику, чтобы оставался на месте.

Дэнси пошел первым, вглубь зарослей: Бьенстрем сопровождал Локки, когда они направлялись через деревню к

коридору, вырубленному в густой растительности. Локки едва передвигал ноги; с каждым шагом они слушались все меньше. Идти было трудно — масса раздавленных листьев и орхидей смешалась с пропитанной влагой землей.

На небольшом расчищенном участке ярдах в ста от деревни была вырыта яма. Яма была не очень глубокой, и не очень большой. Смешанный запах извести и бензина перебивал все остальные. Тетельман, который дошел до ямы первым, невольно отпрянул от ее края, Дэнси же был менее чувствительным: он зашел с дальнего конца ямы и стал жестами предлагать Локки заглянуть в нее.

Тела уже начали разлагаться. Они лежали, сваленные в кучу, груди к ягодицам и ноги к головам, пурпурно-черной массой. Мухи во множестве кружили над ямой.

— Воспитательный момент, — прокомментировал Дэнси.

Локки стоял и смотрел, Бьенстрем обогнул яму и присоединился к Дэнси.

— Здесь все? — спросил Локки.

Норвежец кивнул:

— Одним махом, — каждое слово он произносил с уничтожающей правильностью.

— Одеяла, — Тетельман назвал орудия убийства.

— Но так быстро... — пробурчал Локки.

— Это очень эффективное средство, — сказал Дэнси. — И почти невозможно что-либо доказать. Даже если кто и заинтересуется.

— Болезнь самая обычная, — заметил Бьенстрем. — Да? Как у деревьев.

Локки потряс головой; ему резало глаза.

— О вас хорошо отзываются, — сказал ему Бьенстрем. — Думаю, мы могли бы работать вместе.

Локки даже не пытался ответить. Другие норвежцы положили свои ружья и теперь возвращались к работе, сваливая в яму оставшиеся тела из кучки, сложенные рядом. Среди прочих трупов Локки разглядел ребенка, а также старика, которого как раз в этот момент тащили к яме. Когда его раскачивали перед ямой, конечности болтались, как будто лишенные суставов. Труп скатился немного боком, и замер лицом вверх, с поднятыми над головой руками, то ли

в знак повиновения, то ли изгнания. Это был тот самый Старший, с которым имел дело Черрик. Его ладони все еще были красными. В виске отчетливо была видна маленькая дырочка от пули. Очевидно, болезни и несчастья не всегда столь эффективны.

Локки смотрел, как следующее тело было сброшено в общую могилу, а за ним еще одно.

Бьенстрем, стоя на дальнем краю ямы, закуривал сигарету. Он поймал взгляд Локки:

— Вот так, — сказал он.

Из-за спины Локки подал голос Тетельман:

— Мы думали, ты уже не вернешься, — сказал он, видимо, пытаясь как-то объяснить свой альянс с Бьенстремом.

— Стампф умер, — сказал Локки.

— Ну, что ж, нам больше достанется, — Тетельман подошел к нему и положил руку на плечо. Локки не ответил: он все смотрел вниз на тела, которые уже засыпали известью, не обращая внимания на теплую струйку, стекающую с того места, где легла рука Тетельмана. Тот с отвращением отдернул руку: на рубашке Локки расплывалось кровавое пятно.

КОЗЛЫ ОТПУЩЕНИЯ

ту безжизненную груду камней, на которую швырнула нас волна прилива, островом называть не стоило. Слишком большая честь для этого проклятого места. Остров должен быть оазисом в море: зеленая трава, всякая живность, мир, спокойствие и прочее в этом роде. Здесь же — ни птичек в воздухе, ни тюленей в воде... право же, единственное впечатление от такого месте вы сможете выразить так: «Я был в самом сердце пустоты — и выжил».

— На карте его нет, — произнес Рэй, отмечая ногтем тот участок, где мы должны были, по его вычислениям, находиться. Абсолютно ничего, пустое место, ровная голубая гладь океана. Не только птицы, но и картографы проигнорировали этот так называемый остров. Рядом с ногтем Рэя две стрелочки обозначали подводные течения, что должны относить нас к северу. Две крохотные полоски на голубой поверхности океана, столь же пустынной на карте, сколь и в жизни.

Джонатан возликовал, как только обнаружилось, что наше пребывание в этой дыре — вина картографов, а не его. Островок нигде не обозначен, стало быть, Джонатан не может нести ответственность за то, что мы были вдруг выброшены на камни, которых по идее и быть-то не должно. Он счел себя полностью оправданным, и трагическое выражение его лица сменилось удовлетворенным, едва не ликующим.

— Можно ли, — восклицал он, — избежать опасности, которая не обозначена в картах? А?

— Можно. Если у тебя глаза на месте, — буркнул, Рэй.

— Но это произошло так неожиданно, Рэймонд, ей-Богу. В тумане ничего не было видно, и когда я обнаружил, что впереди что-то есть — нас уже швырнуло на берег.

Да уж, происшествие и правда было непредугаданным. Случилось это в тот момент, когда я готовила завтрак. Ни Анжела, ни Джонатан не выражали особого рвения в области кулинарии, и завтрак как-то незаметно сделался моей обязанностью. Впрочем, неважно... так вот, я возилась с едой, когда вдруг «Эммануэль» дернулась и, проскрежетав днищем по каменистому берегу, остановилась. Несколько секунд полной тишины подчеркнул начавшийся галдеж. Когда я выбралась на палубу, Джонатан идиотски улыбался и разводил руками, всем видом демонстрируя непричастность к случившемуся.

— Понятия не имею, что произошло! Только что все было о'кей — и вот ... рраз!

— Черт бы взял это все... — это Рэй выбирался из каюты, натягивая джинсы. Выглядел он после ночи с Анжелой прескверно. Я имела сомнительное удовольствие всю ночь слушать ее оргазмы. Времяпрепровождение не из лучших.

— Понятия не имею... — начал Джонатан свою защитную речь сначала, но Рэй заткнул его с помощью нескольких отборных словосочетаний. Я удалилась с палубы и, прислушиваясь к ссоре, не без удовольствия отметила матерный возглас Джонатана — возможно, Рэй потерял самообладание настолько, что разбил противнику нос. Его великолепный крючковатый нос.

Кубрик был похож на помойку: от резкого толчка все, что могло бы стать завтраком, оказалось на полу. Теперь все вокруг было измазано месивом из яиц, ветчины и тостов. Вина Джонатана, он пусть и убирает. Я налила себе стакан грейпфрутового сока и, подождав окончания шума, поднялась на палубу.

Рассвет был всего пару часов назад, и туман, который скрыл от Джонатана остров, все еще окутывал солнце серой дымчатой пеленой. Если сегодня будет все так же, как и вчера, как и всю неделю, что мы провели в плавании, днем будет очень жарко. И по раскаленной палубе невозможно будет пройти босиком. Но сейчас, когда утренний туман был все еще густым, я замерзла в своем бикини. Здесь совершен-

но неважно, в чем ты одет — все равно никто не увидит, а загар приобретаешь великолепный...

Но теперь мурашки бегали у меня по коже, и разумнее было бы найти свитер. Хотя ветра не было, с моря тянуло холодком. Здесь все еще ночь, подумалось мне, беспредельная, бесконечная ночь...

Натянув свитер, я снова поднялась на палубу. Рэй склонился над разбросанными картами, тщательно их исследуя. Его спина шелушилась от солнца, а залысина, которую он пытался скрыть грязно-желтыми прядями, была явственно видна. Джонатан, потирая нос, разглядывал берег.

— Боже, ну и место! — произнесла я. Джонатан взглянул на меня, пытаясь выжать из себя улыбку. Бедняга, он не расстается с иллюзией, что его обаяние способно заставить черепаху вылезти из панциря. В его оправдание приходится признать, что находились женщины, которые таяли от одного его взгляда. Я к их числу никогда не принадлежала, и это бесило его. На мой взгляд, этот еврейчик слишком слащав, чтобы считать его красивым. Мое равнодушие для Джонатана было тем же, чем красная тряпка для быка.

Снизу донесся сонный голос: к нам пожаловала Анжела. Она, вытаращив глаза, озирала местность. Физиономия, опухшая от избытка красного вина. Всклокоченные волосы. Наготу она стыдливо прикрывала полотенцем.

— Что случилось, Рэй? Где мы?

Рэй нахмурился и, не прерывая своих расчетов, ответил:

— Все, что я могу сказать, это что наш навигатор — тупой мудила.

— Я не знаю, как это вышло... — запротестовал Джонатан, явно рассчитывая на проявление сочувствия со стороны Анжелы. Его не последовало.

— Но где мы ?!

— Доброе утро, Анжела, — произнесла я. Ответа не последовало.

— Это что, остров? — задала она очередной идиотский вопрос.

— Конечно, остров. Но понятия не имею, какой именно, — ответил Рэй.

— Возможно, Барра ?

Рэй поморщился:

— Мы довольно далеко от Барры. И если ты дашь мне восстановить наш путь...

Восстановить наш путь. В море. Ну и идеи у него, подумала я, разглядывая берег. Сложно было предполагать, каковы размеры острова: туман скрывал все вокруг. Возможно, где-то среди этих серых камней есть человеческое жилье.

Рэй поставил на карте в том месте, где мы должны находиться, точку. Затем спрыгнул на берег и критически огляделся. Скорее для того, чтобы избежать общества Анжелы, чем зачем-либо еще, я к нему присоединилась. Камни были скользкие и неприятно холодили мои босые подошвы. Рэй похлопал «Эммануэль» по борту, подошел к носу, нагнулся и стал рассматривать обшивку.

— Надеюсь, пробоины нет, — произнес он, — но я не уверен.

— Нас поднимет прилив, — заявил Джонатан, становясь в одну из своих картинных поз — руки на бедрах. — Мы всплывем. Ничего, — он подмигнул мне, — все будет о'кей.

— Дерьмо всплывает, — прорычал Рэй, — такое, как ты.

— Мы позовем кого-нибудь, кто нам поможет.

— Скажи еще, где ты возьмешь этого «кого-нибудь», кретин.

— А вот через часик туман рассеется, я пройдусь по острову, поищу людей.

На этом Джонатан удалился.

— Я сделаю кофе, — вызвалась Анжела.

Зная ее, не трудно догадаться, что эта операция займет час-полтора. Можно пойти прогуляться. Я побрела по берегу.

— Не уходи далеко, любовь моя ! — крикнул Рэй.

— Конечно.

«Любовь моя», — сказал он. Просто обращение. Два слова, не означающие ничего.

Солнце начало припекать, и я сняла свитер. Груди от загара стали коричневыми, как орехи. Подходящее сравнение: и размер примерно такой же... Ну и ладно, нельзя обладать всем сразу. Зато у меня есть парочка извилин, иногда неплохо работающих. Чего не скажешь об Анжеле, здесь ситуация обратная: бюст порнозвезды и мозги курицы.

Солнце все еще не выбралось из тумана окончательно, и его лучи, просачивающиеся сквозь сизую дымку, окрашива-

ли местность в унылые тона. Море, скалы, камешки на берегу утратили свои истинные цвета; все вокруг приобрело скверный оттенок переваренного мяса. Не прошла я еще и сотни ярдов, как этот вылинявший серый мир стал раздражать меня, и я повернула обратно. Неприятные почмокивающие звуки справа: это вода колеблется и бьется о камни, крохотные волны расходятся по поверхности, методичное хлюпанье приводит в уныние... Я начинала ненавидеть этот остров.

Когда я вернулась, Рэй возился с радио. Ничего, кроме белого шума, получить ему не удавалось. Он занимался этим уже более получаса, и теперь махнул на приемник рукой. Анжела соизволила наконец принести завтрак. Состоял он из сардин, консервированных грибов и оставшихся тостов, однако подан был с такой претензией, будто перед нами некое чудо, должное вызывать не меньшее восхищение, чем пять хлебов Иисуса. В любом случае, есть не хотелось ничего: это место отбивало весь аппетит.

— Не правда ли, забавно... — начал Джонатан.

— Весельчак ты наш, — не удержался Рэй.

— ...забавно, какая здесь тишина. Ни звука мотора, ничего вообще. Сверхъестественно.

Здесь он был прав. Нас окружало полнейшее безмолвие, тишина глубокая, давящая... Если бы не едва различимый плеск волн и звуки наших же голосов — можно было бы подумать, что мы оглохли.

Я сидела на корме и разглядывала море. Оно было все еще серым, но понемногу стали проступать другие цвета: где зеленоватый, где голубой, немного пурпурного... Выглядело заманчиво ; все лучше, чем сидеть среди этих кислых физиономий, решила я и объявила, что иду купаться.

— Не стоит, любовь моя, — сказал Рэй, — я бы не советовал.

— Но почему?

— Течение, которое прибило нас сюда, очень сильное. Не стоит рисковать.

— Но приливной волной меня просто выбросит на берег.

— Мы не знаем, какие здесь еще есть течения. И не забывай о водоворотах. Может затянуть.

Я снова взглянула на море. Выглядело вполне мирно, однако Рэй прав: впечатление может быть обманчивым.

Анжела дулась на весь свет из-за того, что к ее сногсшибательному завтраку едва притронулись. Рэй ей подыгрывал. Он любит возиться с ней, нянчить и утирать сопли. Видимо, ему эти дурацкие игры доставляют удовольствие. Меня же тошнит от них. Нужно было помыть посуду, и я спустилась в кубрик. Вычистив тарелки, выбросила отходы в море через иллюминатор и долго смотрела, как расплываются на поверхности воды жирные пятна от недоеденных сардин. Еда для крабов. Если хоть один уважающий себя краб здесь обитает. Джонатан спустился ко мне, и было заметно, что он себя по-дурацки чувствует, несмотря на браваду. Он стоял в дверях, пытаясь поймать мой взгляд, пока я кое-как мыла тарелки. Все, что нужно этому человеку — заверение, что я не считаю случившееся его виной, а его самого — кретином. Но я молчала.

— Тебе не помочь? — произнес Джонатан.

— Нет, — ответила я, стараясь, чтобы это не звучало слишком резко, — для двоих здесь мало места.

Он все же вздрогнул. Да, недавний эпизод сильно отразился на самооценке бедняги. Его уважение к себе было подорвано и требовало подкрепления.

— Послушай, — мягко начала я, — отчего бы тебе не пойти на палубу? Позагорай, пока не слишком припекает.

— Я чувствую себя дерьмом, — сказал он.

— Это была случайность.

— Полным дерьмом.

— Ты же говоришь, что нас поднимет прилив.

Он спустился ко мне. Для двоих действительно тесно; у меня начинались скверные ощущения, едва ли не клаустрофобия. Это загорелое тело было слишком крупным для такого помещения.

— Я же сказала, Джонатан.

Он положил руку мне на затылок, затем опустил пальцы на шею, слегка массируя ее. Можно было отстранить его, но я не стала: зачем? Безразличие и усталость овладели мной: возможно, действие этого места, этого воздуха... Другая рука от моей талии скользнула к груди. Я оставалась равнодушной к маневрам Джонатана. Пусть, если он так этого хочет.

На палубе задыхалась в истерическом смехе Анжела. Я видела явственно ее лицо. Она запрокидывает сейчас голову, встряхивая волосами, и хохочет... Джонатан расстегнул шор-

ты, они упали на пол. Я позволила его губам припасть к моим, и язык, настойчивый как палец дантиста, стал исследовать мои десны. Затем Джонатан, стащив с меня бикини, отшвырнул его в сторону, пристроился поудобнее и вогнал в меня свой член.

Звук скрипнувшей ступеньки был негромким, но я уловила его и взглянула наверх. В дверном проеме за спиной Джонатана, глядя на его задницу и сплетение наших рук, стоял Рэй. Интересно, видит ли он, что я ничего не чувствую? Что я абсолютно бесстрастна и возбуждалась только представляя его, Рэя, вместо Джонатана — его руки, спину...

Рэй беззвучно исчез из дверей, и через некоторое время, за которое Джонатан успел сказать, что любит меня, а Рэй — поведать Анжеле, что он увидел, с палубы раздался истерический гогот. Пусть эта сука думает что хочет — ее проблемы.

Джонатан продолжал свои труды, действуя умело и обдуманно, но вдохновения ему явно не хватало. Он сморщил лоб, как школьник, пытающийся решить сложную задачу... Оргазм был «сухой», его наступление я определила лишь по тому, как Джонатан еще сильнее скривился и сжал мои плечи. Он остановился, поймал мой взгляд, и на какое-то мгновение мне даже захотелось поцеловать его. Но Джонатан уже утратил весь свой пыл и отстранился, все еще тяжело дыша.

— Я всегда тонко улавливаю момент, — пробормотал он и стал надевать шорты, — скажи, тебе было хорошо?

Я кивнула. Хотя на самом деле было смешно. Все это крайне смешно. Оказаться в несуществующем месте с этим ребенком 26 лет, Анжелой и человеком, которому абсолютно все равно, жива я или нет. Впрочем, как и мне самой. Почему-то всплыли перед глазами те объедки, что я выкинула в море, покачивающиеся на поверхности, пока их не накрыла волна...

Джонатан поднялся по ступенькам. Я сварила кофе, постояла немного, глядя в иллюминатор и тоже вышла на палубу. Рэй с Анжелой удалились осмотреть остров и поискать людей. Джонатан сидел на моем месте на корме и глядел в пространство перед собой. Чтобы что-то сказать, я заметила:

— Кажется, мы чуть поднялись.

— Ты думаешь?

Я поставила перед ним кофе.

— Спасибо.

— Где остальные?

— Обследуют местность. — Он растерянно взглянул на меня и добавил: — Я по-прежнему чувствую себя дерьмом.

Я увидела рядом с ним бутылку джина.

— Не рановато ли пить?

— Присоединяйся.

— Еще нет одиннадцати.

— Кому кашке дело?

Он указал на море:

— Смотри туда... да нет же! Туда, в точности за моим пальцем... видишь?

— Нет.

— Вон там, на грани тумана, появляется и исчезает... Опять!

Я действительно увидела что-то мелькнувшее в воде на расстоянии 20-30 ярдов от «Эммануэль».

— Похоже на тюленя.

— Не думаю.

— Солнце прогревает воду, Джонатан. Тюлени приплывают погреться на мелководье.

— Говорю тебе, это не тюлень. Он как-то странно переворачивается...

— Возможно, обломок корабля?

— Черт его знает.

Он присосался к бутылке.

— Оставь на вечер.

— Хорошо, мамочка.

Несколько минут мы сидели в тишине. Тюлень — или что там это было — еще раз показался на поверхности воды, повернулся и исчез. Через час, подумала я, начнется прилив и снесет нас с этого проклятого берега.

Тишину нарушил крик Анжелы, доносящийся издалека:

— Эй! Ребята!

«Ребятами» она, видимо, назвала нас. Джонатан привстал и, загораживаясь рукой от солнца, которое стало уже довольно ярким, всмотрелся и произнес безразлично:

— А, она нам машет...

— Пусть машет.

— Ребята! — закричала Анжела снова. Джонатан сделал руки рупором и проорал в ответ:

— Тебе чего надо?

— Идите сюда, увидите!

— Она хочет, чтобы мы что-то увидели, — обратился Джонатан ко мне. — Идем?

— Не имею никакого желания.

— А здесь что делать? Идем, мы ничего не теряем.

Мне действительно было лень шевелиться, но Джонатан схватил меня на руки и спустил вниз. От него разило джином.

Пробираться по камням было непросто: слой серо-зеленой слизи делал их невероятно скользкими. Кроме того, у Джонатана были проблемы с равновесием. Несколько раз он падал, чертыхаясь; шорты его были уже оливкового цвета с дыркой на заднице. Я тоже не балерина, но продвигалась более успешно, обходя большие камни и удерживая кое-как равновесие.

Каждые несколько ярдов приходилось перешагивать через полосу разлагающихся водорослей. Я делала это сравнительно легко, а Джонатан, и так с трудом державшийся на ногах, шлепал прямо по вонючему месиву. Среди водорослей валялись осколки бутылок, банки из-под Колы, останки крабов, щепки, в общем, полный набор всякого хлама. И мухи. Невообразимое количество жирных голубовато-зеленых мух, зудящих, карабкающихся друг на друга... Вот и первые живые существа, встретившиеся нам в этом милом местечке.

Неожиданно слева от меня началось какое-то непонятное движение: три-четыре камешка, подпрыгнув в воздух, шлепнулись вниз; еще несколько слегка зашевелились. Видимых причин этому явлению я не нашла. Джонатан ничего не видел: у бедняги все силы уходили на сохранение вертикального положения... Опять камешки; теперь уже подпрыгивали чуть выше, стукаясь друг о друга, всхлипывая при падении в воду... Прекратилось; затем снова — уже сзади нас.

Из-за валуна показался Рэй:

— Есть жизнь на Марсе!

Минуту спустя мы приблизились к нему. На лбу у меня выступили капельки пота, Джонатан же выглядел и вовсе скверно. Он вытер лоб и пробормотал:

— Ну, и что же стряслось?

— Сейчас все увидишь, — ответил Рэй и, проведя нас еще несколько шагов вверх, обвел широким жестом местность.

Я испытала шок.

Перед нами был весь остров: каменный холмик не более мили в диаметре, гладкий, как спина кита: ни растений, ни животных, ни следа присутствия человека.

Но жизнь все же наличествовала, и это шокировало не меньше.

В самом центре островка среди голых серых валунов была ровная площадка, окруженная прогнившими трухлявыми столбами. Столбы обтягивала ржавая проволока, образуя примитивный загон, внутри которого валялась охапка травы и... стояли три серые овцы. Рядом с ними — Анжела.

— Овцы! — торжествующе произнесла она, поглаживая одну из них по облезлому боку.

Джонатан оказался рядом с ней быстрее меня.

— Это как же?! — только и смог вымолвить он.

— Странно, не правда ли? — сказал Рэй. — Три овцы в таком неподходящем месте... Выглядят, кстати, они прескверно.

Я не могла с ним не согласиться. Одна из овец, видимо, была не в силах подняться на ноги от изнеможения или болезни. Да и остальные едва стояли. Свалявшаяся шерсть кое-где выпала клочьями, обнажив розовую кору, в уголках глаз скопился гной...

— Это жестоко, — заявила Анжела.

И она была права. Оставить бедных животных в этом месте, с одной охапкой травы и застоявшейся водой в консервной банке... это отдавало каким-то садизмом. Кому понадобился такой бессмысленный поступок?

— Я порезался, — Джонатан запрыгал на одной ноге, пытаясь разглядеть царапину не подошве другой. — На берегу, кажется, были стекла.

— А они совсем не выглядят несчастными и испуганными, — заметил Рэй.

Действительно, овцы не пытались выйти за ограждение, не блеяли, просто смотрели в пространство перед собой философским печальным взглядом, который говорил: да, мы просто овцы, мы вовсе не ожидаем чьей-нибудь заботы,

поддержки и человеческого к себе отношения... Просто овцы, ожидающие смерти.

Рэй утратил интерес к происходящему и побрел куда-то по берегу, пиная перед собой жестянку.

— Мы выпустим их на свободу, — предложила Анжела. Я проигнорировала эту идиотскую реплику. Что такое «свобода» в таком месте, как здесь?

— Выпустим, да? — настаивала она.

— Нет.

— Но они же умрут!

— Кто-то поместил их сюда — значит, на то была причина.

— Но они УМРУТ!

— Они умрут на берегу, если мы их выпустим. Как ты могла заметить, здесь нет никакой пищи.

— Мы их покормим.

— Тосты и джин, — предложил Джонатан, наконец вытащивший кусочек стекла из своей подошвы.

— Не можем же мы все так оставить!

— Это не наши проблемы, — сказала я. Мне становилось невыносимо скучно. Три овцы на груде камня. Кому какое дело, живы они или... Полчаса назад именно это я подумала о себе! Черт возьми, у нас есть что-то общее. Отчего-то заболела голова.

— Они умрут! — третий раз повторила Анжела.

— Ты тупая сука, — произнес Джонатан. Спокойно, без раздражения или злости, просто как констатацию факта. Я не смогла сдержать ухмылку. Анжела дернулась, будто ее ужалили:

— Что-что?!

— Тупая сука. СУКА.

Взрыв негодования. Слезы на глазах. Дрожащие губы.

— Да ты... ты вообще завез нас сюда!

— Видишь ли, я сделал это намеренно. Хочу посмотреть, нельзя ли забыть здесь тебя.

— Ты пьян!

— А ты дура. Но я-то завтра протрезвею...

Анжела размашистым шагом рванулась вслед за Рэем, стараясь сдерживать рыдания, пока не исчезла из нашего поля зрения. Мне стало в некотором роде жалко ее: легкая добыча.

— Ты бываешь редким ублюдком, Джонатан.

Он уставил на меня застывший остекленелый взгляд:

— Лучше будем друзьями. И для тебя я не буду ублюдком.

— Ну, меня-то не так просто испугать.

— Знаю.

Мне надоело это место, я решила вернуться на «Эммануэль».

— Эти долбаные овцы, — произнес Джонатан.

— Они не виноваты.

— Виноваты! Посмотри на их гнусные морды...

— Я пойду. Надоело.

— Тупые твари.

— Ты здесь остаешься?

Он схватил меня за руку:

— Не уходи.

— Здесь слишком жарко.

— Не так уж. Мы пристроимся на этом плоском камне, и никто не помешает.

— Ты уверен?

— Имеешь в виду Рэя? Нет, он не придет. Мы неплохо проведем время.

Он медленно потянул меня к себе. Жаркое дыхание напомнило сегодняшнее утро, кубрик, его страстный шепот... Замкнутый круг. А что еще делать в такой замечательный денек, как сегодня? Плестись по кругу, как овцы в загоне. Жрать, спать, трахаться.

Впрочем, на сей раз Джонатана постигла неудача. Джин дал о себе знать. С таким же успехом бедняга мог бы орудовать спагетти. Джонатан отвалился от меня, обессиленный, бормоча слова, не несущие в данном случае никакой смысловой нагрузки.

— Не переживай, — посоветовала я.

— Отвали.

— Пустяки, не стоит...

— Ч-черт...

Он уставился на причиняющий столько огорчения орган; ей-богу, был бы у Джонатана сейчас нож в руках — он отрезал бы свои мужские принадлежности и бросил на камни.

Я оставила его заниматься самонаблюдением и направилась к «Эммануэль». Меня поразила еще одна деталь, до сих

пор не замеченная: мухи не взлетали в воздух передо мной, а продолжали ползать, позволяя себя давить. Что-то ненормальное и противоестественное было в таком суицидальном поведении. Сотни маленьких жизней исчезали под моими подошвами, а рядом продолжали копошиться и зудеть тысячи других насекомых...

Туман рассеялся окончательно, и по мере того, как воздух прогревался, остров преподнес еще один прескверный сюрприз: запах. Сладковатый и тошнотворный, какой может издавать огромное количество гниющих червивых персиков, он проникал в меня не только через ноздри, но и, казалось, через поры. Но помимо этого тягуче-приторного сиропа ощущалось и нечто похуже. Такая вонь могла бы исходить от кадки с прогнившим мясом, от отходов скотобойных потрохов с запекшейся кровью вперемежку с клочьями сала. Должно быть, это пахнут высыхающие на камнях водоросли, решила я. Хотя никогда ни на одном побережье такого не было...

Я была уже на полпути, осторожно ступая по скользким камням и зажимая нос, когда сзади послышался шум. Торжествующие вопли Джонатана заглушали блеяние овец, но я сразу поняла, что натворил перепившийся кретин, и развернулась обратно. Было уже поздно спасать одну из овец, и я могу остановить этого урода от убийства двух оставшихся. Я еще не видела загона, скрытого за большими серыми валунами, но слышала дикий рев Джонатана и звук его ударов. И знала, что именно произошло, еще до того, как картина предстала во всей своей неприглядности.

Загон был весь красен от крови. Две овцы в ужасе шарахались из одного угла в другой, натыкались друг на друга и жалобно блея. Воплощение страха и беспомощности. Над третьей стоял Джонатан, все еще сжимавший в руке камень. У него была эрекция.

Бедное животное содрогалось в конвульсиях. Передние ноги подогнуты, задние вытянуты, глаза помутнели. Череп разбит, кровь и мозг разбрызганы по камням. Джонатан, действуя машинально, нанес еще один удар, и брызги вновь разлетелись во всех направлениях. Я ощутила их на своей коже... Больше всего этот человек напоминал сейчас сомнамбулу; был он, безусловно, не в себе. Обнаженное тело запачкано кровью, как халат мясника в конце рабочего дня

на бойне. Лицо, тоже перепачканное, искажено безумной гримасой.

Овца дернулась в последний раз и умерла. Голова упала, как-то забавно, как у картонной фигурки в тире... Джонатан ухмыльнулся. Не этой ли улыбкой он очаровывал своих поклонниц? Сейчас на этом испачканном кровью жертвы лице было написано ликование дикаря. Животная радость недочеловека, готового к совокуплению и к убийству... Однако разум стал возвращаться к Джонатану. Усмешка исчезла.

— О, Боже! — пробормотал он и содрогнулся. Затем его начало тошнить. Непереваренные тосты и джин полились на траву. Джонатана трясло. Я не шелохнулась: не хотелось его успокаивать, приводить в чувство, утирать сопли — какого черта? Я повернулась и пошла прочь.

— Франки! — позвал он.

Я не смогла заставить себя обернуться. Овца мертва, ей уже ничем не поможешь, и все, что я могу — поскорее уйти отсюда и постараться выбросить зрелище из головы.

— Франки.

Я шла настолько быстро, насколько возможно было идти по склизкому берегу. Скорее на «Эммануэль», в относительную чистоту и спокойствие. С меня хватит.

Опять эта чудовищная вонь! Тяжелый запах стоял в воздухе, проникал сквозь поры, одурманивал... Дикий, сумасшедший, отвратительный остров. Невыносимый остров. Ненависть ко всему окружающему переполняла меня. «Эммануэль» была уже близко, когда...

Опять камни. Слева дернулся и покатился по берегу внушительный булыжник. Я остановилась и, балансируя на скользкой поверхности, наблюдала странное явление. В голове зашумело. Камень, остановившись, столкнул с места другой, еще больший, и тот подпрыгнул в воздух; соседние тоже зашевелились. Может, какое-нибудь животное под камнями двигало их? Нечто вроде краба? Я пошла дальше, уже не обращая внимания на непрекращающееся движение сзади... Впрочем, если честно, я начинала всего этого бояться.

Анжела и Рэй загорали на палубе. Рэй увидел меня и, прищурившись от яркого света, сообщил:

— Через пару часов можно будет заставить суку приподнять свою тяжелую задницу.

Мне показалось сперва, что речь идет об Анжеле, и лишь затем я осознала, что имеется в виду наше судно.

— Позагорай пока с нами, — предложил Рэй.

— С удовольствием.

Анжела либо спала, либо игнорировала меня. Ее право. Я устроилась на палубе и стала принимать солнечную ванну.

Кое-где на коже у меня были пятнышки крови. Как веснушки. Я лениво соскребла их. Море успокаивающе шумело и плескалось вокруг; рядом шелестел страницами Рэй. Он проглядывал книгу о Гебридах, которую захватил из дому.

Я, чуть прикрыв веки, глядела на солнце. Мамочка предостерегала меня, говоря, что таким образом можно дырку в глазу прожечь. Но я этого не боялась. Наоборот, живое, горячее солнце поможет мне, выжжет этот мерзкий холодок в самом низу живота. Не знаю, откуда пришло это ощущение.

Дальше по берегу, на некотором расстоянии от нас, спускался к воде Джонатан. Отсюда он выглядел каким-то облезлым чудищем из-за смеси белых и бурых пятен на коже. Он шел отмываться от овцы.

Голос Рэя был спокоен. Слишком спокоен; я поняла сразу, что новости будут не из лучших:

— О, Боже.

— Что случилось?

— Я обнаружил, где мы находимся.

— Хорошо.

— Хорошего мало...

Я села, повернувшись к нему:

— Отчего же?

— Это здесь, в книге. Параграф, посвященный этому месту.

Анжела приоткрыла один глаз:

— И что?

— Это не остров. А могильная насыпь.

Мой озноб усилился. Солнце не могло ничем помочь. Я взглянула на пляж: Джонатан все еще полоскался... Камни побережья показались мне тяжелыми и черными, их густые тени давили на лица... повернутые к небу лица... Джонатан помахал мне рукой. Трупы под камнями. Лицами к солнцу. Монохроматический мир: свет и тьма. Залитые солнцем

булыжники и их черные тени. Жизнь на вершине, внизу — смерть.

— Могила? И чья же? — поинтересовалась Анжела.

— Военные захоронения.

— Викинги, или что-то в этом роде?

— Нет. Первая мировая война, потом вторая. Солдаты с торпедированных кораблей. Моряки. Их занес сюда Гольфстрим. А потом останки вымывало на окрестные острова.

— Вымывало?!

— Здесь так сказано, в этой книге.

Джонатан, почти чистый, пристально глядел в море, прикрываясь рукой от солнца. Я проследила за его взглядом. В сотне ярдов от нас тюлень — или что там это было — вновь высовывался из воды и снова нырял, иногда выбрасывая вверх что-то коричневатое... как рука пловца... и, наконец, исчез в воде.

— И как много народу захоронено? — лениво спросила Анжела. Кажется, тот факт, что мы ходим по трупам, ее не слишком взволновал.

— Возможно, сотни.

— Сотни?

— В книге просто сказано «многие».

— А в гробах?

— Откуда я знаю!

Правильно, чем еще могло оказаться это проклятое место. Я осмотрела остров новыми глазами: теперь имелись основания испытывать отвращение к его голым валунам, убогому вонючему берегу...

— Интересно, как их хоронили? — развивала тему Анжела. — Наверное, на возвышении, где мы нашли овец. Вдали от воды. Да уж, воды покойникам хватило. Я видела, стоило закрыть глаза, их изъеденные рыбой лица, прогнившие клочья формы, в пустых глазницах комья водорослей. Какая ужасная смерть! И путешествие после смерти, долгое, не менее ужасное. Вдоль Гольфстрима, через пролив, рядом с телами другмх таких же солдат: бывшие враги плыли рядом, смерть сравняла их всех, каждый сделался игрушкой волн. И волны качали и несли разлагающиеся тела, пока приливом не выбрасывались они на берег — и море утрачивало свою власть...

Я ощутила непреодолимое, почти болезненное желание пройтись по берегу. По-иному, уже вооруженная знанием об

острове, взглянуть на эти валуны. Возможно, увидеть между ними кое-где белеющую кость. Тело мое приняло решение раньше, чем мозг: я уже стояла на ногах, уже перелезала через борт.

— Ты куда? — спросила Анжела.

— К Джонатану. — Пробормотала я и спрыгнула вниз.

С запахом теперь все было ясно: так пахнет смерть. Мухи изменили свое столь странное поведение, теперь они взлетали из-под ног, не переставая назойливо жужжать, перепрыгивали на соседние булыжники... Под ними, наверное, лежат не только солдаты: неосторожный яхтсмен, неудачливый рыбак тоже могли найти здесь свой последний приют. Мухи роились тут и там, покрывая все сплошным шевелящимся ковром.

Джонатана не было. Шорты его валялись на берегу, но сам он исчез. Я внимательно вгляделась в море: ничего.

— Джонатан!

Мой голос растревожил мух, они взлетали унылыми роями в воздух и вновь опускались. Ответа не последовало.

Я побрела вдоль берега, шлепая босыми ногами по воде. Рэй с Анжелой так и не узнали об убийстве овцы. Пусть это будет тайна между нами четверыми. Я, Джонатан и две оставшиеся овечки. Вот и он, в нескольких ярдах передо мной. Идеально вымыт, ни малейшего следа недавнего происшествия — да, теперь оно будет держаться в секрете.

— Где ты был?

— На прогулке, — ответил он. — Выветривал.

— Выветривал что?

— Излишки джина, — улыбнулся Джонатан.

Я послала ответную улыбку, краем глаза отметив шевеление камней за его спиной. Джонатан был уже ярдах в десяти от меня, приближаясь уверенной походкой трезвого человека. Движение камней неожиданно показалось мне ритмичным и слаженным. Это не была серия случайных подскоков и ударов; во всем чувствовалась некая скоординированность.

Не происшествие — усилие воли.

Не случайность — закономерность.

Не просто камни — под ними, передвигая их и бросая...

Джонатан был совсем близко. Его обнаженное тело ярко освещали солнечные лучи, кожа почти светилась, ее белиз-

не оттеняло и подчеркивало темное пятно сзади... Стоп! Что это?!

Огромный камень парил над землей, презирая силу тяжести. За спиной Джонатана, медленно поднимаясь до уровня его головы. Валун величиной с ребенка, не меньше, все висел, чуть покачиваясь в воздухе. Подготовка, подбрасывание камней, принесло результат: усилия многих объединились в одно. Чтобы раскачать эту махину, оторвать от поверхности и швырнуть в Джонатана. Я хотела кричать — и не могла, из горла, перехваченного страхом не вырвалось ни звука. Неужели он не видит?!

Джонатан широко улыбнулся. Он думал, что странное выражение моего лица — реакция на его наготу. Он видел, как...

Камень снес ему сразу полголовы. Оставив все еще раскрытый в ухмылке рот и швырнув в мою сторону брызги крови и красную пыль. Верхняя половина черепа осталась на валуне. Казалось, теперь он готовился опуститься на меня. Я пошатнулась, почти упала... Вдруг камень повернулся в сторону моря и, мгновение поколебавшись, шлепнулся в воду.

Я все еще была не в силах кричать, хотя для сохранения здравого рассудка нужно было скорее избавиться от этого кошмара. Пусть кто-нибудь услышит меня, заберет, унесет из жуткого места, пока шевелящиеся булыжники снова не обрели свой ритм. Ритм убийства. Или, что еще хуже, пока хозяева острова не раздвинули землю и не протянули ко мне свои истлевшие руки... О, Боже! Я не могла выдавить из себя ни звука и все, что слышала — стук шевелящихся камней, которыми сейчас нас забросают до смерти...

И вдруг — голос:

— Скажите, ради Бога...

Мужской голос, но это не Рэй. Я обернулась. Казалось, он появился из воздуха, низкорослый крепкий человек с плетеной корзиной в одной руке и охапкой сена в другой. Пища для овец, поняла я сразу, еще до того, как мысль оформилась в слова. Пища для овец.

У моих ног вода была красной: кровавый след вел к телу Джонатана, распростертому на берегу. Я машинально отступила.

— Бога ради, — с сильным акцентом повторил неизвестный, — что происходит?!

Он смотрел то на меня, то на безжизненное тело с раскроенным черепом и широко раскрытыми, полными недоумения глазами.

Не знаю, что я отвечала, и отвечала ли вообще. Возможно, указала в сторону загона. Так или иначе, он понял, что я хочу сказать, и поспешил наверх, роняя по дороге сено. Я последовала за ним, спотыкаясь и ничего не замечая перед собой. Но прежде, чем достигла валунов, увидела незнакомца. Он возвращался. Медленно, очень медленно: казалось, ноги перестали его слушаться. Лицо искажено ужасом.

— Кто это сделал?!

— Джонатан.

Я, не поворачиваясь, указала рукой назад. На труп. Мужчина выругался, вытер покрытый испариной лоб и закричал на меня:

— Что вы наделали? Нет, вы понимаете, что вы наделали?! Убить их овцу!

— Просто овца, — растерянно произнесла я. Перед глазами снова и снова, как на испорченной кинопленке, прокручивалась сцена убийства. Джонатана. Я не могла это прекратить. Размозженный череп, брызги крови, красный ручеек у моих ног.

— Как вы не понимаете!

— Что?

— Безумцы! Это их овцы, их дары... Вы совершили непоправимое...

Мужчина остановился, взглянул на меня и добавил тихо и обреченно:

— Ведь теперь они встанут.

— Кто они? — спросила я, заранее зная ответ.

— Все они. Похороненные без почестей, без отпевания. В них живет шум моря...

Неожиданно я поняла, о чем он говорит. Ритм моря, именно так. Все ясно. Мертвецы, как я уже знала, захоронены прямо под этими камнями. Но море в них, и они не могут лежать спокойно. Овцы были чем-то вроде жертвоприношения. Предоставленные в распоряжение хозяевам острова.

Мясо? Нет, конечно. Просто символ. Жест памяти. Поминовения усопших.

— Все погибло, — продолжал говорить мужчина, — теперь все погибло.

Снова стук камня. Бесконечное число соударяющихся камешков, плюхающихся в воду булыжники... И сквозь эту какофонию — треск лопающихся досок и крики.

Волна камней на другой стороне острова взмывала в воздух — и падала... Снова душераздирающие крики донеслись с той стороны, оттуда, где находилась «Эммануэль». И Рэй.

Я бросилась бежать. Сзади топали тяжелые башмаки смотрителя. Берег шевелился под нашими ногами, как спина чудовища. Впереди взлетали, словно тяжеловесные жирные птицы, булыжники. Заслоняя собой солнце, задерживаясь в воздухе на мгновение, чтобы затем обрушиться на некую невидимую мишень. Возможно, на судно. Или — на тех, кто находился на нем.

Дикие вопли Анжелы прекратились.

Я бежала на несколько шагов спереди и первая увидела «Эммануэль». Все надежды тут же рассеялись: то, что осталось от нашего суденышка, а, стало быть, и моих приятелей, спасению не подлежало. Нескончаемый град разнокалиберных камней обрушивался на палубу. Иллюминаторы разбиты, всюду поблескивают осколки стекла. На бортах крупные вмятины. На искрошенной палубе лежала Анжела. Несомненно, мертвая... Обстрел не прекращался: камни выбивали барабанную дробь на корме, падали на безжизненное тело, заставляя его дергаться, словно под электрическим током.

Рэя нигде не было.

Я закричала.

Атака прекратилась на мгновение, затем возобновилась с новой силой. Целые тучи прибрежных булыжников, покрытых зеленовато-серой слизью, срывались с мест, взлетали и опускались, поражая мишень... Казалось, этому не будет конца, пока «Эммануэль» не превратится в щепки, а остатки Анжелы — в клочья столь малые, чтобы кормить креветок...

Смотритель схватил меня за руку и сжал пальцы так, что я дернулась от боли:

— Идем!

Я слышала и, кажется, понимала, что он обращается ко мне, но оставалась на месте.

— Идем же, скорее!

Я вглядывалась в груду камней, завалivших «Эммануэль», чтобы увидеть среди них Рэя или услышать его голос,

зовущий на помощь. Тщетно. Очевидно, он погребен под этим завалом, ничто уже не поможет. Поздно, слишком поздно...

Смотритель потащил меня за руку по берегу.

— Лодка, — говорил он, — моя лодка. Мы уплывем на ней.

Мысль о спасении казалась мне идиотской. Мы пленники этого острова, бесполезно бежать или прятаться.

Однако я машинально следовала за этим человеком, спотыкаясь то и дело, ничего не чувствуя и не осознавая.

Впереди виднелась его жалкая надежда на спасение: весельная шлюпка, вытащенная на гальку. Крохотная скорлупка — и в ней мы сможем отсюда уплыть? Я верила в эту возможность ничуть не более, чем если бы мне предложили плыть в решете. С каждым шагом казалось все явственней, что сейчас берег поднимется и накроет нас. Встанет стеной или образует башню, замуровав нас навеки, словом, сыграет любую шутку на выбор. Хотя, может, мертвые не любят игр и действуют математически точно, выверяя каждый шаг?

Так или иначе, стена не воздвиглась. И протащив меня, не имеющую сил сопротивляться, оставшиеся пару метров, смотритель запрыгнул в лодку. Ничего не произошло; даже атака на «Эммануэль» прекратилась. Все стихло. Или хватило трех жертв? Или присутствие этого ни и чем не повинного человека убережет меня от мести мертвецов?

Мы немного покачались на волнах, а когда глубина под лодкой сделалась достаточной для весел, стали грести. Мой спаситель сидел напротив, и я видела, как с каждым гребком капли пота выступают на его лице: он старался изо всех сил.

Берег постепенно удалялся. Нас отпустили. Смотритель острова, похоже, чуть расслабился. В несколько мощных гребков он преодолел полосу грязной воды, глубоко вздохнул и откинулся назад, сев поудобнее.

— Однажды, — заговорил он, — это должно было произойти. Так всегда бывает: кто-то ворвется в твою жизнь и нарушит ее привычное течение.

Его спокойный низкий голос и монотонный треск весел усыпляли меня. Хотелось завернуться в брезент, на котором мы сидели, и отключиться.

Берег был тонкой, едва различимой линией. «Эммануэль» уже не было видно.

— Куда мы направляемся? — спросила я.

— В Тайри. Посмотрим, как можно исправить положение. Надо что-то предпринять, чтобы успокоить их. Этот случай с овцами...

— Но разве покойники едят мясо?

— Нет, зачем же. Это просто дань усопшим. Знак памяти.

Я кивнула. Именно эти слова пришли в голову несколько минут назад.

— Это наш способ их отпевать и воздавать посмертные почести.

Он оставил весла, слишком утомленный, чтобы грести или закончить начатое объяснение. Течение несло нас само.

Прошло несколько минут полной тишины.

Затем о лодку кто-то поскребся.

Звук, какой бывает от мышей. Или — какой издает человеческий ноготь, скребущий по дереву. Но не один — много прогнивших, просоленных ногтей царапали днище, словно прося пустить в лодку.

Мы замерли. Не двигались, не говорили, не верили уже ничему.

Какой-то всплеск неподалеку от лодки заставил меня обернуться. Я увидела Рэя. Он словно шел по воде, протягивая вперед свои руки, будто хочет уцепиться за борт. Кукла, марионетка, передвигаемая невидимыми хозяевами. Рэй выглядел ужасающе: один глаз закрыт, другой выбит, всюду раны и кровоподтеки. В метре от нас его отпустили, и тело пошло на дно, окрашивая воду в розовый цвет.

— Твой товарищ? — спросил смотритель.

— Я кивнула. Поскребывание прекратилось. Тело Рэя исчезло в воде. Ни звука вокруг, только тихий плеск волн.

— Гребите! — закричала я. — Скорее, или они убьют нас!

Но мой попутчик, похоже, смирился со всем происходящим. Он покачал головой и уставился в море. Прямо под нами что-то двигалось в толще воды, бесформенные светлые массы ворочались, но слишком глубоко, чтобы возможно было рассмотреть. Понемногу картина прояснилась: вверх всплывали мертвецы. Стаи трупов с изъеденными лицами и прогнившей плотью поднимались к поверхности, чтобы заключить нас в объятия. Они приближались, и были видны уже клочья мяса, кое-где прикрывавшие скелеты, пустые глазницы...

Лодка мягко качнулась в их руках. Выражение смирения так и не исчезло с лица смотрителя, когда лодка качнулась сильнее, затем еще и еще, и наконец мы болтались в ней, как куклы, совершенно беспомощные.

Они хотели перевернуть нас — и сделали это спустя несколько мгновений дикой качки.

Вода оказалась ледяной, гораздо холоднее, чем я ожидала. От этого перехватило дыхание. В общем-то, я всегда неплохо плавала, и сейчас уверенно и энергично направилась прочь. Моему попутчику повезло меньше: как многие люди, всю жизнь прожившие на море, он не умел плавать. Он пошел на дно, не испустив даже крика или стона, сразу же, как очутился в море.

На что же я надеялась? На то, что четырех жертв достаточно? Что течение унесет меня из этого ужасного места?

В любом случае, все надежды приказали долго жить.

Легкое, нежное прикосновение к моей лодыжке... чьи-то пальцы притрагиваются к ступне... Что-то серое, как спина большой рыбы, рассекло поверхность впереди, но разглядеть я не успела. Прикосновение превратилось в цепкий захват, и меня повлекли на дно. Медленно и неотвратимо погружалась я в воду, уже зная, что этот вот глоток воздуха и был моим последним вздохом... Не более, чем в ярде от меня покачивался Рэй. Я видела его искаженное давлением лицо, торчащие из выбитого глаза, подобно проводам, нервы... Во всех подробностях можно было рассмотреть раны: уродливые разрывы ткани с белеющей под ними костью. Волосы прилипли к голове, откровенно демонстрируя залысину, которую при жизни Рэй столь тщательно скрывал...

Вода сомкнулась над моей головой. Воздух вырвался из легких и серебряными пузырьками взмыл вверх. Рэй был рядом, внимательный, казалось, сочувствующий. Руки его были подняты, словно мы собирались сдаться в плен.

Я позволила этому произойти. Открыла рот и глотнула воду. Небо обожгло холодом, и вода ворвалась в меня, вытесняя воздух из легких, промывая внутренности крепким соленым раствором. Вот и все.

Внизу два полуистлевших трупа держали меня за щиколотки. Головы их болтались, едва придерживаемые обнаженными шейными мускулами, клочья плоти отслаивались от

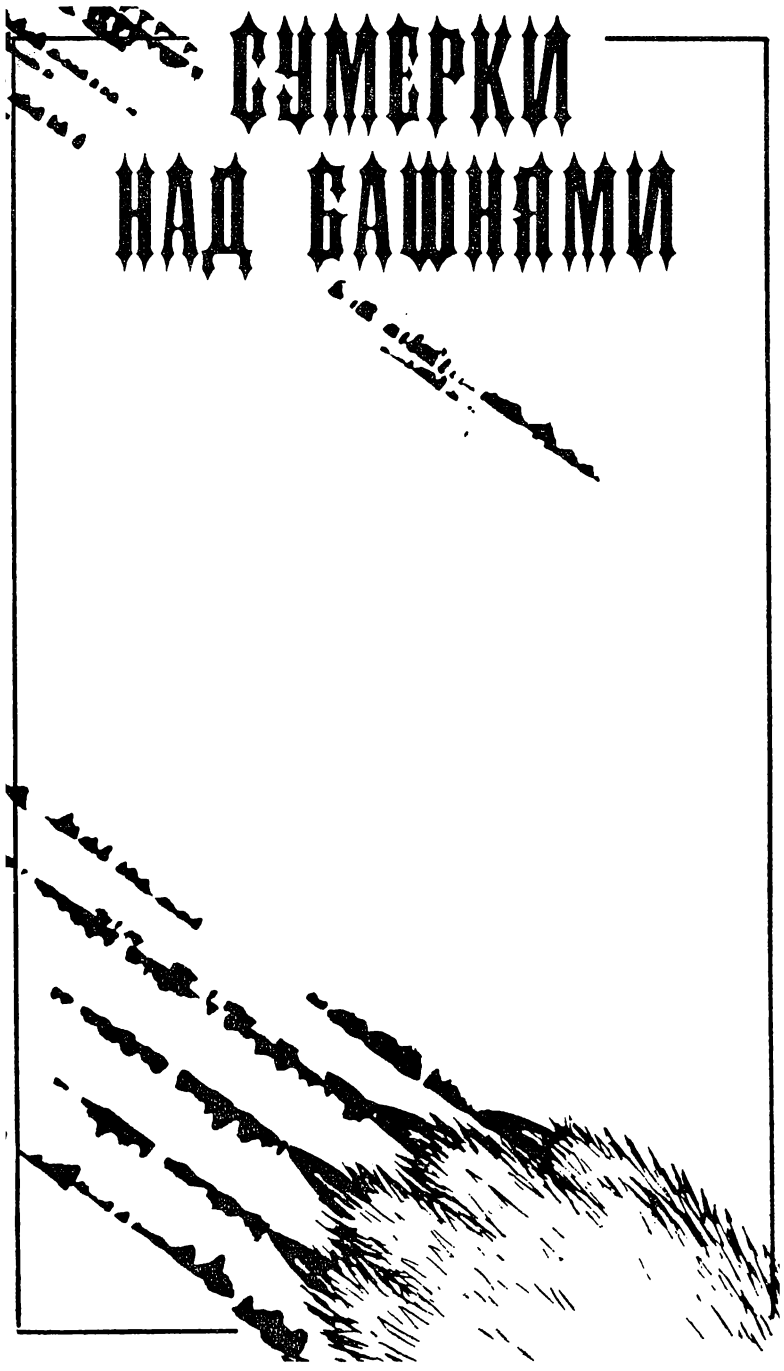
костей, но рты застыли в сладострастном оскале. Они хотели, о, как они хотели меня...

Рэй тоже обнимал меня, прижимая к моему лицу свое, изуродованное и распухшее. Вряд ли во всех этих жестах был особый смысл. И я, с каждой секундой теряя жизнь, принимая море в себя, понимала, что не буду больше наслаждаться плотской любовью. Ни дышать, ни чувствовать, ни смеяться...

Поздно, слишком поздно. Солнечный свет стал уже воспоминанием. Была ли эта тьма вызвана смертью или просто на такую глубину лучи не проникали?

Паника оставила меня. Сердце уже не билось. Странное ощущение абсолютного безбрежного покоя овладело мной; более расслабленными стали и улыбки моих новых товарищей. Тишина и покой. Время здесь не имеет значения, дни складываются в недели, в месяцы. Иногда киль корабля рассечет поверхность, или стайка пугливых рыбок сверкнет и исчезнет — редкие знаки жизни в этом царстве смерти. Рэй со мной, будет со мной всегда. Море медленно влечет нас к острову. Там, наверху, осталась наша прошлая жизнь — Анжела, Джонатан, «Эммануэль» — все это не имеет смысла теперь. Все прошло. Только мы лежим под камнями лицами вверх, ритм моря живет в нас, и успокаивает мерный плеск прибоя и наивность мирно пасущихся овец.

СУМЕРКИ НАД БАШНЯМИ



отографии Мироненко, которые Балларду показали в Мюнхене, мало о чем говорили. Только на одной или двух можно было разобрать лицо агента КГБ, а все остальные были крупнозернистыми и в пятнах, не отражая облика человека. Баллард не очень расстроился. Из своего обширного и подчас горького опыта он знал, сколь обманчивой бывает внешность; но ведь имеются и другие способности — остатки тех чувств, что атрофировались к нашему времени — которые он умел задействовать и с их помощью разнюхивал самые мелкие признаки обмана. Этими способностями он и воспользуется при встрече с Мироненко и добьется от него правды.

Правды? Здесь вообще какая-то головоломка, и не лучшей ли тактикой была бы искренность? Сергей Захарович Мироненко одиннадцать лет возглавлял отдел «С» в Управлении КГБ, и имел доступ к самой засекреченной информации о распределении тайной агентуры Советов на Западе. В течение последних недель, однако, он разочаровался в своих нынешних начальниках, и был готов преступить долг, что стало известно британским секретным службам. Взамен немалых усилий, которые будут предприняты в его интересах, он обязался действовать в качестве агента против КГБ в течении трех месяцев, после чего он будет принят в объятия демократии и спрятан там, куда не смогут добраться его мстительные владыки. Балларду нужно будет встретиться с этим русским один на один, чтобы попытаться установить, насколько искренним является его отход от идеологии. Ответ

следует искать не в словах Мироненко, Баллард знал это наверняка, а в едва заметных оттенках его поведения, которые мог бы уловить лишь инстинкт.

В свое время эта головоломка показалась бы Балларду увлекательной, когда каждая его мысль разматывает новый виток с запутанного клубка загадки. Но такие заключения принадлежали человеку, убежденному, что его действия оказывают решающее влияние на ход мировых событий. Теперь он был мудрее. Агенты и Запада, и Востока корпели над своей секретной рутиной из года в год. Составляли заговоры, кривили душой, время от времени (хотя и редко) проливали чью-нибудь кровь. Они знали и паническое бегство, и обмен пленными, и маленькие тактические победы. Но в результате все оставалось примерно в том же положении, как и всегда.

Взять, к примеру, хоть этот город. Впервые Баллард попал в Берлин в 1969 году. Ему было двадцать девять, годы тренировок сделали его тело здоровым и не чуждым удовольствий. Но здесь ему не было комфортно. Он не воспринимал очарования этого продуваемого всеми ветрами города. Город забрал себе Оделла, его коллегу в первые два года, как бы в доказательство своей пагубности, и однажды Баллард почувствовал себя потерянным для жизни. Но теперь этот поделенный пополам город стал ему ближе, чем Лондон. Неуютный город неоправдавшегося идеализма, и — может быть, что наиболее пронзительно — город ужасной изоляции был созвучен его настроению. Он и Город, живущие в пустыне умерших амбиций.

Он нашел Мироненко в картинной галерее, и — он был прав! — фотографии действительно врали. Русский выглядел старше своих сорока шести, и более болезненным, чем на тех украденных снимках. Ни один из них не подал виду, что они знакомы. Они бродили между картин битых полчаса, причем Мироненко проявлял большой и, по всей видимости, подлинный интерес к произведениям. Только убедившись в том, что за ними нет слежки, Мироненко покинул здание и повел Балларда в укромное предместье Далем в их общую резиденцию. Там они устроились в маленькой нетопленной кухне, и начали разговор.

Мироненко не очень уверенно владел английским, хотя Балларду показалось, что в его трудностях больше тактики,

чем незнания грамматики. Вполне вероятно, что и в разговоре на русском за таким фасадом мог прятаться более серьезный противник, чем это казалось на первый взгляд. Но, несмотря на трудности с языком, признание Мироненко было недвусмысленным.

— Я больше не коммунист, — заявил он без обиняков.

— Вот здесь, — он ткнул себя в грудь, — я не член партии уже много лет.

Он достал из кармана носовой платок и стянул с руки перчатку; в платке был завернут пузырек с таблетками.

— Извините, — сказал он, вытряхивая таблетки. — У меня сильные боли. В голове, в руках.

Баллард подождал, пока тот проглотит свои пилюли, затем спросил:

— Что заставило вас усомниться?

Русский спрятал платок с пузырьком, его широкое лицо ничего не выражало.

— Как человек теряет свою... свою веру? — сказал он. — Это то, что я видел слишком много раз или слишком мало?

Он посмотрел в лицо Балларду, пытаясь определить, дошел ли до него смысл его сбивчивой фразы. Не найдя тому подтверждений, он попробовал еще раз.

— Я думаю, что человек, не чувствующий себя потерянным, — потерян.

Мироненко изложил парадокс весьма элегантно. Подозрения Балларда относительно его настоящего владения английским подтвердились.

— Сейчас вы чувствуете себя потерянным? — спросил Баллард.

Мироненко не ответил. Он стащил вторую перчатку и начал разглядывать свои руки. По-видимому, таблетки не облегчили его страданий. Он сжимал и разжимал кулаки, как больной артритом, проверяющий свое состояние. Наконец, он поднял голову и сказал:

— Меня учили, что у Партии есть ответы на все вопросы. Это избавляло меня от страха.

— А теперь?

— Теперь? — переспросил он. — Теперь меня посещают странные мысли. Они приходят из ниоткуда...

— Продолжайте, — сказал Баллард.

Мироненко слабо улыбнулся.

— Вы должны знать меня всего насквозь, ведь так? Даже мои мысли?

— Конечно.

Мироненко кивнул.

— С нами будет то же самое, — сказал он затем и, сделав паузу, продолжил. — Иногда мне кажется, что я должен раскрыться. Вы меня понимаете? Я должен разломаться, внутри меня все клокочет. И это пугает меня, Баллард. Мне кажется, они должны видеть, насколько я их ненавижу.

Он посмотрел на собеседника.

— Вам нужно торопиться, иначе они меня расколют. Я стараюсь не думать, что они сделают.

Он опять умолк. Всякий след улыбки, какой бы невеселой она ни была, исчез.

— Управление имеет такие отделы, о которых даже я ничего не знаю. Специальные клиники, куда не может проникнуть никто. Они умеют раскрошить человеческую душу на куски.

Баллард как закоренелый прагматик спросил, не слишком ли тот преувеличивает. Он сомневался, что попавшего в лапы КГБ будет занимать вопрос о душе. Скорее, о теле с его нервными окончаниями.

Они говорили час или больше, то о политике, то вспоминали свое прошлое, то болтая, то исповедуясь. К концу встречи у Балларда не оставалось сомнений в неприязни Мироненко к своим хозяевам. Он был, по его собственным словам, человеком без веры.

На следующий день Баллард встретился с Криппсом в ресторане отеля «Швицерхофф» и сделал устный отчет по делу Мироненко.

— Он готов и ждет. Но он настаивает, чтобы мы поторопились со своим решением.

— Не сомневаюсь в этом, — сказал Криппс. Сегодня его стеклянный глаз плохо работал, наверное, это холодный воздух сделал его малоподвижным, думал Криппс. Иногда он двигался медленнее, чем настоящий глаз, а иногда Крип-

псу приходилось даже слегка подталкивать его пальцем, чтобы привести в движение.

— Никакое решение нельзя принимать сломя голову, — сказал Криппс.

— А в чем проблема? У меня нет никаких сомнений относительно его намерений или его отчаяния.

— Ладно, — сказал Криппс. — Давай что-нибудь на десерт.

— Вы сомневаетесь в моем выводе? Я правильно понял?

— Давай что-нибудь сладкое, чтобы я не думал о нем как о полном негодяе.

— Вы думаете, я в нем ошибся? — завелся Баллард. Ответа не последовало, Баллард перегнулся через стол: — Так нужно вас понимать?

— Я просто призываю к осторожности, — сказал Криппс. — Если мы все же решимся взять его к себе, русские очень обидятся. Мы должны быть уверены, что дело стоит той бури, которую оно навлечет. Слишком все неустойчиво.

— А когда оно устойчиво? — возразил Баллард. — Назовите мне время, когда перед нами не маячил бы какой-нибудь кризис. — Он откинулся в кресле и попытался по лицу угадать мысли Криппса. Его стеклянный глаз казался более блестящим, чем настоящий.

— Я уже сыт по горло этими играми, — пробурчал Баллард.

Стеклянный глаз повернулся:

— Из-за русского?

— Может быть.

— Поверь мне, — сказал Криппс, — у меня есть веские основания быть осторожным с этим человеком.

— Назовите одну.

— Ничто не подтверждено.

— А что у вас есть на него? — наседал Баллард.

— Кое-какие слухи, — ответил Криппс.

— Почему меня не поставили в известность об этом?

Криппс потряс головой.

— Теперь это уже история, — сказал он. — Ты сделал хороший отчет. Ты должен понять, что если все происходит не так, как по-твоему должно происходить, это вовсе не значит, что ты неправ.

— Понимаю.

— Нет, не понимаешь, — сказал Криппс. — Тебя это мучит, и я вовсе не хочу порицать тебя за это.

— Так что же все-таки происходит? Может, мне вообще забыть, что я с ним встречался?

— Это было бы неплохо, — сказал Криппс. — С глаз долой — из сердца вон.

Впрочем, Криппс вовсе не надеялся, что Баллард последует этому предложению. На следующей неделе Баллард сделал несколько осторожных запросов по Мироненко и в результате понял, что его обычные осведомители получили предупреждение держать язык за зубами.

Так или иначе, новые сведения по этому делу Баллард узнал из утренних газет, в сообщении о теле, найденном в доме возле станции на Кайзердамм. Читая статью, он еще не знал, как увязать это происшествие с Мироненко, но его заинтересовали некоторые подробности. Например, он подозревал, что упомянутый дом использовался время от времени секретными службами, далее в статье описывалось, как две неустановленные личности едва не были задержаны, когда выносили труп. Причем, предположительно, это было запланированное убийство.

После полудня он направился к Криппсу в офис, надеясь выведать у него какое-нибудь объяснение. Но секретарша сказала, что Криппса не было, и не будет — он уехал в Мюнхен по срочному делу. Баллард оставил ему записку с просьбой об аудиенции, когда тот вернется.

Выйдя из офиса на холодную улицу, он заметил, что стал объектом пристального внимания узколицего мужчины с залысинами и смешным хохолком на лбу. Баллард знал, что это питомец Криппса, но не мог припомнить имени.

— Саклинг, — напомнил тот.

— Ну, конечно, — ответил Баллард. — Привет.

— Нам неплохо бы поговорить, если у тебя есть пара минут, — сказал Саклинг. Его голос был таким же сдавленным, как и лицо. Балларду совершенно не хотелось слушать его сплетни. Он уже открыл рот, чтобы отказаться, но тот сказал:

— Я думаю, ты в курсе, что случилось с Криппсом?

Баллард отрицательно покачал головой.

Саклинг, довольный обладатель ценных сведений, повторил:

— Нам нужно поговорить.

Они шли по Кантштрассе в сторону зоопарка. На улице было полно людей — обеденное время, — но Баллард почти не замечал их. То, что рассказывал ему Саклинг, требовало полного и абсолютного внимания.

Все было очень просто. Криппс, по-видимому, сам подготовил встречу с Мироненко, чтобы лично убедиться в его искренности. Дом в Шенеберге, который был для этого выбран, уже использовался несколько раз для аналогичных целей, и считался одним из надежнейших явочных мест. Но прошлым вечером обнаружилось, что это не так. Очевидно, кэгэбэшники следили за Мироненко до самого дома, а затем попытались сорвать встречу. То, что произошло дальше, не оставило свидетелей: оба человека из сопровождения Криппса — один из них, Оделл, был старым сослуживцем Балларда — убиты, сам Криппс в коме.

— А что с Мироненко? — спросил Баллард.

— Наверное, его забрали домой, на родину, — Саклинг пожал плечами.

Баллард уловил фальшивую ноту.

— Я тронут, что ты держишь меня в курсе событий, — сказал он. — Но зачем?

— Ведь вы с Оделлом были друзьями, не так ли? Без Криппса их у тебя остается совсем немного.

— Так ли?

— Не хочу тебя обидеть, — быстро заговорил Саклинг, — но у тебя репутация диссидента.

— Объясни.

— Здесь нечего объяснять. Я просто подумал, что тебе следует знать, что произошло. Я сейчас сам рискую головой.

— Валяй, — сказал Баллард. Он остановился. Саклинг прошел еще несколько шагов и повернулся к Балларду: тот стоял, усмехаясь.

— Кто тебя подослал?

— Никто, — ответил Саклинг.

— Кто-то большой мастер распространять придворные сплетни. Я почти поддался. Ты очень убедителен.

На тощем лице Саклинга хорошо был заметен нервный тик.

— В чем меня подозревают? Они что, считают, что я спелся с Мироненко? Не думаю, что они настолько глупы.

Саклинг горестно покачал головой, как врач при виде неизлечимого больного:

— Тебе нравится плодить врагов?

— Такова профессия. Я не перестану спать из-за этого, не надейся.

— Грядут большие перемены, — сказал Саклинг. — Уверен, что скоро ты получишь ответы на все вопросы.

— Засунь свои ответы себе в задницу, — ответил Баллард очень ласково. — Надеюсь, придет время, и я смогу поставить правильные вопросы.

То, что к нему подослали Саклинга, давало неприятный осадок. Они хотели проверить его, но в чем? Неужели они всерьез считают, что он вступил в сговор с Мироненко, или, тем паче, с КГБ? Он подавил негодование: оно замутняло мозги, а ему требовался ясный рассудок, чтобы правильно разобраться в происходящем. В одном Саклинг был совершенно прав: у него были враги, и без прикрытия Криппса он оказывался уязвим. В таких обстоятельствах можно было придерживаться двух тактик. Можно вернуться в Лондон и там лечь на дно, а можно остаться в Берлине и ждать, каков будет их следующий маневр. Он остановился на втором. Игра в прятки быстро надоела бы ему.

Сворачивая с Северной на Лейбницштрассе, он заметил в витрине магазина отражение какого-то человека в сером пальто. Он видел его только мельком, но лицо человека показалось ему знакомым. Послали за ним хвост? Он резко обернулся и пристально посмотрел на неизвестного. Тот, кажется, засуетился и отвел глаза. Может, только показалось, а может, нет. Впрочем, какая разница, подумал Баллард. Пусть следят за ним, сколько влезет — ему нечего было скрывать, — уж если таковы условия этой идиотской игры.

Странное ощущение счастья посетило Сергея Мироненко: ощущение, которое возникло без видимой причины и переполнило его сердце.

Ведь еще вчера состояние казалось невыносимым. Боли в руках и голове и позвоночнике непрерывно усиливались, а теперь к ним присоединилась еще чесотка, такая нестерпимая, что он вынужден был срезать свои ногти до мяса, чтобы не нанести себе серьезных увечий. Его тело — он чувствовал — восстало против него. Это как раз то, что он пытался объяснить Балларду: что он отторгнут от себя самого, и боится, как бы его не разорвало на части. Но сегодня страх исчез.

Страх, но не боли. Они, пожалуй, стали еще сильнее. Связки и сухожилия казались растянутыми сверх положенного природой предела: суставы распухли от притока крови, и вся кожа на них была в синяках. Но исчезло предчувствие надвигающегося катаклизма, и его место заняло дремотное успокоение.

Когда он пытался восстановить в памяти цепь событий, которые привели его к такой перемене, происходило что-то странное. Ему предложили встретиться с начальником Балларда: это он помнил. Пошел он туда или нет — не помнил. Ночь была сплошным слепым пятном.

Баллард, наверное, знает, что к чему, думал он. С самого начала англичанин понравился ему и вызвал доверие, и ощущение, что несмотря на многие различия они скорее похожи, чем нет. Положись Мироненко на свой инстинкт, он, безусловно, разыщет Балларда. Англичанин, конечно, удивится; сначала даже рассердится. Но ведь эта маленькая вольность будет ему прощена, когда он поведает Балларду о своем нежданном счастье?

Баллард обедал поздно, а пил вообще до ночи, всегда в одном и том же баре «Кольцо», где собирались голубые, и в который его впервые привел Оделл почти два десятка лет назад. Без сомнения, Оделл выбрал это место чтобы опробовать на неотесанном коллеге свою софистику насчет декаданса Берлина, но Баллард, хотя никогда не испытывал какого-либо сексуального интереса к постоянным клиентам «Кольца», сразу почувствовал себя здесь как дома. Его нейтралитет уважали; никто к нему не приставал. Он просто пил и смотрел, как изголяются голубые.

Сегодня это место напомнило ему Оделла, чье имя теперь будет избегаться в разговоре из-за его причастности к делу

Мироненко. Баллард уже видел, как это делается. История не прощает провалов, разве что столь скандальных, что в них есть какой-то блеск. Для Оделлов всего мира — честолюбивых людей, обнаруживших вдруг себя в западне по причине собственной же ошибки — для таких людей не будут отчеканены медали или сложены песни. Только забвение.

От этих раздумий он впал в меланхолию, и пил много, чтобы поддерживать свои мысли легкими, но когда вышел на улицу — в два часа ночи — его депрессия лишь немного притупилась. Добрые берлинские бюргеры уже давно спали: завтра начнется новый рабочий день. Только Курфюрстендамм подавала признаки жизни шумом дорожного движения. Туда он и направился, не думая ни о чем.

Позади него раздался смех: молодой человек — разодетый, как звезда экрана, — шагал неверной походкой в обнимку со своим неулыбчивым спутником. В голубом Баллард узнал одного из завсегдатаев бара: клиент, судя по его простому костюму, был провинциалом, приехавшим утолить охоту до мальчиков, одетых девочками, за спиной своей благоверной. Баллард ускорил шаг. Голубой заливался искусственно-тоненьким смехом, и это действовало ему на нервы.

Он услышал, как рядом кто-то пробежал: краем глаза уловил скользнувшую тень. Наверное, это его хвост. Хотя алкоголь и притуманил ему мозги, он почувствовал какую-то тревогу, но не мог понять, откуда она исходит. Он шел дальше: состояние тревоги не оставляло его.

Пройдя еще несколько ярдов, он заметил, что смех за его спиной прекратился. Он оглянулся через плечо, ожидая увидеть мальчика и его клиента в объятиях. Но они исчезли: наверное, скользнули в одну из аллей — заключить в темноте свой контракт. Где-то совсем рядом собака завыла по-волчьи. Баллард обернулся и оглядел пустынную улицу, надеясь понять, в чем дело. Какой бы гул ни поднимался в его голове, и как бы ни чесалась кожа на ладонях, тревога была ненадуманной. Что-то происходило с этой улицей, несмотря на внешнюю безобидность: она скрывала Ужас.

До ярких огней Курфюрстендамм оставалось не более трех минут ходьбы, но он решил не оставлять тайну неразгаданной. Он повернулся и медленно пошел назад. Вой

собаки прекратился; в тишине раздавался только звук его шагов.

Дойдя до поворота на аллею, он остановился и начал вглядываться в темноту. Ни в окнах, ни в подъездах света не было. Казалось, ничто живое не могло существовать в этой тьме. Оставив первую аллею, он направился ко второй. Воздух наполнился каким-то острым зловонием, которое усилилось, когда он дошел до угла аллеи. От этого запаха гул в его голове усилился, угрожая перерасти в громовые удары.

В конце аллеи замерцал свет, слабый огонек из верхнего окна, и он увидел тело того провинциала, распростертое на земле. Оно было так изуродовано, как будто кто-то пытался вывернуть его наизнанку. Разбросанные повсюду внутренности и производили тот смешанный острый запах.

Балларду не раз приходилось видеть насильственную смерть, и он считал себя привычным к такому зрелищу. Но что-то на этой аллее не давало ему успокоиться. Он почувствовал дрожь в коленках. А потом, из тени, послышал голос юноши.

— Ради бога... — его голос утратил всякий намек на женственность: в нем слышался нечеловеческий ужас.

Баллард шагнул вглубь аллеи. Лишь продвинувшись на несколько ярдов, он увидел и юношу, и причину его слабые стенаний. Юноша бессильно прислонился к стене, стоя посреди мусорной кучи. Блестки и тафта были с него сорваны; он был бледен и беспол. Он, кажется, не заметил Балларда: его взгляд был прикован к чему-то другому, скрытому в тени.

Дрожь в коленях усилилась, когда Баллард проследил за взглядом юноши; он почувствовал, что сейчас начнет стучать зубами. Тем не менее, он двинулся дальше, не столько из-за юноши (он всегда считал героизм пустым делом), но потому что хотел, хотел во что бы то ни стало увидеть, что за человек способен на такое редкостное злодеяние. Взглянуть в глаза этой невиданной дикости казалось ему сейчас главным делом жизни.

Юноша, наконец, заметил его, и пролепетал что-то о помощи, но Баллард его не услышал. Он чувствовал, что на него смотрят другие глаза, и их взгляд разил, как удар. Шум в голове усилился до болевых ощущений и напоминал теперь рокот вертолетных турбин. В считанные секунды боль достигла такой силы, что потемнело в глазах.

Баллард закрыл лицо руками и попятился к стене, смутно осознавая, что убийца покидает свое укрытие (мусорный бак был опрокинут) и собирается скрыться. Он почувствовал, как что-то слегка задело его, и открыл на мгновение глаза: на дорожке он заметил убегающего человека. Тот выглядел как-то странно — спина выгнута крюком, голова непропорционально большая. Баллард крикнул, но злодей не остановился, только задержался, чтобы взглянуть на растерзанное тело, и выскочил на улицу.

Баллард оторвался от стены и выпрямился. Шум в голове немного утих; головокружение прошло.

Сзади послышались всхлипы юноши: — Вы видели? — повторял он. — Вы видели?

— Кто это был? Ты его знаешь?

Юноша смотрел на Балларда, как напуганный олень, расширенными от страха подведенными глазами.

— Кто?.. — переспросил он.

Баллард уже собирался повторить вопрос, но тут раздался визг тормозов, и сразу за ним удар. Оставив мальчишку разбираться со своим потрепанным приданым, Баллард вернулся на улицу. Где-то рядом слышались голоса; он поспешил на звук. Большой грузовик раскорячился поперек тротуара, его фары ярко горели. Водителю помогали выбраться со своего сиденья, тогда как пассажиры — завсегдатаи вечеринок, судя по их одежде и разгоряченным алкоголем лицам — стояли рядом и яростно спорили, как это все случилось. Одна женщина говорила о каком-то животном на дороге, но другой пассажир не соглашался с ней: тело, отброшенное столкновением в кювет, не принадлежало животному.

Баллард почти не разглядел убийцу на аллее, но инстинктивно чувствовал, что это был он. Однако, в нем не было того уродства, которое Баллард, как ему показалось, заметил; просто человек в костюме, видавшем лучшие времена, лежал лицом в луже крови. Полиция уже прибыла, и офицер приказал ему отойти от тела, но он все же взглянул украдкой в лицо умершего. На нем не было и следа неистовства, которое он так ожидал увидеть. Но, тем не менее, ему было от чего удивиться.

В кювете лежал Оделл.

* * *

Полицейским он сказал, что ничего не видел, и поспешил покинуть место событий, пока не было обнаружено происшествие на аллее.

По дороге домой, на каждом шагу у него возникали новые вопросы. И главный среди них: почему они солгали, что Оделл мертв? И что за напасть обуяла человека, если он был способен на такое зверство, свидетелем которого стал Баллард? Он понимал, что не добьется ответа от своих бывших коллег. Единственным, у кого можно было бы попытаться что-то выведать, был Криппс. Он вспомнил их спор насчет Мироненко, и как Криппс толковал о «мерах предосторожности», когда имеешь дело с этим русским. Значит, Стеклянный Глаз знал, что что-то не так, но даже он не смог предугадать всего масштаба несчастья. Убиты два высококлассных агента. Мироненко исчез, видимо, уже мертв. Сам он, если верить Саклингу, тоже не далек от этого. И все началось с Сергея Захаровича Мироненко, неудачника из Берлина. Похоже, его трагедия заразительна.

Баллард решил, что завтра разыщет Саклинга и выжмет из него кое-какую информацию. А пока что его мучат боли в голове и руках, и он хочет спать. Усталость может отразиться на правильности его суждений, а сейчас он нуждался в них, как никогда. Несмотря на слабость, он не мог заснуть час или больше, но и потом сон не принес ему отдыха. Ему снились шепоты, а над ними, нарастая и заглушая их, рокот вертолетов. Дважды он просыпался от ужасных ударов в голове; дважды, пытаясь понять, что говорят ему шепоты, он снова опускал голову на подушку. Проснувшись в третий раз, ему показалось, что от грохота его голова сейчас разломится; он серьезно испугался за свое здоровье. Ослепнув от боли, он сполз с кровати.

— Пожалуйста... — стонал он, как будто кто-то мог сейчас ему помочь.

Из темноты раздался спокойный голос:

— Что тебе нужно?

Он ничего не стал спрашивать, только сказал:

— Сними боль.

— Ты можешь сделать это сам, — сказал голос.

Он прислонился к стене, обхватив руками свою раскалывающуюся на куски голову, со слезами на глазах.

— Я не знаю, как, — сказал он.

— Это сны вызывают боль, — ответил голос, — поэтому ты должен их забыть. Понимаешь? Забудь их, и боль пройдет.

Он понял, но не знал, как это сделать. Он не мог управлять собой во сне. Шепоты приходили к нему, не он к ним. Но голос настаивал:

— Сон вызывает боль, Баллард. Ты должен похоронить его. Похоронить глубоко.

— Похоронить?

— Вообрази это, Баллард. Представь себе это подробно.

Баллард повиновался. Он представил похоронную команду и гроб, и свой сон, лежащий в гробу. Он заставил их копать глубоко, как велел ему голос, чтобы никогда уже не выкопать. Но как только он представил, что гроб опускают в могилу, то услышал, что стенки его затрещали. Сон не хотел быть похороненным, стенки гроба начали разламываться.

— Быстрее! — сказал голос.

Шум моторов достиг уничтожающей силы. Из ноздрей пошла кровь: он чувствовал соль в горле.

— Заканчивай с ним! — визжал голос, перекрывая шум. — Засыпай его!

Баллард заглянул в могилу. Ящик бился от стенки до стенки.

— Засыпай же, черт тебя побери!

Он попытался заставить похоронную команду подчиниться, чтобы они взяли свои лопаты и погребли заживо эту беспокойную штуку, но они не слушались. Вместо этого они, так же как и он сам, смотрели в могилу, как бьется за жизнь содержимое ящика.

— Нет! — вопил голос в бешенстве. — Вы не должны смотреть!

Ящик метался по дну ямы. Его крышка разлеталась в щепки. На мгновение Баллард увидел, как что-то ярко блеснуло между досок.

— Оно убьет тебя! — сказал голос, и как бы в подтверждение этому мощность звукового давления превзошла пределы выносливости, сметая и похоронную команду, и гроб, и

все остальное в единой вспышке боли. Вдруг ему показалось, что голос прав, и что он стоит на пороге смерти. Но не сон покушался на его жизнь, а тот страж, которого они выставили между ним и сном; эта череподробильная какофония.

Только сейчас он осознал, что лежит на полу, подмятый этим шквалом. Ничего не видя, он нащупал стену и тяжело прислонился к ней, рев моторов бил ему по глазам, лицо горело прихлынувшей кровью.

С трудом он поднялся на ноги и двинулся в ванную. За его спиной опять возник голос, уже успокоившийся, и вновь начал свою проповедь. Он звучал так близко, что Баллард невольно обернулся, ожидая увидеть говорящего — и увидел. Сквозь пелену боли он заметил, что стоит в комнате без окон с белыми стенами. Комната была освещена ярким мертвенным светом, и в центре комнаты — улыбающееся лицо.

— Это твои сны вызывают боль, — сказало лицо. Голос принадлежал все тому же Приказывающему. — Похорони их, Баллард, и боль пройдет.

Баллард плакал, как провинившееся дитя под строгим взглядом родителя.

— Верь нам, — сказал другой голос, тоже где-то близко, — Мы — друзья.

Но он не верил их сладкословию. Ведь это они вызвали ту самую боль, от которой собираются избавить его; она — как палка, чтобы бить его, когда приходят сны.

— Мы хотим помочь тебе, — сказал кто-то из них.

— Нет... — выдавил он. — Нет, будь вы прокляты. Я... Я не верю.

Белая комната моментально исчезла, и он снова оказался в своей спальне, цепляющийся за стену, как альпинист за скалу. Пока они снова не пришли со своими словами, со своими истязаниями, он перебрался по стенке в ванную, и вслепую нащупал душевой кран. В какой-то момент он содрогнулся, открыв кран и пустив воду на полный напор, вода была ледяной, но он просунул голову под поток, в то время как лопасти вертолета в своем вращении пытались разнести ему череп на куски. Холодная вода ручьем стекала по его спине, но он не двигался, и постепенно вертолеты начали отдаляться. Он все стоял, хотя тело свело от холода,

пока не улетел последний. Потом он сел на край ванной, вытерся полотенцем, и, прийдя немного в себя, направился обратно в спальню.

Он лежал на тех же смятых простынях и почти в той же позе, что и раньше, но все теперь было не так. Он не понимал, что с ним произошло, и каким образом. Он лежал с открытыми глазами, отгоняя успокоенность воспоминаниями ночи, пытаясь разобраться в них, и незадолго перед рассветом он вспомнил те слова, что буркнул в лицо галлюцинации. Такие простые слова, и такие сильные. «Я не верю», — сказал он тогда, и Приказывающие устрашились.

В половине первого дня Баллард вошел в двери небольшой фирмы, экспортирующей книги, которая служила Саклингу для прикрытия. Он был бодр, несмотря на тяжелую ночь, и, быстро очаровав секретаршу, появился в кабинете Саклинга без объявления. Саклинг, увидев нежданного посетителя, вскочил из-за стола, как ошпаренный.

— Доброе утро, — сказал Баллард. — По-моему, пришло время поговорить.

Саклинг скользнул взглядом на дверь, которую Баллард оставил полуоткрытой.

— Прошу прощения: дует? — Баллард вежливо закрыл дверь. — Мне нужен Криппс.

Саклинг разгребал океаны книг и рукописей на своем столе.

— Ты что, с ума сошел — заявляться сюда?

— Скажи им, что я друг семьи, — предложил Баллард.

— Никогда бы не подумал, что ты способен на такую глупость.

— Просто сведи меня с Криппсом, и я исчезну.

Саклинг попытался переменить тему:

— Мне понадобилось два года, чтобы войти в доверие на этом месте.

Баллард рассмеялся.

— Я доложу об этом, черт возьми!

— Конечно, — сказал Баллард спокойно. — Но все же, где Криппс?

Саклинг, окончательно убедившись, что имеет дело с сумасшедшим, умерил свое негодование.

— Хорошо, — сказал он. — Я пришлю кого-нибудь за тобой, тебя к нему отведут.

— Не очень-то хорошо, — ответил Баллард.

В два широких шага он достиг Саклинга и схватил его за лацкан пиджака. За десять лет он не провел в обществе Саклинга и трех часов, но у него каждый раз чесались руки сделать то, что он делал сейчас. Освободившись ударом от захвата, он толкнул Саклинга на стену, уставленную книжными шкафами. Задетые пяткой Саклинга, они извергли поток печатной продукции.

— Ну, попробуй еще разок, старина, — сказал Баллард.

— Убери свои поганые руки! — ярость Саклинга удвоилась.

— Еще раз, — сказал Баллард. — Криппс.

— Я устрою тебе большие неприятности. Тебя выгонят!

Баллард наклонился к его багровому лицу и улыбнулся.

— Меня все равно выгонят. Погибли люди, понимаешь? Лондон требует очистительной жертвы, и, наверное, ей буду я.

Саклинг помрачнел.

Баллард с силой притянул к себе Саклинга.

— Поэтому мне нечего терять, верно?

Храбрость Саклинга пошла на убыль.

— Криппс мертв, — сказал он.

Баллард не отпускал его.

— То же самое ты говорил про Оделла... — заметил он, и глаза Саклинга расширились. — А я видел его прошлой ночью. За городом.

— Ты видел?

— О, да.

Упоминание об Оделле воскресило в памяти сцену на аллее; запах мертвого тела, всхлипы мальчика. Есть ведь и другие религии, думал Баллард, отличные от той, что он когда-то разделил с этой тварью, подмятой им. Религии, чьи молитвы суть плоть и кровь, чьи догматы — сны. Где же еще креститься ему в эту новую веру, как не здесь, в крови врага?

Где-то очень далеко в голове он услышал шум вертолетов, но не дал им подняться в воздух. Сегодня он был сильным: сильные руки, сильная голова, весь сильный. Он впивался ногтями Саклингу в глаза, и брызнула кровь. Внезапно ему показалось лицо под кожей; лицо, оголенное до сути.

— Сэр?

Баллард посмотрел через плечо. В дверях стояла секретарша.

— О, простите, — сказала она, ретируясь в смущении. Судя по ее вспыхнувшим щекам, она решила, что нарушила любовное свидание.

— Постойте, — окликнул ее Саклинг. — Мистер Баллард... уже уходит.

Баллард оставил свою жертву. У него еще будет возможность лишить Саклинга жизни.

— Еще увидимся, — сказал он.

Саклинг вынул из кармана носовой платок и вытирал лицо:

— Обязательно.

Теперь им займутся, в этом можно не сомневаться. Он проявил норов, и они постараются заставить его замолчать как можно быстрее. Это не беспокоило его. Чем бы они ни прочищали ему мозги, чтобы он забыл, они слишком переоценивают свои методы; они думают, что он глубоко хоронит сны, но они все равно выберутся на поверхность. Это еще не началось, но он знал что вот-вот начнется. Не раз и не два по дороге домой он чувствовал спиной чей-то взгляд. Может быть, за ним все еще хвост, но его инстинкты говорили другое. То, что он чувствовал рядом — чуть ли не чье-то дыхание — было, возможно, просто другой его частью. Он чувствовал себя как бы под защитой некоего доброго ангела.

Он бы совсем не удивился, застав у себя дома комитет по встрече, но там никого не было. То ли Саклинг был вынужден отложить полундру, то ли верхние эшелоны все еще обсуждали свою тактику. Он положил в карман кое-что из того, что хотел бы скрыть от их оценивающего взгляда, и снова вышел на улицу — никто не пытался его задержать.

Хорошо быть живым, думал он, несмотря на холод, делающий и без того опустевшие улицы еще более мрачными. Он решил — без всякой причины — отправиться в зоопарк, в котором он не был ни разу за все двадцать лет. Он шел, не торопясь, и думал, что никогда еще не был так свободен, как сейчас; что он сбросил власть над собой, как

старое пальто. Не удивительно, что они опасаются его; у них на то есть веские причины.

На Кантштрассе было полно народу, но он легко прокладывал путь сквозь толпу пешеходов, как будто они чувствовали в нем редкую целеустремленность и давали ему зеленую улицу. Однако, уже у самого зоопарка, кто-то толкнул его. Он обернулся, чтобы высказаться в адрес незнакомца, но увидел только затылок, владелец которого уже погружался в людской поток, вливающийся на Харденбергштрассе. Подозревая воровство, он проверил карманы, и в одном из них нашел клочок бумаги. Он знал, что лучше сразу прочитать записку, но все же еще раз оглянулся — может быть, он узнает курьера — но тот уже скрылся из виду.

Баллард отложил посещение зоопарка и направился в Тиргартен, и там — под сенью большого парка — выбрал место и прочитал послание. Послание было от Мироненко, и тот просил о встрече по вопросу неотложной важности, назначив место в одном из домов в Мариенфельде. Баллард запомнил все до мелочей, потом порвал записку в клочья.

Конечно, это могла быть ловушка, устроенная или его собственной группой, или вражеской. Может быть, тест на преданность, или способ заманить его в ситуацию, в которой его можно было устранить. Впрочем, у него не было другого выхода, кроме как действовать в надежде, что этой темной лошадкой окажется все же Мироненко. Какие бы опасности ни таило это рандеву, они не были для него особенно новыми. В конце концов, учитывая его скепсис относительно эффективности зрения, не каждая ли его встреча была в каком-то смысле с темной лошадкой?

Ближе к вечеру атмосферная влага сгустилась в туман, и к тому времени, как он вышел из автобуса на Хильдбургхойзерштрассе, туман уже овладел городом, присоединившись к пронизывающему холоду.

Баллард быстро шел по пустынным улицам. Он совершенно не знал этого района, но близость Берлинской Стены наводила на мрачные догадки о том, что ничего хорошего здесь нет. Многие дома пустовали; те же в которых кто-то жил, были наглухо задраены от холода ночи и прожекторов,

бьющих со смотровых вышек. Лишь с помощью карты он нашел улицу, указанную в записке Мироненко.

Ни одно окно не светилось в доме. Баллард колотил в дверь, но так и не услышал шагов в прихожей. Он предусмотрел несколько возможных ситуаций, но такой, чтобы ему не открыли дверь, среди них не было. Он простучал еще раз, и еще. И только тогда внутри дома послышалось некоторое оживление, и дверь, наконец, открылась. Прихожая была серо-коричневого цвета, и освещалась тусклой лампочкой без абажура. Фигура, возникшая на фоне этого унылого интерьера, не принадлежала Мироненко.

— Да? — сказал человек в дверях. — Что вам нужно?

Его немецкий был с сильным русским акцентом.

— Я разыскиваю своего друга, — ответил Баллард.

Человек, заслонивший своим телом весь дверной проем, отрицательно замотал головой.

— Здесь никого нет, — сказал он. — Только я.

— Но мне сказали...

— Вы, должно быть, ошиблись домом.

Не успел он договорить, как из полутьмы коридора донесся шум. Слышно было, как ломается мебель, кто-то закричал.

Русский посмотрел через плечо и собирался уже захлопнуть дверь, но Баллард подставил ногу. Пользуясь замешательством русского, он навалился плечом и ворвался в дверь. Он уже был в коридоре — уже в середине коридора — когда тот только двинулся за ним. Шум погрома усилился, потом раздались чьи-то вопли. Баллард побежал на звук, мимо одинокой лампочки в дальнее темное крыло здания. Там он чуть не заблудился, но внезапно перед ним распахнулась дверь.

Пол в комнате за дверью оказался ярко-красным и блестящим, как будто был свежевыкрашен. Тут же появился и красильщик. Его торс был распорот от шеи до пояса. Он пытался сдерживать кровотечение руками, но кровь била струей, вымывая кишки. Он встретился взглядом с Баллардом, глаза человека были полны ожидания смерти, но тело еще не получило сигнала лечь и умереть, оно металось, пытаясь убежать со сцены экзекуции.

От этого зрелища Баллард застыл на месте, и русский, догнав его, схватил за руку и вытолкнул в коридор, что-то

выкрикивая в лицо. Баллард не понимал бурного излияния русских фраз, но руки, сомкнувшиеся вокруг его горла, не требовали перевода. Русский был в полтора раза тяжелее и имел хватку профессионального душителя, но Баллард без труда почувствовал превосходство в силе. Он разжал руки нападавшего со своей шеи и ударил его по лицу. Удар был не очень сильным, но русский упал спиной на лестницу и затих.

Баллард вновь оглянулся на красную комнату. Умирающий исчез, оставив комки внутренностей на пороге.

Из глубины комнаты послышался смех.

Баллард повернулся к русскому.

— Ради бога, что здесь все-таки происходит? — спросил он, но тот только неотрывно смотрел на открытую дверь.

Лишь только он это произнес, смех прекратился. По залитой кровью стене комнаты прошла тень, и кто-то сказал:

— Баллард?

Голос был грубым, как будто говорящий кричал день и ночь, но принадлежал он, несомненно, Мироненко.

— Не стойте на холоде, заходите внутрь, — сказал он. — И прихватите с собой Соломонова.

Русский кинулся было к входной двери, но не успел сделать и двух шагов, как Баллард крепко схватил его.

— Вам нечего бояться, товарищ, — сказал Мироненко. — Собаки больше нет.

Несмотря на эти заверения, Соломонов начал всхлипывать, когда Баллард заталкивал его в дверь.

Мироненко оказался прав: внутри было действительно теплее. И никаких следов собаки. Хотя все было залито кровью. Пока Баллард воевал с Соломоновым, сюда снова притащили человека, который метался по этой комнате-бойне. С его телом обошлись с потрясающим варварством. Голова была размозжена, кишки валялись по всему полу.

В тусклом освещенном углу этой жуткой комнаты на корточках сидел Мироненко. Судя по припухлостям на лице и верхней части торса, он был немилосердно избит, но его небритое лицо улыбалось своему спасителю.

— Я знал, что ты придешь, — он перевел взгляд на Соломонова. — Они выследили меня, — продолжал он. — Думаю, они хотели меня убить. Вы ведь этого хотели, товарищ?

Соломонов трясся от страха, не зная куда девать глаза. Его взгляд натыкался то на лунообразное, все в синяках, лицо Мироненко, то на обрывки кишок, разбросанные повсюду.

— Что же им помешало? — спросил Баллард.

Мироненко встал. Даже это безобидное движение заставило Соломонова нервно вздрогнуть.

— Расскажите мистеру Балларду, — подсказал ему Мироненко. — Расскажите, что произошло.

От страха Соломонов потерял дар речи.

— Он, очевидно, из КГБ, — объяснил Мироненко. — Оба они — в курсе дела. Впрочем, не совсем в курсе, если эти идиоты их не предупредили. Вот их и послали убивать меня лишь с пушкой и молитвой, — он рассмеялся от этой мысли. — Хотя и то, и другое бесполезно в данных обстоятельствах.

— Умоляю вас... — пролепетал Соломонов. — Отпустите меня. Я ничего не скажу.

— Вы скажете все, что им нужно, товарищ, как требует от всех нас долг, — ответил Мироненко. — Верно, Баллард? Ведь мы рабы своей веры?

Баллард внимательно изучал лицо Мироненко: в нем была какая-то полнота, не похожая просто на кровоподтеки. Казалось, что сползает кожа.

— Нас заставили забыть, — сказал Мироненко.

— О чем? — спросил Баллард.

— О самих себе, — Мироненко вышел из своего темного угла на свет.

Что сделали с ним Соломонов и его покойный напарник? Все его тело было покрыто ушибами, а на шее и висках виднелись кровавые вздутия, которые Баллард принял было за синяки, но они пульсировали, как будто какое-то существо дышало под кожей. Впрочем, они, кажется, не беспокоили Мироненко, который протянул руку к Соломонову. При его прикосновении убийца-неудачник пустил слюни, но намерения Мироненко не были кровожадными. Заботливо, так что мурашки побежали по коже, он вытер слезу со щеки Соломонова.

— Возвращайся к ним, — сказал он дрожащему Соломонову. — Расскажи им все, что ты видел.

Соломонов, казалось, не верил своим ушам, или, по крайней мере подозревал, как и Баллард, что это прощение

было притворным, и что любая попытка покинуть здание будет иметь фатальные последствия.

Но Мироненко не отступал.

— Давай же, — сказал он. — Избавь нас от своего общества. Или ты предпочитаешь остаться на ужин?

Соломонов нерешительно шагнул в сторону двери. Не дождавшись удара, он сделал еще один шаг, и еще, пока не добрался до двери и скрылся.

— Расскажи им! — крикнул Мироненко ему вслед. Входная дверь хлопнула.

— Рассказать им о чем? — спросил Баллард.

— Что я вспомнил, — сказал Мироненко. — Что я нашел шкуру, которую они с меня стащили.

Впервые после появления в этом доме Баллард почувствовал тошноту. Причиной ее была не кровь и не останки под ногами, а что-то во взгляде Мироненко. Он уже где-то видел этот блеск в глазах. Но где?

— Вы... — сказал он спокойно. — Вы сделали это?

— Безусловно, — ответил Мироненко.

— Но как? — спросил Баллард. Он ощутил знакомый гром, нарастающий где-то из глубины головы. Чтобы отвлечься, он повторил вопрос, — Как, черт возьми?

— Мы с тобой из одного теста, — ответил Мироненко. — Я чую это в тебе.

— Нет, — сказал Баллард. Гул продолжал нарастать.

— Все науки — просто слова. Это не то, чему нас учили, но то что мы чувствуем своим костным мозгом, своей душой.

Он уже говорил о душе раньше, о местах, устроенных его хозяевами, чтобы рвать человека на части. Тогда Баллард подумал, что эти разговоры — просто преувеличение; сейчас он не был в этом уверен. Что означали те похороны, если не подчинение какой-то скрытой части его самого? Его костного мозга, его души.

Баллард еще не успел подобрать слова, чтобы выразить свои мысли, как вдруг Мироненко насторожился, его глаза засверкали еще ярче.

— Они снаружи, — сказал он.

— Кто?

Русский пожал плечами.

— Какая разница? — сказал он. — Ваши или наши. И те, и другие могут заставить нас замолчать — если смогут.

С этим трудно было не согласиться.

— Мы должны действовать быстро, — сказал он и устремился в коридор. Входная дверь оставалась полуоткрытой. Через несколько мгновений Мироненко был уже около двери, Баллард следовал за ним. Один за другим, они выскользнули на улицу.

Туман сгущался. Он тяжело окутывал уличные фонари, делая их свет грязноватым, превращая каждый подъезд в укрытие. Баллард не стал дожидаться, пока преследователи появятся в поле зрения, а шел за Мироненко, который уже достаточно оторвался, двигаясь не по комплекции проворно. Балларду пришлось прибавить шагу, чтобы не упускать его из виду. Тот иногда показывался, иногда вновь скрывался в плотных клубах тумана.

Теперь они двигались по жилым кварталам, вдоль каких-то зданий, возможно, складов, стены которых, не прореженные ни единым окном, круто взмывали в темное небо. Баллард окликнул Мироненко, чтобы тот сбавил шаг. Русский остановился и повернулся к Балларду, его неясные очертания колебались в призрачном свете. Было ли это причудливой игрой тумана, или состояние Мироненко действительно ухудшалось с тех пор, как они покинули здание? Его лицо казалось взмокшим, бугры на шее увеличились.

— Нам не обязательно бежать, — сказал Баллард. — Они не идут за нами.

— Они всегда идут за нами, — ответил Мироненко, и, как бы в подтверждение его слова, Баллард услышал приглушенные туманом шаги на прилежащей улице.

— Не время разговаривать, — обронил Мироненко и, повернувшись на каблуках, побежал. Через несколько секунд он уже снова исчез в тумане.

Какое-то мгновение Баллард колебался. Несмотря на опасность, он хотел взглянуть на преследователей, чтобы знать их на будущее. Но теперь, когда мягкая поступь Мироненко стихла, он заметил, что и другие шаги исчезли. Может быть, они знают, что он ждет их? Он задержал дыхание, но не услышал ни звука, и никто не появился.

Туман не спеша продолжал скрадывать все вокруг. Балларду показалось, что он совершенно один в тумане. С неохотой, он повернулся и побежал вслед за русским.

Через несколько ярдов он увидел, что дорога раздваивается. Невозможно было определить, по которой из них шел Мироненко. Проклиная себя за медлительность, Баллард отправился по той, что была больше скрыта туманом. Улица оказалась короткой, и упиралась в стену с остриями наверху, за которой был своего рода парк. Там туман был еще гуще, цепляясь за мокрую землю, и Баллард мог видеть лишь пять-шесть ярдов травы за стеной. Но интуиция подсказывала ему, что он на правильном пути; что Мироненко перелез через эту стену и теперь поджидает его где-то поблизости. Позади него был только слепой туман; или преследователи потеряли его, или сбились с пути, или и то, и другое. Он взобрался на стену, ругнувшись сквозь зубы на острия, и спрыгнул по другую сторону.

Тишина на улице казалась абсолютной, но это, очевидно, было не так, потому что в парке было еще тише. Туман здесь был еще более сырым, и еще больше давил на него, когда он шел по мокрой траве. Стена за спиной — единственный ориентир в этой пустыне — превратилась в призрак, потом исчезла совсем. Практически на ощупь, он прошел еще несколько ярдов, не уверенный даже, что двигается по прямой. Внезапно туман уплыл в сторону, и впереди возникла фигура поджидающего его человека. Вздутия так исказили лицо, что Баллард никогда не подумал бы, что это может быть Мироненко, если бы не его пылающие глаза.

Тот не стал дожидаться Балларда, а повернулся и снова шагнул в молоко, предоставляя англичанину возможность следовать за ним и проклинать и бегущего, и догоняющего. Через несколько шагов он почувствовал движение где-то совсем рядом. Органы чувств были бесполезны в плотных объятиях тумана и ночи, но он видел другими глазами, он слышал другими ушами и знал, что он не один. Может быть, Мироненко остановил свой бег и вернулся? Он произнес его имя, сознавая, что выдает себя всем и каждому, хотя не сомневался, что уже обнаружен, кто бы там за ним ни крался.

— Говори, — сказал он.

Туман не ответил.

Снова движение. Простыни тумана немного раздвинулись, и между ними мелькнула фигура. Мироненко! Баллард еще раз окликнул его и сделал несколько шагов сквозь белесую мглу в его сторону, и тут что-то выступило ему навстречу. Он видел призрак только мгновение, впрочем, этого было достаточно, чтобы разглядеть раскаленные добела глаза, и зубы, такие длинные, что они исказили рот в постоянную гримасу. Глаза и зубы он видел отчетливо. В других подробностях — щетине на коже и звериных лапах — он был менее уверен. Возможно, его истощенный шумом и болью мозг отказался в конце концов воспринимать реальный мир, привлекая ужас, чтобы пугливо спрятаться за ним в неведение.

— Проклятье, — бросил он, пытаясь не поддаваться ослепляющему гулу, вновь поднимающемуся в его голове, хотя с этими призраками лучше быть слепым. Как бы проверяя его здравое восприятие, туман впереди заколыхался и расступился, и что-то напоминающее человека — только живот до земли — смутно проступило сквозь туманную завесу. Справа он услышал рычание, слева еще одна неясная форма то показывалось, то вновь исчезала. Он был, по-видимому, окружен сумасшедшими людьми и дикими собаками.

А Мироненко? Что с ним? Стал ли он членом этой компании или ее жертвой? Заслышав голос за спиной, он резко обернулся и увидел, как кто-то, похожий на русского, скрылся в тумане. На этот раз он не пошел вслед, он побежал, и его проворность была вознаграждена. Фигура вновь проступила перед ним, и он, рванувшись, схватил ее за пиджак. Его добычей оказался Мироненко, который вертелся вокруг него, изрыгая рычание, а лицо было таким, что Баллард чуть не закричал: рот напоминал рваную рану; зубы чудовищной величины; глаза, как щели, залитые расплавленным золотом; вздутия на шее еще больше разбухли, так что голова русского уже не возвышалась над туловищем, но срослась с телом без какой-либо оси.

— Баллард, — улыбнулось чудовище.

Его голос воспринимался с большим трудом, но Баллард уловил в нем отзвуки Мироненко. Чем больше он вглядывался в бьющее энергией тело, тем страшнее ему становилось.

— Не бойся, — сказал Мироненко.

— Что это за болезнь?

— Единственная болезнь, которой я когда-либо болел, была забывчивость, и теперь я от нее вылечился.

Он гримасничал, как будто каждое слово находилось в противоречии с инстинктами его звукового аппарата.

Баллард коснулся пальцами виска. Несмотря на его внутренний протест, шум все нарастал и нарастал.

— ...Ты ведь тоже помнишь, так ведь? Ты такой же.

— Нет, — выдавил Баллард.

Мироненко дотронулся до него щетинистой лапой.

— Не бойся, — сказал он. — Ты не один. Нас много — братьев и сестер.

— Я тебе не брат, — ответил Баллард. Шум в голове был страшным, но лицо Мироненко еще страшней. Баллард брезгливо отвернулся и пошел, но русский не отставал.

— Ты знаешь, какова на вкус свобода, Баллард? А жизнь? Просто улет.

Баллард не останавливался, у него пошла кровь носом. Он не обращал на нее внимания.

— Только поначалу больно, — продолжал Мироненко. — Потом боль проходит...

Баллард шел опустив голову, глаза в землю. Мироненко, видя, что его слова не производят действия, отстал.

— Тебя не примут обратно! — крикнул он. — Ты слишком много видел.

Гул вертолетов не смог совсем заглушить этих слов. Баллард понимал, что в них есть правда. Он шел, спотыкаясь, и сквозь какофонию в голове до него доносился голос Мироненко:

— Посмотри...

Туман немного рассеялся, и сквозь его лоскуты просматривалась парковая стена. Сзади вновь послышался голос Мироненко, понизившийся до рычания:

— Посмотри, во что ты превратился.

Турбины ревели. Баллард казалось, что ноги сейчас подкосятся, но он продолжал идти к стене. Когда до нее оставалось несколько ярдов, снова раздался голос Мироненко, но слов было уже не разобрать, только глухой рык.

Баллард не удержался, чтобы не взглянуть на него, хоть раз. Он посмотрел через плечо.

И вновь туман окутал его, но в какие-то мгновения — долгие, как вечность, и все же слишком короткие — он видел то, чем был Мироненко во всем великолепии, и тогда вой турбин переходил в визг. Он прижал ладони к лицу. И тут прогремел выстрел, затем другой, и дальше целая серия. Он упал на землю — и от слабости, и чтобы спастись от пуль. Открыв глаза, он увидел несколько человеческих фигур, движущихся в тумане. Хотя он уже забыл о преследователях, они не забыли о нем. Они шли за ним в парк и вступили в гущу этого сумасшествия: люди, полулюди и нелюди потерялись в тумане, и всюду было кровавое смятение. Он видел стрелка, ведущего огонь под прикрытием тени и награждающего пулей в живот каждого, кто выскакивал из тумана; видел существо, которое появилось на четырех ногах и удрало на двух; и как еще какая-то тварь пробежала с раскрытой в хохоте пастью, держа за волосы человеческую голову.

Шум приближался. Опасаясь за свою жизнь, он поднялся на ноги и попятился к стене. Рычание, крики и визги продолжались, каждую секунду он ожидал, что его настигнет либо пуля, либо какая-нибудь из тварей. Но он добрался до стены живым и попробовал вскарабкаться на нее. Однако, координация покинула его. Ему ничего не оставалось, как идти вдоль стены до калитки.

За его спиной продолжался карнавал масок, превращений и обманчивой внешности. Его ослабленное сознание обратилось на мгновение к Мироненко. Переживет ли он, или кто-нибудь из его стаи, эту бойню?

— Баллард, — сказал голос из тумана. Он не мог видеть говорящего, но узнал голос. Он слышал его в том бреду, когда голос пытался сказать ему ложь.

Он почувствовал укол в шею, человек, подойдя сзади, вводил иглу.

— Спи, — сказал голос, и с этими словами пришло забытье.

Поначалу он не мог вспомнить имени этого человека. Его мысли блуждали, как потерявшийся ребенок ищет родителей,

хотя говорящий постоянно взывал к его вниманию, обращаясь к нему, как к старому другу. И вправду, было что-то знакомое в его механическом глазу, который двигался значительно медленнее своего напарника. Наконец, вспомнилось и имя.

— Вы Криппс, — сказал он.

— Безусловно, я — Криппс, — ответил тот. — Что, память пошаливает? Не волнуйся. Я ввел тебе кой-какие успокоительные, чтобы ты не свихнулся. Хотя, думаю, это излишне. Ты держался молодцом, Баллард, несмотря на явные провокации. Когда я думаю о провале Оделла...

Он вздохнул.

— Ты что-нибудь помнишь из последней ночи?

Сначала перед его мысленным взглядом было лишь слепое пятно; потом воспоминания стали всплывать, одно за другим. Огромные фигуры, движущиеся в тумане.

— Парк, — сказал он наконец.

— Я вытащил тебя оттуда. Одному Богу известно, сколько там погибло.

— Еще один... русский?..

— Мироненко? — подсказал Криппс. — Я не в курсе. Я отстранен от должности, ты же знаешь. Рано или поздно, мы снова понадобимся Лондону. Особенно теперь, когда они знают, что у русских есть служба типа нашей. Мы, конечно, разведали об этом, а потом, после того, как ты встретился с Мироненко, заинтересовались им. Поэтому я устроил встречу. И когда я встретился с ним лицо к лицу, я уже знал. Что-то было в его глазах. Какой-то голод.

— Я видел, как он переменился...

— Да, зрелище не для слабонервных, верно? Раскрепощенная энергия. Вот поэтому мы разработали программу, чтобы обуздать эту энергию, чтобы заставить ее работать на нас. Но здесь трудности с контролем. Нужны годы подавляющей терапии, шаг за шагом истребляющей желание к трансформации, так чтобы в результате получился человек со способностями зверя. Волк в овечьей шкуре. Мы думали, что справились с задачей, что если система убеждения не удерживает человека в подчинении, должен возникнуть болевой отклик. Но мы ошиблись. — Он встал и подошел к окну. — Теперь все придется начинать сначала.

— Саклинг сказал, что вы ранены.

— Нет. Просто понижен в должности. Меня снова вызывает в Лондон.

— Но вы ведь не собираетесь?

— Теперь собираюсь, после того, как нашел тебя. — Он оглянулся на Балларда. — Ты — мое алиби, Баллард. Ты живое доказательство того, что моя методика жизнеспособна. Ты носитель знания о своем состоянии, хотя терапия еще не завершена.

Он снова повернулся к окну, дождь хлестал в стекло. Баллард почти физически ощущал его на голове, на спине: холодный, свежий дождь. В один счастливый миг ему показалось, что он льется вместе с ним, до самой земли, и воздух наполняется запахами, поднятыми ливнем с тротуаров.

— Мироненко сказал, что...

— Забудь Мироненко, — сказал Криппс. — Он мертв. Ты последний из прежней команды. И первый из новой.

Внизу раздался звонок в дверь. Криппс посмотрел из окна на улицу.

— Все в порядке, — сообщил он. — Делегация. Прибыли умолять нас вернуться в Лондон. Ты должен быть польщен.

Он пошел открывать дверь.

— Оставайся здесь. Не нужно, чтобы тебя видели сегодня. Ты утомлен. Пусть подождут, а? Пусть попотеют.

Баллард слышал, как тот спускается по лестнице. В дверь снова звонили. Он встал и подошел к окну. Свет предвечернего неба казался Балларду таким же утомленным, как и он сам; несмотря на нависшее над ним проклятье, он и его город все еще оставались в гармонии. Внизу, на улице, из-за машины появился человек и подошел к входной двери. Наблюдая под острым углом, Баллард все же узнал Саклинга.

В прихожей послышались голоса, с появлением Саклинга обстановка, кажется, стала накаляться. Баллард подошел к двери и прислушался, но его отупевший от медикаментов мозг не воспринимал смысл разговора. Он молил Бога, чтобы Криппс сдержал свое слово и не выдал его. Он не хотел стать таким же монстром, как Мироненко. Какая же это свобода, если ты столь ужасен? Это просто другой вид тирании. Но в таком случае он не желает быть первым в новой ударной

группе Криппса. Он не принадлежит никому, даже самому себе. Он безнадежно потерян. И разве не говорил Мироненко при их первой встрече, что человек, не чувствующий себя потерянным, — действительно потерян? Уж лучше существовать в сумеречном пространстве между одним состоянием и другим, находя компромиссы в сомнениях и двусмысленности, чем испытывать определенность каменной башни.

Голоса внизу становились все более раздраженными. Баллард открыл дверь, чтобы лучше слышать. До него донесся голос Саклинга, язвительный, но и угрожающий.

— Все кончено... — говорил он Криппсу. — ...Ты что, по-английски не понимаешь?

Криппс хотел что-то возразить, но Саклинг грубо оборвал:

— Или ты пойдешь как джентльмен сам, или Гидеон и Шеппард тебя выволокут. Что ты выбираешь?

— В чем дело? — возмутился Криппс. — Ты никто, Саклинг. Ты смешон.

— До вчерашнего дня, — ответил тот. — Теперь кое-что изменилось. Один раз повезет и собаке, не так ли? Ты должен знать это особенно хорошо. На твоем месте я бы надел плащ, на улице дождь.

После минутной паузы Криппс сказал:

— Хорошо. Я иду.

— Послушный мальчик, — издевательски-ласково сказал Саклинг. — Гидеон, пойди проверь наверху.

— Я здесь один, — сказал Криппс.

— Не сомневаюсь, — ответил Саклинг, и снова повернулся к Гидеону. — Пошевеливайся!

Баллард слышал, как кто-то сделал несколько шагов по коридору, и сразу затем резкие движения нескольких человек. Или Криппс совершил попытку к бегству, или набросился на Саклинга, — одно из двух. Саклинг что-то выкрикнул, завязалась борьба. Затем, покрывая шарканье ног, прозвучал выстрел.

Криппс вскрикнул, и послышался звук его падения.

Затем снова голос Саклинга, тонкий от ярости.

— Идиот!

Криппс что-то простонал, но Баллард не разобрал слов. Возможно, он просил добить его, потому что Саклинг ответил:

— Нет. Ты отправишься в Лондон. Шеппард, останови кровотечение. Гидеон — наверх.

Баллард отпрянул от перил, когда Гидеон начал подниматься по лестнице. Он плохо соображал и чувствовал слабость во всем теле. Из этой западни не было выхода. Они загонят его в угол и уничтожат. Ведь он зверь — бешенная собака в западне. Надо было убить Саклинга, когда была такая возможность. Но что бы это дало? В мире полно людей вроде Саклинга, выжидающих время, чтобы обнаружить свое истинное лицо; подлые, недалекие, скрытные людишки. И вдруг как будто зверь пошевелился в нем, он вспомнил и парк, и туман, и улыбку на лице Мироненко и почувствовал прилив горя, оттого что никогда не жил — не жил жизнью монстра.

Гидеон был уже почти наверху. Чтобы отсрочить неизбежное хотя бы на несколько мгновений, Баллард скользнул по коридору и открыл первую попавшуюся дверь. Это оказалась ванная. На двери была задвижка, и он ее закрыл.

В ванной журчала вода. Кусок водосточной трубы оторвался, и на подоконник бежала ручьем дождевая вода. Этот звук и холод в ванной снова напомнили ему о видениях той ночи. Он вспомнил боль и кровь, вспомнил душ — как вода лилась на голову, освобождая его от укрощающей боли. При этой мысли его губы непроизвольно произнесли три слова: «Я не верю».

Его услышали.

— Тут кто-то есть, — крикнул Гидеон, он подошел к двери и ударил в нее. — Открывай!

Баллард слышал его хорошо, но не отвечал. В горле он чувствовал жжение, а в голове снова нарастал гул турбин. В отчаянии он прислонился спиной к двери.

Саклинг моментально поднялся по лестнице и уже стоял за дверью.

— Кто там внутри? — раздался его требовательный голос. — Отвечай! Кто там?

Не получив ответа, он приказал привести Криппса. Опять возникло движение — выполняли его приказ.

— В последний раз... — сказал Саклинг.

Баллард чувствовал, что его череп распирает изнутри. На этот раз нарастающий шум казался смертоносным, глаза

пронзило болью, как будто они сейчас выдавятся из глазниц. Он заметил что-то в зеркале над умывальником — что-то с горящими глазами, и еще раз пришли слова: «Я не верю», но теперь его пылающая глотка не справилась с ними.

— Баллард, — произнес Саклинг с триумфом в голосе. — Боже мой, Баллард тоже здесь. Нам сегодня просто везет.

Ну, нет, подумал человек в зеркале. Здесь не было существа с таким именем. И вообще с именем, ибо не имена ли — первый шаг к догме, первая доска в ящик, в котором ты хоронишь свободу? То, чем он становился, не должно иметь имени; и не должно быть заколочено в ящик; и не должно быть похоронено. Никогда.

На мгновение он потерял из виду зеркало и обнаружил себя парящим над могилой, которую они заставили его копать; и в ее глубине ящик танцевал, когда его содержимое боролось с преждевременным погребением. Он слышал, как трещат доски — или это звук выламываемой двери?

Крышка гроба вылетела. На головы похоронной команды посыпался град гвоздей. Шум в голове, как будто понимая, что экзекуция дала результат, внезапно стих, и вместе с ним исчезло видение. Он снова был в ванной, перед распахнутой дверью. У людей, что уставились на него, отвисла челюсть — видя, во что он превратился. Видя его пасть, его волосы, его золотые глаза и желтые клыки. Их ужас вдохнул в него силу.

— Убей его! — крикнул Саклинг и толкнул Гидеона в дверной пролом. Тот уже достал пушку из кармана и собирался нажать на спуск, но его палец был слишком медленным. Зверь схватил руку, держащую вороненую сталь, и превратил ее в кровавое мясо. Гидеон завизжал, и пошел, шатаясь, вниз по лестнице, игнорируя команды Саклинга.

Зверь поднес лапу к морде и стал втягивать носом запах крови, тут прогремел выстрел, и он почувствовал удар в плечо. Впрочем, Шеппард не успел выстрелить еще раз, перед тем как его жертва рванулась к двери и оказалась возле него. Выронив пистолет, он сделал жалкое движение к лестнице, но зверь, легко ударив его по затылку, раскроил череп. Тот повалился навзничь, наполняя коридор своим

запахом. Забыв про остальных врагов, зверь набросился на мясо и принялся есть.

Кто-то произнес: «Баллард».

Зверь блаженно, одним глотком, проглотил глаза мертвеца, как великолепных устриц.

И вновь, то же слово: «Баллард». Он не стал бы отрываться от своей трапезы, но его слух был задет всхлипываниями. Он был мертв по отношению к себе — но не к горю. Отбросив пищу, он обернулся и посмотрел на коридор.

Плачущий человек лил слезы только из одного глаза, другой, пристально-неподвижный, был неуместно сухим. Но боль в здоровом глазу была неподдельной. В нем было отчаяние, и зверь знал это: слишком близко он был от боли, и эйфория превращения не могла стереть ее полностью. Всхлипывающего человека крепко держал другой человек, приставив пистолет к голове своего пленника.

— Если ты сделаешь еще одно движение, — сказал захватчик, — я разнесу его голову на куски. Ты понимаешь меня?

Зверь облизнулся.

— Скажи ему, Криппс! Это твое дитя. Заставь его понять!

Одноглазый пытался говорить, но слова не слушались его. Кровь из живота струилась сквозь его пальцы.

— Ни одному из вас не нужно умирать, — продолжал захватчик. Зверю не понравилась тональность его голоса; он был навязчивый и коварный. — Вы больше интересны Лондону живыми. Так почему бы тебе не поговорить с ним, Криппс? Скажи, что я не причиню ему вреда.

Плачущий человек кивнул.

— Баллард... — простонал он. Его голос был слабее, чем у другого. Зверь прислушался.

— Скажи мне, Баллард, — сказал он, — что ты чувствуешь?

Зверь не мог понять смысл вопроса.

— Прошу тебя, скажи мне. Просто из любопытства...

— Черт тебя возьми, — сказал Саклинг, плотнее прижимая пистолет. — Здесь не дискуссионный клуб.

— Тебе хорошо? — Криппс не обращал внимания на пушку.

— Заткнись!

— Ответь мне, Баллард. Что ты чувствуешь?

Зверь все смотрел и смотрел в глаза Криппса, полные отчаяния, и постепенно до него стало доходить значение звуков, которые тот издавал, слова становились на свои места, как стекла мозаики. «Тебе хорошо?»— повторял человек.

Баллард услышал, как смеется его глотка, и нашел там несколько звуков, чтобы ответить.

— Да, — сказал он плачущему человеку. — Да. Мне хорошо.

Не успел прозвучать ответ, как рука Криппса метнулась к руке с пистолетом. Что было у него на уме — самоубийство или побег — уже не узнает никто. Палец на спусковом крючке дернулся, и пуля пробила навылет голову Криппса и разбрызгала его мысли по всему потолку. Саклинг отбросил тело и стал поднимать руку с пушкой, но зверь был уже рядом.

Если бы в нем оставалось больше человеческого, Баллард, может быть, заставил бы Саклинга помучиться, но у него не было таких извращенных желаний. Единственная его мысль — сделать врага мертвым наиболее эффективным способом — была реализована двумя короткими смертоносными ударами.

Разделавшись с ним, Баллард подошел к распростертому на полу Криппсу. Его стеклянный глаз не пострадал. Он смотрел неподвижно, уцелевший среди всеобщей бойни. Вынув его из искалеченной головы, Баллард сунул глаз в карман, затем вышел под дождь.

Улицы были в сумерках. Он не знал, в каком районе Берлина оказался, но его внутренние импульсы, освобожденные от рассудка, вели его через тень окраинных улиц к пустырю за городом, посреди которого стояли одинокие развалины. Может быть, кто-то и знал, чем они являлось раньше (аббатством? оперой?) но, как бы то ни было, время пощадило их от разрушения, хотя все остальные здания на несколько сот ярдов вокруг были сровнены с землей. Когда он шел по проросшему булыжнику, ветер сменил направление на несколько градусов и донес до него запах его племени. Их было много, собравшихся под сводами руин. Некоторые,

опершись о стену, курили компанией сигарету, другие обратились в настоящих волков и теперь рыскали в темноте, как призраки с золотыми глазами, иных же можно было бы назвать людьми, если бы не их хвосты.

Хотя он опасался, что имена могут быть запрещены в их клане, все же спросил двух влюбленных, играющих перед совокуплением под стеной, знают ли они человека по имени Мироненко. У самки была гладкая безволосая спина, а с живота свешивалось с десяток полных сосков.

— Слушай, — сказала она.

Баллард прислушался, и уловил чью-то речь, доносящуюся из угла. Голос то умолкал, то вновь слышался. Он пошел на звук и увидел, что посреди стен без крыши, окруженный внимательной аудиторией, держа передними лапами открытую книгу, стоит волк. Некоторые из аудитории направили на Балларда свои светящиеся глаза; оратор умолк.

— Ш-ш, — шикнул на него один. — Товарищ читает.

Оратором был не кто иной, как Мироненко. Баллард пробрался поближе и присоединился к слушающим, и оратор возобновил чтение.

— И Бог благословил их, и Бог рек им: плодитесь, и множьтесь, и заполните землю...

Баллард уже слышал эти слова раньше, но сегодня они звучали по-новому.

— ...и покорите ее, и властвуйте над рыбами морей, и над птицами неба...

Он оглядел круг внимающих, слушая, как слова падают в благодатную почву.

— ...и над всякой тварью, что живет на земле.

Кто-то из зверей зарыдал, совсем рядом.

ЖИЗНЬ СМЕРТИ

Сидя в приемной клиники, Элейн жадно читала свежую газету. Зверь, которого считали пантерой, и который два месяца терроризировал окрестности Эппинг-Фореста, был застрелен и оказался дикой собакой. Археологи в Судане исследовали фрагменты костей, которые, как они полагают, могли бы полностью изменить представления о происхождении человека. Девица, которая однажды танцевала с младшим отпрыском королевской фамилии, была найдена убитой недалеко от Клэпхема, пропал яхтсмен-одиночка, совершавший кругосветное плавание. Она прочитывала сводки о мировых событиях и о житейских с одинаковым пылом — пусть хоть что-нибудь отвлечет ее от предстоящего осмотра — но сегодняшние новости были слишком похожи на вчерашние, изменились только заголовки.

Доктор Сеннет сообщил ей, что заживление идет нормально как изнутри, так и снаружи, и что она вполне может вернуться к своим обязанностям, как только почувствует достаточно психологической уверенности. Ей следует еще раз записаться на прием в первую неделю нового года, сказал он, а затем пройти окончательный осмотр.

Мысль сесть в автобус и вернуться домой казалась ей невыносимой после стольких часов томительного ожидания. Она решила пройти пару остановок пешком: эта прогулка будет для нее полезна.

Однако ее планы оказались слишком смелыми. Уже через несколько минут ходьбы ее начало подташнивать и в нижней части живота появилась тупая боль, так что она свернула с

дороги в поисках места, где можно было бы отдохнуть и попить чаю. Ей не мешало бы и поесть, она это знала, хотя никогда не отличалась хорошим аппетитом, а после операции и подавно. Она побрела дальше. Отыскала небольшой ресторанчик, который не оглашался гомоном посетителей, хотя было уже без пяти час — время ленча. Невысокая женщина с бесцеремонно-искусственными рыжими волосами подала ей чай и омлет с грибами. Она старалась есть, но так и не смогла. Официантка была не на шутку озабочена.

— Вам не нравится пища, — спросила она немного раздраженно.

— О, нет, — уверила ее Элейн, — мне очень нравится.

Тем не менее, официантка выглядела обиженной.

— Будьте любезны, принесите еще чаю, — сказала Элейн.

Она отодвинула тарелку, чтобы официантка ее забрала. Вид пищи, застывшей на безыскусной тарелке, не привлекал ее. Она ненавидела эту свою непрошенную чувствительность: это абсурд, что тарелка с недоеденными яйцами вызывает отвращение, но она ничего не могла с собой поделать. Всюду она находила отголоски своих собственных бедствий. В смертях, во внезапных морозах после мягкого ноября, в луковицах растений на своем подоконнике, в воспоминании о дикой собаке, застреленной в Эппинг-Форесте, о которой она прочитала утром.

Официантка принесла горячего чаю, но так и не забрала тарелку. Элейн ее окликнула; та, нехотя, подчинилась.

Кроме Элейн посетителей больше не осталось, и официантка деловито собирала обеденные меню и готовила столы к вечеру. Элейн сидела и задумчиво смотрела в окно. Пелена зеленовато-серого дыма в считанные минуты заволокла улицу, затмив солнечный свет.

— Опять жгут, — проворчала официантка. — Этот проклятый запах проникает повсюду.

— Что там жгут?

— Там какой-то общественный центр. Они его сносят, и строят новый. Бочка без дна для денежек налогоплательщиков.

Дым и вправду уже проникал в ресторан. Элейн он не показался неприятным: это было сладко-благоухающее напоминание об осени, ее любимом времени года. Заинтересо-

вавшись, она допила чай, расплатилась, и решила побродить и посмотреть, откуда берется дым. Ей не пришлось идти далеко. В конце улицы она нашла небольшой сквер — в нем и располагалось здание. Впрочем, ее ждала одна неожиданность. То, что официантка назвала общественным центром, оказалось на самом деле церковью или, точнее, когда-то ею было. Свинец и шифер уже были содраны с крыши, оголяя небу торчащие брусья, окна без стекол зияли пустотой, дерн исчез с лужайки возле здания, и два дерева там были срублены. Это их погребальный костер производил тот мучительно-сладкий запах.

Вряд ли это здание было красивым, но даже по его остаткам можно было догадаться, что оно обладало какой-то притягательной силой. Его обветренные камни не вписывались в окружающий кирпич и бетон, но участь осажденного (рабочие рвались в бой; бульдозер наготове, жадный до камней) придавала ему некое очарование.

Кое-кто из рабочих заметил, как она стояла и смотрела на них, но не попытался удержать, когда она прошла через сквер к главному входу в церковь и заглянула внутрь. Интерьер, лишенный декоративной кладки, кафедры, скамей, купели и прочего, был просто каменным помещением, не создающим никакой атмосферы и не вызывающим эмоций. Впрочем, кто-то все же нашел там нечто интересное. В дальнем углу церкви спиной к Элейн стоял человек и пристально разглядывал землю. Заслышав шаги, он виновато обернулся.

— О, — сказал он, — я зашел только на минутку.

— Ничего страшного, — ответила Элейн. — Похоже, мы оба вторглись в чужие владения.

Мужчина кивнул. Он был одет скромно — даже невзрачно, — выделялся только его зеленый галстук-бабочка. Черты его лица, несмотря на своеобразный стиль одежды и седые волосы, были на удивление невозмутимыми, как будто ни улыбка, ни хмурые морщины никогда не нарушали их совершенного спокойствия.

— Довольно грустная картина, не так ли? — сказал он.

— Вы бывали раньше в этой церкви?

— Приходилось как-то, — ответил он, — но она никогда не была популярна.

— Как она называется?

— Церковь Всех Святых. Скорее всего, была построена в конце семнадцатого века. Вы интересуетесь церквями?

— Не очень. Просто я увидела дым и...

— Сцена разрушения всем нравится, — сказал он.

— Да, — отозвалась она, — наверное, вы правы.

— Все равно что наблюдать за похоронной процессией. Только не своей, верно?

Она что-то пробормотала в ответ, но мысли ее были уже далеко. Опять клиника. Опять боль и заживление. Опять ее жизнь, спасенная лишь ценой другой, несостоявшейся жизни. *Только не своей.*

— Меня зовут Каванаг, — он шагнул к ней и протянул руку.

— Рада познакомиться, — ответила она. — Я Элейн Райдер.

— Элейн, — сказал он, — замечательно.

— Вы, очевидно, пришли взглянуть в последний раз на это место, прежде чем оно навсегда исчезнет?

— Да, вы правы. Я тут разглядывал надписи на каменных плитах, на полу. Некоторые из них весьма красноречивы. — Он смел ногой строительный мусор с одной из плиток. — Жаль, если все это пропадет. Уверен, что они просто раздробят эти камни, когда начнут вскрывать пол...

Она взглянула под ноги на плитки, разбросанные тут и там. Не все были надписаны, на многих из них просто имена и даты. Но были и надписи. Одна, слева от того места, где стоял Каванаг, содержала почти стертый рельеф, изображающий перекрещенные наподобие барабанных палочек берцовые кости, и краткую фразу: *искупи время.*

— Должно быть, в свое время там устроили потайной склеп, — сказал Каванаг.

— Да, понимаю. А это люди, которые были там погребены.

— Ну, что ж, я тоже не вижу другой причины для этих надписей. Я вот хотел попросить рабочих... — он помолчал, раздумывая. — Боюсь показаться вам не вполне нормальным...

— О чем вы?

— В общем, просто хотел попросить рабочих не разрушать эти занятные камни.

— Думаю, это совершенно нормально, — сказала Элейн. — Они очень красивы.

Он заметно воодушевился ее ответом.

— Пожалуй, прямо сейчас пойду и поговорю с ними. Я ненадолго, вы меня извините?

Оставив ее стоять в центральном нефе как брошенную невесту, он вышел потолковать с одним из рабочих. Она медленно пошла к тому месту, где раньше был алтарь, читая по пути имена. Кому теперь дело до тех людей, что лежат здесь? Они умерли двести лет назад, их ждала не любовь потомков, но забвение. И тут неосознанные надежды на жизнь после смерти, которые она хранила все тридцать четыре года, улетучились, ее больше не отягощали призрачные видения загробной жизни. Однажды, может быть, сегодня, она умрет, как умерли все эти люди, и это не станет событием. Зачем к чему-то стремиться, на что-то надеяться, о чем-то мечтать. Она думала обо всем этом, стоя в круге мутного солнечного света, и была почти счастлива.

Переговорив с бригадиром, вернулся Каванаг.

— Так и есть, там находится склеп, — сказал он. — Но его еще не вскрывали.

— О-о...

Они все еще там, под ногами, подумала она. Прах и кости.

— По-видимому, они пока не могут проникнуть внутрь. Все входы тщательно закрыты. Поэтому они сейчас копают вокруг фундамента. Ищут вход.

— Что, склепы всегда так тщательно закрывают?

— Но не так, как этот.

— Может быть, там вообще нет входа, — предположила она.

Каванаг принял это очень серьезно.

— Может быть, — сказал он.

— Они оставят вам какой-нибудь из этих камней?

Он покачал головой.

— Они говорят, это не их дело. Они здесь мелкая сошка. Очевидно, у них есть специальная бригада, чтобы проникнуть внутрь и перенести останки к новому месту захоронения. Все это должно быть сделано самым пристойным образом.

— Слишком уж многого они хотят, — сказала Элейн, разглядывая камни под ногами.

— Да, пожалуй, — отозвался Каванаг. — В жизни обычно бывает не так. Но тогда, выходит, мы совсем перестали бояться Бога.

— Возможно.

— Как бы то ни было, они предложили мне прийти через пару дней и поговорить с перевозчиками.

Она рассмеялась при мысли о переезжающем доме мертвецов, представив, как они упаковывают свои пожитки. Каваног был доволен своей шуткой, хотя и непроизвольной. На волне успеха, он предложил:

— Может быть, выпьете со мной чего-нибудь?

— Боюсь, что не смогу составить вам подходящей компании, — ответила она. — Я очень устала.

— Мы могли бы встретиться позже, — сказал он.

Она отвела взгляд от его загоревшегося желанием лица. Что ж, он довольно приятен, хоть и незатейлив. Ей нравился его зеленый галстук — как усмешка на фоне его общей непритязательности, — и его серьезность. Но она не могла представить себя в его обществе, во всяком случае, сегодня. Она извинилась, объяснив, что еще не оправилась после болезни.

— Тогда, может быть, завтра? — поинтересовался он вежливо. Отсутствие нажима в его предложении казалось убедительным, и она сказала:

— Да, с удовольствием. Спасибо.

Перед тем как расстаться, они обменялись телефонами. Забавно было видеть, как он уже предвкушает их свидание, она почувствовала, что, несмотря на все выпавшие на ее долю беды, все еще остается женщиной.

Вернувшись домой, она обнаружила посылку от Митча и голодную кошку у порога. Накормив страждущее животное, она приготовила кофе и вскрыла посылку. Там, упакованный в бумагу, лежал шарф, как раз на ее вкус, — невероятная интуиция Митча и на этот раз не подвела. В записке было только: *Это твой цвет. Я люблю тебя. Митч.* Она хотела тут же схватить телефон и позвонить ему, но вдруг мысль услышать его голос показалась ей опасной. Он обязательно спросит, как она себя чувствует, а она ответит, что все в порядке. Он усомнится: *хорошо, но все-таки?* Тогда она скажет: я пустая, они вытащили из меня половину внутренностей, черт бы тебя побрал, и у меня уже никогда не будет ребенка ни от тебя, ни от кого другого, понял? От одной только мысли о разговоре с ним ее начали душить слезы, и в порыве необъяснимого гнева она затолкала шарф в шелестящую бумагу и сунула его в

самый глубокий ящик комода. Черт с ним, не сейчас надо было делать такие вещи. Раньше, когда она так нуждалась в нем, он все твердил лишь о своем отцовстве, и как ее опухоли мешают ему в этом.

Вечер был ясным, холодная кожа неба растянулась от края до края. Ей не хотелось задергивать шторы в передней, потому что сгущающаяся синева была слишком прекрасна. Так она сидела у окна и смотрела на сумерки. Лишь когда угас последний штрих, она задернула потемневшее полотно.

У нее не было аппетита, тем не менее она заставила себя немного поесть и с тарелкой села к телевизору. Еда все не кончалась, она убрала поднос и задремала, слушая телевизор лишь урывками. Она уже прочла обо всем, что ей было нужно, утром: заголовки не изменились.

Впрочем, одно сообщение привлекло ее внимание: интервью с яхтсменом-одиночкой, Майклом Мейбьюри, которого подобрали после недельного дрейфа в Тихом Океане. Интервью передавали из Австралии, и качество передачи было плохим, бородатое и сожженное солнцем лицо Мейбьюри то и дело пропадало. Изображение почти отсутствовало: его рассказ о неудавшемся плавании воспринимался только со слуха, в том числе и о событии, которое, кажется, глубоко потрясло его. Он попал в штиль и, поскольку его судно не имело мотора, вынужден был ждать ветра. Но его все не было. Прошла уже неделя, а он не сдвинулся ни на километр, океан был безразличен к его судьбе, ни птица, ни проходящее судно не нарушало безмолвия. С каждым часом он все сильнее чувствовал клаустрофобию, и на восьмой день его охватила паника. Обвязав себя тросом, он отплыл от яхты, чтобы вырваться из тесного пространства палубы. Но, отплыв от яхты и наслаждаясь теплым спокойствием воды, он не захотел возвращаться. А что, если развязать узел, подумал он, и уплыть совсем?

— Почему у вас возникла такая странная мысль? — спросил репортер.

Мейбьюри нахмурился. Он достиг кульминации в своем рассказе, но явно не желал продолжать. Репортер повторил вопрос.

Наконец, запинаясь, он начал говорить.

— Я оглянулся на яхту, — сказал он, — и увидел, что кто-то стоит на палубе.

Репортер, не поверив своим ушам, переспросил:

— Кто-то стоит на палубе?

— Да, это так, — сказал Мейбьюри. — Там кто-то был. Я видел фигуру совершенно отчетливо: она передвигалась по палубе.

— Вы... Вы разглядели, кто был этот безбилетный пассажир? — последовал вопрос.

Мейбьюри помрачнел, догадываясь, что его рассказ будет воспринят с недоверием.

— Так кто же это был? — не унимался репортер.

— Не знаю, — ответил Мейбьюри. — Наверное, Смерть.

— Но вы ведь, в конце концов, вернулись на яхту.

— Конечно.

— И никаких следов?

Мейбьюри посмотрел на репортера, в его взгляде было презрение.

— Но ведь я пережил это, не так ли?

Репортер пробормотал, что это ему не вполне понятно.

— Я не тонул, — сказал Мейбьюри. — Я мог бы умереть, если бы захотел. Отвязал бы трос, и утонул.

— Но вы этого не сделали. А на следующий день...

— На следующий день поднялся ветер.

— Это необычайная история, — сказал репортер, довольный, что самая душещипательная часть интервью позади. — Вы должно быть, уже предвкушаете встречу со своей семьей, как раз под Рождество...

Элейн не слышала заключительного обмена остротами. Мысленно она была привязана тонким тросом к своей комнате, ее пальцы перебирали узел. Если Смерть может найти лодку в пустыне Тихого Океана, то почему не может найти ее. Сидеть рядом с ней, когда она спит. Подстерегать ее, когда она предается своему горю. Она встала и выключила телевизор. Квартира мгновенно погрузилась в безмолвие. Срывающимся голосом она крикнула в тишину, но никто не ответил. Вслушиваясь, она ощутила соленый вкус во рту. Океан.

Выйдя из клиники, она получила сразу несколько приглашений отдохнуть и оправиться после болезни. Отец предлагал ей поехать в Абердин, сестра Рейчел звала на несколько недель в Букингемшир, наконец, был жалостливый звонок от Митча — приглашал провести отпуск вместе. Она

отказала им всем, сказав, что ей, мол, нужно как можно скорее восстановить привычный ритм жизни: вернуться к работе, к коллегам и друзьям. На самом деле причины были глубже. Она *боялась* их сострадания, боялась, что слишком к ним привяжется и станет во всем полагаться на них. Природная склонность к независимости, которая в свое время привела ее в этот неприветливый город, вылилась в осмысленный вызов всеподавляющему инстинкту самосохранения. Она знала, что если уступит нежности их призывов, то наверняка пустит корни в отеческую землю и ничего не увидит вокруг еще целый год. И кто знает, какие события пройдут мимо нее!

Итак, достаточно оправившись, она вернулась к работе, рассчитывая, что это поможет ей восстановить нормальную жизнь. Но какие-то ее навыки были утеряны. Каждые несколько дней что-нибудь да происходило — она могла прослушать какую-нибудь реплику, или поймать на себе взгляд, которого не ожидала, — и это заставило ее понять, что к ней относятся с какой-то настороженной предупредительностью. Ей хотелось плюнуть в лицо своим подозрениям, сказать, что она и ее матка — вовсе не одно и то же, и что удаление последней не так уж трагично.

Но сегодня по дороге в офис она не была уверена, что они так уж ошибаются. Элейн казалось, что она не спала уже неделю, хотя в действительности она спала долго и глубоко каждую ночь. Из-за огромной усталости ее глаза слипались, и все в тот день виделось ей как-то отдаленно, словно она отплывает все дальше и дальше от своего рабочего стола, от своих ощущений, от своих мыслей. Дважды в то утро она обнаруживала, что говорит сама с собой, а потом удивлялась, кто же это говорил. Это, конечно, была не она: она слишком внимательно слушала.

А потом, после обеда, все пошло как нельзя хуже. Ее вызвали в офис управляющего и предложили сесть.

— Ну, как дела, Элейн? — спросил мистер Чаймз.

— Все в порядке, — ответила она.

— Тут небольшое дело...

— Что за дело?

Чаймз, казалось, был в затруднении.

— Ваше поведение, — наконец сказал он. — Ради Бога, Элейн, не подумайте, что я вмешиваюсь в чужие дела.

Просто вам, видимо, нужно еще время, чтобы окончательно восстановить силы.

— Я в полном порядке.

— Но ваши рыдания...

— Что?

— То, как вы сегодня целый день плачете. Это беспокоит нас.

— Я плачу? — удивилась она. — Я не плачу.

Управляющий был озадачен.

— Но вы плачете уже целый день. Вы и сейчас плачете.

Элейн судорожно поднесла руку к щеке. Да, так и есть, она *действительно* плакала. Ее щеки были мокрыми. Она встала, потрясенная своим собственным поведением.

— Я... Я не знала, — проговорила она. Хотя слова звучали нелепо, они были правдой. Она действительно не знала. Только сейчас, поставленная перед фактом, она ощутила соленый вкус в горле: и с этим вкусом пришло воспоминание, что все это началось прошлым вечером перед телевизором.

— Почему бы вам не отдохнуть денек?

— Да, конечно.

— Отдохните неделю, если хотите, — сказал Чаймз. — Вы полноправный член нашего коллектива, Элейн, в этом нет никаких сомнений. Мы не хотим, чтобы вы как-то пострадали.

Последняя фраза больно ударила ее. Неужели они думают, что она склонна к самоубийству? Не потому ли они с ней так заботливы? Бог свидетель, это были всего лишь слезы, к которым она была настолько безразлична, что даже не замечала их.

— Я пойду домой, — сказала она. — Спасибо за вашу... за ваше участие.

Управляющий посмотрел на нее сочувственно.

— Должно быть, вам пришлось многое пережить, — сказал он. — Мы все это понимаем, хорошо понимаем. Если у вас возникнет потребность поговорить об этом, то в любое время...

Ей хотелось поговорить, но она поблагодарила его еще раз и вышла.

Перед зеркалом в уборной она поняла, наконец, что и в самом деле ужасно выглядит. Кожа горела, глаза опухли. Она сделала, что могла, чтобы скрыть следы этого недомо-

гания, надела пальто и пошла домой. Но, добравшись до подземки, она осознала, что возвращение в пустую квартиру — не очень правильный шаг. Она снова будет терзаться своими мыслями, снова будет спать (она и так очень много спала эти дни, и совершенно без сновидений), но так и не обретет душевного равновесия. Колокол с часовни Святого Иннокентия, разливая звон чистому и ясному дню, напомнил ей о дыме, сквере и мистере Каванаге. Она решила, что это как раз подходящее место, чтобы прогуляться и развеяться. Наслаждаться солнцем и думать. Не исключено, что она встретит там своего ухажера.

Она довольно быстро нашла дорогу к Церкви Всех Святых, но там ее ждало разочарование. Рабочая площадка была окружена кордоном, там находилось несколько полицейских постов, между ними находилось красное флуоресцирующее заграждение. Площадку охраняло не менее четырех полицейских, которые направляли прохожих в обход сквера. Рабочие со своими кувалдами были изгнаны из-под сени Всех Святых, и теперь в зоне за ограждением находилось множество людей в форме и штатских, одни что-то глубокомысленно обсуждали, другие стояли среди мусора и разглядывали несчастную церковь. Южный неф и большая площадь вокруг него были скрыты от глаз любопытных брезентом и черным пластиковым покрытием. Время от времени кто-нибудь высовывался из-за этой завесы и переговаривался со стоящими на площадке. Все они, как она заметила, были в перчатках; на некоторых были также и маски. Это выглядело так, как будто они делают какую-то необычную хирургическую операцию под защитным экраном. Может, у Всех Святых тоже опухоль в кишках?

Она подошла к одному из полицейских.

— Что там происходит?

— Фундамент неустойчив, — сказал тот. — Здание может рухнуть в любую минуту.

— Почему они в масках?

— Это просто мера предосторожности против пыли.

Она не стала спорить, хотя ответ показался ей неубедительным.

— Если вам нужно на Темпл-стрит, обойдите вокруг, — сказал полицейский.

Больше всего ей хотелось стоять и смотреть, что будет дальше, но она побаивалась соседства с этой четверкой в форме, поэтому решила не искушать судьбу и отправилась домой. Не успела она выйти на главную улицу, как заметила неподалеку на перекрестке знакомую фигуру. Ошибки быть не могло — Кавanаг. Она окликнула его, хотя он уже почти скрылся из виду, и, как она отметила не без удовольствия, он все же вернулся и приветливо ей кивнул.

— Просто здорово, — сказал он, пожимая ей руку. — Признаться, не ожидал увидеть вас так скоро.

— Я приходила взглянуть на остатки церкви, — ответила она.

Его лицо зарумянилось от мороза, и глаза блестели.

— Я так рад, — сказал он. — Не откажетесь от чашки чаю? Здесь как раз неподалеку.

— С удовольствием.

По дороге она спросила, что ему известно о происходящем с Церковью Всех Святых.

— Это все из-за склепа, — сказал он, подтверждая ее подозрения.

— Они его вскрыли?

— Точно известно, что они нашли вход. Я был там утром.

— По поводу ваших камней?

— Именно так. Но они уже успели к тому времени все накрыть брезентом.

— Некоторые из них в масках.

— Думаю, там внизу воздух не самый свежий. Слишком много времени прошло.

Ей вспомнилась брезентовая завеса — между ней и тайной:

— Интересно, что бы там могло быть?

— Страна чудес, — ответил Кавanаг.

Хотя ответ был довольно непонятным, она не стала переспрашивать, во всяком случае сразу, но позже, когда они разговаривали уже целый час и она чувствовала себя свободнее, снова вернулась к его словам.

— Вы что-то говорили о склепе...

— Что?

— Что там страна чудес.

— Я так говорил? — он немного замешкался. — Что я такого сказал?

— Вы просто немного меня заинтриговали. Мне было интересно, что вы имели в виду.

— Мне нравится бывать там, где мертвые, — сказал он. — Всегда нравилось. Кладбища могут быть очень красивы, вы никогда не думали об этом? Мавзолеи, надгробья, потрясающее мастерство, с которым они сделаны. Даже мертвые могут иногда вознаградить внимательный взгляд.

Он посмотрел на нее, чтобы убедиться, что ее не покоробило от этих слов, но, встретив лишь спокойную заинтересованность, продолжал.

— Временами они могут быть очень красивы. Есть в них что-то магическое. Досадно, что все это пропадает зря среди гробовщиков и распорядителей похорон, — он лукаво прищурился. — Уверен, в этом склепе есть на что посмотреть. Странные знаки. Удивительные знаки.

— Я только однажды видела покойника. Свою бабушку. Я тогда была очень маленькой.

— Наверно, это самое сильное воспоминание вашей жизни.

— Нет, не думаю. По правде говоря, я плохо все это помню. Я помню только, что все плакали.

— Да-а.

Он глубокомысленно покачал головой.

— Это так эгоистично, — сказал он, — вам не кажется. Отравлять последнее прощание соплями и всхлипами.

Он вновь посмотрел на ее реакцию, и вновь с удовлетворением убедился, что она слушает спокойно.

— Мы ведь плачем по себе, не так ли? Не по покойнику. Покойнику уже ничего не нужно.

Она тихо ответила:

— Да, — и потом громче: — Бог свидетель, это так. Всегда только по себе...

— Вы видите, сколь многому мертвые могут научить, не ударив костью о кость?

Она рассмеялась, он присоединился к ее смеху. Она ошиблась при первой их встрече, полагая, что он никогда не улыбается; это было не так. Но едва смех затих, черты его лица вновь обрели то мрачное спокойствие, которое она отметила при первой встрече.

Еще через полчаса своих замысловатых фраз он заторопился по делам. Она поблагодарила его за компанию и сказала:

— Я не смеялась уже несколько недель. Я вам очень благодарна.

— Вам нужно смеяться, — ответил он. — Это вам к лицу.

Затем добавил:

— У вас прекрасные зубы.

После его ухода, она все думала об этом его странном замечании, а также о дюжине других, что он наговорил в тот день. Вне сомнения, он был одним из самых неординарных людей, которых она когда-либо встречала, но в ее жизнь он вошел только сейчас — со своим безудержным желанием говорить о склепах, мертвецах и красоте ее зубов. Он совершенно отвлек внимание от ее нынешних заскоков, выставляя их незначительными по сравнению с его собственными. Домой она шла в приподнятом настроении. Если бы она не знала себя слишком хорошо, то могла бы подумать, что немного в него влюбилась.

По дороге домой и потом вечером она думала главным образом о той его шутке, насчет мертвецов, ударяющих костью о кость, и эти мысли неизбежно привели ее к тайнам, скрывающимся в склепе. Раз возникнув, ее любопытство не могло угомониться; в ней неуклонно росло убеждение, что она во что бы то ни стало должна проскользнуть сквозь заграждения и увидеть место захоронения собственными глазами. Раньше она не давала волю этому своему желанию. (Сколько раз она уходила с места событий, укоряя себя за излишнюю любознательность!) Но Каванаг узаконил ее страсть своим ужасающим энтузиазмом относительно кладбищенских тайн. И вот теперь, когда табу было снято, она захотела вернуться к Церкви Всех Святых и заглянуть Смерти в лицо, а встретив в следующий раз Каванага, у нее будет что ему рассказать. Идея, только зародившись, дала буйные всходы, и поздним вечером она оделась и устремилась к скверу.

Было уже почти двенадцать, когда она добралась, наконец, до Церкви Всех Святых, но там еще продолжались работы. Прожекторы, смонтированные на опорах и на стене самой церкви, освещали место действия. Трое техников (перевозчики, как их назвал Каванаг) с измученными лицами и тяжелым морозным дыханием стояли перед брезентовым покрытием. Спрятавшись, она наблюдала за ходом событий. Ее начинал пробирать холод, и рубцы от операции

заныли, но было ясно, что вечерняя работа возле склепа близится к концу. Перебросившись парой фраз с полицейскими, техники удалились. Покидая площадку, они оставили гореть только один прожектор: церковь, брезент и смерзшаяся грязь погрузились в причудливую игру теней.

Двое полицейских, выставленных в охрану, не очень заботились о своих обязанностях. Какому идиоту взбредет в голову грабить могилы в такое время, не без оснований рассуждали они, и при таком морозе? Отбив несколько минут чечетку на улице, они ретировались в относительный комфорт рабочего домика. Когда они перестали маячить, Элейн выбралась из своего укрытия и с максимальной осторожностью двинулась к заграждению, отделяющему одну зону от другой. В домике играло радио, его звуки (музыка с утра до ночи для влюбленных, проворковал далекий голос) заглушали скрип шагов по схваченной морозом земле.

Проникнув за кордон на запретную территорию, она пошла более решительно. Быстро пересекла твердую землю и притаилась возле церкви. Прожектор бил ярким светом, в его лучах дыхание казалось таким же плотным, как дым, что она видела вчера. Музыка для влюбленных продолжала мурлыкать где-то сзади. Никто не вышел из домика, чтобы воспрепятствовать ее вторжению. Не было никаких сирен. Она спокойно добралась до края брезентового покрытия и заглянула под него.

Судя по тщательности, с какой работали землекопы, они получили инструкцию копать ровно на восемь футов по периметру Церкви Всех Святых, чтобы отрыть фундамент. Так они отрыли вход в усыпальницу, который в свое время был тщательно спрятан. Не только наваленная возле стены земля скрывала его, но и сама дверь в склеп была удалена, и каменщики замуровали весь проем. Очевидно, все это делалось на скорую руку, работа была грубой. Они просто завалили проход первыми попавшимися под руку камнями и замазали плоды своих усилий известковым раствором. Хотя раскопки сильно попортили известковое покрытие, на нем все же просматривался нацарапанный кем-то шестифутовый крест.

Однако все их старания — спрятать склеп и предохранить его крестом от безбожников — были тщетны. Печать с тайны была сорвана: известь соскоблена, камни выворочены. В

середине дверного проема зияла брешь, достаточно большая, чтобы проникнуть внутрь. Без колебаний Элейн слезла по земляному склону и протиснулась в дыру.

Она ожидала, что внутри будет темно, и прихватила с собой зажигалку, которую три года назад ей подарил Митч. Сделав пламя побольше, она принялась изучать обстановку, выхватываемую неровным колеблющимся светом. Собственно, это был еще не склеп, а своего рода вестибюль: в ярде впереди себя она увидела другую стену, и другую дверь. Эта дверь не была замурована камнями, но на ней чья-то рука тоже нацарапала крест. Она подошла к двери. Замок был снят, видимо, землекопами, и на его месте была намотана веревка. Сделано это было второпях, усталыми руками. Развязать веревку не составило большого труда, и последняя преграда на пути к Мраку была убрана.

Уже распутав узел, она услышала голоса. Полицейские, черт бы их побрал, покинули свой домик и, несмотря на ужасную погоду, начали делать обход. Она оставила веревку и вжалась в стену вестибюля. Голоса полицейских приближались. Теперь они были не дальше нескольких ярдов от входа в склеп (или ей так казалось), стоя под брезентовым навесом. Впрочем, они не собирались спускаться вниз и закончили свой осмотр на обрыве перед спуском. Их голоса стихли.

Довольная тем, что осталась незамеченной, она вновь включила зажигалку и вернулась к двери. Дверь была большой и невероятно тяжелой, первая попытка сдвинуть ее с места потерпела неудачу. Она налегла еще раз, и теперь дверь, скрипя по гравию, сдвинулась. Наконец, дверь открылась настолько, чтобы можно было протиснуться внутрь. Пламя зажигалки колыхнулось, как будто что-то дохнуло на него оттуда; на мгновение цвет его стал не желтым, а электрически-голубым. Впрочем, она не стала из-за этого задерживаться и скорее протиснулась в обещанную страну чудес.

Теперь пламя было ярче и приобрело синевато-багровый цвет, и на какое-то время его блеск ослепил ее. Она зажмурилась, а затем осмотрелась вокруг.

Итак, это была Смерть. Не было здесь ни искусства, ни зачарованности, о которых говорил Каванаг, ни окутанных саваном безмолвия изваяний на холодных мраморных пли-

тах, ни пышных гробниц, ни афоризмов о бренности человеческой природы, не было даже имен и дат. Многие из покойников даже не имели гробов.

Повсюду лежали сваленные в кучу тела: целые семьи были втиснуты в ниши, рассчитанные на одно место, остальные десятками валялись там же, где были торопливо брошены равнодушными руками. Вся картина — хотя и абсолютно неподвижная — была пронизана паникой. Она сквозила в лицах брошенных на полу мертвецов: рты широко раскрыты в беззвучном протесте, углубления от высохших глаз, казалось, зияют ужасом. Похоже было также, что система захоронений в дальнем углу была превращена сначала в свалку грубо сколоченных гробов, с одним только крестом на крышке, а затем в это нагромождение трупов; ритуалы и даже самый обряд погребения — все было забыто в нарастающей истерии.

Произошло какое-то несчастье, это несомненно; внезапный наплыв мертвецов — мужчин, женщин, детей (прямо у нее под ногами лежал ребенок, не проживший и одного дня), — которые умирали в таких количествах, что не было времени даже закрыть им глаза, перед тем как они найдут последнее пристанище в этом подземелье. Возможно, что гробовщики также умерли, и были брошены здесь среди своих клиентов: как и изготовители саванов, и священники. Все произошло за один апокалиптический месяц (или неделю), уцелевшие родственники были слишком потрясены или слишком напуганы, чтобы соблюдать церемонии, и стремились лишь поскорее убрать покойников с глаз долой, и никогда больше не видеть их мертвой плоти.

Этой плоти в склепе было предостаточно. Склеп, замурованный и недоступный для разрушительного воздуха, сохранил своих обитателей в неприкосновенности. Теперь же, сокрушив замкнутость этой тайной обители, Разложение и Распад снова принялись за свое, пожирая ткани. Повсюду она видела гниение за работой: язвы и нагноения, волдыри и прыщи. Она увеличила пламя, чтобы лучше видеть, хотя зловоние, вызванное разложением, стало настолько сильным, что она почувствовала головокружение. Куда бы она ни светила, всюду была та же скорбная картина. Двое детей лежали рядом, как будто бы спали в объятиях друг друга, женщина, которая в последнюю минуту, похоже, решила

накрасить свое безобразное лицо, словно готовилась к брачному ложу, а не к смертному.

Хотя и не было в этом никакой таинственности, она все же застыла в изумлении. Здесь было на что посмотреть. Увидев все это, она уже никогда не останется такой, какой была прежде. Одно из тел, наполовину закрытое другим, особенно привлекло ее внимание: женщина, с длинными каштановыми волосами, которые так густо спадали с ее головы, что Элейн невольно ей позавидовала. Она подошла ближе, чтобы разглядеть, затем, окончательно поборов отвращение, крепко взялась за труп, лежащий на женщине, и оттащила его. Труп был сальным на ощупь, испачкав ей пальцы, но это ее не смутило. Тело женщины лежало с широко раскинутыми ногами, причем постоянный вес ее напарника привел их в какое-то неестественное положение. Кровь из раны, от которой она умерла, попала ей на бедра и приклеила юбку к животу и паху. Элейн было интересно, скончалась ли она от преждевременных родов, или какая-то болезнь свела ее в могилу. Она все вглядывалась и вглядывалась, наклоняясь все ниже и силясь уловить прощальный взгляд на полусгнившем лице женщины. Лежишь в таком месте, подумала она, а твоя кровь все еще тебя позорит. Когда она увидит Каванага в следующий раз, то обязательно скажет ему, насколько он был неправ со своими сентиментальными сказками о тишине и спокойствии на том свете.

Она видела уже достаточно, более чем достаточно. Вытерев руки о пальто, она направилась к двери, закрыла ее и замотала веревку так, как было раньше. Затем взобралась по склону и вышла на чистый воздух. Полицейских нигде не было видно, и она проскользнула обратно незамеченной.

Ее уже ничто не могло тронуть, коль скоро она сумела подавить возникшее было естественное чувство отвращения и тот приступ жалости при виде детей и женщины с каштановыми волосами; но даже и эти эмоции — жалость и отвращение — были ей подвластны. Глядя на бегущую за машиной собаку, она испытывала больше чувств, чем в склепе Церкви Всех Святых, несмотря на все его ужасы. Ложась в тот день спать, она не чувствовала ни трепета, ни отвращения, она ощущала себя сильной. Что вообще теперь может ее испугать, если она так спокойно вынесла видение

смерти? Она спала глубоко, и на следующий день чувствовала себя превосходно.

В то утро она вышла на работу и, извинившись перед Чаймзом за свое вчерашнее поведение, уверила его, что чувствует себя как никогда хорошо. Чтобы окончательно реабилитироваться, она старалась быть как можно более общительной, раздавая улыбки направо и налево. Сначала это вызывало некоторое сопротивление, она догадывалась, что сослуживцы боятся принимать первый проблеск солнца за настоящее лето. Но она не изменила свое поведение ни в этот день, ни в следующий, и они начали понемногу оттаивать. К четвергу никто уже не помнил о слезах, пролитых ею на неделе. Все говорили ей, как хорошо она выглядит. И это было правдой — зеркало это подтверждало. Ее глаза сияли, ее кожа блестела. Вся она была олицетворением жизненной силы.

В четверг после обеда, когда она сидела за своим рабочим столом и разбирала бумаги, прибежала одна из секретарш и начала, заикаясь, что-то рассказывать. Ее окружили, и сквозь всхлипы стало ясно, что речь идет о Бернис, женщине, с которой Элейн лишь обменивалась улыбками на лестнице, не более того. Похоже, с ней что-то случилось: секретарша говорила о крови на полу. Элейн встала и присоединилась к тем, кто пошел посмотреть, из-за чего сыр-бор. Управляющий уже стоял возле женской уборной, тщетно пытаясь унять любопытство сотрудниц. Кто-то — кажется, еще один свидетель — излагал свою версию случившегося:

— Она просто стояла вон там, и вдруг ее затрясло. Думаю, у нее начался какой-то припадок. Из носа пошла кровь, потом изо рта, и залила все вокруг.

— Нечего вам здесь делать, — настаивал Чаймз. — Пожалуйста, расходитесь.

Но никто его не слушал. Были разложены одеяла, чтобы вынести женщину, и, как только дверь в туалет открылась, все подались вперед. Элейн мельком увидела фигуру, корчащуюся в конвульсиях на полу. Ей не хотелось смотреть, что будет дальше. Оставив толпящихся в коридоре, Элейн вернулась за свой стол. У нее была уйма работы — так много упущено за эти горькие дни. В голове пронеслась подходящая фраза: *искупи время*. Она записала ее в свою записную книжку как напоминание. Откуда она взялась? Она не могла

вспомнить, но это было неважно. Иногда в забывчивости есть мудрость.

Вечером ей позвонил Каванаг и пригласил на ужин. Ей очень хотелось рассказать ему о своих подвигах, но все же она отказалась, так как в тот день намечалась небольшая вечеринка — друзья решили отпраздновать ее выздоровление. Может быть, он присоединится к ним спросила она. Он поблагодарил за приглашение, но заявил, что большое количество людей всегда пугает его. Она сказала, что это ерунда: ее друзья будут рады познакомиться с ним, а ей будет приятно его представить, на что он ответил, что придет только в том случае, если его внутреннее «я» на это согласится, а если не придет, то просит на него не обижаться. Она попыталась рассеять его сомнения. В конце разговора она хитро намекнула, что при следующей встрече расскажет ему кое-что интересное.

Следующий день принес плохие новости. Бернис умерла в пятницу рано утром, так и не приходя в сознание. Причина смерти до сих пор не была установлена, хотя в офисе ходили слухи, что она всегда была болезненной — первой среди секретарш простужалась и последней выздоравливала. Был и другой слух, правда, менее популярный, насчет ее личной жизни. Она была довольно смазлива, и весьма неразборчива в выборе партнеров. Не в венерическом ли заболевании, разросшемся до общего заражения, и кроется причина ее смерти?

Эта новость, хотя и давшая работу сплетникам, плохо повлияла на общий психологический климат. Две девушки в то утро сказались больными, а за обедом аппетит был, похоже, только у Элейн. Но уж она ела за троих. Она была голодна, как волк; казалось, ее аппетит носит какой-то патологический характер. Это было приятно, после стольких месяцев апатии. Когда она оглянулась вокруг на унылые лица сослуживцев, то почувствовала острую неприязнь к ним всем: к их дурацкой болтовне и примитивным суждениям, к тому, как они обсуждают внезапную смерть Бернис, как будто никогда в жизни не задумывались о таких вещах, и были изумлены, что такое может случиться.

Элейн знала это лучше. Так часто за последнее время она была на грани смерти: в течение долгих месяцев, при-

ведших к гистерэктомии, когда опухоли, словно почувствовав, что на них покушаются, вдруг увеличились вдвое; на операционном столе, когда хирурги дважды отчаивались ее спасти; и вот недавно, в склепе, лицом к лицу с гниющими трупами. Смерть была повсюду. То, что она так неожиданно ворвалась в их милую компанию, показалось Элейн исключительно забавным. Она ела с вожделением, и пусть себе шушукаются о чем угодно.

На вечеринку они собрались в доме Рубена — Элейн, Гермиона, Сэм с Нелвин, Джош и Соня. Это было прекрасно — увидеть старых друзей за одним столом, когда ранги и амбиции ничего не значат. Все быстро захмелели, языки, уже заплетающиеся в фамильярностях, становились еще более заплетающимися. Нелвин произнесла трогательный тост в честь Элейн, Джош и Соня обменялись язвительными замечаниями по поводу протестантизма, Рубен разыграл сценку о приятелях-адвокатах. Было чудесно, как в старые добрые времена, и воспоминания только украшали их отношения. Каванаг не появлялся, и Элейн была этому рада. Несмотря на свои протесты, она понимала, что он потерялся бы в их теплой компании.

Уже за полночь, когда все разбрелись, непринужденно беседуя между собой, Гермиона упомянула о яхтсмене. Хотя она была в другом конце комнаты, Элейн слышала его имя вполне отчетливо. Прервав разговор с Нелвин, она направилась, переступая через ноги, к Гермионе и Сэму.

— Я услышала, вы говорили о Мейбьюри, — сказала она.

— Да, — ответила Гермиона, — мы с Сэмом как раз говорили, как все это странно.

— Я видела его в программе новостей, — сказала Элейн.

— Печальная история, — отозвался Сэм. — Так все это странно.

— Почему печальная?

— Он говорил о Смерти, которая была с ним на лодке...

— А потом он умер, — добавила Гермиона.

— Умер? — переспросила Элейн. — Откуда это известно?

— Это было во всех газетах.

— Мне было не до газет, — ответила Элейн. — Что же произошло?

— Он был убит, — сказал Сэм. — Его везли в аэропорт, чтобы отправить домой, и там произошел инцидент. Его убили вот так, — он щелкнул пальцами, — за здорово живешь.

— Как печально, — вздохнула Гермиона.

Она посмотрела на Элейн, и ее лицо вытянулось в недоумении. Элейн смутилась, но лишь до тех пор, пока не поняла — с тем же чувством потрясения, которое она испытала в офисе Чаймза, — что она улыбается.

Итак, яхтсмен умер.

Когда на следующее утро вечеринка подошла к концу, когда после прощальных объятий и поцелуев она снова была дома, — ее не покидали мысли о последнем интервью Мейбьюри, вызывая в памяти обожженное солнцем лицо и взгляд, обесцвеченный океанской пустыней, где он чуть не остался навсегда. Она думала о его каком-то странном замешательстве, когда он рассказывал о своем безбилетном пассажире. И, конечно, о тех его последних словах, когда его попросили объясниться:

— Наверное, Смерть, — сказал он.

Он не ошибся.

В субботу она встала поздно, не чувствуя похмелья. Ее ждало письмо от Митча. Она не стала его вскрывать, оставив на камине до удобного случая. Первый снег кружился в воздухе, слишком мокрый, чтобы оставить какой-то след на улицах. Впрочем, судя по недовольству на лицах прохожих, морозец был немалый. Она же чувствовала, что ей мороз нипочем. Хотя ее квартира не отапливалась, она расхаживала по ней в одном халате, босая, как будто у нее в животе была печка.

После кофе она пошла умываться. Паук уже успел свить на плафоне свою сеть. Она ее смела и спустила в унитаз, потом снова вернулась к раковине. Раньше, раздеваясь, она избегала смотреться в зеркало, но сегодня сомнения и предрассудки, кажется, были отброшены. Она сняла халат и критически себя осмотрела.

Она была приятно удивлена. Грудь была полной и смуглой, кожа на ней красиво блестела, волосы на лобке вились более густо, чем обычно. Шрам от операции все еще был болезненным, но его мертвенная бледность тешила ее часто-

любие, как будто теперь изо дня в день ее женское начало будет расти от заднего прохода до пупка (а может, и дальше), раскрывая ее пополам.

Это было невероятно, но именно сейчас, когда хирурги выпотрошили ее, она чувствовала себя как никогда крепкой и сильной. Не менее получаса она стояла перед зеркалом, наслаждаясь своим видом, ее мысли были где-то далеко. Наконец она снова вернулась к умывальнику, потом пошла в комнату, все еще совершенно нагая. Она не хотела скрывать свою наготу, скорее наоборот. Она с трудом удержалась, чтобы не выйти тут же на улицу: пусть знают, с кем имеют дело.

Занятая подобными мыслями, она подошла к окну. Снег усилился. Сквозь метель она заметила какое-то движение между соседними домами. Там кто-то был, и смотрел на нее, но она не могла понять, кто. Она наблюдала за наблюдающим, думая, что он все-таки обнаружит себя, но он так и не показался.

Так она простояла несколько минут, пока не догадалась, что ее нагота отпугнула его. Разочарованная, она вернулась в спальню и оделась. Теперь ей снова захотелось есть; она ощутила уже знакомое чувство неистового голода. В холодильнике было почти пусто. Надо было пойти и купить что-нибудь на уикенд.

Супермаркет был запружен народом, была суббота, но толкотня не испортила ей настроения. Сегодня ей даже нравилось наблюдать эту сцену массового потребления: эти тележки и корзины, набитые продуктами; детей, глаза которых жадно загорались при виде сладостей, и наполнялись слезами, когда они их не получали, хозяек, пристрастно оценивающих достоинства бараньей вырезки, и их мужей, с не меньшим пристрастием наблюдающих за молоденькими продавщицами.

Она купила продуктов на уикенд, вдвое больше, чем обычно покупала на неделю, от вида деликатесов и мясных прилавков ее аппетит приобрел разрушительную силу. К тому времени, когда она добралась до дому, ее уже немного трясло от предвкушения еды. Положив сумки на лестницу и нашаривая ключи, она вдруг услышала, как хлопнула дверца машины позади нее.

— Элейн?

Это была Гермиона. От вина, выпитого прошлым вечером, ее лицо пошло пятнами, и выглядела она помятой.

— С тобой все в порядке? — спросила Элейн.

— Речь не обо мне. Как ты? — Гермиона была взволнована.

— У меня все отлично, почему бы и нет?

Гермиона бросила испуганный взгляд.

— Соня в тяжелом состоянии, с каким-то пищевым отравлением. И Рубен тоже. Я пришла, только чтобы убедиться, что ты в порядке.

— Да, у меня все отлично.

— Не понимаю, как это могло произойти.

— А как Нелвин и Дик?

— Я не могла им дозвониться. Но Рубен очень плох. Его увезли в больницу на обследование.

— Может, зайдешь на чашку кофе?

— Нет, спасибо. Мне нужно вернуться к Соне. Просто я боялась, что ты совсем одна, если с тобой тоже что-нибудь случится.

Элейн улыбнулась.

— Ты просто ангел, — сказала она и поцеловала Гермиону в щеку. Гермиона, казалось, остолбенела. Она почему-то отступила, глядя на Элейн с недоумением.

— Мне... Мне нужно идти, — сказала она, ее лицо окаменело.

— Я позвоню тебе позже, и узнаю, как у них дела.

— Хорошо.

Гермиона повернулась и пошла через тротуар к своей машине. Хотя она и попыталась скрыть свой жест, Элейн все же заметила, как та поднесла руку к щеке и с силой потерла ее, словно пытаясь избавиться от поцелуя.

* * *

Время мух уже прошло, но те, которым удалось пережить недавние заморозки, жужжали на кухне, в то время как Элейн доставала хлеб, ветчину и чесночную колбасу из своих запасов, и принялась есть. Она была ужасно голодна. Не более чем через пять минут она уже поглотила все мясо, и выгрызла изрядную брешь в буханке, а ее голод едва был утолен. Приступая к десерту — фиги и сыр, она вспомнила о несчастном омлете, который не могла доесть в тот день, когда была на приеме в клинике. Эта мысль потянула за собой другие; дым, сквер, Каванаг, ее последнее посещение

церкви, и при мысли о церкви ее охватило жгучее желание еще раз взглянуть на это место, раньше чем оно исчезнет навсегда. Может быть, уже поздно. Тела, наверное, уже упакованы и перенесены, склеп освобожден и вычищен; его стены разворочены. Но она должна увидеть это своими глазами.

Даже после такой обильной пищи, которая свалила бы ее с ног всего несколько дней назад, она, отправляясь к Церкви Всех Святых, чувствовала себя необычайно легко, как будто была пьяна. Это было не то слезливо-сентиментальное опьянение, как с Митчем, а эйфория, от которой она ощущала себя почти неуязвимой, как если бы нашла, наконец, в себе нечто яркое и несокрушимое, и ничто уже не могло принести ей вреда.

Она ожидала увидеть Церковь Всех Святых в руинах, но руин не было. Здание еще стояло, стены были нетронуты, голые балки упирались в небо. Возможно, подумала она, его и нельзя разрушить, может быть, она и оно — суть бессмертная двойня. Ее подозрения укрепились, когда она увидела, что церковь привлекла новую толпу — служителей культа. Полицейская охрана была утроена с тех пор, как она была здесь в последний раз, а брезентовая завеса перед входом в склеп, теперь представляла собой обширный тент, поддерживаемый строительными лесами, полностью скрывающий все крыло здания. Служители алтаря, стоящие в непосредственной близости к тенту, были в масках и перчатках, священники — немногие избранные, кто действительно был допущен в святую святых, — носили глухой защитный костюм.

Она смотрела из-за заграждения: крестные знамения и земные поклоны среди посвященных, окропление тех, в костюмах, когда они появлялись из-за тента, тонкий дымок воскуриваемых благовоний, наполняющий воздух запахом ладана.

Кто-то из зевак расспрашивал полицейского.

— Зачем эти костюмы?

— На случай, если там зараза, — последовал ответ.

— После стольких лет?

— Неизвестно, что там может быть.

— Но ведь болезни не могут сохраняться так долго.

— Это чумная яма, — сказал полицейский. — Они просто принимают меры предосторожности.

Элейн слушала их разговор, и язык ее так и чесался. Она могла бы прояснить все в нескольких словах. В конце концов, она была живым доказательством того, что какая бы бубонная чума ни свела этих людей в могилу, она более не опасна. Она дышала этим смрадом, она прикасалась к этим заплесневелым трупам, и она была сейчас здоровее, чем раньше. Но ведь они не скажут спасибо за ее откровения, не так ли? Они слишком поглощены своими ритуалами, может быть, даже возбуждены от прикосновения к этим ужасам, и их суета только разжигается от того, что смерть еще жива там. Она не будет столь неучтивой, чтобы портить им удовольствие откровениями о своем исключительном здоровье.

Вместо этого она развернулась спиной к этим священникам с их ритуалами и струями ладана, и пошла прочь от сквера. Когда она оторвалась от своих мыслей, то заметила знакомую фигуру, наблюдавшую за ней с угла соседней улицы. Встретившись с ней взглядом, фигура скрылась, но без всяких сомнений это был Каванаг. Она окликнула его и пошла к углу, но он, опустив голову, быстро удалялся. Она снова его окликнула, теперь он повернулся с приклеенной к лицу фальшивой улыбкой и зашагал обратно, приветствуя ее.

— Вы слышали, что они там нашли? — спросила она его.

— О, да, — ответил он. Несмотря на некоторую близость, установившуюся между ними во время последней встречи, сейчас ей припомнилось первое впечатление о нем как о человеке, не очень знакомом с чувствами.

— Теперь вам уже не получить своих камней, — сказала она.

— Похоже, вы правы, — ответил он без всякого сожаления.

Ей хотелось рассказать ему, что она собственными глазами видела чумную яму, надеясь, что от этой новости его лицо просветлеет, но угол этой солнечной улицы был неподходящим местом для таких разговоров. Кроме того, он, кажется, и сам обо всем знал. Он так странно смотрел на нее, от теплоты их предыдущей встречи не осталось и следа.

— Зачем вы вернулись сюда? — спросил он.

— Просто чтобы посмотреть.

— Я польщен.

— Польщены?

— Тем, что моя тяга к гробницам заразительна.

Он все смотрел на нее, и она, взглянув в его глаза, ощутила, насколько они холодны, и как неподвижно они блестят. Как будто стеклянные, подумала она, а кожа, как чехол, плотно обтягивающий череп.

— Мне пора идти, — сказала она.

— По делам или просто так?

— Ни то, ни другое. Кое-кто из моих друзей болен.

— Вот как...

Было такое впечатление, что ему не терпится уйти, что только опасения показаться нелепым удерживают его от того, чтобы убежать.

— Может быть, еще увидимся, — сказала она. — Когда-нибудь.

— Не сомневаюсь, — с готовностью ответил он и пошел прочь. — А вашим друзьям — мои наилучшие пожелания.

Даже если бы она захотела передать эти пожелания Рубену и Соне, она не смогла бы этого сделать. До Гермионы она не дозвонилась, и до остальных тоже. Самое большее, что ей удалось, — это оставить запись на автоответчике Рубена.

То ощущение легкости, которое она чувствовала днем, ближе к вечеру стало сменяться какой-то дремотой. Она еще раз поела, но это странное заторможенное состояние не проходило. Чувствовала она себя хорошо, ощущение неуязвимости, которое пришло к ней раньше, оставалось таким же сильным. Но иногда она обнаруживала, что стоит на пороге комнаты, не понимая, как туда попала, или, глядя на вечернюю улицу, не была уверена, то ли она наблюдает, то ли за ней. Впрочем, она была вполне довольна сама собой, как и мухи, все еще жужжавшие несмотря на сумерки.

Около семи вечера она услышала звук подъезжающей машины и затем звонок в дверь. Она подошла к своей двери, но не вышла открывать в подъезд. Это, должно быть, опять Гермиона, а ей не хотелось снова заводить эти грустные разговоры. Не нужна ей ничья компания, разве только мушиная.

В дверь звонили все настойчивей, но чем больше звонили, тем тверже она решила не открывать. Она присела возле двери и начала вслушиваться в разговоры на лестнице. Это была не Гермиона, это был кто-то незнакомый. Теперь они

последовательно обзванивали все квартиры на верхних этажах, пока мистер Прюдо не спустился из своей квартиры и не открыл им дверь, что-то бормоча на ходу. Из их разговоров она уловила только, что дело очень срочное, но ее возбужденный мозг не хотел вдаваться в детали. Они настояли, чтобы Прюдо впустил их в подъезд, подойдя к ее квартире, тихонько постучали и позвали ее по имени. Она не отвечала. Они еще постучали, сетуя на свою неудачу. Интересно, подумала она, слышат ли они ее улыбку в темноте? Наконец — еще переговорив с Прюдо, — они оставили ее в покое.

Она не знала, как долго просидела на корточках под дверью, но когда она поднялась, ее ноги затекли, и она была голодна. Набросившись на еду, она уничтожила почти все утренние запасы. Мухи, кажется, успели за это время принести потомство, они кружили над столом и ползали по одежде. Она их не трогала. Им ведь тоже нужно жить.

В конце концов, она решила немного прогуляться. Но как только она вышла из квартиры, бдительный Прюдо тут же показался на верхних ступеньках и окликнул ее.

— Мисс Райдер, подождите. У меня для вас записка.

Она уже собиралась захлопнуть дверь перед ним, но подумала, что он все равно не отстанет, пока не вручит ей это послание. Он торопливо зашаркал вниз — этакая Кассандра в домашних тапочках.

— Здесь была полиция, — объявил он, еще не дойдя до нижней ступеньки. — Они вас искали.

— М-м... Они сказали, чего хотят? — спросила она.

— Хотят с вами поговорить. *Срочно.* Двое ваших друзей...

— Что с ними?

— Они умерли, — сказал он. — Сегодня. От какой-то болезни.

Он держал в руке листок из записной книжки. Передавая, на мгновение задержал его в руке:

— Они оставили этот номер. Вам следует связаться с ними как можно скорее, — и уже ковылял вверх по лестнице.

Элейн взглянула на листок с нацарапанными значками. Пока она пробежала глазами семь цифр, Прюдо уже скрылся.

Она вернулась в квартиру. Почему-то не Рубен и Соня занимали ее мысли, а яхтсмен Мейбьюри, который видел

Смерть и, казалось, избежал ее, но та семенила за ним, как верный пес, которому не терпится встать на задние лапы и лизнуть хозяина в щеку. Она села возле телефона, разглядывая цифры на листке, потом пальцы, которые держали этот листок, и руки, которым принадлежали пальцы. Может быть, прикосновение этих слабых пальцев несет смерть? Может, из-за этого и приходили сыщики, и ее друзья обязаны смертью ей? Если так, скольких же людей она коснулась за те дни, что прошли со времени ее посещения смертоносного склепа? На улице, в автобусе, в магазине, на работе, во время отдыха. Она вспомнила Бернис, распростертую на полу в туалете, и Гермиону, когда та соскребала ее поцелуй, как будто знала, что он принесет ей несчастье. И тут она поняла, до мозга костей, что ее преследователи были правы в своих подозрениях, и что все эти дни она вынашивала дитя Смерти. Отсюда и ее голод, отсюда ее нынешняя расслабленная удовлетворенность.

Она отложила листок, и, сидя в полутьме, попыталась установить, где в ней находится источник смерти. На кончиках пальцев? В животе? В глазах? Нет, и все же, да. Ее первое предположение было неверным. Это не был ребенок: она не вынашивала его в себе. Он был везде. Она и он были синонимами. Раз так, они не смогут вырезать злокачественный участок, как вырезали опухоли вместе с пораженными тканями. Не то, чтобы она хотела это скрыть, но они будут ее искать и вновь она попадет в заточение стерильных комнат, лишенная собственного мнения и достоинства, только в угоду их бездушным исследованиям. Эта мысль возмутила ее, лучше она умрет, скорчившись в агонии, как та женщина с каштановыми волосами в склепе, чем снова попадет им в руки. Она порвала листок на мелкие кусочки и швырнула на пол.

Теперь уже было поздно что-либо менять. Рабочие вскрыли дверь, за которой их поджидала Смерть, жаждущая вырваться на свободу. Смерть сделала ее своим агентом, и — в своей мудрости — наделила ее неуязвимостью; дала ей силу и ввела в неизъяснимый экстаз; избавила ее от страха. Она же, в свою очередь, распространяла волю Смерти, сама того не замечая до сегодняшнего дня. Все те десятки, а может быть, сотни людей, которых она заразила за последние несколько дней, вернутся к своим семьям и друзьям, к местам работы и отдыха,

и понесут волю Смерти дальше. Они передадут ее своим детям, укладывая их в кроватку, и своим любимым в моменты близости. Священники получат ее от своих прихожан на исповеди, хозяева магазинов — с пятифунтовой банкнотой.

Думая обо всем этом — как мор вспыхивает всепожирающим огнем, — она снова услышала звонок в дверь. Они вернулись за ней. И, как и в прошлый раз, начали звонить в другие квартиры. Она слышала, как спускался по лестнице Прюдо. Теперь он знал, что она дома. И он им это скажет. Они начнут стучаться, и когда она не ответит...

Когда Прюдо открывал парадную дверь, она отомкнула черный ход. Выскользнув во двор, она услышала голоса, а затем стук в дверь и требования открыть. Она сняла засов с калитки и выбежала на темную аллею. Когда начали ломать дверь, она была уже далеко.

* * *

Больше всего ей хотелось пойти к Церкви Всех Святых, но она понимала, что это навлечет на нее беду. Ее будут поджидать на этом пути, как преступника, которого всегда тянет к месту преступления. И все же ей как никогда хотелось взглянуть в лицо Смерти. Чтобы говорить с ней. Чтобы обсудить ее стратегию. Их стратегию. Чтобы спросить, почему выбор пал на нее.

Стоя на аллее, она смотрела, что происходит в доме. Теперь там было не менее четырех человек, снующих туда и сюда. Чем они занимались? Рылись в ее белье и любовных письмах, разглядывали в лупу волосы на простыне и выискивали следы отражения в зеркале? Но если они даже перевернут всю квартиру вверх дном, обнюхивая каждую царапинку, то и тогда не найдут того, что ищут. Пусть ищут. Их подружка сбежала. Остались только следы ее слез, да мухи вокруг лампочки, поющие ей дифирамбы.

Ночь была звездной, но по мере того, как она продвигалась в центр города, рождественские гирлянды на деревьях и домах затмевали свет неба. Хотя большинство магазинов было уже давно закрыто, толпы зевак слонялись по тротуарам, разглядывая витрины. Впрочем, скоро ей все это наскучило, эти куклы и побрякушки, и она свернула с центральной улицы на окраину. Здесь было темнее, и это как раз

отвечало ее настроению. Смех и музыка вырывались из открытых дверей баров; в игорной комнате наверху послышались возбужденные голоса, потом обмен ударами; двое влюбленных попирали общественную мораль прямо в подъезде; в другом подъезде какой-то бродяга мочился со смаком, как жеребец.

Только сейчас, в относительной тишине этого болота, она поняла, что слышит сзади шаги. Кто-то шел за ней, держась на безопасном расстоянии, но не отставал. Погоня? Ее окружали, чтобы схватить и заключить в тесные объятия правосудия? Если так, ее бегство только отсрочит неизбежное. Лучше встретить их здесь и дать им отведать ее смертельной силы. Она спряталась; затем, подождав, пока шаги приблизятся, вышла из укрытия.

Это были не стражи порядка, это был Каванаг. Первое замешательство почти тут же сменилось недоумением, зачем он ее преследовал. Она посмотрела на него изучающе, бледный свет падал на его лицо. Кожа на голове так плотно обтягивала череп, что, кажется, сквозь нее можно было увидеть кости. «Почему, — пронеслось у нее в голове, — она не узнала его раньше? Не поняла при самой первой встрече, когда он говорил о смерти и ее чарах, что он ее Творец?»

— Я шел за тобой, — сказал он.

— От самого дома?

Он кивнул.

— Что они говорили тебе? — спросил он. — Полицейские. Что они тебе сказали?

— Ничего такого, о чем бы я сама не догадывалась.

— Ты знала?

— Может и так. Должно быть, где-то в глубине души. Помнишь наш первый разговор?

Он что-то утвердительно промычал.

— Все, что ты говорил о Смерти. И так самовлюбленно.

Внезапно он осклабился, добавив еще костей к своему облику.

— Да, — сказал он. — Так что же ты думаешь обо мне?

— Я уже тогда что-то поняла. Я не знала только, откуда это. Не знала, что принесет будущее.

— И что же оно принесло? — спросил он вкрадчиво.

Она пожала плечами.

— Все это время меня ждала смерть. Верно?

— О, конечно, — он был доволен взаимопониманием. Он подошел и дотронулся до ее щеки.

— Ты бесподобна, — сказал он.

— Не очень.

— Но ты так хладнокровна, так спокойно переносишь все это.

— А чего бояться? — сказала она. Он погладил ее по щеке. Ей казалось, что чехол его кожи вот-вот расползется, а мрамор глаз вывалится и разобьется вдребезги. Но он сохранял свой облик, для видимости.

— Я хочу тебя, — сказал он.

— Да, — ответила она. Конечно, это было в каждом его слове, с самого начала, но ей не сразу было дано понять это. Каждая история любви, в конечном счете, была историей смерти, не об этом ли твердят поэты? Почему эта правда хуже любой другой?

Им нельзя было идти к нему домой, там может быть полиция, говорил он, ведь они должны знать об их романе. К ней тоже, конечно, нельзя. Поэтому они сняли номер в небольшом отеле поблизости. Еще в тусклом лифте ему вздумалось гладить ее по волосам, а когда она отстранилась, он положил ей руку на грудь.

Комната была довольно убогой, но огни с рождественской елки на улице немного приукрашивали ее. Он не сводил с Элейн глаз ни на секунду, как будто боялся, что из-за инцидента в лифте она может удрать и забиться в первую щель. Ему не стоило беспокоиться: она не придала этому значения. Его поцелуи были настойчивы, но не грубы, раздевая ее, хоть и несколько неумело (такой милый недостаток, подумала она), он был полон заботливости и теплой торжественности.

Она удивилась, что он не знал о ее шраме, поскольку ей пришло в голову, что их близость должна была начаться еще на операционном столе, когда она дважды чуть было не перешла в его руки, и дважды хирурги его отпугнули. Но, может быть, он не сентиментален и забыл об этой их первой встрече. Как бы то ни было, когда она разделась, он выглядел разочарованным, и был момент, когда, как ей показалось, он мог отказаться от нее. Но это длилось недолго, и вскоре он уже гладил ее по животу и вдоль шрама.

— Он прекрасен, — сказал Каванаг.

Она была счастлива.

— Я чуть не умерла под анестезией.

— Это ерунда, — он гладил ее тело и мял грудь. Это, казалось, возбуждало его, поскольку следующий вопрос он задал более вкрадчивым голосом.

— Что они сказали тебе? — теперь он гладил мягкую ямку между ключицами. Ее никто не трогал вот уже несколько месяцев, за исключением стерильных рук хирурга, от легких прикосновений по ее телу пробегала дрожь. Она так забылась в наслаждении, что не смогла ответить. Он снова спросил, поглаживая ее между ног:

— Что они сказали тебе?

Задыхаясь от нетерпения, она ответила:

— Они оставили мне телефон. Чтобы помочь, в случае чего...

— Но ведь тебе не нужна помощь?

— Нет, — выдохнула она. — Зачем?

Она лишь смутно видела его улыбку, ей хотелось совсем закрыть глаза. Его внешность вряд ли возбуждала ее, в его облике было многое (например, этот абсурдный галстук-бабочка), что казалось смешным. Но закрыв глаза, она могла забыть о таких мелочах, она могла снять с него чехол и увидеть его истинный облик. И тогда ее сознание уносилось далеко.

Он вдруг оставил ее, она открыла глаза. Он торопливо застегивал брюки. На улице слышались раздраженные голоса. Он резко повернул голову в сторону окна, его тело напряглось. Неожиданное беспокойство удивило ее.

— Все в порядке, — сказала она.

Он подался вперед и положил ей руку на горло.

— Ни слова, — приказал он.

Она взглянула на его лицо, покрывающееся испариной. Разговоры на улице продолжались еще несколько минут: там ссорились два каких-то жулика. Теперь он успокоился.

— Мне показалось, я слышал...

— Что?

— Что они звали меня по имени.

— Ну, кто это может быть, — она пробовала его успокоить. — Никто не знает, что мы здесь.

Он отвел взгляд от окна. После внезапного страха вся его целеустремленность исчезла, лицо обрюзгло, он выглядел довольно глупо.

— Они близко, — сказал он. — Но им никогда не найти меня.

— Близко?

— Они шли за тобой, — он снова положил руки ей на грудь. — Они *очень* близко.

Она слышала, как в висках бьется пульс.

— Но я быстр, — бормотал он, — и невидим.

Его рука вновь скользнула к ее шраму, и ниже.

— И всегда аккуратен, — добавил он.

Она прерывисто дышала.

— Уверен, они восхищаются мной. Как ты думаешь, они должны мной восхищаться? Что я такой аккуратный?

Ей вспомнился хаос, царивший в склепе, та непристойность, тот беспорядок.

— Не всегда... — сказала она.

Он перестал ее гладить.

— Ах, да, — сказал он. — Ах, да. Я никогда не проливаю кровь. Это мое правило. *Никогда* не проливаю кровь.

Она улыбалась его похвальбам. Сейчас она расскажет ему — хотя он и так все знает — о своем посещении Церкви Всех Святых, и о том, что он там устроил.

— Иногда даже ты не в силах остановить кровь, — сказала она. — Но это тебе не в упрек.

Он вдруг весь задрожал.

— Что они сказали тебе? Какую ложь?

— Ничего, — ответила она, немного смутившись его реакцией. — Что они могут знать?

— Я профессионал, — он снова дотронулся до ее лица. Она вновь почувствовала в нем желание. Он навалился на нее всем телом.

— Я не хочу, чтобы они лгали обо мне, — сказал он. — Не хочу.

Он поднял голову с ее груди и посмотрел ей в глаза:

— Все, что я должен сделать, это остановить барабанщика.

— Барабанщика?

— Я должен раз и навсегда остановить его.

Рождественские гирлянды с улицы окрашивали его лицо то в красный, то в зеленый, то в желтый цвет — неразбавленные цвета, как в детской коробке с красками.

— Я не хочу, чтобы обо мне лгали, — повторил он, — будто я проливаю кровь.

— Они ничего не сказали мне, — уверила она его. Он совсем отодвинул подушку, и теперь раздвигал ей ноги. Его руки дрожали от возбуждения.

— Хочешь, покажу тебе, как чисто я работаю? Как легко я останавливаю барабанщика?

Не дав ей ответить, он крепко схватил ее шею. Она не успела даже вскрикнуть. Большими пальцами быстро нащупал дыхательное горло и с силой надавил. Она слышала, как барабанщик бьет все чаще и чаще у нее в ушах.

— Это быстро и чисто, — говорил он. Его лицо окрашивалось все в те же цвета: красный, зеленый, желтый; красный, зеленый, желтый.

Здесь какая-то ошибка, думала она, ужасное недоразумение, которое она никак не могла постичь. Она пыталась найти хоть какое-нибудь объяснение.

— Я не понимаю, — хотела она сказать, но ее сдавленное горло издало лишь бульканье.

— Извиняться поздно, — сказал он, тряся головой. — Ты ведь сама ко мне пришла, помнишь? Ты хотела остановить барабанщика. Ведь ты за этим приходила?

Его хватка стала еще сильнее. Ей казалось, что лицо разбухло, и кровь сейчас брызнет у нее из глаз.

— Разве ты не поняла, что они приходили, чтобы предостеречь тебя? — выкрикивал он. — Они хотели разлучить нас, сказав, что я проливаю кровь.

— Нет, — пыталась она выдавить из себя, но он только сильнее сжимал ее горло.

Барабанщик оглушительно бил ей в уши. Каванаг еще что-то говорил, но она уже ничего не слышала. Да это уже было и не важно. Только теперь она поняла, что он не был Смертью, ни даже ее костлявым привратником. В своем безумстве она отдалась в руки обычного убийцы, Каина с большой дороги. Ей захотелось плюнуть ему в лицо, но сознание уже покидало ее: комната, смена цветов, его лицо — все потонуло в грохоте барабана. А потом все кончилось.

Она посмотрела сверху на кровать. Ее тело лежало поперек, безжизненная рука все еще хваталась за простыню. Язык вывалился, на синих губах была пена. Но (как он и обещал) крови не было.

Она парила, не всколыхнув даже паутинку под потолком, и наблюдала, как Каванаг довершает свое злодеяние. Он

склонился над ее телом, перетаскивая его по смятой простыне и что-то нашептывая в ухо. Затем он расстегнулся и обнажил ту свою косточку, возбуждение которой было неподдельным до умиления. То, что последовало дальше, было комичным в своем бесстыдстве. Комичным было ее тело, на котором возраст оставил не одну морщинистую отметину. Как посторонний наблюдатель, она взирала на его безуспешные попытки к соитию. Его ягодицы были бледны и носили отпечаток нижнего белья, двигая ими, он напоминал механическую игрушку.

Работая, он целовал ее, глотая заразу с ее слюной. Его руки соскребали чумные клетки с ее тела, как песок. Этого он, конечно, не знал, он так доверчиво обнимался со смертельной язвой, вбирая ее в себя с каждым толчком.

Наконец, он кончил. Не было ни метаний, ни стонов. Он просто остановил свой механизм и встал с нее, обтерся о край простыни и застегнулся.

Ее уже звали. Ей предстоял Путь, и Воссоединение в конце пути. Но она не хотела идти, по крайней мере, сейчас. Ее душа, заняв удобную позицию, смотрела на Каванага, на его лицо. Взглядом, (или, по крайней мере, той возможностью видеть, которая была ей дана), она проникала вглубь, где за хитросплетением мускулов проглядывала кость. Ох, уж эта кость. Он, конечно, не был Смертью, и все же он был ею. Ведь есть же у него лицо?! И однажды, в день Распада, он покажет его. Как жаль, что его не видно за наслоением плоти.

Пора в путь, настаивали голоса. Она знала, что они не будут долго ждать. Среди голосов она услышала чей-то знакомый. *Еще немного*, умоляла она, *пожалуйста, еще немного.*

Каванаг уже закончил свое грязное дело. Он поправил одежду перед зеркалом и вышел. Она последовала за ним, заинтригованная потрясающе-банальным выражением его лица. Скользнув в ночной коридор и вниз по лестнице, он дождался, пока портье отвлечется на свои дела, и вышел на улицу. Небо было светлым — то ли уже утро, то ли рождественская иллюминация. Она наблюдала за ним из угла комнаты дольше, чем ей показалось, — теперь часы для нее летели как мгновения. И лишь в самый последний момент она была награждена за свою настойчивость, про-

бежав взглядом по его лицу. Голод! Он был голоден. Он не умрет от чумы, как не умерла она. Чума впиталась в него — кожа заблестела, и в животе появилось новое ощущение голода.

Он вошел в нее маленьким убийцей, а вышел Большой Смертью. Она рассмеялась, видя, каким неожиданным образом оправдались ее догадки. На мгновение его шаги замедлились, как будто он мог услышать ее. Но нет, сейчас он слушал барабанщика, который бил все сильнее у него в ушах, требуя новой смертоносной службы в каждом его шаге.

Содержание

ВОССТАВШИЙ ИЗ АДА 5
Перевод Н.Рейн

ПЛЕМЯ ТЬМЫ 115
Перевод Т.Васильевой

СТРАХ 293
Перевод В.Филипенко

ОНИ ЗАПЛАТИЛИ КРОВЬЮ 339
Перевод В.Шитикова

КОЗЛЫ ОТПУЩЕНИЯ 377
Перевод О.Лежниной

СУМЕРКИ НАД БАШНЯМИ 403
Перевод В.Шитикова

ЖИЗНЬ СМЕРТИ 441
Перевод В.Шитикова

Литературно-художественное издание

Клайв Баркер
ПЛЕМЯ ТЬМЫ

Сдано в набор 02.08.93. Подписано в печать 15.12.93.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная. Объем 15 п. л. Печать офсетная.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 1253.

ЛР № 061592 от 07.09.92.
Издательство «Кэдмэн» 140160 г. Жуковский М.О. а/я 21

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ордена Трудового Красного Знамени
ГП «Техническая книга» Мининформпечати РФ.
198052, г. Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

Клайв Баркер - один из самых известных современных писателей. Он родился в Ливерпуле в 1952 году. Выпустил несколько романов и поставил фильмы по своим книгам. Критики сравнивают его со Стивеном Кингом и Толкиеном, поскольку он с одинаковым мастерством пишет как в жанре "horror" так и "fantasy".

"... Баркер настолько хорош, что у меня просто нет слов. То, что делает Баркер, заставляет думать, ...ные стояли на месте ...следних десяти лет. ...инальны и легкочитаемы. ...ельный и прекрасно ...емый автор ..."

Стивен Кинг